

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

А.И. БАСТРЫКИН,

Председатель Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, генерал юстиции Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации

ЧЛЕНЫ КОЛЛЕГИИ

А.В. Федоров,

заместитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации; кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

А.А. Бессонов,

ректор Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, полковник юстиции

О.Ю. Антонов,

декан факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент

Ю.М. Антонян,

главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

В.В. Бычков,

декан факультета повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации; кандидат юридических наук, доцент; Почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации

Л.В. Голоскоков,

ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела Московской академии Следственного комитета Российской Федерации; доктор юридических наук, доцент

Р.А. Каламкарян,

ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН; профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов (РУДН), доктор юридических наук, профессор; Лауреат премии имени Ф.Ф. Мартенса (2007)

А.Н. Кузбагаров,

заведующий кафедрой гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор

Р.А. Курбанов,

директор НИИ «Институт правовых исследований и региональной интеграции» РЭУ им. Г.В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

С.Я. Лебедев,

заведующий кафедрой уголовного права и адвокатуры Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

И.М. Мацкевич,

ректор Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор; Заслуженный деятель науки Российской Федерации; Почётный работник прокуратуры Российской Федерации

Г.Б. Мирзоев,

ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, доктор юридических наук, профессор; Заслуженный юрист Российской Федерации

И.М. Рассолов,

заведующий кафедрой образовательного и информационного права Московского городского педагогического университета, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, доцент

А.Л. Санташов,

профессор кафедры уголовного права и криминологии Северо-Западного института Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент

А.Ж. Саркисян,

руководитель редакционно-издательского и информационно-библиотечного отдела Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

А.Б. Скаков,

профессор кафедры уголовного права, уголовно-процессуального права и криминологии Казахского национального университета им. аль-Фараби, профессор кафедры криминологии Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник образования Казахстана

В.Н. Ткачев,

начальник служебно-правового управления Договорно-правового департамента МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

В.Б. Шабанов,

заведующий кафедрой криминологии юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Н.Д. Эришвили,

главный редактор издательства «ЮНИТИ-ДАНА»; доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор; Лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники

EDITORIAL BOARD

CHAIRMAN

A.I. BASTRYKIN,

Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, General of Justice of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation

MEMBERS OF THE BOARD

A.V. Fedorov,

Deputy Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation; Candidate of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

A.A. Bessonov,

Rector of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Colonel of Justice

O.Yu. Antonov,

Dean of the Faculty of Forensics Training of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor

Yu.M. Antonyan,

Chief Researcher of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

V.V. Bychkov,

Dean of the Faculty for Advanced Studies of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation; Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor; Honorary Officer of the Investigative Committee of the Russian Federation

L.V. Goloskokov,

Leading Researcher of the Research Department of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation; Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor

R.A. Kalamkaryan,

Leading Researcher of the Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences; Professor of the Department of International Law of the Peoples' Friendship University of Russia (PFUR), Doctor of Juridical Sciences, Professor, F.F. Martens Prize Laureate (2007)

A.N. Kuzbagarov,

Head of the Department of Civil Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Juridical Sciences, Professor

R.A. Kurbanov,

Director of the Research Institute "Institute of Legal Studies and Regional Integration" of Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

I.M. Matskevich,

Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Professor; Honorary Worker of Science of the Russian Federation; Honored Worker of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

S.Ya. Lebedev,

Head of the Department of Criminal Law and Advocacy of the Russian State University named after A.N. Kosygin, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

G.B. Mirzoev,

Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notary, Doctor of Juridical Sciences, Professor; Honored Lawyer of the Russian Federation

I.M. Rassolov,

Head of the Department of Educational and Information Law of the Moscow City University, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor

A.L. Santashov,

Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the North-Western Institute of the O.E. Kutafin University (MSAL), Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor

A.Zh. Sarkisyan,

Head of the Editorial and Publishing and Information and Library Department of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor

A.B. Skakov,

Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure Law and Criminalistics of the Al-Farabi Kazakh National University, Professor of the Department of Criminology of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of Kazakhstan

V.N. Tkachev,

Head of the Service and Legal Division of the Department of Treaties and Law of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored lawyer of the Russian Federation

V.B. Shabanov,

Head of the Department of Criminalistics of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Doctor of Juridical Sciences, Professor

N.D. Eriashvili,

Editor-in-Chief of the Publishing House "UNITY-DANA"; Doctor of Economics, Candidate of Juridical Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor; the Russian Federation Government Prize Laureate in the Field of Science and Technology

УЧРЕДИТЕЛЬ

Московская академия
Следственного комитета
Российской Федерации

*Ректор Московской
академии Следственного
комитета Российской
Федерации, доктор
юридических наук, доцент,
полковник юстиции*
А.А. Бессонов

РЕДАКЦИЯ

*Главный редактор
Объединенной редакции*
Н.Д. Эриашвили,
д-р экон. наук, канд. юрид. и истор.
наук, проф., лауреат премии
Правительства РФ в области науки
и техники
E-mail: professor60@mail.ru

*Научный редактор,
ответственный за издание*

А.Ж. Саркисян,
*руководитель редакционно-
издательского и информа-
ционно-библиотечного
отдела Московской академии
Следственного комитета
Российской Федерации, кандидат
юридических наук, доцент*

*В подготовке номера
участвовали:*

Редакторы

**О.В. Берберова,
И.Д. Нестерова**

Художник

А.П. Яковлев

Верстка номера

М.А. Бакаян

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций

Свидетельство
о регистрации
ПИ № ФС77-69322

Подписано в печать 10.10.2023
Цена договорная

Адрес редакции:
125080, Москва,
ул. Врубеля, д. 12
Тел.: 8-499-740-60-14,
8-499-740-60-15,
E-mail: 7700153@gmail.com

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ № 3/2023

А.В. ФЕДОРОВ. Уголовная ответственность
юридических лиц по законодательству Дании 9

Юридические науки

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

В.В. БЫЧКОВ. Классификация преступлений
экстремистской направленности 22

Л.В. ГОЛОСКОКОВ. Исторические вехи становления
уголовной политики как науки 31

А.В. КОЛОКОЛОВ. Классификация дефектов
ненадлежащей организации медицинской
деятельности и качества оказания
медицинской помощи 40

А.П. КУЗНЕЦОВ. Реабилитация нацизма
(статья 354.1 УК РФ): общая характеристика
уголовной ответственности 51

В.В. ЛАВРИНОВ. Проблемы определения
перемещения через границу как признака
контрабанды 59

**Н.В. ПАВЛОВСКАЯ, А.А. ЛИТВИНОВ,
Д.Е. РОГАЧЕВ.** Финансовое мошенничество
в России: актуальные тенденции преступности
и виктимизации 68

В.А. ШЕСТАК, А.Д. ЦЫПЛАКОВА. Проблемы
совершенствования прогнозирования
преступности 78

Оригинал-макет
подготовлен издательством
«ЮНИТИ-ДАНА»

■ Мнение редакции может
не совпадать с точкой
зрения авторов публикаций.
Ответственность
за содержание публикаций
и достоверность фактов
несут авторы материалов.
За сведения, содержащиеся
в рекламных объявлениях,
редакция ответственности
не несет.

■ Редакция не вступает
в переписку с авторами
писем, рукописи не
рецензируются
и не возвращаются.

■ При перепечатке
или воспроизведении любым
способом полностью
или частично материалов
журнала «Расследование
преступлений: проблемы
и пути их решения» ссылка
на журнал обязательна.

■ В соответствии со ст. 42
Закона РФ от 27 декабря
1991 г. № 2124-1 «О сред-
ствах массовой информации»
письма, адресованные в
редакцию, могут быть исполь-
зованы в сообщениях и матери-
алах данного средства массо-
вой информации, если при
этом не искажается смысл
письма. Редакция не обязана
отвечать на письма граждан и
пересылать эти письма тем
органам, организациям и
должностным лицам, в чью
компетенцию входит их
рассмотрение. Никто не вправе
обязать редакцию опубликовать
отклоненное ею произведение,
письма, другое сообщение или
материал, если иное не
предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8. Печ. л. 22,25
Печать офсетная

Отпечатано типографии ООО «Буки
Веди», г. Москва, вн. тер.
г. Муниципальный округ Обручевский,
ул. Профсоюзная, д. 56, этаж 3,
помещение XIX, ком. 321.

Заказ №

Цена договорная. Тираж 3000 экз.
Первый завод – 1000 экз.

Уголовный процесс

А.А. ИЛЬЮХОВ. Свидетельские показания
как один из видов доказательств в суде с участием
присяжных заседателей: процессуальные
и тактические особенности получения их в суде 85

А.Г. КУЛЕВ. Уголовно-процессуальная природа
статуса и создания следственной группы 90

Т.Ю. САБЕЛЬФЕЛЬД. Вопросы гласности
и оперативности рассмотрения судом материалов
предварительного следствия 98

Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-разыскная деятельность

Д.В. ГАЛКИН. Криминалистическая топография
в системе криминалистики как науки и учебной
дисциплины 106

М.В. КОВАЛЬЧУК, Ю.И. ХОЛОДНЫЙ. Некоторые
теоретические аспекты технологии исследований
с применением полиграфа (статья четвертая) 113

А.Ф. КУПИН, А.А. ОСТАШЕВ. Исследование
денежных билетов, изготовленных на основе
полимерных субстратов 123

Л.В. ЛАЗАРЕВА. Цифровые следы: понятие,
нормативное регулирование, исследование 129

А.Б. СКАКОВ, В.Д. ХАБАЛЕВ, С.М. САВУШКИН.
Психотехники выявления идеальных следов
при расследовании преступлений 137

В.В. УСТИНОВ. Понятие и классификация
нестандартных объектов судебной
почерковедческой экспертизы 142

Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

Р.М. МАХЬЯНОВА. Порядок организации
и осуществления надзорной деятельности прокуратуры 152

Исследования молодых ученых

- А.В. ВОЕВОДИН.** Расширение прав на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве 157
- А.А. СМИРНОВ.** К вопросу о возникновении криминалистики как единой системы и формы правоприменительной деятельности 162
- А.А. УРУСОВ.** Понятие и правовая природа международного сотрудничества в сфере признания и исполнения приговоров (решений) судов иностранных государств 168

FOUNDER

**The Moscow Academy
of the Investigative Committee
of the Russian Federation**

*Rector of the Moscow Academy
of the Investigative Committee
of the Russian Federation,
doctor of juridical sciences,
associate professor,
colonel of justice*
A.A. Bessonov

EDITORIAL STAFF

Editor-in-Chief
N.D. Eriashvili,
*doctor of economic sciences,
candidate of legal
and historical sciences,
professor, the winner
of an award of the Government
of the Russian Federation
in the field of science
and equipment*
E-mail: professor60@mail.ru

*Scientific editor,
responsible for publishing*

A.Zh. Sarkisyan,
*Head of Editorial and Publishing
and Informational and Library
Department of the Moscow
Academy of the Investigative
Committee of the Russian
Federation, candidate of law,
associate professor*

**In preparation numbers
involved:**

Editors
**O.V. Berberova,
I.D. Nesterova**

Painter
A.P. Yakovlev
Imposition
M.A. Bakayan

*The journal is registered by the
Federal Service for supervision
in the sphere of telecom,
information technologies
and mass communications.*

Signed in the press on
10.10.2023

Contractual price

Editorial staff address:
125080, Moscow, st. Vrubelya, d. 12
Tel.: 8 (499) 740-60-14,
8 (499) 740-60-15
E-mail: 7700153@gmail.com

INVESTIGATION OF CRIMES: PROBLEMS AND SOLUTION

CONTENT № 3/2023

A.V. FEDOROV. Criminal liability of legal
entities according to Danish law 9

Legal sciences

Criminal law and criminology; penal enforcement law

V.V. BYCHKOV. Classification of extremist
crimes 22

L.V. GOLOSKOKOV. Historical milestones
in the formation of criminal policy
as a science 31

A.V. KOLOKOLOV. The classification of defects
in the improper organization of medical
activities and the quality of medical care 40

A.P. KUZNETSOV. Rehabilitation of Nazism
(Article 354.1 of the Criminal Code
of the Russian Federation): general
characteristics of criminal liability 51

V.V. LAVRINOV. Problems of determining
movement across the border as a sign
of smuggling 59

**N.V. PAVLOVSKAYA, A.A. LITVINOV,
D.E. ROGACHEV.** Financial fraud in Russia:
current trends in crime and victimization 68

V.A. SHESTAK, A.D. TSYPLAKOVA. Issues
regarding enhancing crime forecasting 78

Criminal trial

A.A. ILYUKHOV. Witness testimony as one
of the types of evidence in court
with the participation of jurors: procedural
and tactical features of obtaining them in court 85

The original-model is created
by publishing house
«UNITY-DANA»

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.
- Editorial staff does not enter into a correspondence to authors of letters, manuscripts does not return.
- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials «Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation» the reference to the journal is obligatory.
- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8

Print. sh. 22,25. Offset printing
It is sent for the press 10.10.2023

Printed by the printing house
of LLC "Buki Vedi", Moscow,
ext. ter. Obruchevsky Municipal
District, 56 Profsoyuznaya Street,
floor 3, room XIX, room 321

Order No.

Contractual price

The circulation is 3000 copies

The first plant – 1000 copies

A.G. KULEV. The criminal procedural nature
of the status and the creation
of an investigation team 90

T.Yu. SABELFELD. Issues of transparency
and efficiency of the court's consideration
of the materials of the preliminary
investigation 98

Criminalistics; forensic expert activity; operational investigative activity

D.V. GALKIN. Forensic topography
in the system of criminalistics as a science
and academic discipline 106

M.V. KOVALCHUK, Yu.I. KHOLODNY.
Some theoretical aspects of the polygraph
research technology (the fourth article) 113

A.F. KUPIN, A.A. OSTASHEV. Study
of monetary tickets made on the basis
of polymeric substrates 123

L.V. LAZAREVA. Digital footprints:
concept, regulation, research 129

**A.B. SKAKOV, V.D. KHABALEV,
S.M. SAVUSHKIN.** Psychotechnics
of identifying ideal traces in the investigation
of crimes 137

V.V. USTINOV. The concept and classification
of non-standard objects of forensic
handwriting expertise 142

Judicial activity, prosecutorial activity, human rights and law enforcement activities

R.M. MAKHYANOVA. The procedure
for the organization and implementation
of supervisory activities of the Prosecutor's
Office 152

**Research
by young scientists**

A.V. VOEVODIN. Expanding the rights to conclude
a pre-trial cooperation agreement..... 157

A.A. SMIRNOV. On the emergence of criminalistics
as a unified system and form of law enforcement activity 162

A.A. URUSOV. The concept and legal nature
of international cooperation in the field of recognition
and enforcement of sentences (decisions) of courts
of foreign states 168

Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству Дании

Александр Вячеславович Федоров
Следственный комитет Российской Федерации, Москва,
Россия, 1956af@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена законодательству Дании об уголовной ответственности юридических лиц. Рассматриваются вопросы формирования и развития датского законодательства об ответственности юридических лиц. Отмечается, что нормы, устанавливающие ответственность юридических лиц, включены в Уголовный кодекс Дании в 1996 году. До этого уголовная ответственность юридических лиц устанавливалась более чем 200 законами, содержащими уголовно-правовые нормы. В настоящее время уголовная ответственность юридических лиц предусмотрена в Дании как национальным Уголовным кодексом, так и иными законами и сопоставимыми с ними актами. Уголовная ответственность юридических лиц в Дании рассматривается как применение к юридическому лицу уголовных санкций за совершение уголовно наказуемых деяний. Субъектом уголовной ответственности признаются юридические лица частного и публичного права. Они могут быть привлечены к уголовной ответственности в случае совершения любых преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Дании, а также отдельных преступлений, предусмотренных другими законами и иными актами, сопоставимыми с законами. Рассмотрены условия привлечения к уголовной ответственности юридических лиц, вопросы последовательности привлечения к ответственности физических и юридических лиц за преступное деяние, применяемые к юридическим лицам санкции — штраф и конфискация, а также возможность роспуска (ликвидации) юридического лица. Приведен уголовно-процессуальный порядок привлечения к ответственности юридических лиц.

Ключевые слова: скандинавские страны; Дания; юридические лица; уголовная ответственность; субъект преступления; субъект уголовной ответственности; уголовные санкции; штраф; конфискация; роспуск (ликвидация) юридического лица.

Для цитирования: Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству Дании // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 9—21. doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.001.

Criminal liability of legal entities according to Danish law

Aleksandr V. Fedorov,
Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow,
Russia, 1956af@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the Danish legislation on the criminal liability of legal entities. The issues of formation and development of Danish legislation on liability of legal entities are considered. It is noted that the rules establishing the liability of legal entities were included in the Danish Criminal Code in 1996. Prior to this, more than 200 laws containing criminal law norms established the criminal liability of legal entities. Currently, the criminal liability of legal persons is provided for in Denmark both by the national Penal Code and other laws and acts comparable to them. The criminal liability of legal persons in Denmark is considered as the application of criminal sanctions to a legal person for committing criminal acts. Legal entities of private and public law are recognized as the subject of criminal liability. They can be prosecuted for any crimes under the Danish Penal Code, as well as individual crimes under other laws and other acts comparable to the laws. The conditions for bringing legal entities to criminal responsibility, the issues of the sequence of bringing individuals and legal

entities to responsibility for a criminal act, the sanctions applied to legal entities — a fine and confiscation, as well as the possibility of dissolution (liquidation) of a legal entity, are considered. The criminal procedural procedure for bringing legal entities to responsibility is given.

Keywords: Scandinavian countries; Denmark; legal entities; criminal liability; the subject of the crime; the subject of criminal liability; criminal sanctions; fine; confiscation; dissolution (liquidation) of a legal entity.

For citation: Fedorov, A.V. (2023) Criminal liability of legal entities according to Danish law. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 3, pp. 9—21. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.001.

Настоящая статья продолжает цикл публикаций в журналах Московской академии Следственного комитета Российской Федерации об уголовной ответственности юридических лиц¹ и посвящена уголовному законодательству Королевства Дания (далее по тексту — Дания), одного из скандинавских государств (государств Скандинавии).

В настоящее время во всех государствах Скандинавии законодательно закреплена уголовная ответственность юридических лиц².

Для этих стран, как и для других европейских государств, введение уголовной ответственности юридических лиц — новое направление развития уголовного законодательства, получившее признание во второй половине XX века в большинстве стран с рыночной экономикой³.

¹ См., напр.: Бастрыкин А.И. К вопросу о введении в России уголовной ответственности юридических лиц // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2013. № 2. С. 3—13; Бастрыкин А.И. Уголовная ответственность юридических лиц как мера противодействия коррупции // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2014. № 1. С. 6—12; Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в Испании // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 1 (27). С. 9—25; Федоров А.В. Привлечение к уголовной ответственности коммерческих юридических лиц по законодательству Вьетнама // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2022. № 4. С. 14—38. doi: 10.54217/2411-1627.2022.38.4.002.

² Кратко об этом см.: Голованова Н.А., Лафитский В.И., Цирина М.А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / отв. ред. В.И. Лафитский. М., 2013. С. 111—123; Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. Т. VII. Субъект преступления. Субъективная сторона преступления. Кн. 1. Субъект преступления / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016. С. 159—167.

³ Об уголовной ответственности юридических лиц как новом направлении развития уголовного законодательства в зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. Н.А. Голованова, С.П. Кубанцев. М., 2019. С. 240—307, 393—417; Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц — новое направление развития законодательства // Юридический мир. 2021. № 3. С. 18—23. doi: 10.18572/1811-1475-2021-3-18-23.

Рассмотрение вопросов уголовной ответственности юридических лиц в скандинавских государствах начинается с Дании, учитывая особую роль датского законодательства в истории и развитии права других государств Скандинавии.

1. Скандинавское право и роль Дании в его формировании

В число Скандинавских государств, помимо Дании, входят Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция. Эту группу стран относят либо к романо-германской правовой семье⁴, либо определяют как самостоятельную правовую семью, наряду с латиноамериканской и славянской правовыми семьями, которые, как и скандинавская, имеют сходство с романо-германской правовой семьей, но не отождествляются с ней⁵ и рассматриваются как отдельные правовые системы. В частности, выделяются правовая система Скандинавских стран⁶ и скандинавское право⁷.

Особое значение для формирования скандинавского права имел процесс развития правовой системы Дании — одного из старейших государств Европы и первого из государств Скандинавии, принявшего христианство. Начало датской государственности относится ко второй половине первого тысячелетия нашей эры, периоду заселения территории современной Дании пришедшими с юга Скандинавского полуострова племенами датов. На основе союзов этих племен началось формирование государства — Датского королевства⁸.

⁴ Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. С. 80.

⁵ Чиркин В.Е. Глобальные правовые системы, правовые семьи и их классификация // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 26.

⁶ Саидов А.Х. Сравнительное правоведение. М., 2020. С. 198—202.

⁷ Лафитский В.И. Миры права в теории и практике сравнительного правоведения: монография. Т. 1. М., 2021. С. 443—463.

⁸ Об истории Дании см.: История Дании с древнейших времен до начала XX века. М., 1997; История Дании / под ред. С. Буска и Х. Поульсена; перевод с датского Н.М. Антюшина и др. М., 2007.

Становление датской государственности сопровождалось развитием национального законодательства⁹, включая уголовное¹⁰, впервые систематизированного в 1683 г. в Датском законе Кристиана V (*Danske Lov* — Датское право), а именно — в шестой книге этого закона «о злодеяниях»¹¹.

В 1687 г. Датский закон Кристиана V был распространён на находившуюся под властью Дании (по Кальмарской унии) Норвегию, владевшую Гренландией, Исландией, Фарерскими островами и частью Финляндии. Позже, в 1734 г. был принят Свод законов Шведского государства. Датский закон Кристиана V принято считать исходным пунктом формирования скандинавского права¹².

2. Развитие кодифицированного датского уголовного законодательства и его краткая характеристика

В 1866 г. принят первый Уголовный кодекс Дании¹³, имевший название — Общий гражданский уголовный кодекс: гражданский — так как не включал воинские преступные деяния; общий — так как не касался преступных деяний, определенных специальными уголовными законами.

Новый (второй в истории Дании и действующий в настоящее время) уголовный кодекс (*Straffeloven*¹⁴) принят в 1930 г.¹⁵ и вступил в силу с 1 января 1933 г.¹⁶

⁹ О развитии датского законодательства в контексте становления правовой системы Скандинавии см.: Каплунов А.И., Балаховский В.В., Мухаметов П.А. Периодизация становления правовых систем Скандинавии в эпоху средневековья // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 30—36.

¹⁰ О становлении и развитии датского уголовного законодательства см.: Утевский Б.С. История уголовного права буржуазных государств. М., 1950. С. 308—311; Решетников Ф.М. Правовые системы стран мира: справочник. М., 1993. С. 75—76; Энциклопедия уголовного права: в 35 томах. Т. 33. Краткая характеристика уголовного права зарубежных стран. СПб, 2020. С. 292—309.

¹¹ Иногда в российских изданиях эту книгу именуют первым уголовным законом. С этим утверждением можно согласиться лишь при условии его уточнения, охарактеризовав шестую книгу свода законов как первый систематизированный уголовный закон.

¹² Саидов А.Х. Сравнительное правоведение. М., 2020. С. 200.

¹³ Принят 10 февраля 1866 г., вступил в силу с 1 июля 1866 г.

¹⁴ Буквальный перевод — кодекс о наказаниях, или наказательный кодекс.

¹⁵ Принят Законом № 126 от 15 апреля 1930 г.

¹⁶ Подробную характеристику этого уголовного кодекса с изменениями и дополнениями на 1 июля 1953 г. см.: Современное зарубежное уголовное право. Том 1. Аргентина, Дания, Япония, Югославия / под ред. и с предисл. А.А. Пионтковского. М., 1957. С. 103—286.

В Уголовный кодекс Дании 1930 г. (далее по тексту — УК Дании) часто вносятся изменения¹⁷. В связи с этим периодически осуществляется его официальная публикация с внесенными изменениями и дополнениями в виде «сводного закона», объявляемого законодательным декретом (*lovbekendtgørelse*, LBK).

В настоящее время УК Дании действует в редакции сводного закона № 1360 от 28 сентября 2022 г.¹⁸, с внесенными в него изменениями законами № 409 от 25 апреля 2023 г.¹⁹, № 486 от 13 мая 2023 г.²⁰, № 741 от 13 июня 2023 г.²¹ и № 753 от 13 июня 2023 г.²²

Уголовный кодекс состоит из двух частей — Общей (включающей главы с 1 по 11) и Особенной²³ (включающей главы с 12 по 29). Входящие в главы статьи обозначаются как параграфы.

В Дании уголовный кодекс является основным, но не единственным источником уголовного права.

Помимо УК Дании действует Военный уголовный кодекс (*Militær straffelov*)²⁴. Имеются также другие законы и иные акты, сопоставимые с законами, содержащие уголовно-правовые нормы²⁵. Кроме того, большое значение имеют судебные прецеденты — судебные решения, служащие ориентиром для других судов.

Входящие в состав Дании две самоуправляющиеся территории — остров Гренландия и Фарерские острова, пользующиеся внутренней автономией, имеют свои уголовные кодексы — Уголовный кодекс Фарерских островов 1939 г. и Датский Уголовный кодекс для Гренландии 1954 г.²⁶

¹⁷ Публикацию УК Дании с изменениями на 17 марта 1999 г. в переводе на русский язык см.: Уголовный кодекс Дании / научное редактирование и предисловие С.С. Беляева. СПб, 2001.

¹⁸ Официальный текст УК Дании, обнародованный законодательным декретом LBK № 1360 от 28 сентября 2022 г., см.: <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2022/1360>.

¹⁹ См.: URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2023/409>.

²⁰ См.: URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2023/486>.

²¹ См.: URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2023/741>.

²² См.: URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2023/753>.

²³ При переводах именуется также как «специальная часть».

²⁴ LOV № 530 от 24 июня 2005 г. См.: <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2005/530>.

²⁵ Это обстоятельство зафиксировано в УК Дании. Так, согласно § 1 УК Дании, наказание может быть назначено только за деяние, преступность которого определена законом или полностью сопоставимым с ним актом.

²⁶ Об этих уголовных кодексах см.: Полный курс уголовного права: в 10 т. Т. X. Уголовное право зарубежных стран. Зарубежное уголовное законодательство / под ред. А.И. Коробеева. СПб, 2021. С. 204—207.

В силу исключительных социокультурных особенностей в Гренландии действует Уголовный кодекс, имеющий мало общего с УК Дании. Таким образом, с позиции оценки территориальной системы уголовного законодательства можно охарактеризовать уголовное право Дании как децентрализованное²⁷.

Датское уголовное право отличают широкие пределы судейского усмотрения и возможность применения уголовного закона по аналогии²⁸.

3. Датское законодательство об уголовной ответственности юридических лиц

Изучение зарубежного законодательства показывает, что имеет место три подхода к нормативному закреплению уголовной ответственности юридических лиц: первый, когда нормы об уголовной ответственности юридических лиц включаются в национальные уголовные кодексы; второй, когда они включаются в иные законы как нормы уголовно-правового характера, и третий (смешанный), когда реализуются оба из вышеуказанных подходов к установлению уголовной ответственности юридических лиц.

В Дании использован третий подход для установления уголовной ответственности юридических лиц.

3.1. Уголовная ответственность юридических лиц до внесения устанавливающих такую ответственность норм в УК Дании

УК Дании 1930 г. первоначально не предусматривал уголовную ответственность юридических лиц. Она была установлена значительно позже путем внесения изменений в УК Дании.

Но и до внесения соответствующих изменений в УК Дании она имела место, но предусматривалась не уголовным кодексом, а другими законами, содержащими уголовно-правовые нормы.

В пояснениях 1995 г. к Проекту закона о внесении поправок об уголовной ответственности

юридических лиц в Уголовный кодекс²⁹ (далее по тексту — Пояснения к законопроекту 1995 г.³⁰) указано, что на момент подготовки этого проекта в Дании действовало более 200 законов, содержащих уголовно-правовые нормы, предусматривающие уголовную ответственность юридических лиц в виде штрафа.

В имеющихся исследованиях причины того, что первоначально уголовная ответственность юридических лиц устанавливалась специальными законами, а не УК Дании, объясняются, во-первых, необходимостью «преодоления догматических преград для установления уголовной ответственности юридических лиц в формулировках Уголовного кодекса», и, во-вторых, «для законодательной власти было важно не просто иметь возможность применять уголовное наказание к юридическому лицу, а принципиально решить проблему применительно к конкретным областям правоохраняемых отношений»³¹.

Из Пояснений к Законопроекту 1995 г. следует, что последующее включение норм об уголовной ответственности юридических лиц в УК Дании имело своей целью закрепить общие положения, относящиеся ко всем случаям установления такой ответственности другими актами.

3.2. Включение норм об уголовной ответственности юридических лиц в УК Дании

Изменения в УК Дании, устанавливающие уголовную ответственность юридических лиц, внесены Законом о внесении изменений в Уголовный кодекс (уголовная ответственность юридических лиц) — Lov om ændring af straffeloven (Strafansvar for juridiske personer) № 474 от 12 июня 1996 г.³², вступившим в силу с 1 июля 1996 г.

Этим законом УК Дании дополнен главой 5 «Уголовная ответственность юридических лиц», включающей §§ 25, 26 и 27.

В дальнейшем Законом о внесении изменений в Уголовный кодекс — Lov om ændring af straffeloven № 228 от 4 апреля 2000 г.³³ УК Дании дополнен главой 30 «Специальные положения о

²⁷ Об этом см.: Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть. Монография / под общ. ред. С.П. Щербы. М., 2010. С. 104.

²⁸ Краткую характеристику действующего уголовного законодательства Дании см.: Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 2. Правовые системы Западной Европы / под ред. В.И. Лафитского. М., 2012. С. 728—729; Уголовное право зарубежных государств: учебник / под ред. А.А. Арямова. М., 2018. С. 37—39.

²⁹ Проект 1995/1 LSF 201 с пояснением к нему. См.: URL: www.retsinformation.dk/eli/ft/199512K00201.

³⁰ В официальной справочной системе retsinformation.dk указаны следующие этапы прохождения этого законопроекта: представлен в Датский парламент министром юстиции 7 февраля 1996 г.; принят в третьем чтении 21 мая 1996 г., Закон № 474 от 12 июня 1996 г.

³¹ См.: Преступления в предпринимательской и банковской сферах за рубежом. М., 2004. С. 57.

³² См.: URL: www.retsinformation.dk/eli/accn/A19960047430.

юридических лица», состоящей из § 306, определяющего, за какие преступления юридические лица могут быть привлечены к уголовной ответственности.

В последующем в § 306 УК Дании дважды вносились изменения:

- Законом о внесении изменений в Уголовный кодекс, Закон о международном исполнении наказаний и т.д., Закон о сотрудничестве с Финляндией, Исландией, Норвегией и Швецией в отношении исполнения наказаний и т.д. и Закон о выдаче преступников, а также различные другие законы — Lov om ændring af straffeloven, lov om international fuldbyrdelse af straf m.v., lov om samarbejde med Finland, Island, Norge og Sverige angående fuldbyrdelse af straf m.v. og lov om udlevering af lovovertrædere samt forskellige andre love № 280 от 25 апреля 2001 г.³⁴ и
- Законом о внесении изменений в Уголовный кодекс, Закон об отправлении правосудия, Закон о конкуренции и отношениях с потребителями на рынке телекоммуникаций, Закон об оружии, Закон об экстрадиции и Закон об экстрадиции преступников в Финляндию, Исландию, Норвегию и Швецию — Lov om ændring af straffeloven, retsplejeloven, lov om konkurrence- og forbrugerforhold på telemarkedet, vebånloven, udleveringsloven samt lov om udlevering af lovovertrædere til Finland, Island, Norge og Sverige № 378 от 6 июня 2022 г.³⁵

3.3. Нормы об уголовной ответственности юридических лиц в иных правовых актах Дании

В пояснениях к Законопроекту 1995 г. отмечалось, что после внесения в УК Дании изменений, предусматривающих уголовную ответственность юридических лиц, при появившейся возможности будут вноситься изменения в иные законы и акты, устанавливающие уголовную ответственность юридических лиц, приводящие их в соответствие с УК Дании.

Например, Закон об охране природы (Lov om naturbeskyttelse № 9 от 3 января 1992 г.)³⁶ предусматривал в абзаце 4 § 89 штраф за нарушения, совершенные акционерными обществами, кооперативами и т.п. обществами. В нем также указывалось, что если нарушение совершено муниципалитетом, муниципальным объединением или государством, то соответствующий орган или муниципальное объединение могут быть привлечены к ответственности в виде штрафа.

Действующая в настоящее время редакция Закона об охране природы, обнародованная законодательным декретом LVBK № 5 от 3 января 2023 г.³⁷, уже предусматривает, что за установленные этим законом нарушения «компаний и т.п. юридические лица могут быть привлечены к уголовной ответственности по правилам главы 5 УК Дании» (абзац 4 § 110 Закона об охране природы).

В большинстве иных актов также подобным образом отражены нормы об уголовной ответственности юридических лиц.

Например, § 8 Военного уголовного кодекса предусмотрено, что за указанные в нем преступления юридические лица несут уголовную ответственность в соответствии с правилами главы 5 УК Дании.

Например, § 8 Военного уголовного кодекса предусмотрено, что за указанные в нем преступления юридические лица несут уголовную ответственность в соответствии с правилами главы 5 УК Дании.

§ 79b Закона о таможене (Toldloven LVBK № 29 от 4 января 2022 г.)³⁸ установлено, что за нарушения, признаваемые наказуемыми в соответствии с § 73 и §§ 76—79 этого закона и постановлениями, изданными в соответствии с этим законом, уголовная ответственность на юридические лица возлагается в соответствии с положениями главы 5 УК Дании.

Аналогично § 77 Закона об удержании налога (Kildeskatteloven LVBK № 824 от 28 апреля 2021 г.)³⁹ и § 24 Закона об экологии (Økologiloven LVBK № 1203 от 29 августа 2022 г.)⁴⁰ устанавливаются, что за предусмотренные этими законами нарушения юридические лица могут быть привлечены к уголовной ответственности по правилам главы 5 УК Дании.

В ряде актов более широко регламентированы вопросы уголовной ответственности юридических лиц, что будет отмечено далее.

4. Общие положения уголовной ответственности юридических лиц

Общие положения уголовной ответственности юридических лиц за преступления закреплены в УК Дании.

Юридические лица привлекаются к уголовной ответственности в соответствии с УК Дании и другими актами, предусматривающими такую

³³ См.: URL: www.retsinformation.dk/eli/Ita/2000/228.

³⁴ См.: URL: www.retsinformation.dk/eli/Ita/2001/280.

³⁵ См.: URL: www.retsinformation.dk/eli/Ita/2002/378.

³⁶ См.: URL: www.retsinformation.dk/eli/Ita/1992/9.

³⁷ См.: URL: www.retsinformation.dk/eli/Ita/2023/5.

³⁸ См.: URL: www.retsinformation.dk/eli/Ita/2022/29.

³⁹ См.: URL: www.retsinformation.dk/eli/Ita/2021/824.

⁴⁰ См.: URL: www.retsinformation.dk/eli/Ita/2022/1203.

ответственность за преступления, каковыми признаются уголовно наказуемые деяния. В Дании нет деления уголовно наказуемых деяний на виды, все они относятся к преступлениям.

Согласно действующей редакции § 306 главы 29 УК Дании «Специальные положения о юридических лицах» юридические лица могут быть привлечены к уголовной ответственности за уголовно наказуемые деяния в соответствии с правилами главы 5 УК Дании «Уголовная ответственность юридических лиц», включающей §§ 25, 26 и 27.

4.1. Субъекты уголовной ответственности

УК Дании устанавливает, что «если не указано иное, то положения об уголовной ответственности юридических лиц применяются к любому юридическому лицу, включая акционерные общества, кооперативы, партнерства, ассоциации, фонды, имущественные комплексы, муниципалитеты и органы государственной власти» (абзац 1 § 26 УК Дании)⁴¹.

Таким образом, установлена уголовная ответственность не только коммерческих юридических лиц, но и юридических лиц публичного права, в том числе различных государственных органов власти и местного самоуправления.

Уголовная ответственность установлена и для предприятий одного лица, если с учетом их размера и организации они сравнимы с юридическим лицом (абзац 2 §26 УК Дании).

Ко всем публичным и частным компаниям с ограниченной ответственностью (companies limited liability) применяется Закон о компаниях (Selskabsloven LBK № 1451 от 11 сентября 2022 г.)⁴², § 369 которого предусмотрено, что эти юридические лица привлекаются к уголовной ответственности в соответствии с нормами главы 5 УК Дании.

4.2. Условия уголовной ответственности юридического лица

Уголовная ответственность юридического лица предусматривается при совершении преступления (уголовно наказуемого деяния) в рам-

⁴¹ О юридических лицах — субъектах уголовной ответственности в Дании см.: Бирюков П.Н. Уголовная ответственность юридических лиц за преступления в сфере экономики (опыт иностранных государств). М., 2008. С. 34—37; Biriukov, P. (2015) Criminal liability of legal persons in EU-countries. Voronezh, pp. 110—123.

⁴² См.: URL: www.retsinformation.dk/eli/lta/2022/1451.

ках соответствующего юридического лица одним или более физическими лицами, связанными с данным юридическим лицом, или самим юридическим лицом (абзац 1 §27 УК Дании).

При этом органы государственной власти и муниципалитетов могут быть подвергнуты уголовному наказанию только за деяния, совершенные в процессе исполнения функций, сравнимых с функциями, осуществляемыми физическими или юридическими лицами (абзац 2 § 27 УК Дании).

Обращает внимание, что УК Дании не определяет, какой статус должно иметь физическое лицо, совершающее уголовно наказуемое деяние в рамках юридического лица, чтобы это юридическое лицо подлежало уголовной ответственности. Как отмечается в имеющихся исследованиях, это может быть и должностное лицо корпоративного образования, и простой служащий, важно лишь, чтобы нарушение было связано с деятельностью юридического лица⁴³.

4.3. Юридическое лицо как субъект преступления и как субъект уголовной ответственности

Из анализа § 27 УК Дании следует, что возможны два варианта определения статуса подлежащих привлечению к уголовной ответственности юридических лиц.

Первый, когда юридическое лицо признается только субъектом уголовной ответственности, но не субъектом преступления. Это случай, когда ответственность юридического лица непосредственно связана с уголовно наказуемым деянием физического лица.

Второй, когда юридическое лицо признается субъектом преступления, то есть привлекается к ответственности за уголовно наказуемое деяние, совершенное самим юридическим лицом.

Помимо УК Дании указание об ответственности за деяния, совершенные самим юридическим лицом, имеются и в других законах. Например, согласно § 15 главы 5 «Уголовные положения» Закона о валюте (Valutaloven LBK № 279 от 11 апреля 1988 г.)⁴⁴ за предусмотренные этим законом нарушения, совершенные юридическими лицами (акционерными обществами, кооперативами и т.п. компаниями), юридическое лицо

⁴³ См.: Антонова Е.Ю. Концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности. СПб, 2011. С. 43.

⁴⁴ См.: URL: www.retsinformation.dk/eli/lta/1988/279.

может быть привлечено к ответственности как таковое.

Преступление считается совершенным юридическим лицом, если, как это установлено § 9 УК Дании, совершено действие или бездействие, влекущие за собой ответственность юридического лица.

4.4. Действие уголовного закона об ответственности юридических лиц в пространстве

В соответствии с § 8 и § 9 УК Дании уголовная ответственность юридических лиц предусматривается за уголовно наказуемые деяния, совершенные как на территории Дании, так и за её пределами. При этом указываются случаи, в которых наступает уголовная ответственность юридических лиц за деяния, совершенные за пределами Дании.

4.5. Последовательность привлечения к ответственности юридических и физических лиц

В случае, когда ответственность юридического лица непосредственно связана с уголовно наказуемым деянием физического лица, процессы привлечения к ответственности физического и юридического лица могут осуществляться как одновременно, так и последовательно — первоначально привлечение к ответственности физического лица, затем — юридического. На это указывается в § 7b УК Дании⁴⁵.

4.6. Преступления, за совершение которых юридическое лицо может быть привлечено к уголовной ответственности

Ответственность юридических лиц установлена за преступления, предусмотренные УК Дании и иными актами, определяющими преступность предусмотренных ими нарушений и устанавливающих уголовные санкции для физических и юридических лиц⁴⁶.

⁴⁵ УК Дании дополнен § 7b Законом Lov om ændring af straffeloven og forskellige andre love (Dansk straffemyndighed) № 490 от 17 июня 2008 г. См.: URL: www.retsinformation.dk/eli/Ita/2008/490.

⁴⁶ Например, согласно § 10 Закона об оружии (Våbenloven, LBK № 1736 от 26 августа 2021. URL: www.retsinformation.dk/eli/Ita/2021/1736), за преступления, предусмотренные этим законом, а также принятыми в соответствии с ним правилами, для физических лиц предусмотрены наказания в виде штрафа, лишения свободы на срок до 4 месяцев или при отягчающих обстоятельствах лишения свободы на срок до 2 лет, а для юридических лиц — привлечение к ответственности по правилам главы 5 УК Дании.

§ 25 УК Дании предусматривает ответственность юридических лиц в случае совершения любого преступления, указанного в Особой части УК Дании, или установленного другим актом, если за соответствующее преступление предусмотрено наказание в виде штрафа.

Это общее правило, распространяющееся на случаи, когда уголовно наказуемое деяние (преступление) совершено (окончено).

В соответствии с § 19 УК Дании, совершение по неосторожности уголовно наказуемых деяний, предусмотренных УК Дании, не должно влечь наказание юридического лица, если это прямо не указано в кодексе.

В отношении иных преступлений (предусмотренных не УК Дании, а другими актами), уголовная ответственность юридических лиц установлена в случае их совершения по неосторожности⁴⁷, если на это нет в законе или ином акте специального запрета, либо на возможность такой ответственности прямо указано в соответствующем акте.

4.7. Привлечение юридических лиц к уголовной ответственности при неоконченном преступлении

Ранее абзац 2 ст. 306 УК Дании в редакции закона LOV № 280 от 25 апреля 2001 г. предусматривал, что юридическое лицо может быть привлечено к уголовной ответственности по правилам главы 5 УК Дании за покушение на совершение преступления с целью получения прибыли.

В настоящее время ст. 306 УК Дании действует в редакции закона LOV № 378 от 6 июня 2002 г., которым абзац 2 § 306 УК Дании исключен, а вопрос об ответственности юридического лица за покушение на совершение преступления разрешен путем внесения изменений в ст. 27 УК Дании, согласно которым в тех случаях, когда имеет место покушение на совершение преступления, вопрос о привлечении юридического лица к уголовной ответственности решается с учетом положений § 21 УК Дании, абзац 3 которого устанавливает, что покушение на совершение преступления наказуемо только в том случае, если за совершение соответствующего преступления для физического лица предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок более 4 месяцев.

⁴⁷ Например, согласно абзацу 3 § 15 главы 5 «Уголовные положения» уже упомянутого Закона о валюте (Valutaloven, LBK № 279 от 11 апреля 1988 г.), совершение предусмотренных этим законом нарушений, совершенных по неосторожности, наказывается штрафом.

4.8. Привлечение к уголовной ответственности юридических лиц по делам частного обвинения

Как уже отмечалось, ответственность юридических лиц возможна при наличии условий, указанных в § 27 УК Дании, за любые преступления, предусмотренные УК Дании. При этом в УК Дании имеются определенные ограничения по привлечению к такой ответственности.

Например, за ряд преступлений возможно привлечение к уголовной ответственности юридических лиц только в случае жалобы потерпевшего от преступления. Так, § 275 главы 27 УК Дании установлено, что включенные в эту главу преступления, за исключением предусмотренных §§ 266—266b, подлежат частному обвинению, т.е. уголовное преследование может быть возбуждено лишь по ходатайству потерпевшего.

Имеются указания на это и в других актах. В частности, § 42 Закона о товарных знаках (Varemærkeloven LBK № 88 от 29 января 2019 г.⁴⁸) предусмотрено, что за нарушения, предусмотренные этим законом, юридическое лицо может быть привлечено к уголовной ответственности в соответствии с главой 5 УК Дании лишь при наличии жалобы потерпевшей стороны, за исключением случаев, когда общественные интересы требуют судебного преследования юридического лица.

4.9. Уголовные санкции, применяемые к юридическим лицам

Привлечение юридического лица к ответственности за совершенное преступление заключается в применении к нему уголовных санкций.

Юридическим лицам за совершение уголовного наказуемых деяний может быть назначено уголовное наказание в виде штрафа и применена из числа иных мер уголовно-правового характера (иных правовых последствий наказуемого деяния) конфискация.

Рядом международных организаций, членом которых является Дания, уже неоднократно ставился вопрос о необходимости расширении числа видов наказаний для юридических лиц, однако соответствующие решения датским законодателем не приняты.

4.9.1. Штраф

В Дании единственным видом наказания для юридических лиц является штраф.

§ 25 УК Дании установлено, что юридическое лицо может быть подвергнуто наказанию в виде штрафа, если такое наказание предусмотрено законом (УК Дании, другим законом, либо принятым в соответствии с ним актом).

Размер штрафа для юридических лиц за конкретные преступления законодательно не установлен и определяется судом исходя из требований разумности.

4.9.2. Конфискация

Из иных мер уголовно-правового характера (иных правовых последствий наказуемого деяния) к юридическому лицу может быть применена конфискация.

Полная или частичная конфискация имущества, принадлежащего юридическому лицу, возможна, согласно § 76а УК Дании⁴⁹, в случае признания юридического лица виновным в совершении преступления, которое:

- 1) может повлечь значительную выгоду или
- 2) в соответствии с законом наказуемо лишением свободы на срок 6 лет и более, либо
- 3) является нарушением законодательства о наркотических веществах.

При указанных условиях может быть произведена конфискация имущества, переданного юридическому лицу физическим лицом, которое лично или через своих сообщников оказывает определяющее влияние на юридическое лицо либо получает значительную часть дохода юридического лица.

Вместо конфискации определенного имущества (активов) может быть конфискована сумма, соответствующая стоимости подлежащего конфискации имущества или его части (абзац 5 § 76а УК Дании).

Конфискация не может быть применена, если имущество (актив) передано юридическому лицу более чем за 5 лет до совершения преступного деяния, являющегося основанием для конфискации имущества (абзац 3 § 76а УК Дании).

Применение указанных санкций регламентировано не только УК Дании, но и иными актами. Так, § 255 Закона о рынках капитала (Lov om

⁴⁸ См.: URL: www.retsinformation.dk/eli/lta/2019/88.

⁴⁹ УК Дании дополнен § 76а Законом LOV № 411 от 6 октября 1997 г. См.: URL: www.retsinformation.dk/eli/lta/1997/411.

kapitalmarkeder LBK № 41 от 13 января 2023 г.)⁵⁰ не только предусмотрено, что за нарушение положений этого закона и установленных в соответствии с ним правил юридические лица могут быть привлечены к уголовной ответственности по правилам главы 5 УК Дании, но и установлено, что при наложении штрафов необходимо учитывать тяжесть правонарушения и финансовое положение виновного. В частности, для юридических лиц должен приниматься во внимание чистый годовой оборот компании на момент совершения правонарушения. Если нарушение привело к получению финансовой выгоды, она конфискуется в соответствии с правилами главы 9 УК Дании. Если конфискация не производится, это следует учитывать при наложении штрафа.

4.9.3. Роспуск (ликвидация) юридического лица

Судом могут быть применены не только санкции, предусмотренные для юридических лиц УК Дании. Так, в соответствии с абзацем 2 § 78 Конституции Королевства Дания (Danmarks Riges Grundlov)⁵¹, юридическое лицо, осуществляющее насилие либо стремящееся достичь своих целей насилием, призывающее к насилию либо навязывающее свои взгляды другим посредством угрозы насилием, распускается по решению суда.

4.10. Давность уголовного преследования юридических лиц

Срок давности для привлечения юридических лиц к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные УК Дании, определяется с учетом положений главы 11 УК Дании.

Срок давности для привлечения к уголовной ответственности юридических лиц за деяния, предусмотренные иными законами, определяется с учетом § 93 главы 11 УК Дании исходя из того, какие сроки лишения свободы установлены законом или иным актом для физического лица за совершение предусмотренным ими уголовно наказуемых деяний.

Иногда в самих законах дублируется определение сроков давности. Например, упомянутыми выше Законом о рынках капитала (LBK № 41 от 13 января 2023 г.) в § 255 и Законом о компаниях (LBK № 1451 от 11 сентября 2022 г.) в § 369

предусмотрено, что срок давности для привлечения к уголовной ответственности юридических лиц за нарушение положений этих законов и установленных в соответствии с ним правил составляет 5 лет.

5. Уголовно-процессуальный порядок привлечения к ответственности юридических лиц

В состав датского уголовного права входит и процессуальное уголовное право, которое содержит правила об организации судов, уголовного преследования, деятельности полиции, адвокатуры, процедуре судебного разбирательства и апелляции⁵².

В Дании нет уголовно-процессуального кодекса. Основные нормы, устанавливающие порядок привлечения к уголовной ответственности, включены в Закон «Об отправлении правосудия» (Retsplejeloven)⁵³, регулирующий вопросы судостройства, процесса гражданского и уголовного процесса, исполнения судебных решений и исполнения приговоров⁵⁴.

Расследование уголовных дел проводит полиция, осуществляющая свою деятельность в соответствии с Законом о полиции (Politiloven)⁵⁵. Согласно §§ 23и 24 этого закона полиция осуществляет деятельность по привлечению к уголовной ответственности юридических лиц по правилам главы 5 УК Дании.

Привлечение юридических лиц к уголовной ответственности в виде применения к ним уголовных санкций осуществляется в общем порядке, предусмотренном Законом «Об отправлении правосудия» на основании судебного решения⁵⁶.

⁵⁰ URL: www.retsinformation.dk/eli/lta/2023/41.

⁵¹ LOV № 169 от 5 июня 1953 г. URL: www.retsinformation.dk/eli/lta/1953/169; Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 1 / под ред. Л.А. Окунькова. М., 2001. С. 771.

⁵² См.: Клюканова Т.М. Эволюция государства и права (на примере исторического развития уголовного права Дании) // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2019. Т. 10, № 1 (38). С. 122.

⁵³ LBK № 1655 от 25 декабря 2022 г. URL: www.retsinformation.dk/eli/lta/2022/1655.

⁵⁴ Об уголовном процессе Дании см.: Стойко Н.Г., Шагинян А.С. Уголовный процесс Англии и Уэльса, Бельгии и Дании: сравнительно-правовой аспект. Красноярск, 1997. С. 7–8, 15–18, 22–24, 38–40, 48–51, 57–58, 72–74.

⁵⁵ LBK № 1270 от 29 ноября 2019 г. URL: www.retsinformation.dk/eli/lta/2019/1270.

⁵⁶ О судебной системе Дании и их деятельности см.: Судебные системы Европы и Евразии: научно-энциклопедическое издание в 3 т. Т. 1. Западная и Северная Европа / под ред. Р.А. Курбанова, Р.А. Гурбанова. М., 2019. С. 264–279.

Ряд законов, предусматривающих уголовную ответственность юридических лиц, также содержит и уголовно-процессуальные правила привлечения их к ответственности.

Например, Закон о налоговом контроле (LBK № 283 от 2 марта 2022 г.)⁵⁷ не только указывает в § 85, что за предусмотренные этим законом правонарушения юридические лица могут быть привлечены к уголовной ответственности по правилам главы 5 УК Дании, но и включает специальную главу 10 «Уголовно-процессуальные правила», §§ 86—89 которой содержат уголовно-процессуальные положения, регламентирующие отдельные вопросы привлечения к уголовной ответственности физических и юридических лиц.

6. Перспективы развития датского законодательства об уголовной ответственности юридических лиц

Приведенный краткий анализ законодательства Дании об уголовной ответственности юридических лиц позволяет сделать вывод, что сформировавшийся в этой стране институт уголовной ответственности юридических лиц по многим характеристикам существенно отличается от имеющихся в других странах континентальной Европы аналогичных институтов.

С учетом членства Дании в Европейском Союзе (ЕС), видимо, следует ожидать изменений в датском законодательстве, приводящих его в соответствие с законодательствами других государств — членом ЕС и актами ЕС⁵⁸.

Представляется, что применительно к уголовной ответственности юридических лиц наиболее вероятными являются изменения, касающиеся правопреемства уголовной ответственности юридических лиц, расширения числа применяемых к ним уголовных санкций, оснований освобождения юридических лиц от уголовной ответственности.

Список литературы

1. Антонова Е.Ю. Концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности. СПб: Юридический центр Пресс, 2011. 421 с.

⁵⁷ URL: www.retsinformation.dk/eli/lta/2022/283.

⁵⁸ См., напр.: Федоров А.В. Регламентация вопросов уголовной ответственности юридических лиц в актах Европейского Союза // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. 2019. № 1 (23). С. 15—24.

2. Бастрыкин А.И. К вопросу о введении в России уголовной ответственности юридических лиц // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. 2013. № 2. С. 3—13.

3. Бастрыкин А.И. Уголовная ответственность юридических лиц как мера противодействия коррупции // *Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации*. 2014. № 1. С. 6—12.

4. Бирюков П.Н. Уголовная ответственность юридических лиц за преступления в сфере экономики (опыт иностранных государств). М.: Юрлитинформ, 2008. 136 с.

5. Голованова Н.А., Лафитский В.И., Цирина М.А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / отв. ред. В.И. Лафитский. М.: Статут, 2013. 312 с.

6. Давид Р. Основные правовые системы современности / перевод и вступ. статья В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1988. 490 с.

7. Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть: монография / под общ. ред. С.П. Щербы. М.: Юрлитинформ, 2010. 448 с.

8. История Дании с древнейших времен до начала XX века. М.: Наука, 1997. 502 с.

9. История Дании / под ред. С. Буска и Х. Поульсена; перевод с датского Н.М. Антюшина и др. М.: Весь мир, 2007. XIV, 592 с.

10. Каплунов А.И. Периодизация становления правовых систем Скандинавии в эпоху средневековья / А.И. Каплунов, В.В. Балаховский, П.А. Мухаметов // *Вестник Уфимского юридического института МВД России*. 2023. № 1 (99). С. 30—36.

11. Клюканова Т.М. Эволюция государства и права (на примере исторического развития уголовного права Дании) // *Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС*. 2019. Том 10, № 1 (38). С. 122—129.

12. Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 1 / под ред. Л.А. Окунькова. М.: Норма, 2001. 824 с.

13. Лафитский В.И. Миры права в теории и практике сравнительного правоведения: монография: в 2 т. Т. 1. М.: Проспект, 2021. 680 с.

14. Новое направление развития уголовного законодательства в зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование: монография / отв. ред. Н.А. Голованова, С.П. Кубанцев. М.: Юридическая фирма КОНТРАКТ, 2019. 424 с.

15. Полный курс уголовного права: в 10 т. Т.Х. Уголовное право зарубежных стран. Зарубежное уголовное законодательство / под ред.

А.И. Коробеева. СПб: Юридический центр — Академия, 2021. 1136 с.

16. Преступления в предпринимательской и банковской сферах за рубежом: сб. науч. тр. / отв. ред. Л.Л. Ананиан, И.С. Власов. М.: ИНИОН РАН, 2004. 204 с.

17. Решетников Ф.М. Правовые системы стран мира: справочник. М.: Юридическая литература, 1993. 256 с.

18. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение: академический учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 320 с.

19. Современное зарубежное уголовное право. Том 1. Аргентина, Дания, Япония, Югославия / пер. с нем. С.Л. Либерман; под ред. и с предисл. А.А. Пионтковского. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. 639 с.

20. Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 2. Правовые системы Западной Европы / под ред. В.И. Лафитского. М.: Юридическая фирма «Контракт», 2012. 768 с.

21. Стойко Н.Г., Шагинян А.С. Уголовный процесс Англии и Уэльса, Бельгии и Дании: сравнительно-правовой аспект. Красноярск: Красноярский государственный университет, 1997. 82 с.

22. Судебные системы Европы и Евразии: научно-энциклопедическое издание: в 3 т. Т. 1. Западная и Северная Европа / под ред. Р.А. Курбанова, Р.А. Гурбанова. М.: Проспект, 2019. 488 с.

23. Уголовное право зарубежных государств: учебник / А.А. Арямов, В.П. Бодаевский, А.В. Кисин [и др.]; под ред. А.А. Арямова. М.: КНОРУС, 2018. 328 с.

24. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. Т. VII. Субъект преступления. Субъективная сторона преступления. Кн. 1. Субъект преступления / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. 536 с.

25. Уголовный кодекс Дании / научное редактирование и предисловие С.С. Беляева; перевод С.С. Беляева, А.Н. Рычевой. СПб: Юридический центр Пресс, 2001. 230 с.

26. Утевский Б.С. История уголовного права буржуазных государств. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. 424 с.

27. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в Испании // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 1 (27). С. 9—25.

28. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц — новое направление развития законодательства // Юридический мир. 2021. № 3. С. 18—23. doi: 10.18572/1811-1475-2021-3-18-23.

29. Федоров А.В. Привлечение к уголовной ответственности коммерческих юридических лиц по законодательству Вьетнама // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2022. № 4. С. 14—38. doi: 10.54217/2411-1627.2022.38.4.002.

30. Федоров А.В. Регламентация вопросов уголовной ответственности юридических лиц в актах Европейского Союза // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 1 (23). С. 15—24.

31. Чиркин В.Е. Глобальные правовые системы, правовые семьи и их классификация // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 18—30.

32. Энциклопедия уголовного права: в 35 томах. Т. 33. Краткая характеристика уголовного права зарубежных стран / А. Абрамовичюс, С.С. Аветисян, Л.С. Аистова [и др.]. СПб: Издание профессора Малинина — Крымский филиал Российского государственного университета правосудия, 2020. 752 с.

33. Biriukov, P. (2015) Criminal liability of legal persons in EU-countries. Voronezh, VSU Publishing House, 319 p.

References

1. Antonova, Ye.Yu. (2011) Kontseptual'nyye osnovy korporativnoy (kollektivnoy) ugovolnoy otvetstvennosti [Conceptual foundations of corporate (collective) criminal liability]. St. Petersburg, Legal Center Press, 421 p. (In Russ.).

2. Bastrykin, A.I. (2013) K voprosu o vvedenii v Rossii ugovolnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lits [On the issue of introducing criminal liability of legal entities in Russia]. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 2, pp. 3—13. (In Russ.).

3. Bastrykin, A.I. (2014) Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits kak mera protivodeystviya korruptsii [Criminal liability of legal entities as a measure to counteract corruption]. *Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 1, pp. 6—12. (In Russ.).

4. Biryukov, P.N. (2008) Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits za prestupleniya v sfere ekonomiki (opyt inostrannykh gosudarstv) [Criminal liability of legal entities for crimes in the sphere of economy (experience of foreign states)]. Moscow, Yurlitinform, 136 p. (In Russ.).

5. Golovanova, N.A., Lafitskiy, V.I. & Tsirina, M.A. (2013) Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits v mezhdunarodnom i natsional'nom prave (sravnitel'no-pravovoye issledovaniye) [Criminal liability of

legal entities in international and national law (comparative legal research)]. Ed. V.I. Lafitsky. Moscow, Statut, 312 p. (In Russ.).

6. David, R. (1988) Osnovnyye pravovyye sistemy sovremennosti [Basic legal systems of our time]. Translation and introductory article by V.A. Tumanov. Moscow, Progress, 490 p. (In Russ.).

7. Dodonov, V.N. (2010) Sravnitel'noye ugovloynoye pravo. Obshchaya chast'. Monografiya [Comparative criminal law. A common part. Monograph]. Ed. S.P. Shcherba. Moscow, Yurlitinform, 448 p. (In Russ.).

8. Istoriya Daniy s drevneyshikh vremen do nachala XX veka (1997) [History of Denmark from ancient times to the beginning of the twentieth century]. Moscow, Nauka, 502 p. (In Russ.).

9. Istoriya Daniy (2007) [History of Denmark]. Ed. S. Busk and H. Poulsen; translation from Danish by N.M. Antyushin and others. Moscow, Ves' Mir, XIV, 592 p. (In Russ.).

10. Kaplunov, A.I., Balakhovsky, V.V. & Mukhametov, P.A. (2023) Periodizatsiya stanovleniya pravovykh sistem Skandinavii v epokhu srednevekov'ya [Periodization of the formation of the legal systems of Scandinavia in the Middle Ages]. *Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 1 (99), pp. 30–36. (In Russ.).

11. Klyukanova, T.M. (2019) Evolyutsiya gosudarstva i prava (na primere istoricheskogo razvitiya ugovolnogo prava Daniy) [The evolution of state and law (on the example of the historical development of criminal law in Denmark)]. *Scientific works of the North-Western Institute of Management RANEPa*, vol. 10, no. 1 (38), pp. 122–129. (In Russ.).

12. Konstitutsii gosudarstv Yevropy (2001) [Constitutions of the states of Europe]. In 3 vols, vol. 1. Ed. L.A. Okunkov. Moscow, Norma, 824 p. (In Russ.).

13. Lafitskiy, V.I. (2021) Miry prava v teorii i praktike sravnitel'nogo pravovedeniya: monografiya [Worlds of law in the theory and practice of comparative law: monograph]. In 2 vols, vol. 1. Moscow, Prospekt, 680 p. (In Russ.).

14. Novoye napravleniye razvitiya ugovolnogo zakonodatel'stva v zarubezhnykh gosudarstvakh: sravnitel'no-pravovoye issledovaniye. Monografiya (2019) [A new direction in the development of criminal legislation in foreign countries: a comparative legal study. Monograph]. Ed. N.A. Golovanova, S.P. Kubantsev. Moscow, Law Firm KONTRAKT, 424 p. (In Russ.).

15. Polnyy kurs ugovolnogo prava: v 10 t. (2021) [Full course of criminal law in 10 volumes]. Vol. X. Ugovolnoye pravo zarubezhnykh stran. Zarubezhnoye ugovolnoye zakonodatel'stvo [Criminal law of

foreign countries. Foreign criminal law]. Ed. A.I. Korobeyev. St. Petersburg, Legal Center – Academy, 1136 p. (In Russ.).

16. Prestupleniya v predprinimatel'skoy i bankovskoy sferakh za rubezhom (2004) [Crimes in the business and banking sectors abroad]. Ed. L.L. Ananian, I.S. Vlasov. Moscow, INION RAN, 204 p. (In Russ.).

17. Reshetnikov, F.M. (1993) Pravovyye sistemy stran mira: spravochnik [Legal systems of the countries of the world: a reference book]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 256 p. (In Russ.).

18. Saidov, A.Kh. (2020) Sravnitel'noye pravovedeniye: akademicheskii uchebnik [Comparative law: academic textbook]. Moscow, Norma: INFRA-M, 320 p. (In Russ.).

19. Sovremennoye zarubezhnoye ugovolnoye pravo. Tom I (1957) [Modern foreign criminal law. Volume one]. Argentina, Daniya, Yaponiya, Yugoslaviya [Argentina, Denmark, Japan, Yugoslavia]. Transl. from German S.L. Lieberman; ed. by A.A. Piontkovsky. Moscow, Publishing house of foreign literature, 639 p. (In Russ.).

20. Sravnitel'noye pravovedeniye: natsional'nyye pravovyye sistemy. Tom 2 (2012) [Comparative law: national legal systems. Vol. 2]. Pravovyye sistemy Zapadnoy Yevropy [Legal systems of Western Europe]. Ed. by V.I. Lafitsky. Moscow, Yuridicheskaya firma Kontrakt, 768 p. (In Russ.).

21. Stoyko, N.G. & Shaginyan, A.S. (1997) Ugovolnyy protsess Anglii i Uel'sa, Bel'gii i Daniy: sravnitel'no-pravovoy aspekt [Criminal procedure in England and Wales, Belgium and Denmark: a comparative legal aspect]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University, 82 p. (In Russ.).

22. Sudebnyye sistemy Yevropy i Yevrazii: nauchno-entsiklopedicheskoye izdaniye: v 3 t. T. 1 (2019) [Judicial systems of Europe and Eurasia: scientific and encyclopedic publication in 3 volumes. Vol. 1]. Zapadnaya i Severnaya Yevropa [Western and Northern Europe]. Ed. by R.A. Kurbanov, R.A. Gurbanov. Moscow, Prospekt, 488 p.

23. Aryamov, A.A., Bodaevsky, V.P., Kissin, A.V. and others (2018) Ugovolnoye pravo zarubezhnykh gosudarstv: uchebnik [Criminal law of foreign states: textbook]. Ed. by A.A. Aryamov. Moscow, KNORUS, 328 p. (In Russ.).

24. Ugovolnoye pravo. Obshchaya chast'. Prestupleniya. Akademicheskii kurs (2016) [Criminal law. A common part. Crime. Academic course]. In 10 vols. Vol. VII. Sub'yekt prestupleniya. Sub'yektivnaya storona prestupleniya [The subject of the crime. The subjective side of the crime]. Book 1.

Sub”yekt prestupleniya [The subject of the crime]. Ed. by N.A. Lopashenko. Moscow, Yurlitinform, 536 p. (In Russ.).

25. Ugolovnyy kodeks Danii (2001) [The Danish Criminal Code]. Scientific editing and introduction by S.S. Belyaev; translation by S.S. Belyaev, A.N. Rycheva. St. Petersburg, Legal Center Press, 230 p. (In Russ.).

26. Utevskiy, B.S. (1950) Istoriya ugolovno go prava burzhua znykh gosudarstv [History of the criminal law of bourgeois states]. Moscow, Gosudarstvennoye izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 424 p. (In Russ.).

27. Fedorov, A.V. (2020) Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits v Ispanii [Criminal liability of legal entities in Spain]. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 1 (27), pp. 9–25. (In Russ.).

28. Fedorov, A.V. (2021) Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits – novoye napravleniye razvitiya zakonodatel'stva [Criminal liability of legal entities – a new direction in the development of legislation]. *Legal world*, no. 3, pp. 18–23 (In Russ.). doi: 10.18572/1811-1475-2021-3-18-23.

29. Fedorov, A.V. (2022) Privlecheniye k ugolovnoy otvetstvennosti kommercheskikh yuridicheskikh lits po zakonodatel'stvu V'yetnama [Bringing commercial legal entities to criminal liability under

the laws of Vietnam]. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 4, pp. 14–38. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2022.38.4.002.

30. Fedorov, A.V. (2019) Reglamentatsiya voprosov ugolovnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lits v aktakh Yevropeyskogo Soyuza [Regulation of issues of criminal liability of legal entities in the acts of the European Union]. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 1 (23), pp. 15–24. (In Russ.).

31. Chirkin, V.Ye. (2017) Global'nyye pravovyye sistemy, pravovyye sem'i i ikh klassifikatsiya [Global legal systems, legal families and their classification]. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, no. 4, pp. 18–30. (In Russ.).

32. Entsiklopediya ugolovno go prava: 35 tomov (2020) [Encyclopedia of Criminal Law. In 35 volumes]. Vol. 33. Kratkaya kharakteristika ugolovno go prava zarubezhnykh stran [A brief description of the criminal law of foreign countries]. A. Abramovichyus, S.S. Avetisyan, L.S. Aistova [and others.]. St. Petersburg, Professor Malinin's edition – Crimean branch of the Russian State University of Justice, 752 p. (In Russ.).

33. Biriukov, P. (2015) Criminal liability of legal persons in EU-countries. Voronezh, VSU Publishing House, 319 p.

Информация об авторе

А.В. Федоров — заместитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

A.V. Fedorov – Deputy Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 22–30.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2023, no. 3, pp. 22–30.

УДК 343.32
doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.002

НИОН: 2015-0064-03/23-135
MOSURED: 77/27-009-2023-03-334

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Классификация преступлений экстремистской направленности

Василий Васильевич Бычков

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия, bychkov_vasilij@bk.ru

Аннотация. В статье указана нормативная база перечня преступлений экстремистской направленности, приведены мнения ученых по данному вопросу, сформулирована классификация преступлений данного вида.

Ключевые слова: экстремизм; преступления экстремистской направленности; преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы; преступления террористического характера.

Для цитирования: Бычков В.В. Классификация преступлений экстремистской направленности // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 22–30. doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.002.

Classification of extremist crimes

Vasily V. Bychkov

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, bychkov_vasilij@bk.ru

Abstract. The article specifies the regulatory framework for the list of extremist crimes, provides the opinions of scientists on this issue, and formulates a classification of crimes of this type.

Keywords: extremism; extremist crimes; crimes motivated by political, ideological, racial, national, religious hatred or enmity, or motivated by hatred or enmity towards any social group; crimes of a terrorist nature.

For citation: Bychkov, V.V. (2023) Classification of extremist crimes. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 3, pp. 22–30. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.002.

На фоне снижения общеуголовной преступности статистика свидетельствует о стабильном росте преступлений экстремистской направленности. При этом отмечается недостаточно эффективное противодействие общественно опасным деяниям данного вида, что является следствием, в частности, несовершенства уголовного законодательства, а именно, до настоящего времени не определена классификация указанных деяний.

В 2002 г. в УК РФ была введена ст. 282.1¹, в ч. 1 которой перечислялись конкретные преступления экстремистской направленности: ст. 148, 149, ч. 1 и 2 ст. 213, 214, 243, 244, 280 и 282 УК

РФ. Однако через пять лет законодатель счел необходимым данный перечень заменить на абстрактное определение «преступлений экстремистской направленности», которое во введённом примечании 2 было расшифровано как «преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные со-

¹ Федеральный закон от 25.07.2002 № 112-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3029.

ответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса и пунктом «е» части первой статьи 63 настоящего Кодекса»².

Различные перечни данных преступлений предложены Верховным Судом РФ³, Генеральной прокуратурой РФ и МВД РФ⁴.

Нет единого мнения о классификации преступлений экстремистской направленности и среди ученых.

15 лет назад Р.М. Узденов⁵ классифицировал преступления экстремистской направленности в зависимости от разновидности конкретного элемента основ конституционного строя РФ:

1) общественные отношения, обеспечивающие реализацию конституционного статуса личности (ст. 105, 108, 110—112, 114—117, 119—122, 124—133, 136—141, 148—149 УК РФ);

2) общественные отношения, обеспечивающие реализацию конституционных основ экономических отношений (ст. 158—163, 165, 167, 169, 178, 179 УК РФ);

3) общественные отношения, обеспечивающие реализацию конституционных основ общественного строя (ст. 205—206, 208, 212, 213, 214, 239, 243—244, 353—354, 357, 360 УК РФ);

4) общественные отношения, обеспечивающие реализацию конституционных основ государственного строя (ст. 277—282.2 УК РФ).

² Федеральный закон от 24.07.2007 № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4008.

³ Пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8; Табель форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости и форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости, утвержденный Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11.04.2017 № 65 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Перечень № 20 «Преступления экстремистской направленности», введенный в действие Указанием Генпрокуратуры России и МВД России от 17.01.2023 № 11/11/1 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Узденов Р.М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 26.

Тогда же М.Г. Жилкин⁶ предложил к преступлениям экстремистской направленности отнести следующие деяния:

1) отдельные проявления экстремизма, которые сами по себе признаются уголовно наказуемыми (ст. 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ), где экстремизм проявляется в наиболее концентрированном виде;

2) деяния, посредством которых, согласно примечаниям к ст. 282.1 УК РФ, осуществляется экстремистская деятельность (ст. 148, 149, 213, 214, 243, 244 УК РФ);

3) группу «террористических преступлений» (ст. 205, 205.1, 205.2 УК РФ);

4) сопутствующие экстремизму преступления (ст. 105, 111, 112, 117, 126, 127, 127.1, 127.2, 129, 130, 167, 206, 208, 209 УК РФ и т. д.);

5) преступления с экстремистской мотивацией (п. «л» ч. 2 ст. 105; п. «е» ч. 2 ст. 111; п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ и т. д.).

В 2010 г. В.В. Ревина⁷ выделила конкретные преступления, отнесенные к экстремистской деятельности (экстремизму): ст. 136, 141, 205, 205.1, 205.2, 206, 208, 212, 278, 279, 319, 360 (если они совершены по мотивам, закрепленным п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ), а также ст. 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ.

В том же году специалистами⁸ была предложена классификация так называемых «экстремистских преступлений», поддержанная впоследствии другими учеными:

1) преступления, связанные с экстремистской деятельностью, — деяния, перечисленные в ст. 1 Закона о противодействии экстремистской деятельности и подпадающие под уголовно-правовые нормы (ст. 280, 282, 282.2, 282.3 УК РФ);

2) преступления экстремистской направленности — уголовно-правовые нормы, в которых мотив идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти или

⁶ Жилкин М.Г. Уголовно-правовые аспекты борьбы с экстремизмом // Экстремизм и другие криминальные явления: сборник статей / ред. А.И. Долгова. М., 2008. С. 39—40.

⁷ Ревина В.В. Экстремизм в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 9.

⁸ Видакин В.В., Фокин М.С. Соотношение понятий «экстремистская деятельность» и «преступления экстремистской направленности» // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2010. № 4. С. 171; Литвяк Л.Г. К вопросу о понятиях «экстремистская деятельность (экстремизм)» и «преступления экстремистской направленности» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 5. С. 112.

вражды, а равно мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы является квалифицирующим признаком;

3) иные преступления экстремистской направленности — остальные уголовно-правовые нормы, преступления по которым совершаются с указанным мотивом (обстоятельством,отягчающим наказание, в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

В 2011 г. С.Н. Фридинский⁹ в систему преступлений, связанных с осуществлением экстремистской деятельности, включил следующие:

1) «чистые» экстремистские преступления, т. е. деяния, совершая которые виновные, движимые экстремистскими побуждениями, совершают действия, направленные на насильственное распространение таких взглядов и искоренение взглядов, отличных от отстаиваемых ими, или организацию таких действий в будущем (ст. 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ);

2) любые иные преступления из предусмотренных УК РФ, при условии, что они совершаются по экстремистским мотивам;

3) террористическая деятельность как крайняя форма проявления экстремизма.

Тогда же Д.И. Леньшиным¹⁰ было предложено разделить все преступления экстремистской направленности на два вида:

1) составы, где экстремистский мотив выступает как квалифицированная форма совершения другого общественно опасного деяния, а именно разделение по родовому объекту посягательства: преступления экстремистской направленности, посягающие на личность, на общественную безопасность, общественный порядок и т. д.;

2) составы, предусматривающие ответственность за конкретные деяния, признаваемые экстремизмом, у которых один общий объект посягательства — государственная власть, а конкретнее — основы конституционного строя и безопасности государства.

При этом им было предложено подразделить эту группу на две подгруппы: преступления, связанные с деятельностью организаций, и преступления, не связанные с такой деятельностью.

⁹ Фридинский С.Н. Противоположение экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 10.

¹⁰ Леньшин Д.И. Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 14—15.

А.А. Можегова¹¹ дифференцировала общественно опасные проявления экстремизма на две группы:

1) собственно экстремистские преступления, основным объектом которых являются основы конституционного строя и безопасность государства (государственные преступления);

2) преступления экстремистской направленности, посягающие на иные основные объекты, в которых экстремистский мотив может выступать конструктивным или квалифицирующим признаком либо отягчающим обстоятельством, учитываемым судом при назначении наказания (п. «е» ст. 63 УК РФ).

А.В. Петряниным¹² разработаны классификационные основы систематизации преступлений экстремистской направленности, основанные на авторской концепции:

1) преступления, причиняющие вред общественным отношениям, обеспечивающим охрану общественной безопасности России (ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 207, 208, 212 УК РФ);

2) деяния, посягающие на общественные отношения, регулирующие нормальное функционирование конституционного строя Российской Федерации (ст. 239, 277, 278, 279, 280, 280.1, 281, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ);

3) деяния, наносящие ущерб общественным отношениям, устанавливающим легитимные условия сохранения мира и безопасности человечества (ст. 354.1, 357, 360 УК РФ).

По мнению И.С. Макеевой¹³, все преступные экстремистские проявления необходимо разделить на группы по направленности на объект посягательства:

1) преступления, непосредственно направленные на совершение экстремистской деятельности (ст. 280, 280.1, 282—282.3 УК РФ), в которых основным непосредственным объектом яв-

¹¹ Можегова А.А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по Уголовному праву Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 10.

¹² Петрянин А.В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2015. С. 12.

¹³ Макеева И.С. Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. С. 26.

ляются основы конституционного строя и безопасность государства;

2) преступления, совершаемые по экстремистскому мотиву (п. «л» ч. 2 ст. 105; п. «е» ч. 2 ст. 111; п. «е» ч. 2 ст. 112; п. «б» ч. 2 ст. 115; п. «б» ч. 2 ст. 116; п. «з» ч. 2 ст. 117; ч. 2 ст. 119; ч. 4 ст. 150; ч. 2 ст. 214; ч. 2 ст. 244 УК РФ), в которых основы конституционного строя выступают факultatивным непосредственным объектом.

Как заметил В.Г. Выстропов, «преступления экстремистской направленности, в соответствии с определением, представленным в примечании к ст. 282.1 УК РФ, образуют весьма обширную категорию, которая в различных источниках специальной литературы дифференцируется по целому ряду критериев»¹⁴.

Было предложено указанные преступления «рассматривать в качестве совершённых с применением насилия или угрозой его применения посягательств на демократический, правовой, социальный и светский характер государства, равенство прав и свобод человека и гражданина вне зависимости от каких-либо обстоятельств и недопустимость ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности»¹⁵.

Е.В. Алехин¹⁶ предложил следующую классификацию преступлений рассматриваемого вида:

1) деяния, содержащие в себе исключительно признаки преступлений экстремистской направленности (ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ);

2) преступления террористической направленности, как крайняя форма проявления экстремизма;

3) преступления, которые считаются экстремистскими в силу наличия соответствующих субъективных признаков, выступающих в качестве квалифицирующих;

4) преступления, объективные признаки которых не позволяют отнести их к преступлениям экстремистской направленности, но которые могут признаваться таковыми при наличии эк-

стремистского мотива (указанного в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ), который будет считаться отягчающим обстоятельством.

Е.Ю. Орлова¹⁷ на основе статистической отчетности Генеральной прокуратуры РФ и МВД РФ преступления экстремистской направленности классифицирует следующим образом:

1) имеющие в диспозиции соответствующей статьи Особенной части УК РФ указание на мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти и вражды либо мотив ненависти и вражды в отношении какой-либо социальной группы: п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ; п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ; п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ; п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ; ст. 116 УК РФ; п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ; ч. 2 ст. 119 УК РФ; ст. 136 УК РФ; ч. 4 ст. 150 УК РФ; п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ; ч. 2 ст. 214 УК РФ; п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ; ст. 357 УК РФ;

2) посягающие на общественные отношения в сфере основ конституционного строя и безопасности государства, которые следует рассматривать в качестве умышленно создаваемых условий для последующего осуществления экстремистской деятельности: ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ;

3) предусмотренные статьями УК РФ, в диспозициях которых нет прямого указания на мотив ненависти и вражды (экстремистский мотив), но данный мотив подтвержден в ходе расследования преступления: ч. 3 и 4 ст. 111, ст. 141, 142, 142.1, 148, 149, 167, 212, ч. 2 ст. 213, ст. 239, 243, 278, 279, 335, 336, 354.1 УК РФ.

В монографии ученых Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)¹⁸ общественно опасные уголовно наказуемые деяния экстремистской направленности дифференцированы по непосредственному объекту преступления:

1) против жизни и здоровья — п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119 УК РФ;

2) против конституционных прав и свобод человека и гражданина — ст. 136, 141, 148, 149 УК РФ;

¹⁴ Выстропов В.Г. Совершенствование расследования преступлений, связанных с организацией экстремистской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2018. С. 4.

¹⁵ Королев Ю.А. Дифференциация уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 9.

¹⁶ Алехин Е.В. Виды и классификация преступлений экстремистской направленности // Полицейская деятельность. 2018. № 4. С. 30—31.

¹⁷ Орлова Е.Ю. Виды преступлений экстремистской направленности в системе уголовного законодательства // Вестник магистратуры. 2019. № 7-2 (94). С. 155—156.

¹⁸ Бодров Н.Ф., Бимбинов А.А., Воронин В.Н. Материалы экстремистского характера, распространяемые в сети Интернет: проблемы судебно-экспертного исследования и вопросы квалификации преступлений: монография. М., 2020. С. 44—45.

3) против семьи и несовершеннолетних — ч. 4 ст. 150 УК РФ;

4) против общественной безопасности — ст. 212, п. «б» ч. 1 ст. 213, ч. 2 ст. 214 УК РФ;

5) против здоровья населения и общественной нравственности — ст. 239, ч. 2 ст. 244 УК РФ;

6) против основ конституционного строя и безопасности государства — ст. 277, 278, 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2 УК РФ;

7) против мира и безопасности человечества — ст. 354.1 и 357 УК РФ.

С точки зрения З.М. Бешуковой¹⁹, система преступлений, связанных с экстремистской деятельностью, подразделяется на следующие преступления:

1) связанные с осуществлением экстремистской деятельности (ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ);

2) преступления экстремистской направленности:

а) *константные преступления экстремистской направленности*: п. «л» ч. 2 ст. 105; п. «е» ч. 2 ст. 111; п. «е» ч. 2 ст. 112; п. «б» ч. 2 ст. 115; п. «б» ч. 2 ст. 116; п. «з» ч. 2 ст. 117; ч. 2 ст. 119; ч. 4 ст. 150; п. «б» ч. 1 ст. 213; ч. 2 ст. 214; п. «б» ч. 2 ст. 244; ст. 282.1 УК РФ, в которых мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы включен в состав в качестве квалифицирующего признака либо является признаком основного состава;

б) *вариативные преступления экстремистской направленности* — любое преступление (в том числе преступления, предусмотренные ст. 280, 280.1, 282, 282.2, 282.3 УК РФ) в случае его совершения по мотиву политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотиву ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Все остальные деяния, входящие в объём легального определения экстремистской деятельности, содержащие признаки преступлений, предусмотренных ст. 128.1, 136, 141, 148, 294, 298.1, 315, 317, 320 УК РФ, образуют *систему иных преступлений, условно связанных с экстремистской деятельностью*.

¹⁹ Бешукова З.М. Механизм уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности: содержание, структура, основные направления оптимизации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Грозный, 2020. С. 11—12.

Л.В. Глазкова²⁰ охарактеризовала преступления экстремистской направленности как деяния:

1) основными мотивами при совершении которых являются мотивы экстремистского характера (мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы), т. е. деяния, предусмотренные ст. 136, 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ;

2) деяния, в которых указанные мотивы являются отягчающим обстоятельством, указанным в тексте состава преступления, т. е. деяния, предусмотренные п. «л» ч. 2 ст. 105; п. «е» ч. 2 ст. 111; п. «е» ч. 2 ст. 112; п. «б» ч. 2 ст. 115; п. «б» ч. 2 ст. 116; п. «з» ч. 2 ст. 117; ч. 2 ст. 119; ч. 4 ст. 150; п. «б» ч. 1 ст. 213; ч. 2 ст. 214; п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ;

3) иные деяния, если в их основе находятся преимущественно экстремистские мотивы, направленные против какой-либо социальной группы.

В 2022 г. С.В. Криштоповым предложена следующая классификация общественно опасных деяний рассматриваемого вида²¹:

1) экстремистские преступления, предусмотренные гл. 29 УК РФ (преступления против основ конституционного строя и безопасности государства): ст. 280, 280.1, 280.2, 280.3, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ;

2) составы преступлений, содержащие мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы непосредственно в диспозиции: п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, п. «д» ч. 2 ст. 207.3, п. «б» ч. 1 ст. 213, ч. 2 ст. 214 УК РФ;

3) составы преступлений, которые могут предусматривать мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы: ч. 3 и 4 ст. 111, ст. 116, 136, 148, 149, 167,

²⁰ Глазкова Л.В. Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 12. С. 171—172.

²¹ Криштопов С.В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям экстремистской направленности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 11—12.

ч. 3 ст. 207.3, ст. 212, ч. 2 и 3 ст. 213, ст. 239, 243, 244, 284.2, 335, 336, 354.1, 357 УК РФ, а также в зависимости от даты совершения преступления предусмотренные: ст. 141, ст. 142, ст. 142.1, ч. 4 ст. 150, ст. 213, ст. 214, ст. 278, ст. 279 УК РФ;

4) составы преступлений, которые могут быть совершены в связи с экстремистской деятельностью: ст. 222, 222.1, 223, 223.1, 226, 355 УК РФ, как сопутствующие одновременно составам преступлений экстремистской и террористической направленности;

5) иные составы преступлений, совершенных в связи с мотивами политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, но не перечисленные в пп. 3 и 4.

Как мы видим, на протяжении многих лет не прекращается диспут об отнесении общественно опасных уголовно наказуемых деяний к экстремистским. Что не может не влиять на эффективность противодействия им.

А ряд специалистов придерживается мнения, что преступления, предусмотренные ст. 280, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ, могут не относиться к экстремистским в случае их совершения по мотивам, отличным от возбуждения ненависти или вражды, например корыстному²².

При призывах к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) мотив может быть любой, в частности корыстный или низменный. Субъект преступления призывает именно к совершению деяний, перечисленных в п. 1 ст. 1

Закона о противодействии экстремистской деятельности, в том числе подпадающих под признаки преступлений, предусмотренных рядом статей УК РФ.

Действия, указанные в ст. 282 УК РФ, направлены именно на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

Экстремистское сообщество (ст. 282.1 УК РФ) создается именно для совершения преступлений экстремистской направленности. То есть сообщество, создаваемое с другой целью, не может являться экстремистским.

Организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ) осуществляется именно с целью экстремизма. Опять же, организация деятельности организации с другой целью не может являться организацией деятельности экстремистской организации.

Финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ) — это предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для финансирования экстремистской деятельности.

Тем самым, преступления, предусмотренные ст. 280, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ, априори имеют экстремистскую направленность²³.

Действительно, основными отличительными идентификационными признаками преступлений экстремистской направленности от других общественно опасных деяний являются мотив — ненависть или вражда: политическая, идеологическая, расовая, национальная, религиозная, к какой-либо социальной группе, а также цель возбуждения таких ненависти или вражды.

По нашему мнению, на основе относимости экстремистских мотивов к составу преступления классифицировать общественно опасные деяния экстремистской направленности возможно по четырем группам:

1) *преступления, при совершении которых экстремистские мотивы входят в основной состав преступления (полносоставные преступления)*: ст. 136, 144.1, 145, 148, п. «б» ч. 1 ст. 213, ст. 207.3,

²² См. подробно: Мельник Д. С. Актуальные вопросы законодательного обеспечения борьбы с экстремизмом // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 4761—4765. URL: <http://e-koncept.ru/2014/55217.htm>; Халиков М.И. Экстремизм (уголовно-правовой аспект) // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2008. № 2. С. 214—220; Штыкова Е.Р. Понятие «преступления экстремистской направленности»: трудности толкования законодательного определения // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 1 (26). С. 371—374; Яни П.С. Квалификация преступлений экстремистской направленности // Российская юстиция. 2011. № 10. С. 11—16; Осипов В.А. Экстремизм, экстремистская деятельность и преступления экстремистской направленности: понятия, содержание и соотношение // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 4 (42). С. 34—38; Рыдченко К.Д., Соловьев В.С. Правовые меры противодействия экстремизму в молодежной среде // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. № 4. С. 33—40.

²³ Бычков В.В. Преступления экстремистской направленности: понятие, классификация, общие объективные и субъективные признаки, квалифицированные составы // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 4 (22). С. 36—41.

280, 280.1, 280.2, 280.3, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 282.4, 354.1 УК РФ;

2) *преступления, в которых экстремистские мотивы фигурируют в качествеотягчающего обстоятельства непосредственно в диспозициях соответствующих статей*: п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, ч. 4 ст. 150, ч. 2 ст. 214, п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ;

3) *иные преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы*: ст. 110, 110.1, 110.2, 212, 243, 243.4, 357 УК РФ;

4) *преступления террористического характера, как крайняя степень экстремизма*²⁴: ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 УК РФ.

Список литературы

1. Алехин Е.В. Виды и классификация преступлений экстремистской направленности // Полицейская деятельность. 2018. № 4. С. 26—31. doi: 10.7256/2454-0692.2018.4.27486.

2. Бешукова З.М. Механизм уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности: содержание, структура, основные направления оптимизации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Грозный, 2020. 46 с.

3. Бодров Н.Ф., Бимбинов А.А., Воронин В.Н. Материалы экстремистского характера, распространенные в сети Интернет: проблемы судебно-экспертного исследования и вопросы квалификации преступлений: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 160 с.

4. Бычков В.В. Преступления террористического характера: понятие и классификация // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 2. С. 46—50.

5. Бычков В.В. Преступления экстремистской направленности: понятие, классификация, общие объективные и субъективные признаки, квалифицированные составы // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 4 (22). С. 36—41.

²⁴ Бычков В.В. Преступления террористического характера: понятие и классификация // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 2. С. 46—50.

6. Видякин В.В., Фокин М.С. Соотношение понятий «экстремистская деятельность» и «преступления экстремистской направленности» // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2010. № 4. С. 168—171.

7. Выстропов В.Г. Совершенствование расследования преступлений, связанных с организацией экстремистской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2018. 29 с.

8. Глазкова Л.В. Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 12. С. 167—176. doi: 10.17803/1994-1471.2021.133.12.167-176.

9. Жилкин М.Г. Уголовно-правовые аспекты борьбы с экстремизмом // Экстремизм и другие криминальные явления: сборник статей / ред. А.И. Долгова. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2008. С. 36—42.

10. Королев Ю.А. Дифференциация уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 29 с.

11. Криштопов С.В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям экстремистской направленности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 25 с.

12. Леньшин Д.И. Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 24 с.

13. Литвяк Л.Г. К вопросу о понятиях «экстремистская деятельность (экстремизм)» и «преступления экстремистской направленности» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 5. С. 109—112.

14. Макеева И.С. Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. 177 с.

15. Можегова А.А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по Уголовному праву Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 27 с.

16. Орлова Е.Ю. Виды преступлений экстремистской направленности в системе уголовного законодательства // Вестник магистратуры. 2019. № 7-2 (94). С. 154—156.

17. Осипов В.А. Экстремизм, экстремистская деятельность и преступления экстремистской направленности: понятия, содержание и соотношение // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 4 (42). С. 34—38.

18. Петрянин А.В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2015. 490 с.

19. Ревина В.В. Экстремизм в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 24 с.

20. Рыдченко К.Д., Соловьев В.С. Правовые меры противодействия экстремизму в молодежной среде // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. № 4. С. 33—40.

21. Узденов Р.М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 29 с.

22. Фрединский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 42 с.

23. Халиков М.И. Экстремизм (уголовно-правовой аспект) // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2008. № 2. С. 214—220.

24. Штыкова Е.Р. Понятие «преступления экстремистской направленности»: трудности толкования законодательного определения // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 1 (26). С. 371—374. doi: 10.26140/bgз3-2019-0801-0096.

25. Яни П.С. Квалификация преступлений экстремистской направленности // Российская юстиция. 2011. № 10. С. 11—16.

References

1. Alekhin, E.V. (2018) Vidy i klassifikatsiya prestupleniy ekstremistskoy napravlenosti [Types and classification of extremist crimes]. *Politseyskaya deyatel'nost'*, no. 4, pp. 26—31. (In Russ.). doi: 10.7256/2454-0692.2018.4.27486.

2. Beshukova, Z.M. (2020) Mekhanizm ugovolno-pravovogo protivodeystviya ekstremistskoy deyatel'nosti: soderzhanie, struktura, osnovnye napravleniya optimizatsii [Mechanism of criminal law counteraction to extremist activity: content, structure, main directions of optimization]. Abstract

of Doctor's degree dissertation. Groznyy, 46 p. (In Russ.).

3. Bodrov, N.F., Bimbinov, A.A. & Voronin, V.N. (2020) Materialy ekstremistskogo kharaktera, raspostranyaemye v seti Internet: problemy sudebno-ekspertnogo issledovaniya i voprosy kvalifikatsii prestupleniy [Extremist materials distributed on the Internet: problems of forensic expert research and qualification of crimes]. Monograph. Moscow, Norma, INFRA-M, 160 p. (In Russ.).

4. Bychkov, V.V. (2019) Prestupleniya terroristscheskogo kharaktera: ponyatie i klassifikatsiya [Crimes of a terrorist nature: concept and classification]. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 2, pp. 46—50. (In Russ.).

5. Bychkov, V.V. (2018) Prestupleniya ekstremistskoy napravlenosti: ponyatie, klassifikatsiya, obshchie ob"ektivnye i sub"ektivnye priznaki, kvalifitsirovannyye sostavy [Extremist crimes: concept, classification, general objective and subjective signs and qualified formulations]. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 4 (22), pp. 36—41. (In Russ.).

6. Vidyakin, V.V. & Fokin, M.S. (2010) Sootnoshenie ponyatiy "ekstremistskaya deyatel'nost'" i "prestupleniya ekstremistskoy napravlenosti" [Correlation of concepts of "extremist activity" and "crimes of extremist orientation"]. *Herald of Omsk University. Series Law*, no. 4, pp. 168—171. (In Russ.).

7. Vystropov, V.G. (2018) Sovershenstvovanie rassledovaniya prestupleniy, svyazannykh s organizatsiey ekstremistskoy deyatel'nosti [Improving the investigation of crimes related to the organization of extremist activity]. Abstract of Ph. D. thesis. Rostov-na-Donu, 29 p. (In Russ.).

8. Glazkova, L.V. (2021) Prestupleniya ekstremistskoy napravlenosti, sovershaemye s ispol'zovaniem sfery telekommunikatsiy i komp'yuternoy informatsii [Extremist crimes committed using the sphere of telecommunications and computer information]. *Actual Problems of Russian Law*, vol. 16, no. 12, pp. 167—176. (In Russ.). doi: 10.17803/1994-1471.2021.133.12.167-176.

9. Zhilkin, M.G. (2008) Ugolovno-pravovyye aspekty bor'by s ekstremizmom [Criminal and legal aspects of the fight against extremism]. In: Dolgova, A.I. (ed.) *Ekstremizm i drugie kriminal'nye yavleniya. Collection of articles*. Moscow, Russian Criminological Association, pp. 36—42. (In Russ.).

10. Korolev, Yu.A. (2022) Differentsiatsiya ugovolnoy otvetstvennosti za prestupleniya ekstre-

mistskoy napravlenosti [Differentiation of criminal liability for extremist crimes]. Abstract of Ph. D. thesis. Ekaterinburg, 29 p. (In Russ.).

11. Krishtopov, S.V. (2022) Ugolovno-pravovoe protivodeystvie prestupleniyam ekstremistskoy napravlenosti [Criminal law counteraction to extremist crimes]. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 25 p. (In Russ.).

12. Lenshin, D.I. (2011) Prestupleniya ekstremistskoy napravlenosti po ugovnomu pravu Rossiyskoy Federatsii [Crimes of extremist orientation under the criminal law of the Russian Federation]. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 24 p. (In Russ.).

13. Litvyak, L.G. (2016) K voprosu o ponyatiyakh “ekstremistskaya deyatel’nost’ (ekstremizm)” i “prestupleniya ekstremistskoy napravlenosti” [On the question of the concepts of “extremist activity (extremism)” and “crimes of extremist orientation”]. *Gumanitarnye, sotsial’no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, no. 5, pp. 109–112. (In Russ.).

14. Makeeva, I.S. (2017) Ugolovnaya otvetstvennost’ za prestupleniya ekstremistskoy napravlenosti, posyagayushchie na osnovy konstitutsionnogo stroya i bezopasnost’ gosudarstva [Criminal liability for crimes of extremist orientation, encroaching on the foundations of the constitutional system and security of the state]. Ph. D. thesis. Ekaterinburg, 177 p. (In Russ.).

15. Mozhegova, A.A. (2015) Ekstremistskie prestupleniya i prestupleniya ekstremistskoy napravlenosti po Ugovnomu pravu Rossiyskoy Federatsii [Extremist crimes and crimes of extremist orientation under the Criminal Law of the Russian Federation]. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 27 p. (In Russ.).

16. Orlova, E.Yu. (2019) Vidy prestupleniy ekstremistskoy napravlenosti v sisteme ugovnogo zakonodatel’sтва [Types of crimes of extremist orientation in the system of criminal legislation]. *Vestnik magistratury*, no. 7-2 (94), pp. 154–156. (In Russ.).

17. Osipov, V.A. (2018) Ekstremizm, ekstremistskaya deyatel’nost’ i prestupleniya ekstremistskoy napravlenosti: ponyatiya, sodержание i sootnoshenie [Extremism, extremist activity and extremist crimes: concepts, content and correlation]. *Vestnik*

Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii, no. 4 (42), pp. 34–38. (In Russ.).

18. Petryanin, A.V. (2015) Kontseptual’nye osnovy protivodeystviya prestupleniyam ekstremistskoy napravlenosti: teoretiko-prikladnoe issledovanie [Conceptual foundations of countering extremist crimes: theoretical and applied research]. Doctor’s degree dissertation. Nizhniy Novgorod, 490 p. (In Russ.).

19. Revina, V.V. (2010) Ekstremizm v rossiyskom ugovnom prave [Extremism in Russian criminal law]. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 24 p. (In Russ.).

20. Rydchenko, K.D. & Soloviev, V.S. (2013) Pravovye mery protivodeystviya ekstremizmu v molodezhnoy srede [Legal measures against youth extremism]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, no. 4, pp. 33–40. (In Russ.).

21. Uzdenov, R.M. (2008) Ekstremizm: kriminologicheskie i ugovno-pravovye problemy protivodeystviya [Extremism: criminological and criminal law problems of counteraction]. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 29 p. (In Russ.).

22. Fridinsky, S.N. (2011) Protivodeystvie ekstremistskoy deyatel’nosti (ekstremizmu) v Rossii (sotsial’no-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie) [Counteraction to extremist activity (extremism) in Russia (socio-legal and criminological research)]. Abstract of Doctor’s degree dissertation. Moscow, 42 p. (In Russ.).

23. Khalikov, M.I. (2008) Ekstremizm (ugolovno-pravovoy aspekt) [Extremism (criminal law aspect)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ekonomika i pravo*, no. 2, pp. 214–220. (In Russ.).

24. Shtykova, E.R. (2019) Ponyatie “prestupleniya ekstremistskoy napravlenosti”: trudnosti tolkovaniya zakonodatel’nogo opredeleniya [The concept of “crimes of extremism”: difficulties interpreting legislative definition]. *Baltic Humanitarian Journal*, vol. 8, no. 1 (26), pp. 371–374. (In Russ.). doi: 10.26140/bg3-2019-0801-0096.

25. Yani, P.S. (2011) Kvalifikatsiya prestupleniy ekstremistskoy napravlenosti [Qualification of extremist crimes]. *Rossiyskaya yustitsiya*, no. 10, pp. 11–16. (In Russ.).

Информация об авторе

В.В. Бычков — декан факультета повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Information about the author

V.V. Bychkov – Dean of the Faculty of Advanced Training of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor, Colonel of Justice.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 31—39.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2023, no. 3, pp. 31—39.

УДК 343
doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.003

NIION: 2015-0064-03/23-136
MOSURED: 77/27-009-2023-03-335

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Исторические вехи становления уголовной политики как науки¹

Леонид Викторович Голоскоков

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия,
l.v.goloskokov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4113-1571>

Аннотация. Исследованы отдельные исторические вехи становления уголовной политики как науки. Показаны источники, в которых впервые обсуждалась тема появления и развития уголовной политики как науки. Рассмотрены примеры формирования уголовной политики, начиная с петровских реформ первой четверти XVIII в., раннего советского, советского военного периода и заканчивая современным состоянием. Исторический метод исследования позволил выявить некоторые проблемы уголовной политики. Предложены общие подходы к их решению.

Ключевые слова: право, государство, уголовная политика, наука, история.

Для цитирования: Голоскоков Л.В. Исторические вехи становления уголовной политики как науки // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 31—39. doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.003.

Historical milestones in the formation of criminal policy as a science

Leonid V. Goloskokov

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia,
l.v.goloskokov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4113-1571>

Abstract. Separate historical milestones in the formation of criminal policy as a science have been studied. The sources are shown, in which the topic of the emergence and development of criminal policy as a science was discussed for the first time. Examples of the formation of criminal policy are considered, starting with Peter's reforms of the first quarter of the 18th century, early Soviet, Soviet military period, and ending with the current state. The historical method of research has made it possible to identify some problems of criminal policy. General approaches to their solution are proposed.

Keywords: law, state, criminal policy, science, history.

For citation: Goloskokov, L.V. (2023) Historical milestones in the formation of criminal policy as a science. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 3, pp. 31—39. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.003.

Для понимания того, что представляет собой современная уголовная политика, нужно погрузиться в историю развития и становления уголовной политики как науки. Рассмотрим некоторые её вехи.

Уголовная политика как явление появилась давно. М. Чубинский пишет, что «уже в глубокой древности, а именно в трудах Платона и Ари-

стотеля, мы встречаем отдельные, иногда даже систематизированные требования уголовно-политического характера. Ещё большее развитие получают уголовно-политические идеи у юристов, философов и поэтов Рима, а также у писателей первых веков христианской эры <...> Лишь во второй половине XVIII века возникает (в трудах Монтескье, Беккариа, Вольтера и др.) могучий реформаторский поток, который привёл к созданию уголовной политики, как научной дисциплины. Беккариа и другие великие мыслители-реформаторы выпускают целые трактаты, широко охватывающие уголовно-политическую

¹ Подготовлено при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

область; по существу дела с их трудов нужно начинать историю уголовной политики, как науки, ибо они на долгие годы дали для неё содержание и с большой полнотой систематизировали необходимый для неё материал, критически относясь к существующим порядкам правосудия и намекая лучшее и должное. Формально же мы должны обратиться ко времени более позднему, ибо самый термин «уголовная политика» тогда ещё не существовал и вопрос о её соотношении с наукой уголовного права не ставился»².

И.Н. Дорофеев и П.В. Сухинин, исследуя исторический опыт петровских реформ первой четверти XVIII века, пишут: «В петровский период создаётся и функционирует несколько организационных структур, осуществлявших уголовный и политический сыск. Создание и ликвидация различных правоохранительных ведомств и служб подтверждает наш тезис о том, что царь рассматривал различные варианты и предпринимал попытки по поиску наиболее оптимальной организационной модели по делам о «великих неправдах и граблении народа». Важное значение на тот период для борьбы с инакомыслием имел карательный орган — Преображенский приказ, который наделялся компетенцией производства следствия и суда по политическим делам. В России в 1718 г. царём учреждается очередной карательный орган — Тайная канцелярия, которая также осуществляла следствие и суд по делам политического сыска. Однако в её компетенцию входили исключительно политические преступления, совершённые на территории Санкт-Петербурга»³.

Исследователи отмечают, что «царь лично подбирал руководителей контролирующих и надзорных структур. В этой связи обратим внимание на личность провинциал-фискала А.Я. Нестерова — бывшего холопа, ставшего впоследствии главой Ясачной канцелярии, а затем комиссаром Московской губернии. Пётр I лично переписывался с ним, что говорит об особом внимании царя к данной персоне. Фискалы, не считаясь с титулами и происхождением злоумыш-

ленников, возбуждали уголовные дела против первых лиц государства. А.Я. Нестеров санкционировал расследование в отношении А.Д. Меншикова, сенаторов В.А. Апухтина и Г.И. Волконского. На дыбу попал Санкт-петербургский вице-губернатор Я.Н. Римский-Корсаков. По материалам, собранным А.Я. Нестеровым, был повешен сибирский губернатор князь М.П. Гагарин. Однако карательная политика царя и репрессии в отношении мздоимцев и казнокрадов не избавили Россию от коррупции. Причём в коррупционных преступлениях были замешаны не только высокопоставленные чиновники государства, но и те, кто по долгу службы должен был сам бороться с лихоимством. В январе 1724 г. приговорён к колесованию и обер-фискал А.Я. Нестеров, который был уличён в коррупционных скандалах и злоупотреблениях»⁴.

В приведённых примерах петровская уголовная политика на первый взгляд была эффективна в силу своей жестокости, однако если посмотреть на современное воровство с высоты прошедших веков, видно, что ни репрессии, ни степень их жёсткости особого значения не имели. Преступления продолжают иметь место в любые периоды истории. Это говорит о том, что борьба с преступностью средствами одной уголовной политики неэффективна, и нужно искать инструменты, методы и средства глубокой превенции, увода личности смолodu в сферу позитивной и общественно полезной деятельности, а поэтому из имеющихся в уголовной политике трёх её важнейших составляющих (правотворчество, правоприменение, правосознание) нужно заниматься в большей степени правосознанием, поскольку правотворчество и правоприменение в рамках уголовной политики ограничены уголовным правом, которое, как показывает история, действенное решение проблемы борьбы с преступностью дать не может.

О том, когда термин «уголовная политика» появился и закрепился в науке, С.К. Гогель в 1910 году писал: «Наука уголовной политики новая, преподавание её введено всего лишь два года в русских университетах»⁵. Историю вопроса появления этой науки С.К. Гогель преподносит так: «Стремление создать особую науку политики, как прикладную, особенно ярко проявилось в области немецкой науки государственного права уже

² Чубинский М. Курс уголовной политики. Ярославль: Типография губернского правления, 1909. С. 2—3.

³ Дорофеев И.Н., Сухинин П.В. Исторический опыт реформ первой четверти XVIII века по противодействию коррупции (ретроспективный обзор) // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. М.: Академия управления МВД России, 2017. С. 69.

⁴ Там же. С. 69—70.

⁵ Гогель С.К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. Санкт-Петербург: Типография А.Г. Розена, 1910. С. 1.

лет 40 тому назад, и тогда же дал соответственную и правильную оценку всему этому движению В.И. Сергеевич в своём не устаревшем и до ныне исследовании «Задачи и методы государственной науки» (1871 г.). Он совершенно верно выяснил, что такая настоятельная потребность в образовании особой науки «политики» ощущается только немецкой наукой, но не английской и французской <...> Через 27 лет после сочинения Сергеевича вышла в свет работа профессора Страсбургского университета Фрица ван Калькера «Политика как наука» (1896), и в ней признаётся, что к науке политике относятся с громадным недоверием; её цели, содержание и задачи не определились и до сих пор. По мысли одного из самых выдающихся защитников политики как науки Фр.Ф. Гольцендорфа», автора сочинения «Основы политики» (1877), предметом науки политики должно быть изучение государственных целей. Черпая данные из основной науки, наука политики должна явиться путеводителем и наставником реальной политики во всех её отраслях»⁶.

Таким образом, примерно полтора века назад было сформулировано назначение политики как науки и определена её ведущая роль во всех отраслях, включая право. Тридцать лет назад российская политика и уголовная политика полностью поменялись в связи со сменой экономической модели и общественного строя.

Приведём некоторые показательные примеры уголовной политики советского и постсоветского периода. Н.А. Крайнова и Н.В. Радошнова об исторических аспектах уголовной политики 1921 года на примере дела В.Н. Таганцева и Н.С. Гумилёва пишут, что «к концу 1920 и до 1923 г. в советской России количество концентрационных лагерей возросло от 84 до 315»⁷. Авторы нашли, что в основу обвинения Н.С. Гумилёва легли показания В.Н. Таганцева о том, что ему были передана лента для пишущей машинки и двести тысяч советских рублей — сумма в то время совершенно незначительная. Гумилёв сообщил, что печатную ленту он вернул, а деньги взял на хранение, но это расценивалось как непосредственное участие в распределении помощи Антанты белогвардейским заговорщикам.

⁶ Гогель С.К. Указ. соч. С. 1—2.

⁷ Крайнова Н.А., Радошнова Н.В. Исторические аспекты реализации уголовной политики на примере судьбы Н.С. Гумилёва и «дела Таганцева» // Учёные записки юридического факультета. Санкт-Петербургский государственный экономический университет. 2021. № 4. С. 83.

Гумилёв был расстрелян, несмотря на попытки помощи со стороны А.М. Горького, М.Ф. Андреевой и А.В. Луначарского и их обращение к В.И. Ленину, на которое был получен отказ. В 1992 году все осуждённые по делу Таганцева были реабилитированы⁸. Исследователи констатируют, что в то время «жертвами уголовной репрессии становились как реальные преступные элементы, так и просто инакомыслящие граждане, зачастую не преследующие каких-то определённых политических целей, а неосмотрительно высказавшихся или оказавшихся не в том месте и не в то время. Следует отметить, что нередко степень репрессивности применяемых мер воздействия была чрезмерной <...> Уроки истории должны быть извлечены и способствовать выстраиванию оптимальной современной уголовной политики, избегающей чрезмерной жестокости и деспотизма»⁹.

Уголовная политика во время Великой Отечественной войны также имела частые перегибы в сторону излишней жёсткости, с чем государство пыталось бороться. Так, М.И. Лузгина пишет, что в Постановлении коллегии народного комиссариата юстиции Союза ССР от 31 марта 1943 г. «О надзорной практике Верховного Суда РСФСР по уголовным делам» приведено несколько примеров вынесения слишком строгого наказания, без учёта смягчающих обстоятельств по делу. Например, колхозницы Ибрагимова, Абсалямова, Ямбулатова осуждены были народным судом по ст. 162 п. «Г» уголовного кодекса (кража группой лиц по предварительному сговору) к одному году шести месяцам лишения свободы за кражу колхозного зерна в количестве от 2 до 4 кг каждая. Из их жалобы, которую они подали на решение суда в вышестоящую инстанцию, видно, что осуждённые имеют на своём иждивении: Ибрагимова — 12 человек, Ямбулатова — 4 человека, Абсалямова — 3 человека. Преступление гражданами было совершено впервые. Жалобщицы просили о снижении наказания. Жалобы были отклонены»¹⁰. Автор констатирует, что «что ситуация, складывающаяся в

⁸ Там же. С. 84—85.

⁹ Там же. С. 85.

¹⁰ Лузгина М.И. Особенности уголовной политики государства в период Великой Отечественной войны // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. М.: Академия управления МВД России, 2017. С. 171.

области уголовной политики в период военного времени, была неоднозначной»¹¹.

Последующий длительный период послевоенного времени показал разворот уголовной политики к её смягчению. Освещая такой поворот, Л.А. Крушанова пишет, что «ретроспективный анализ уголовной политики советского государства в отношении советских военнопленных и коллаборационистов позволил выявить факторы, оказавшие влияние на её трансформацию. В-первых, уголовная политика удовлетворяла запрос общества безусловного наказания лиц, повинных в уничтожении мирных граждан на оккупированных территориях СССР как в годы войны, так и после её окончания. Во-вторых, существовал запрос и законодателя, и общества на поиск дополнительных источников трудовых ресурсов, необходимых для восстановления разрушенной войной экономики. Отсюда проявились следующие тренды: 1) декриминализация попадания в плен, 2) гуманизация наказания, проявившаяся в виде отмены смертной казни, 3) усиление ответственности, проявившееся в увеличении сроков отбывания уголовного наказания до 25 лет в лагерях ГУЛАГа и административного выселения бессрочно. Последующее смягчение уголовной политики было обусловлено с приходом к власти нового руководства и изменением политического курса в целом»¹². Здесь мы видим забытые ныне исторические опыты и временные циклы, которые, возможно, скоро предстоит пройти снова: наделать множество известных трагических ошибок, которые потом будем исправлять. Вроде всё это было совсем недавно, но история никого ничему не учит.

Известно, что большое влияние на политику оказывает экономика, состояние дел в ней и тенденции её развития. Право, правовая политика, уголовная политика также оказывают существенное влияние на экономику, а она, в свою очередь, оказывает обратное влияние на политику и право. Фактором, определяющим как политику, так и экономику, всегда было состояние общества в данный исторический момент и то, какова была общественно-экономическая формация или тип производства (рабовладельческий, феодальный, капиталистический и др.).

¹¹ Лузгина М.И. Указ. соч. С. 172.

¹² Крушанова Л.А. Влияние Великой Отечественной войны на становление уголовной политики СССР в отношении советских коллаборационистов // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2022. № 4. С. 43.

Россия, как и многие страны, прошла феодализм, капитализм, затем попробовала строить социализм и достигла в его строительстве значительных успехов. В нашей стране основа правовой политики в законодательстве была заложена в большей степени в явном виде не в уголовном кодексе, а в Гражданском кодексе РСФСР 1964 года, и вот где и как был отражён факт прямого действия социалистического общественного строя:

«Статья 1. Задачи Гражданского кодекса РСФСР

Гражданский кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики регулирует имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения в целях создания материально-технической базы коммунизма и *всё более полного удовлетворения материальных и духовных потребностей граждан*»¹³.

Выделенную нами мысль можно считать подлинным государственным национальным интересом высшего уровня, отражённым в законодательстве, её можно также считать важнейшим элементом государственной идеологии, правовой политики, целью и смыслом работы государства, всего управленческого корпуса снизу доверху, а также целью и смыслом деятельности всего народа — таково глубокое содержание этих полутора строчек текста. Более того, это есть и начало уголовной политики, ведь её подлинное и самой важное назначение — охранять уголовно-правовыми средствами важнейшие ценности государства, к которым, в частности, относятся материальные и духовные потребности граждан.

Уголовный кодекс 1960 года в ст. 1 также ставил общую, политическую задачу: «Уголовный кодекс РСФСР имеет задачей охрану общественного строя СССР, его политической и экономической систем, личности, прав и свобод граждан, всех форм собственности и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств»¹⁴. Идеи уголовного и гражданского советских кодексов перекликались и работали на одну цель: уголовный кодекс охранял общественный строй, а социалистический общественный строй был направлен на достижение цели, обозначенной в гражданском кодексе — «всё более полное удовлетворение материальных и духовных

¹³ Гражданский кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 11.06.1964 (ред. от 24.12.1992) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24, ст. 407.

¹⁴ Уголовный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27.10.1960 // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40, ст. 591.

потребностей граждан». Простая и ясная цель, полная гармония политики уголовной, гражданской, социальной.

Однако затем в политической системе государства произошёл известный переворот, и Гражданский кодекс Российской Федерации 1994 года в ст. 1 уже не ставит политические цели и задачи, а отсюда её название: «Основные начала гражданского законодательства». Упоминание о существовании граждан и их потребностях исчезло. Национальная и государственная спланирующая народ идея была заменена на примитивную цель — делать деньги (прибыль), но не сказано, для чего и для кого. Простая цель в конечном итоге превратилась в воровство в его прямом виде уголовных преступлений и в скрытом виде — приватизации и залоговых аукционов¹⁵, в вывозе капитала за рубеж, в ликвидации индустрии, мешавшей делать лёгкие деньги, в избавлении от социальной инфраструктуры, которая отвлекала деньги от главной теперь цели, задокументированной рабочей группой под руководством Председателя Счётной палаты Российской Федерации С.В. Степашина: «Вопреки статье 12 Федерального закона «О федеральном бюджете на 1995 год», устанавливающей, что в текущем году при приватизации досрочная продажа закрепленных в федеральной собственности пакетов акций нефтяных компаний, созданных и создаваемых в соответствии с указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации, не осуществляется, Госкомимущество России выставило в 1995 г. на инвестиционные конкурсы (торги) и залоговые аукционы пакеты акций нефтяных компаний «Юкос», «Лукойл», «Сиданко», «Сургутнефтегаз» и других»¹⁶.

Счётная палата описала схему залоговых аукционов: «Таким образом, сделки кредитования Российской Федерации под залог акций государственных предприятий могут считаться притворными, поскольку банки фактически «кредитовали» государство государственными же деньгами.

¹⁵ См.: Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993—2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие) / руководитель рабочей группы — Председатель Счётной палаты Российской Федерации С.В. Степашин. М.: Олита, 2004. С. 43. URL: <http://nationalization.ru/biblioteka/Analiz-processov-privatizacii-gosudarstvennoj-sobstvennosti-v-rossijskoj-federacii-za-period-1993-2003-gody.pdf> (дата обращения: 26.03.2023).

¹⁶ Там же.

Минфин России предварительно размещал на счетах банков — участников консорциума средства в сумме, практически равной кредиту, а затем эти деньги передавались Правительству Российской Федерации в качестве кредита под залог акций наиболее привлекательных предприятий. В результате банки, «кредитовавшие» государство, смогли непосредственно либо через аффилированных лиц стать собственниками находившихся у них в залоге пакетов акций государственных предприятий»¹⁷.

Перечисленные в отчёте Счётной палаты компании смогли за бесценно приобрести заводы, которые создавались усилиями народа десятилетиями, а их хозяева стали олигархами в одно мгновение. Если бы все эти дела остались неизвестными, можно было бы сказать, что правоохранительные органы, включая Счётную палату, работали плохо и не вскрыли то, что должны были вскрыть, и тогда суть уголовной политики была бы несколько иная: усилить работу органов по вскрытию замаскированных крупных хищений и финансовых злоупотреблений, искать и находить неизвестное и преступное.

Поскольку всё это было вскрыто и предано максимальной огласке, все органы и структуры государства об этом давно знают, и то, что по материалам проверки Счётной палаты так и не состоялись многочисленные уголовные дела, есть явное проявление именно уголовной политики, а не чего-то другого. Уголовной политике была отведена чёткая и однозначная роль — не мешать тотальному воровству, замаскированному под приватизационные процессы и залоговые аукционы. Это всеобщая народная оценка тех процессов, и от того, что им не была дана уголовно-правовая оценка со стороны государства, её суть не меняется со временем. Уголовная политика начинается именно в этой точке. В этой же точке она и заканчивается, потому что: 1) ущерб стране от такой уголовной политики был нанесён колоссальный и несопоставимый с ущербом, выявляемым по всем преступлениям; 2) политика, допускающая такое, не может называться политикой, это соучастие в уничтожении экономического и индустриального потенциала страны, и в рамках нашего исследования его лучше назвать парадигмой уголовного права, а не уголовной политикой. Парадигма уголовного права

¹⁷ Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993—2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие). С. 50.

может быть какой угодно, а уголовная политика может быть эффективной или неэффективной, но она не должна быть намеренно разрушительной, иначе это уже не политика.

После этого можно, конечно, согласиться с традиционной дефиницией уголовной политики, которую даёт В.А. Маслов: «Под уголовной политикой необходимо понимать стратегическую деятельность государства по противодействию преступности в целях охраны прав и свобод личности»¹⁸. Как мы видим, это вроде бы правильное определение находится в диссонансе с реальностью. Расшифровываем диссонанс до конца: если тотальное воровство не назвали воровством, то можно воровать. И уголовная политика по факту закрыла глава на глобальные процессы разворовывания, начавшиеся в девяностые годы. После чего все её правильные дефиниции можно забыть по причине их несоответствия реалиям. Дефиниции остались жить в воображаемом «правильном» мире учёных, законодателей, правоприменителей, которые видят, как должно быть. Они правы, так должно быть, но их идеалы в жизни отсутствуют. Тогда возникает вопрос, является ли всё это наукой, коль скоро она почти полностью игнорирует реальность и живёт в иллюзорном мире?

Всё-таки является, поскольку наука смогла выявить реальное состояние дел и предала его огласке. А это уже отправная точка для оздоровления. Так, В.А. Номоконов пишет: «Мы видим, что сегодня Россия переживает острый кризис, который затрагивает буквально все сферы жизни общества и отражается также и на состоянии общественной морали. В целом можно констатировать стагнацию экономики, усугубление имущественной дифференциации, расширение слоя бедных на фоне вызывающей роскоши «верхов», отсутствие реального разделения властей, доминирование и произвол исполнительной власти, криминализацию государства и тотальную коррупцию, а также явно неадекватную антикриминальную политику. Сегодня явственно ощущается тенденция применения неправовых методов, чрезмерная криминализация деяний, расширение сферы судейского усмотрения, коррупциогенные нормы в УК и т. д. В наше очень непро-

стое время, которое переживает страна, важно определить, какую роль в противодействии преступности играет или должна играть антикриминальная политика»¹⁹. Не каждый учёный отважится на такую оценку.

Далее представим некоторые стороны уголовной политики, которых, как у каждого сложного явления, много. Итак, тридцать лет назад состоялся уже не просто очередной кризис, а катастрофа: полная смена всех принципов, смена строя и идеологии, а последняя, если использовать минимум слов и передать ими самую суть, «блага народа» сменилась на воровство и коррупцию верхов.

Одновременно последние десятилетия показали, что мировая капиталистическая система пришла к своему естественному финишу, ибо все процессы в любом социуме конечны, как конечны и ресурсы, которые может присваивать капиталист в виде прибыли. Капиталистическая система всегда жила за счёт постоянной экспансии, расширения сфер влияния, из которых можно было так или иначе всё далее извлекать прибыль. Но мир, в том числе человеческий, страновой, территориальный, финансовый, ресурсный, оказался конечным, а жажда прибыли — бесконечной. Отсюда и растут противоречия и напряжённости.

В связи с коренной сменой общественного строя Гражданский кодекс Российской Федерации 1994 года в ст. 2, хотя и в косвенном виде, но цель поставил, замаскировав её внутри определения предпринимательской деятельности: «предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг»²⁰. Здесь была одна из точек зарождения основы и сути новой уголовной политики: ни в коем случае не мешать этому процессу средствами уголовного права, что и было сделано, несмотря ни на какие обстоятельства. Всё реализовалось в рамках уголовной политики, задача которой была не декларировать что-то, не записывать в законы

¹⁸ Маслов В.А. Уголовно-правовая политика: дефиниция и место в структуре уголовной политики // Труды Института государства и права РАН = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2021. Т. 16, № 5. С. 104—123. doi: 10.35427/2073-4522-2021-16-5-maslov. С. 106.

¹⁹ Номоконов В.А. Конец войне с преступностью? // Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 11 марта 2022 г.) / под общ. ред. Е.Н. Рахмановой. СПб: Астерион, 2022. С. 19—28. doi: 10.53115/9785001882176. С. 23.

²⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32, ст. 3301.

или доктрины, а делать без огласки. И оно было воплощено в реальность так полно, как никакая иная идея любого закона. Итог и цена всех совокупных усилий реальных творцов уголовной политики стоили того — триллионы долларов США, вывезенных в страны Запада и офшоры.

С момента появления ст. 2 ГК РФ и началось проведение политики государства, ориентированной на строительство капитализма, извлечение прибыли и направление её узкой группе людей. Может показаться, что ст. 2 ГК РФ имеет не особо важное значение, коль скоро она содержит всего лишь дефиницию, но на самом деле именно здесь определены фундаментальные основания государства, а именно, кто становится главным выгодополучателем в стране — капиталисты, и их цель, которая не содержит ничего, кроме прибыли. Результатом стало восстановление капиталистического строя, но при этом капитализм получился периферийный (он основан на снабжении сырьём более развитых в технологическом отношении стран), олигархический, криминальный, монополистический. Заметим, что главный кризис — идеологический — определяет и все остальные виды кризисов: технологический, экономический, финансовый и другие.

Посмотрим, какова роль уголовной политики, исходя из некоторых её количественных оценок, носящих самый общий характер. Поскольку объект нашего исследования называется «уголовная политика», при первом же подходе к его рассмотрению следует заметить, что объект так назван потому, что имеется соответствующая отрасль права — уголовное право. Событиям, происходящим в сфере уголовного права, уделяется в СМИ столько внимания, что может показаться, что это самая главная отрасль права и вообще самое главное направление в жизни. Однако отраслей права несколько десятков, и каждая из них вполне претендует на то, чтобы и в ней проводилась политика: налоговая, экологическая, трудовая и все прочие виды.

Таким образом, для вычисления истинной доли влияния и роли уголовной политики её предполагаемую роль и влияние следует сразу разделить на число отраслей права и тогда её реальное значение станет сразу примерно в двадцать раз меньше. Однако право как инструмент и средство управления в государстве является далеко не единственным инструментом, есть ещё экономика, финансы, военная сфера, управление, и в каждой из этих сфер происходят значительные процессы, которые по объёму, интенсив-

ности и влиянию превосходят те, которые регулируются правом, имеющим, как мы понимаем, много своих отраслей, и уголовное право — всего лишь одна из них. Таким образом, если подойти к вопросу оценки роли уголовной политики чисто математически, её роль (объём влияния) просматривается в размере где-то существенно менее одного процента от общего конгломерата государственных дел, мер регулирования, воздействия, управления. Но это только одна из характеристик исследуемого явления, которая позволяет создать часть целостной картины общего явления уголовной политики и её роли — чисто количественную. Такая оценка относится к уголовной политике последнего времени, и оценка эта является лишь элементом мозаики, из которой складывается общая картина сложного явления уголовной политики.

Обращая внимание на современные теоретические и практические аспекты уголовной политики, Т.В. Кленова и О.В. Климанова пишут, что «в законодательном процессе необходимы оба типа уголовно-правового регулирования — и казуальный, и абстрактный. Оценка эффективности избрания того или иного типа правового регулирования возможна посредством анализа двух систем обстоятельств: на предварительном этапе — предпосылок соответствующих изменений закона, а на последующем этапе — какими могут оказаться правовые и социально-политические последствия вступления закона в силу»²¹. Можно согласиться с этим посылом, но наша задача обратить внимание на то, что уголовная политика шире, чем правовое регулирование в рамках уголовного права, которое может составлять только её часть, и поэтому должно включать, в частности, методы, механизмы и инструменты дальнего прогноза и разработки мер превенции задолго до появления самих опасностей с той целью, чтобы эти опасности в идеале не появились вообще. Отсюда следует, что такие меры превенции могут описываться категориями уголовного права лишь в самой малой степени, поскольку основными мерами здесь будут меры идеологические, воспитательные, организационные, экономические, финансовые и многие дру-

²¹ Кленова Т.В., Климанова О.В. Казуальное регулирование и конкретизация уголовного законодательства: о предпочтениях в законодательном процессе и уголовной политике // Труды Института государства и права РАН = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2022. Т. 17, № 4. С. 126—143. doi: 10.35427/2073-4522-2022-17-4-klenova-klimanova.

гие, а уголовные меры при этом могут быть, а могут и не быть вообще за их ненужностью. И даже в таком случае это тоже будет частью уголовной политики, работающей на самых дальних подходах к развитию во времени своего объекта воздействия, который то ли зарождается, то ли ещё совсем не виден на горизонте, но настоящая уголовная политика должна быть направлена на то, чтобы он вообще не появился в связи с его потенциальной опасностью, и это на самом деле её главная задача.

Нынешняя же уголовная политика в основном нацелена на давно проявившиеся опасности, более того, только криминализованные, и такой подход не позволяет видеть масштабные глобальные процессы, медленно развивающиеся в обществе в среде *tempus continuum* (лат.) — непрерывно текущего времени, которое иногда существенно превышает длительность жизни человека, что делает процессы как для отдельной человеческой личности, так и для государств невидимыми и несуществующими. Но они должны быть видны для учёных, которые призваны их выявлять и показывать обществу и государству.

Список литературы

1. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993—2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие) / руководитель рабочей группы — Председатель Счётной палаты Российской Федерации С.В. Степашин. М.: Олита, 2004. 186 с.

2. Гогель С.К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. СПб: Типография А.Г. Розена, 1910. 505 с.

3. Дорофеев И.Н., Сухинин П.В. Исторический опыт реформ первой четверти XVIII века по противодействию коррупции (ретроспективный обзор) // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. М.: Академия управления МВД России, 2017. С. 61—71.

4. Кленова Т.В., Климанова О.В. Казуальное регулирование и конкретизация уголовного законодательства: о предпочтениях в законодательном процессе и уголовной политике // Труды Института государства и права РАН = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2022. Т. 17, № 4. С. 126—143. doi: 10.35427/2073-4522-2022-17-4-klenova-klimanova.

5. Крайнова Н.А., Радошнова Н.В. Исторические аспекты реализации уголовной политики на примере судьбы Н.С. Гумилёва и «дела Таганцева» // Учёные записки юридического факультета. Санкт-Петербургский государственный экономический университет. 2021. № 4. С. 81—86.

6. Крушанова Л.А. Влияние Великой Отечественной войны на становление уголовной политики СССР в отношении советских коллаборационистов // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2022. № 4. С. 28—44.

7. Лузгина М.И. Особенности уголовной политики государства в период Великой Отечественной войны // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. М.: Академия управления МВД России, 2017. С. 169—173.

8. Маслов В.А. Уголовно-правовая политика: дефиниция и место в структуре уголовной политики // Труды Института государства и права РАН = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2021. Т. 16, № 5. С. 104—123. doi: 10.35427/2073-4522-2021-16-5-maslov.

9. Номоконов В.А. Конец войне с преступностью? // Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 11 марта 2022 г.) / под общ. ред. Е.Н. Рахмановой. СПб: Астерион, 2022. С. 19—28. doi: 10.53115/9785001882176.

10. Чубинский М. Курс уголовной политики. Ярославль: Типография губернского правления, 1909. 448 с.

References

1. Analiz protsessov privatizatsii gosudarstvennoy sobstvennosti v Rossiyskoy Federatsii za period 1993—2003 gody (ekspertno-analiticheskoye meropriyatiye) / Rukovoditel' rabochey gruppy — Predsedatel' Schotnoy palaty Rossiyskoy Federatsii S.V. Stepashin (2004) [Analysis of the processes of privatization of state property in the Russian Federation for the period 1993—2003 (expert-analytical event) / head of the working group — Chairman of the Accounts Chamber of the Russian Federation S.V. Stepashin]. Moscow, Olita Publishing House, 186 p. (in Russ.).

2. Gogel, S.K. (1910) Kurs ugovolnoy politiki v svyazi s ugovolnoy sotsiologiyey [Course of criminal policy in connection with criminal sociology]. St. Petersburg, Printing house of A.G. Rosen, 505 p. (in Russ.).

3. Dorofeev, I.N., Sukhinin, P.V. (2017) Istoricheskiy opyt reform pervoy chetverti XVIII veka po protivodeystviyu korruptsii (retrospektivnyy obzor [Historical experience of anti-corruption reforms in the first quarter of the 18th century (retrospective review)]. In: *Criminal policy of Russia at the present stage: state, trends, prospects: collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, pp. 61–71 (in Russ.).

4. Klenova, T.V., Klimanova, O.V. (2022) Kazual'noye regulirovaniye i konkretizatsiya ugovolnogo zakonodatel'stva: o predpochteniyakh v zakonodatel'nom protsesse i ugovolnoy politike [Casual regulation and concretization of criminal legislation: on preferences in the legislative process and criminal policy]. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, vol. 17, no. 4, pp. 126–143. doi: 10.35427/2073-4522-2022-17-4-klenova-klimanova (in Russ.).

5. Krainova, N.A., Radoshnova, N.V. (2021) Istoricheskie aspekty realizatsii ugovolnoy politiki na primere sud'by N.S. Gumilova i "dela Tagantseva" [Historical aspects of the implementation of criminal policy on the example of the fate of N.S. Gumilyov and the "cases of Tagantsev"]. *Scientific notes of the Faculty of Law. St. Petersburg State University of Economics*, no. 4, pp. 81–86 (in Russ.).

6. Krushanova, L.A. (2022) Vliyaniye Velikoy Otechestvennoy voyny na stanovleniye ugovolnoy politiki SSSR v otnoshenii sovetskikh kollaboratsionistov [The influence of the Great Patriotic War

on the formation of the criminal policy of the USSR in relation to Soviet collaborators]. *Historical and legal problems: A new perspective*, no. 4, pp. 28–44 (in Russ.).

7. Luzgina, M.I. (2017) Osobennosti ugovolnoy politiki gosudarstva v period Velikoy Otechestvennoy voyny [Features of the criminal policy of the state during the Great Patriotic War]. In: *Criminal policy of Russia at the present stage: state, trends, prospects: collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, pp. 169–173 (in Russ.).

8. Maslov, V.A. (2021) Ugolovno-pravovaya politika: definitsiya i mesto v strukture ugovolnoy politiki [Criminal law policy: definition and place in the structure of criminal policy]. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, vol. 16, no. 5, pp. 104–123. doi: 10.35427/2073-4522-2021-16-5-maslov (in Russ.).

9. Nomokonov, V.A. (2022) Konets voynе s prestupnost'yu? [An end to the war on crime?]. In: *Criminal policy and law enforcement practice: collection of materials of the IX International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, March 11, 2022*. Ed. E.N. Rakhmanova. St. Petersburg, Asterion, pp. 19–28. doi: 10.53115/9785001882176 (in Russ.).

10. Chubinsky, M. (1909) Kurs ugovolnoy politiki [The course of criminal policy]. Yaroslavl', *Printing house of the provincial government*, 448 p. (in Russ.).

Информация об авторе

Л.В. Голоскоков – ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

L.V. Goloskokov – Leading Researcher of the Research Department of the Faculty of Training Scientific and Pedagogical Personnel and Organization of Research Work of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 40—50.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2023, no. 3, pp. 40—50.

УДК 614.253.83:343
doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.004

NIION: 2015-0064-03/23-137
MOSURED: 77/27-009-2023-03-336

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Классификация дефектов ненадлежащей организации медицинской деятельности и качества оказания медицинской помощи

Антон Викторович Колоколов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, shekmail.ru@mail.ru

Аннотация. В статье отмечено, что в современном российском законодательстве и научном сообществе до сих пор нет единого подхода к пониманию дефектов медицинской помощи и их классификации, отсутствуют специальные критерии для квалификации дефектов оказания медицинской помощи. Автором проанализированы различные классификации ненадлежащего оказания медицинской помощи.

В статье представлена авторская классификация дефектов ненадлежащей организации медицинской деятельности и качества оказания медицинской помощи на основе триады индикаторов качества Аведиса Донабедиана, охватывающих все составляющие медицинской деятельности, которая позволит в дальнейшем выработать единые подходы к юридической классификации ненадлежащего оказания медицинской помощи в целях определения юридической природы конкретного фактического обстоятельства и установления его юридического значения, единообразного правового толкования правовых последствий, правильного установления меры ответственности каждого медицинского работника.

Ключевые слова: дефекты оказания медицинской помощи, систематизация нарушений оказания медицинской помощи, врачебные ошибки, ятрогении, ненадлежащее оказание медицинской помощи, права граждан в сфере охраны здоровья.

Для цитирования: Колоколов А.В. Классификация дефектов ненадлежащей организации медицинской деятельности и качества оказания медицинской помощи // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 40—50. doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.004.

The classification of defects in the improper organization of medical activities and the quality of medical care

Anton V. Kolokolov

Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia, shekmail.ru@mail.ru

Abstract. The article notes that in modern Russian legislation and the scientific community there is still no single approach to understanding the defects in medical care and their classification, there are no special criteria for qualifying defects in the provision of medical care. The author analyzed various classifications of improper medical care.

The article presents the author's classification of defects in the improper organization of medical activities and the quality of medical care based on the triad of quality indicators by Avedis Donabedian, covering all components of medical activity, which will allow in the future to develop uniform approaches to the legal classification of improper provision of medical care in order to determine the legal nature of a particular factual circumstance and establish its legal significance, a uniform legal interpretation of legal consequences, and the correct establishment of the measure of responsibility of each medical worker.

Keywords: defects in the provision of medical care, systematization of violations in the provision of medical care, medical errors, iatrogenies, improper provision of medical care, the rights of citizens in the field of health protection.

For citation: Kolokolov, A.V. (2023) The classification of defects in the improper organization of medical activities and the quality of medical care. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 3, pp. 40—50. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.004.

© Колоколов А.В., 2023

Введение

Отсутствие четко сформулированных дефиниций и критериев ненадлежащего оказания медицинской помощи и правовых последствий в случае возникновения различного рода дефектов ненадлежащей организации медицинской деятельности и качества оказания медицинской помощи еще более актуализирует необходимость научно-правового осмысления их систематизации в целях выработки единого медико-правового подхода при расследовании правонарушений в сфере здравоохранения.

Проблемные вопросы в подходах к классификации дефектов оказания медицинской помощи

И.А. Концевич¹ и А.П. Громов² разделяют врачебные ошибки на ошибки диагностики, лечения и организации лечебного процесса. И.Ф. Крылов³ выделяет технические, тактические и диагностические нарушения. Б.М. Хромов⁴ делает упор на классификацию ошибок по объективным и субъективным критериям. П.П. Щеголев⁵ полагает, что методически правильным будет распределить все виды дефектов на четыре группы: первая из них — 1) неоказание медицинской помощи; к остальным трем относятся различные ее дефекты: 2) несвоевременное, 3) недостаточное, 4) неправильное оказание медицинской помощи. Г.А. Пашинян и соавторы⁶ подразделяют ошибки на диагностические, лечебно-тактические, лечебно-технические и ошибки в организации лечебной помощи.

Е.О. Костикова⁷ предлагает классифицировать медицинские ошибки в зависимости:

1) *от причины возникновения* (по незнанию, по неумению, по невнимательности, по самоуверен-

ности), что позволяет оценить субъективную сторону, т. е. психическое отношение действий медицинского работника к процессу оказания медицинской помощи (похожая классификация была предложена Р.К. Ригельманом, который разделял медицинские ошибки на «ошибки, обусловленные ложными умозаключениями», и ошибки «по неведению», то есть ошибки, связанные с дефицитом информации, необходимой для правильной диагностики и лечения);

2) *от характера* (диагностические, тактические, технические), что позволяет установить отдельные дефекты процесса лечения, а именно на лечебно-диагностическом этапе.

Ю.В. Каминский и В.С. Тимошенко⁸ классифицируют ятрогении по *причинному признаку*: медикаментозные, инструментально-диагностические, хирургические, наркозно-анестезиологические, трансфузионно-инфузионные, септические, профилактические, информационные и др., однако данные дефекты охватывают только группу дефектов, связанных с процессами организации оказания медицинской помощи, диагностики и лечения.

В.И. Акопов⁹ разделяет дефекты на *тактические* (недооценка состояния больного, неправильная диагностика заболевания, неполноценное лечение), *технические* (неправильная техника проведения манипуляций, неправильный расчет дозировки лекарственного препарата), *по характеру возникновения* на объективные (например, поздняя госпитализация, недостаточный уровень знаний в медицине о сути патологического процесса, атипичность течения болезни или недостаточность материального оснащения медицинской организации) и субъективные (недостаточная квалификация врача, запоздалое обследование, недооценка тяжести состояния).

Однако дефекты, связанные с запоздалым обследованием, полагаю целесообразным отнести к дефектам своевременного оказания медицинской помощи, а дефекты недооценки тяжести состояния — к дефектам диагностики, связанным с неправильной диагностикой патологического состояния больного. Кроме того, В.И. Акопов предлагает выделить группу дефектов медицинской помощи, связанную с нарушением прав пациентов, однако выделение такой категории

¹ Концевич И.А. Долг и ответственность врача. Киев: Вища школа, 1983. 112 с.

² Громов А.П. Права, обязанности и ответственность медицинских работников. М.: Медицина, 1976. 227 с.

³ Крылов И.Ф. Врач и закон (Правовые основы врачебной деятельности). Л.: Знание, 1972. 21 с.

⁴ Хромов Б.М. Болезни от лечения: обзор литературы // Клиническая медицина. 1979. № 12. С. 122—129.

⁵ Щеголев П.П. Судебно-медицинская экспертиза ненадлежащей медицинской помощи: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Гродно, 1974. 28 с.

⁶ Пашинян Г.А., Беляева Е.В., Ромодановский П.О. Об оценке качества медицинской помощи при причинении вреда здоровью в случаях неблагоприятных исходов // Судебно-медицинская экспертиза. 2000. № 2. С. 14—18.

⁷ Костикова Е.О. Возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью граждан вследствие медицинской ошибки: дис... канд. юрид. наук. М., 2009.

⁸ Каминский Ю.В., Тимошенко В.С. Ятрогении: классификация, категории, рубрификация // Тихоокеанский медицинский журнал. 2007. № 1. С. 12—14.

⁹ Акопов В.И. Судебная медицина в вопросах и ответах. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. 208 с.

считаю нецелесообразным, в связи с тем, что по этому основанию у пациентов можно выделить все имеющиеся виды дефектов, и это не позволяет установить, какой конкретный и по какой причине возник дефект (с целью его последующего устранения). Необходимо отметить, что права пациентов охватывают все процессы организации (доступность, своевременность) и качества оказания медицинской помощи, а нарушения данных прав как дефекты будут в себе содержать еще массу других дефектов (например, дефекты своевременного оказания медицинской помощи, дефекты диагностики и лечения).

Врачебные ошибки классифицируют по природно-онтологическому критерию¹⁰:

- неправильное принятие врачом решения, детерминированное *человеческим фактором* (в связи с низкой критикой к своему мышлению у врача, недостатками его профессионального опыта и профессиональной интуиции, усталостью врача от перегрузки работой), приведшее к добросовестному заблуждению;
- обусловленные *системными детерминантами*, связанными с особенностями организации деятельности конкретной медицинской организации или системы здравоохранения в целом (например, некачественная медицинская техника с большим сроком эксплуатации, дефицит квот на оказание высокотехнологичной медицинской помощи, отсутствие финансовых средств на закупку лекарственных препаратов и медицинских изделий);
- *ситуативные* (казуальные), связанные с атипичным течением заболевания либо сочетанием человеческого фактора и условий внешней среды.

Данная классификация сочетает в себе ряд отдельных дефектов как юридического характера, характеризующих психическое состояние медицинского работника, так и медицинского — связанных с недостатками в организации медицинской помощи и не связанными с действиями (бездействием) медицинского работника и пациента.

М.С. Абдуллаходжаева предлагает классифицировать ошибки на: *диагностические*, связанные

¹⁰ Понкина А.А. Врачебная ошибка в контексте защиты прав пациентов / Кафедра правового обеспечения государственной и муниципальной службы МИГСУ РАНХиГС. М.: Консорциум специалистов по защите прав пациентов, 2012. С. 65—66.

с лечебными мероприятиями и проведением профилактических мероприятий; *организационные*, ошибки в ведении медицинской документации; *ошибки поведения* медицинского персонала в медицинской организации¹¹.

Классификация врачебных ошибок *по инструментально-функциональному критерию* включает: диагностические ошибки, ошибки терапии, ошибки, связанные с назначением и предоставлением пациенту лекарственных средств; ошибки при назначении и осуществлении профилактических мероприятий и диспансерного наблюдения, а также прочие ошибки (связанные с ненадлежащей работой медицинских изделий).

Наиболее полной классификацией дефектов оказания медицинской помощи может считаться классификация И.В. Тимофеева¹², согласно которой медицинские дефекты подразделяются по этапам их возникновения на дефекты эвакуации, диагностики, лечения. В последующем С.Ю. Сашко и А.М. Балло¹³ дополняют известные до этого классификации дефектов оказания медицинской помощи дефектами медицинской тактики и эвакуации.

А.В. Тихомиров¹⁴ классифицирует неблагоприятные исходы при оказании медицинской помощи на три вида:

- саногенные (связанные с дефектами оказания медицинской помощи);
- суогенные (по собственной небрежности пациента);
- эссенциальные (не зависящие от воли врача и пациента, то есть наступление нежелательных последствий случайно в силу многофакторных влияний).

А.Р. Поздеев¹⁵ выделяет отдельную классификацию *клинико-фармакологических дефектов*, включающую в себя: недостатки обследования, небрежный уход и наблюдение, несвоевременная госпитализация или преждевременная выписка;

¹¹ Абдуллаходжаева М.С. Принципы организации патологоанатомической службы / под ред. А.В. Смольяникова. Ташкент, 1986. С. 76.

¹² Тимофеев И.В. Патология лечения: рук. для врачей. СПб: Северо-Запад, 1999. 656 с.

¹³ Сашко С.Ю., Балло А.М. Юридическая оценка дефектов оказания медицинской помощи и ведения медицинской документации. СПб: БиС, 2001. 145 с.

¹⁴ Тихомиров А.В. Медицинское право: практическое пособие. М.: Статут, 1998. 418 с.

¹⁵ Поздеев А.Р. Судебно-медицинский анализ клинико-фармакологических дефектов лечебной помощи больным в премортальный период: дис. ... д-ра мед. наук: 14.00.24. М., 2008.

недостатки организации лечебного процесса, недостатки подготовки и небрежное выполнение хирургических операций и других лечебных мероприятий, неправильное применение лекарственных средств, нарушение деонтологии и медицинской этики, оставление инструментов и салфеток при хирургических операциях, несоблюдение и нарушение различных медицинских инструкций и правил, небрежное ведение истории болезни и других медицинских документов, невежество.

Предложенная А.А. Понкиной¹⁶ классификация дефектов медицинской помощи по основанию «природы негативного исхода медицинской помощи» является неполной (не охватывает все процессы оказания медицинской помощи) и некорректной (одновременно содержит в себе отдельные медицинские и юридические дефекты, которые не связаны ни с действиями медицинских работников, ни с самим процессом оказания медицинской помощи).

Так, выделяемые дефекты, связанные с действием (бездействием) пациента, относятся к дефектам медицинской помощи, классифицируемым по причинам их возникновения, при этом иные подобные причины не приведены в классификации. Ошибки или неисправности в работе медицинского оборудования были отнесены к техническим ошибкам, однако полагаю целесообразным отнести к дефектам безопасной медицинской помощи, связанным с ненадлежащим использованием медицинских изделий при лечебно-диагностическом процессе.

Отнесенные А.А. Понкиной ошибки, связанные со сведениями, указанными в инструкциях к лекарственным препаратам в части определения показаний и противопоказаний лекарственного средства и/или его совместимости с другими лекарственными средствами, были отнесены к фармацевтическим ошибкам, что нецелесообразно, поскольку утверждение инструкций к лекарственным препаратам медицинского назначения осуществляется в строгом соответствии с требованиями к инструкции по медицинскому применению лекарственных препаратов, утверждаемым правовым актом Минздрава России. В данном случае к фармацевтическим дефектам необходимо относить дефекты назначения (например, назначение противопоказанных лекарственных препаратов) и проведения лекарственной терапии (например, несвоевременное выпол-

нение лечения), а также связанные с контролем назначенного лечения (например, отсутствие контроля за эффективностью при проведении назначенного лечения).

Ряд авторов применяет смешанные классификации медико-правового характера. И.Ф. Огарков¹⁷ подразделяет все дефекты на четыре основные группы: *умышленные преступления* медицинских работников, *неосторожные действия* медицинских работников, *врачебные (медицинские) ошибки* (ятрогении), *несчастные случаи*. С.Г. Стеценко¹⁸ выделяет следующие виды дефектов оказания медицинской помощи: 1) врачебные ошибки; 2) несчастные случаи; 3) профессиональные преступления.

А.А. Мохов и И.Н. Мохова¹⁹ предлагают врачебные ошибки классифицировать по различным основаниям — как медицинским, так и юридическим:

- *по видам медико-социальных мероприятий*, проводимых в отношении пациентов (ошибки проведения клинических испытаний, диагностики, лечения, реабилитации и профилактики, в том числе нежелательной беременности, и др.). Однако данная категория не содержит дефектов, связанных с социальными мероприятиями;
- *по выраженности вовне*: явные (зафиксированные, в том числе в документации) и латентные (скрытые от пациента и руководства медицинской организации);
- *в зависимости от субъекта, выявившего врачебную ошибку* (выявленные заведующим отделением, экспертом страховой компании, следователем, судебным медиком, судом и т. п.). Однако непонятно целеполагание данной категории ошибок, поскольку не влияет ни на управление качеством оказания медицинской помощи, ни на юридическую квалификацию ненадлежащего оказания медицинской помощи), и как следствие является избыточной;
- *по характеру вреда*, причиненного пациенту ошибочными действиями (бездействием) медицинского персонала, различают: причинение материального (включая физический) и/или морального вреда;

¹⁷ Огарков И.Ф. Врачебные правонарушения и уголовная ответственность за них. Л.: Медицина, 1966. 196 с.

¹⁸ Стеценко С.Г. Медицинское право: учебник. СПб: Юридический центр Пресс, 2004. С. 534.

¹⁹ Мохов А.А., Мохова И.Н. Врачебная ошибка (социально-правовой аспект): монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. С. 24.

¹⁶ Понкина А.А. Указ. соч. С. 41.

- по характеру последствий (врачебные ошибки условно делятся на: медицинские, финансовые, социально-правовые).

В.В. Сергеев²⁰ разделяет неблагоприятные исходы по причинам их возникновения, связанным с: закономерным течением заболевания (травмы), с несчастным случаем в медицине; с виновными действиями пациента или его законных представителей; с профессиональной ошибкой медицинского работника.

Кроме того, Ю.Д. Сергеев и С.В. Ерофеев²¹ предложили судебно-медицинскую классификацию неблагоприятных исходов оказания медицинской помощи, согласно которой они подразделяются на две большие группы:

- без признаков ятрогении (не влекут ответственность медицинского персонала и характеризуются отсутствием вреда здоровью и (или) отсутствием связи вреда здоровью с оказанием медицинской помощи);
- с признаками ятрогении (влекущие уголовную и гражданско-правовую ответственность и не влекущие ответственность медицинского персонала).

Совершенствование классификации дефектов ненадлежащего оказания медицинской помощи

По результатам анализа представленных в научной литературе классификаций ятрогений, дефектов медицинской помощи, «врачебных» и «медицинских» ошибок предлагается подойти к выработке новой классификации дефектов медицинской помощи, опираясь на триаду индикаторов качества (структуры (ресурсов), технологии (процесса), результата), предложенную Аведисом Донабедианом, охватывающую все составляющие медицинской деятельности, связанные с оказанием медицинской и лекарственной помощи пациентам.

1. Дефекты качества структуры медицинской деятельности, включающие в себя совокупность дефектов организации оказания медицинской помощи (недостаточное материально-техническое

обеспечение, дефицит кадров либо несоответствие их профессиональным компетенциям):

1. *Нарушение деонтологических принципов и врачебной этики в отношениях с больным и его родственниками (близкими).*

2. *Дефекты достаточного обеспечения медицинской помощи:*

2.1. дефекты обеспечения медицинскими изделиями и лекарственными препаратами:

2.1.1. дефицит медицинских изделий и лекарственных препаратов;

2.1.2. неэффективное использование (простой) медицинских изделий.

3. *Дефекты доступности обеспечения медицинской помощи:*

3.1. несоблюдение сроков ожидания медицинской помощи;

3.2. необеспечение в период пребывания в стационаре по назначению лекарственными препаратами и МНН, включенными в перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов за счет личных денежных средств.

4. *Дефекты медицинской тактики:*

4.1. необоснованный отказ в госпитализации;

4.2. позднее направление на стационарное лечение;

4.3. преждевременная выписка больного;

4.4. эвакуация не по назначению, связанная с неадекватным выбором этапа оказания квалифицированной или специализированной медицинской помощи.

5. *Дефекты преемственности оказания медицинской помощи:*

5.1. необоснованное направление на госпитализацию;

5.2. несвоевременный перевод пациента в медицинскую организацию (более высокого уровня);

5.3. госпитализация без медицинских показаний (необоснованная госпитализация);

5.4. непрофильная госпитализация или перевод в непрофильное отделение;

5.5. несвоевременный перевод в отделение;

5.6. несвоевременный вызов врачей консультантов.

6. *Дефекты безопасной медицинской помощи:*

6.1. эпидемиологической безопасности:

6.1.1. внутрибольничное инфицирование пациента;

6.1.2. нерациональное использование антибактериальных лекарственных препаратов для профилактики и лечения заболеваний и (или) состояний;

6.2. профессиональной некомпетентности (общемедицинской подготовки врача или среднего медицинского работника):

²⁰ Сергеев В.В. Профессиональные ошибки медицинских работников: проблемы правового обоснования // Медицинское право. 2004. № 4. С. 18—24.

²¹ Сергеев Ю.Д., Ерофеев С.В. Неблагоприятный исход оказания медицинской помощи: Клиническая оценка. Судебно-медицинская экспертиза. Юридическая квалификация. Пути профилактики. М.; Иваново, 2001. 284 с.

6.2.1. низкий уровень клинического мышления врача (неумение логически осмыслить выявленные клинические данные; неумение сформулировать на основании клинических данных правильный диагноз);

6.2.3. недостаточный уровень профессиональной подготовки, включая малый клинический опыт и незнание возможных последствий конкретных методов диагностики и лечения при отсутствии объективных причин низкой квалификации;

6.2.4. несоблюдение квалификационным требованиям медицинских работников (отсутствие первичной медицинской специализации либо повышения квалификации по выбранной специальности);

6.3. неправильной транспортировки больного (нарушение показаний и правил транспортировки);

6.4. небезопасного применения медицинского изделия в процессе оказания медицинской помощи (нарушение условий хранения, транспортировки, монтажа, наладки, эксплуатации, в том числе технического обслуживания, ремонта, утилизации или уничтожения медицинского изделия);

6.5. небезопасного применения лекарственного препарата в процессе оказания медицинской помощи:

6.5.1. несоблюдение сроков годности лекарственных препаратов;

6.5.2. несоблюдение условий хранения лекарственных препаратов, требующих особых условий хранения;

6.5.3. несоблюдение условий хранения лекарственных препаратов в специально оборудованных помещениях и (или) зонах для хранения.

II. Дефекты качества процесса оказания медицинской помощи

1. Дефекты своевременного оказания медицинской помощи:

1.1. поздняя диагностика;

1.2. невыполнение или ненадлежащее выполнение необходимых пациенту диагностических и (или) лечебных мероприятий, оперативных вмешательств;

1.3. необоснованное удлинение/сокращение сроков лечения;

1.4. преждевременное с клинической точки зрения прекращение проведения лечебных мероприятий при отсутствии клинического эффекта.

2. Дефекты диагностики:

2.1. неполноценное обследование больных:

2.1.1. неполный (некачественный) сбор анамнеза жизни и заболевания (включая наследственный и аллергоанамнез);

2.1.2. непринятие во внимание данных о ране проводимых госпитализациях, диагностических исследований и лечения;

2.1.3. неправильное (некачественное) проведение физикального обследования;

2.1.4. непроведение показанных в конкретном случае минимально необходимых обязательных диагностических исследований либо дополнительного обследования;

2.1.5. непроведение показанных в случае дифференциальной диагностики необходимых дополнительных диагностических исследований;

2.1.6. неправильно выбранный метод диагностики;

2.2. неправильная диагностика состояния больного:

2.2.1. недооценка тяжести состояния больного;

2.2.2. неустановленный диагноз;

2.2.3. неправильное проведение дифференциальной диагностики;

2.2.4. неправильная интерпретация результатов диагностических исследований (физикальных, лабораторных, инструментальных) и как возможный результат этого неправильно распознано заболевание:

2.2.4.1. нераспознавание основного заболевания (всех или одного из конкурирующих, сочетанных, фоновых);

2.2.4.2. нераспознавание ведущего (в случае летального исхода — смертельного) осложнения;

2.2.4.3. поздняя диагностика основного заболевания или ведущего осложнения;

2.2.4.4. неправильная оценка тяжести состояния больного;

2.2.4.5. гипердиагностика заболеваний (основного заболевания, его осложнений, сопутствующих заболеваний);

2.2.4.6. наличие расхождений клинического и патолого-анатомического диагнозов 2—3 категории;

2.3. дефекты проведения лабораторных, инструментальных, патолого-анатомических и иных видов диагностических исследований:

2.3.1. на этапе подготовки к процедуре (неадекватное анестезиологическое пособие);

2.3.2. в ходе самого диагностического исследования (повреждение органов или тканей, про-

ведение противопоказанного диагностического исследования).

3. Дефекты лечения:

3.1. дефекты назначения и выполнения хирургического лечения:

3.1.1. необоснованность показаний к хирургическому вмешательству (не учтены сопутствующие заболевания, оказывающие влияние на течение основного заболевания);

3.1.2. неправильное определение объема лечения;

3.1.3. на этапе подготовки к операции (неадекватное анестезиологическое пособие);

3.1.4. оперативное вмешательство проведено не в полном объеме либо несвоевременно;

3.1.5. в ходе самого оперативного вмешательства (повреждения органов или тканей при операции, оставление в полости инородного тела, радиационное поражение при лучевой терапии) либо проведение противопоказанного хирургического лечения;

3.1.6. в период послеоперационного лечения (неправильно производимые перевязки и другие хирургические манипуляции);

3.1.7. отсутствие динамического наблюдения;

3.1.8. неполнота ежедневно проводимых осмотров;

3.1.9. проведение противопоказанного лечения;

3.2. дефекты назначения и проведения лекарственной терапии:

3.2.1. назначение и проведение противопоказанного лечения;

3.2.2. назначение лекарственных препаратов без учета их взаимодействия

3.2.3. неправильное определение продолжительности лечения либо объема лечения (избыточное медикаментозное лечение либо не в полном объеме проведенное);

3.2.4. неправильная методика проведения медикаментозного лечения (нарушение режима приема или дозировки (например, недостаточная дозировка эффективного лекарственного препарата), время, путей и порядка введения (например, необоснованное проведение инфузионной лекарственной терапии), недоучет возможности побочных реакций, несовместимости препаратов);

3.2.5. необоснованное назначение лекарственной терапии (назначение не показанных, не оправданных с клинической точки зрения мероприятий при данной патологии лекарственных препаратов; назначение небезопасных лекарственных препаратов без учета соотношения вреда — пользы);

3.2.6. не учтены сопутствующие заболевания, оказывающие влияние на течение основного заболевания;

3.2.7. несвоевременное выполнение лечения;

3.2.8. одновременное назначение лекарственных средств — синонимов, аналогов или антагонистов по фармакологическому действию и т. п., связанное с риском для здоровья пациента и/или приводящее к удорожанию лечения;

3.2.9. полипрагмазия;

3.3. дефекты, связанные с контролем назначенного лечения:

3.3.1. отсутствие динамического наблюдения за больным;

3.3.2. отсутствие контроля за эффективность при проведении назначенного лечения;

3.3.3. отсутствие динамической коррекции лекарственной терапии;

3.3.4. игнорирование выполнения и включения в план лечения назначений консультантов;

3.4. дефекты анестезиологического пособия:

3.4.1. ненадлежащая предоперационная подготовка;

3.4.2. неправильный выбор метода анестезии;

3.4.3. технические ошибки анестезии;

3.4.5. недостаточная (избыточная) инфузионная (трансфузионная) терапия;

3.4.6. дефекты реанимации;

3.5. дефекты назначения реабилитационных мероприятий.

III. Дефекты качества результата

(эффективности) оказания медицинской помощи (возникновения неблагоприятного исхода)

1. Причинение вреда жизни (летальный исход).

2. Причинение вреда здоровью, приведшее к:

2.1. инвалидизации;

2.2. ухудшению состояния здоровья (прогрессированию имеющегося заболевания; возникновению нового заболевания или патологического состояния здоровья) либо создавшие риск его ухудшения.

3. Неэффективное использование материально-технических (медицинских изделий и лекарственных препаратов) или кадровых ресурсов (медицинских работников), приведшее к:

3.1. удорожанию стоимости лечения при отсутствии отрицательных последствий для состояния здоровья (не повлиявшее на состояние здоровья);

3.2. удлинению сроков лечения.

IV. Дефекты принятия экспертных решений

1. Дефекты правомочности и легитимности производства медицинских экспертиз, медицинских осмотров и медицинских освидетельствований (включая заседания врачебных комиссий), выражающиеся в несоблюдении лицензионных требований:

1.1. осуществление работ (услуг), отсутствующих в лицензии на осуществление медицинской деятельности;

1.2. нарушения прав граждан при проведении экспертного исследования;

1.3. несоблюдение требований к комиссии экспертов (нелегитимность):

1.3.1. отсутствие необходимых экспертов (членов комиссии) в составе для принятия решения;

1.3.2. несоблюдение квалификационных требований к образованию эксперта;

1.3.3. профессиональная некомпетентность экспертов:

1.3.3.1. неправильная оценка идентификационной значимости признаков, результатов (правильное истолкование неправильной оценки обстоятельств; неправильное истолкование правильной оценки фактических обстоятельств), в том числе полученных другими членами комиссии при экспертном исследовании;

1.3.3.2. неправильное применение (интерпретация) правовых актов либо применение недействующих правовых актов.

2. Дефекты, связанные с неправильным проведением процедуры экспертного исследования:

2.1. технические (использование неисправных медицинских диагностических изделий и медицинских инструментов);

2.2. тактические (например, неправильное описание объектов исследования);

2.3. логические (ошибки рассуждения) (неправильная интерпретация состояния здоровья пациента, результатов проводимого ему обследования, лечения).

3. Дефекты, связанные с оформлением экспертного заключения (протокола заседания врачебной комиссии):

3.1. неполнота экспертного исследования;

3.2. нарушение требований, предъявляемых законодательством к оформлению заключения эксперта (в том числе отсутствие в заключении необходимых по закону реквизитов);

3.3. несоблюдение установленных сроков проведения экспертизы (осмотра, освидетельствования).

4. Дефекты, связанные с неправильным формированием экспертных выводов (решения врачебной комиссии):

4.1. необоснованность выводов:

4.1.1. отсутствует взаимосвязь и взаимообусловленность выводов и исследовательской части экспертного заключения (например, при проведении врачебно-лётной экспертизы о годности пилота к лётной работе на экспериментальной авиации лётчик-испытатель был допущен к работе на всех типах вертолётах с хроническим гастритом и хроническим гастродуоденитом, однако с таким состоянием здоровья лётчики-испытатели и штурманы-испытатели не могут быть допущены к лётной работе на вертолётах, базирующихся на кораблях);

4.1.2. ответ на вопрос приведен только в выводах, а в исследовательской части обоснование этого ответа вообще отсутствует;

4.1.3. категорические выводы делаются не на основании исследований с использованием экспертных методик, но на базе только лишь предположений и голословных умозаключений эксперта;

4.2. противоречивость выводов:

4.2.1. противоречивость выводов по отношению друг к другу;

4.2.2. противоречивость исследовательской части и экспертных выводов:

4.2.2.3. исследовательская часть формулируется в вероятной форме, а выводы — в категорической, что из исследования не вытекает;

4.2.2.3. исследовательская часть заключения не служит логическим основанием для экспертных выводов, т. е. отсутствует логическая обоснованность этих выводов промежуточными результатами;

4.3. выход за пределы компетенции (специальных познаний).

V. Организационные дефекты внутреннего контроля качества и безопасности медицинской помощи (далее — внутренний контроль)

1. Организационные дефекты:

1.1. отсутствие отчетов, включающие выработку мероприятий по устранению выявленных нарушений и улучшению деятельности медицинской организации и медицинских работников;

1.2. отсутствие сводных отчетов, содержащих информацию о состоянии качества и безопасности медицинской деятельности в медицинской организации;

1.3. не разрабатываются предложения по устранению и предупреждению нарушений в процессе диагностики и лечения пациентов и механизмы их реализации;

1.4. не формируется перечень корректирующих мер по совершенствованию качества оказания медицинской помощи;

1.5. не проведение внеплановых проверок по всем случаям летальных исходов и в случаях возникновения внутрибольничного инфицирования, а также осложнений, связанных с медицинским вмешательством.

2. *Дефекты, связанные с качеством проводимого внутреннего контроля:*

2.1. отсутствие анализа результатов внутреннего контроля в целях оценки результативности (увеличение частоты выздоровления или улучшения состояния здоровья) и экономической эффективности (уменьшение продолжительности лечения и его стоимости, повторных госпитализаций);

2.2. отсутствие мониторинга организации и качества оказания медицинской помощи.

VI. Дефекты оформления медицинской документации

1. *Отсутствие информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство (отказа от медицинского вмешательства и (или) письменного согласия на лечение) либо ненадлежащее его оформление;*

2. *отсутствие хронологического порядка ведения медицинской документации;*

3. *ведение медицинской документации по нестандартным формам;*

4. *наличие признаков фальсификации медицинской документации:*

4.1. дописки, исправления, вклейки;

4.2. полное переоформление истории болезни с умышленным искажением сведений о проведенных диагностических и лечебных мероприятиях, клинической картине заболевания;

4.3. дата оказания медицинской помощи, зарегистрированная в первичной медицинской документации и реестре счетов, не соответствует таблице учета рабочего времени врача.

Заключение

Представленная классификация дефектов организации и качества оказания медицинской помощи позволит:

- выработать единые подходы к юридической классификации ненадлежащего оказания медицинской помощи в целях опреде-

ления юридической природы конкретного фактического обстоятельства и установления его юридического значения, единообразного правового толкования правовых последствий, правильного установления меры ответственности каждого медицинского работника;

- сформировать методологию объективной оценки качества медицинской помощи в целях совершенствования института экспертизы качества медицинской помощи;
- систематизировать нарушения, возникающие в процессе осуществления медицинской деятельности, в целях совершенствования системы управления рисками, связанными с причинением вреда жизни и здоровью граждан, и внедрения цифровизации процессов экспертизы качества медицинской помощи на различных уровнях ее проведения.

Список литературы

1. Абдуллаходжаева М.С. Принципы организации патологоанатомической службы / под ред. А.В. Смольяникова. Ташкент, 1986. 197 с.
2. Акопов В.И. Судебная медицина в вопросах и ответах. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. 208 с.
3. Громов А.П. Права, обязанности и ответственность медицинских работников. М.: Медицина, 1976. 227 с.
4. Каминский Ю.В., Тимошенко В.С. Ятрогении: классификация, категории, рубрификация // Тихоокеанский медицинский журнал. 2007. № 1. С. 12—14.
5. Концевич И.А. Долг и ответственность врача. Киев: Вища школа, 1983. 112 с.
6. Костикова Е.О. Возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью граждан вследствие медицинской ошибки: дис... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2009. 195 с.
7. Крылов И.Ф. Врач и закон (Правовые основы врачебной деятельности). Л.: Знание, 1972. 21 с.
8. Мохов А.А., Мохова И.Н. Врачебная ошибка (социально-правовой аспект). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. 156 с.
9. Огарков И.Ф. Врачебные правонарушения и уголовная ответственность за них. Л.: Медицина, 1966. 196 с.
10. Пашина Г.А., Беляева Е.В., Ромодановский П.О. Об оценке качества медицинской помощи при причинении вреда здоровью в случаях неблагоприятных исходов // Судебно-медицинская экспертиза. 2000. № 2. С. 14—18.

11. Поздеев А.Р. Судебно-медицинский анализ клинико-фармакологических дефектов лечебной помощи больным в премортальный период: дис. ... д-ра мед. наук: 14.00.24. М., 2008. 276 с.

12. Понкина А.А. Врачебная ошибка в контексте защиты прав пациентов / Кафедра правового обеспечения государственной и муниципальной службы МИГСУ РАНХиГС. М.: Консорциум специалистов по защите прав пациентов, 2012. 200 с.

13. Сашко С.Ю., Балло А.М. Юридическая оценка дефектов оказания медицинской помощи и ведения медицинской документации. СПб: БиС, 2001. 145 с.

14. Сергеев В.В. Профессиональные ошибки медицинских работников: проблемы правового обоснования // Медицинское право. 2004. №4. С.18—24.

15. Сергеев Ю.Д., Ерофеев С.В. Неблагоприятный исход оказания медицинской помощи: Клиническая оценка. Судебно-медицинская экспертиза. Юридическая квалификация. Пути профилактики. М.; Иваново, 2001. 284 с.

16. Стеценко С.Г. Медицинское право: учебник. СПб: Юридический центр Пресс, 2004. 570 с.

17. Тимофеев И.В. Патология лечения: руководство для врачей. СПб: Северо-Запад, 1999. 656 с.

18. Тихомиров А.В. Медицинское право: практическое пособие. М.: Статут, 1998. 418 с.

19. Хромов Б.М. Болезни от лечения: обзор литературы // Клиническая медицина. 1979. № 12. С. 122—129.

20. Щеголев П.П. Судебно-медицинская экспертиза ненадлежащей медицинской помощи: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Гродно, 1974. 28 с.

References

1. Abdullakhodzhayeva, M.S. (1986) Printsipy organizatsii patologoanatomicheskoy sluzhby [Principles of organization of the pathoanatomical service]. Tashkent, 197 p. (in Russ).

2. Akopov, V.I. (2004) Sudebnaya meditsina v voprosakh i otvetakh [Forensic medicine in questions and answers]. Rostov-na-Donu, Feniks, 208 p. (in Russ).

3. Gromov, A.P. (1976) Prava, obyazannosti i otvetstvennost' meditsinskikh rabotnikov [Rights, duties and responsibilities of medical workers]. Moscow, Meditsina, 227 p. (in Russ).

4. Kaminskiy, Yu.V. & Timoshenko, V.S. (2007) Yatrogenii: klassifikatsiya, kategorii, rubrikatsiya

[Iatrogenia: classification, categories, rubrification]. *Tikhookeanskiy meditsinskiy zhurnal*, no. 1, pp. 12—14 (in Russ).

5. Kontsevich, I.A. (1983) Dolg i otvetstvennost' vracha [Duty and responsibility of the doctor]. Kiyev, Vysshaya shkola, 112 p. (in Russ).

6. Kostikova, Ye.O. (2009) Vozmeshcheniye vreda, prichinennogo zhizni ili zdorov'yu grazhdan vsledstviye meditsinskoy oshibki [Compensation for harm caused to the life or health of citizens due to medical error]. Ph. D. thesis. Moscow, 195 p. (in Russ).

7. Krylov, I.F. (1972) Vrach i zakon (Pravovyye osnovy vrachebnoy deyatel'nosti) [The doctor and the law (Legal bases of medical activity)]. Leningrad, Znaniye, 21 p. (in Russ).

8. Mokhov, A. & Mokhova, I. (2004) Vrachebnaya oshibka (sotsial'no-pravovoy aspekt) [Medical error (social and legal aspect)]. Volgograd, Publishing House of Volgograd State University, 156 p. (in Russ).

9. Ogarkov, I.F. (1966) Vrachebnyye pravonarusheniya i ugolovnaya otvetstvennost' za nikh [Medical offenses and criminal liability for them]. Leningrad, Meditsina, 196 p. (in Russ).

10. Pashinyan, G.A., Belyayeva, Ye.V. & Romodanovskiy, P.O. (2000) Ob otsenke kachestva meditsinskoy pomoshchi pri prichinenii vreda zdorov'yu v sluchayakh neblagopriyatnykh iskhodov [On assessing the quality of medical care in case of harm to health in cases of adverse outcomes]. *Sudebno-meditsinskaya ekspertiza*, no. 2, pp. 14—18 (in Russ).

11. Pozdeyev, A.R. (2008) Sudebno-meditsinskiy analiz kliniko-farmakologicheskikh defektov lechennoy pomoshchi bol'nym v premortal'nyy period [Forensic medical analysis of clinical and pharmacological defects in medical care for patients in the premortal period]. Doctor's degree dissertation. Moscow, 276 p. (in Russ).

12. Ponkina, A.A. (2012) Vrachebnaya oshibka v kontekste zashchity prav patsiyentov [Medical error in the context of protecting the rights of patients]. Moscow, Consortium of Patient Advocates, 200 p. (in Russ).

13. Sashko, S.Yu. & Ballo, A.M. (2001) Yuridicheskaya otsenka defektov okazaniya meditsinskoy pomoshchi i vedeniya meditsinskoy dokumentatsii [Legal assessment of defects in the provision of medical care and maintenance of medical records]. Saint Petersburg, BiS, 145 p. (in Russ).

14. Sergeyev, V.V. (2004) Professional'nyye oshibki meditsinskikh rabotnikov: problemy pravovogo obosnovaniya [Professional mistakes of medical workers: problems of legal justification]. *Meditsinskoye pravo*, no. 4, pp. 18—24 (in Russ).

15. Sergeev, Yu.D. & Yerofeyev, S.V. (2001) *Neblagopriyatny iskhod okazaniya meditsinskoy pomoshchi: Klinicheskaya otsenka. Sudebno-meditsinskaya ekspertiza. Yuridicheskaya kvalifikatsiya. Puti profilaktiki* [Unfavorable outcome of medical care: Clinical assessment. Forensic-medical examination. Legal qualification. Ways of prevention]. Moscow, Ivanovo, 284 p. (in Russ).

16. Stetsenko, S.G. (2004) *Meditsinskoye pravo* [Medical law]. Textbook. Saint Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press, 570 p. (in Russ).

17. Timofeyev, I.V. (1999) *Patologiya lecheniya: rukovodstvo dlya vrachey* [Pathology of treatment: a

guide for physicians]. Saint Petersburg, Severo-Zapad, 656 p. (in Russ).

18. Tikhomirov, A.V. (1998) *Meditsinskoye pravo: prakticheskoye posobiye* [Medical law: a practical guide]. Moscow, Statut, 418 p. (in Russ).

19. Khromov, B.M. (1979) *Bolezni ot lecheniya: obzor literatury* [Diseases from treatment: a review of the literature]. *Clinical Medicine*, no. 12, pp. 122—129 (in Russ).

20. Shchegolev, P.P. (1974) *Sudebno-meditsinskaya ekspertiza nenadlezhashchey meditsinskoy pomoshchi* [Forensic medical examination of improper medical care]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Grodno, 28 p. (in Russ).

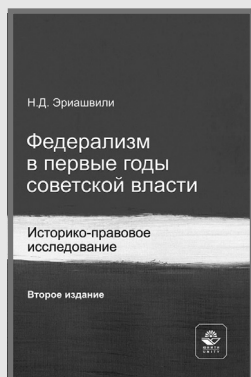
Информация об авторе

А.В. Колоколов — доцент кафедры организации здравоохранения и управления качеством факультета управления в медицине и здравоохранении Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат медицинских наук.

Information about the author

A.V. Kolokolov – Associate Professor of the Department of Health Organization and Quality Management of the Faculty of Management in Medicine and Healthcare of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Candidate of Medical Sciences.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Эриашвили Н.Д. Федерализм в первые годы советской власти. Историко-правовое исследование: Монография. 2-е изд., перераб. и доп. 159 с.

ISBN 978-9941-9818-4-5
Агентство СІР РГБ

В переработанном и дополненном издании монографии раскрыты истоки формирования федерализма в советском государстве, а также развитие и модернизация федеративных отношений. На примере Советского Туркестана (1918—1924 гг.) исследованы закономерности зарождения и последующего развития федерализма как одной из форм человеческого общежития, не утратившей своего значения и в настоящее время. Всесторонний анализ состояния федерализма, а также переориентация принципов федерализма актуальны сегодня для реализации целей устойчивого развития и национальной безопасности государства.

Для преподавателей, аспирантов (адъюнктов), правоприменителей, осуществляющих правотворческую деятельность, а также всех, интересующихся историей формирования советского государства в России.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 51—58.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2023, no. 3, pp. 51–58.

УДК 343.33
doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.005

НИИОН: 2015-0064-03/23-138
MOSURED: 77/27-009-2023-03-337

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Реабилитация нацизма (статья 354.1 УК РФ): общая характеристика уголовной ответственности

Александр Павлович Кузнецов

Приволжский институт повышения квалификации ФНС России,
Нижний Новгород, Россия, abdulxann@gmail.com

Аннотация. В представленной статье обозначается значимость охраны мира и безопасности человечества уголовно-правовыми средствами, описывается краткая эволюция раздела XII УК РФ. Особое внимание уделяется введенной в 2014 году статье 354.1 УК РФ, устанавливающей ответственность за реабилитацию нацизма, последовательно раскрываются объективные и субъективные признаки основного и квалифицированных составов преступлений, охватываемых данной нормой. В частности, актуализируется дискуссионность определения непосредственного объекта ст. 354.1 УК РФ, дается доктринальное и нормативное толкование значимых признаков объективной и субъективной стороны состава преступления (терминов «распространение», «должностное лицо» и др.).

Учитывая бланкетный характер ряда положений ст. 354.1 УК РФ, автор обращается к содержанию ряда других нормативных правовых актов и обнаруживает, что без уголовно-правовой охраны остались символы воинской славы России. Подвергается сомнению ряд положений ч. 3 ст. 354.1 УК РФ в части правильности определения объекта деяний, выражающихся в осквернении символов, памятников военной истории и мест захоронений. В данном случае совершение указанных действий нельзя относить к проявлениям реабилитации нацизма, так как они не посягают на интересы мира и безопасности человечества. Выявляются другие значимые юридико-технические изъяны ст. 354.1 УК РФ, и предлагаются варианты их исправления.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Российской Федерации, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, Нюрнбергский трибунал, преступления, Международный военный трибунал, реабилитация нацизма, военная слава, ветеран.

Для цитирования: Кузнецов А.П. Реабилитация нацизма (статья 354.1 УК РФ): общая характеристика уголовной ответственности // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 51—58. doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.005.

Rehabilitation of Nazism (Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): general characteristics of criminal liability

Alexander P. Kuznetsov

Volga Institute of Advanced Training of the Federal Tax Service of Russia,
Nizhny Novgorod, Russia, abdulxann@gmail.com

Abstract. The article outlines the importance of protecting the peace and security of humanity by criminal legal means, describes the brief evolution of Section XII of the Criminal Code of the Russian Federation. Particular attention is paid to Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation introduced in 2014, which establishes responsibility for the rehabilitation of Nazism, the objective and subjective signs of the main and qualified elements of crimes covered by this norm are consistently revealed. In particular, the discussion of the definition of the direct object of Art. 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is updated, the doctrinal and normative interpretation of the significant signs of the objective and subjective side of the corpus delicti (the terms "distribution", "official", etc.) is provided.

Taking into account the blanket nature of a number of provisions of Art. 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, the author turns to the content of a number of other normative legal acts and discovers that the symbols of military glory of Russia remained without criminal protection. A number of provisions of Part 3 of Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation are questioned regarding the correctness of determining the object of acts expressed in the desecration of symbols, monuments of military history and burial sites. In this case, the commission of these actions cannot be attributed to the manifestations of the rehabilitation of Nazism, since they do not infringe on the interests of peace and security of humanity. Other significant legal and technical flaws of Art. 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation are identified, and options for their correction are proposed.

Keywords: Criminal Code of the Russian Federation, World War II, Great Patriotic War, Nuremberg Tribunal, crimes, International Military Tribunal, rehabilitation of Nazism, military glory, veteran.

For citation: Kuznetsov, A.P. (2023) Rehabilitation of Nazism (Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): general characteristics of criminal liability. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 3, pp. 51 – 58. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.005.

Введение в проблему. Принятый Государственной Думой 24 мая 1996 года Уголовный кодекс Российской Федерации в статье 2 сформулировал задачи, в которых наряду с другими объектами уголовно-правовой охраны выделил обеспечение мира и безопасности человечества. Исходя из указанных задач, в Особенной части УК РФ впервые был предусмотрен самостоятельный раздел XII «Преступления против мира и безопасности человечества» и отдельная одноименная глава 34, включившая в себя изначально восемь статей (ст. 353–360 УК РФ).

Характерной особенностью указанных преступлений следует назвать то, что законодатель отнес их к преступлениям международного характера, то есть они посягают на один из значимых объектов уголовно-правовой охраны всех государств и народов — сохранение мира и обеспечение в целом безопасности человечества¹.

Продолжая совершенствовать Уголовный кодекс РФ, законодатель в главу 34 включил три статьи — «Мародерство» (ст. 356.1), «Реабилитация нацизма» (ст. 354.1), «Акт международного терроризма» (ст. 361). Одновременно с этим содержание семи имеющихся статей было дополнено и получило новую редакцию. Среди нововведенных указанных выше статей особое место занимает статья 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма», введенная Федеральным законом № 128-ФЗ от 5 мая 2014 года².

¹ См.: Кузнецов А.П., Маршакова Н.Н. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации: система преступлений и их квалификация: учебное пособие. Нижний Новгород, 2008. С. 188.

² Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 19. Ст. 2333.

Общая характеристика ст. 354.1 УК РФ. Юридическая конструкция части 1 статьи 354.1 включает три состава преступления, в которых нашли отражение признаки противоправного деяния: во-первых, отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, во-вторых, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, в-третьих, распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны, совершенные публично³.

Во второй части установлены квалифицирующие признаки, усиливающие ответственность за деяния, совершенные: лицом с использованием своего служебного положения, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, с использованием средств массовой информации, с искусственным созданием доказательств обвинения.

Законодатель в ч. 2 ст. 354.1 УК РФ субъектом преступления признает лицо, совершившее его с использованием своего служебного положения (примечание 1 к ст. 285 УК РФ), лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой и иной организации (примечание 1 к ст. 201 УК РФ), а также иных лиц, использующих для совершения противоправных действий свое служебное положение (специальный субъект).

Юридико-техническая конструкция части третьей содержит четыре состава, в которых отражаются признаки преступного деяния, а именно: во-первых, распространение выражающих

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, во-вторых, оскорбление символов воинской славы России, в-третьих, оскорбление памяти защитников Отечества, в-четвертых, унижение чести и достоинства ветеранов Великой Отечественной войны, совершенные публично.

К числу квалифицирующих признаков третьей части законодатель отнес совершение деяний группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, или с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

Юридическая характеристика ч. 1 и 2 ст. 354.1 УК РФ. Учитывая законодательное размещение комментируемой статьи, ученые признают видовым объектом совокупность общественных отношений, обеспечивающих мир и безопасность человечества⁴. Некоторые ученые считают, что статья, предусматривающая ответственность за реабилитацию нацизма, расположена в главе 34 и разделе XII, имеющих одинаковое название «Преступления против мира и безопасности человечества», поэтому родовой и видовой объект совпадают — интересы обеспечения международного мира и безопасности всего человечества⁵.

В отношении непосредственного объекта ученые высказывают различные точки зрения и ставят под сомнение размещение статьи в системе преступлений против мира и безопасности человечества. Такая позиция объясняется тем, что данное преступление не может причинять вред миру и безопасности человечества⁶. По данному мнению, деяния, связанные с реабилитацией нацизма, его идеологией и практикой, — это крайние проявления экстремистско-террористической де-

ятельности, и поэтому реабилитация нацизма посягает в одном случае на общественную безопасность⁷, в другом случае — на основы конституционного строя и безопасность государства⁸.

По мнению других авторов, в комментируемом преступлении объектом признается историческая память народов Российской Федерации⁹.

Указанным точкам зрения была дана критическая оценка, согласно которой «в ч. 1 и 2 ст. 354.1 УК говорится лишь об одном, наиболее опасном проявлении нацизма — преступлениях, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. Одобрение иных аспектов нацизма (прежде всего, относящихся к духовной сфере) или отрицание их существования не образуют данный состав преступления»¹⁰.

Исходя из понимания международного мира как объекта уголовно-правовой охраны, его сторонники в качестве непосредственного объекта реабилитации нацизма признают безопасность отдельных государств, интересы их мирного существования и сотрудничества¹¹.

Изложенные выше доктринальные положения, различные точки зрения, высказанные учеными, позволяют признавать непосредственным объектом реабилитации нацизма интересы и безопасность человечества.

Конкретизация непосредственного объекта нашла свое отражение в ч. 1 и 2, им признаются общественные отношения, охраняющие историческую память человечества о Второй мировой войне и ее итогах, закрепленную приговором Международного военного трибунала.

В свою очередь, непосредственным объектом части 3 признаются общественные отношения,

⁴ Курс уголовного права: в 5 т. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. Т. 1: Общая часть. Учение о преступлении. М.: Зерцало-М, 2002. С. 207—209; Российское уголовное право: учебник: в 2 т. / под ред. Э.Ф. Побегайло. Т. 1: Общая часть. М.: Илекса, 2008. С. 164—165; Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб: Издательский дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2006. С. 386.

⁵ См.: Кибальник А.Г., Иванов А.Ю. Реабилитация нацизма как преступление против мира и безопасности человечества: монография. М., 2019. С. 48—49.

⁶ См.: Осипов М.Ю. О некоторых проблемах использования уголовно-правовой техники на примере статьи 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» // Юридическая наука. 2014. № 2. С. 87.

⁷ См.: Турышев А.А. Реабилитация нацизма в УК РФ // Правовые технологии. 2014. № 1. Ст. 8.

⁸ См.: Розенко С.В. Реабилитация нацизма: новые основания уголовной ответственности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3. С. 81—82.

⁹ См.: Червонных Е.В. Уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных статьей 354.1 «Реабилитация нацизма» УК РФ, и отдельные проблемы ее правоприменения // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 4. С. 23.

¹⁰ Егорова Н.А. Реабилитация нацизма: уголовно-правовой анализ // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 3. С. 496.

¹¹ См.: Трикоз Е.Н. Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты. М., 2007. С. 270—272.

обеспечивающие историческую память о днях воинской славы, символах воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества.

Объективная сторона исследуемого преступления включает в себя ряд противоправных действий:

- отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, — под отрицанием этих фактов понимается непризнание юридически установленных в ходе Нюрнбергского процесса преступных деяний, нашедших отражение в вынесенном приговоре, опубликованном в материалах суда над военными нацистскими преступниками, а также однозначное несогласие с любыми изложенными в приговоре фактами;
- одобрение преступлений, установленных указанным приговором Международного военного трибунала, — под одобрением следует понимать поддержку любых совершенных преступлений, названных в приговоре, их восхваление, признание допустимыми, правильными¹²;
- распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны — под распространением таких сведений понимается, во-первых, сообщение любым способом информации (устно, письменно) неопределенному кругу лиц, хотя бы одному лицу; во-вторых, в информации содержатся заведомо ложные, не соответствующие действительности сведения, противоречащие официально закрепленным в приговоре Нюрнбергского трибунала.

В данном случае заведомая ложность должна пониматься как распространение информации, искажающей реально существующую действительность, то есть факты имели совершенно иное содержание, события развивались иначе, но лицо умышленно искажает их¹³.

¹² См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд. испр. М.: Рус. яз., 1990. С. 444—445; Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Ф.Р. Сундунова, М.В. Талан, И.А. Тарханова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2020. С. 975.

¹³ Варченко И.А., Литвяк Л.Г. Характеристика статьи 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» и соотношение со смежными составами (часть 1) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 4. С. 115.

Следует иметь в виду, что часто используемый в уголовном законе термин «распространение» стал предметом разьяснения высшей судебной инстанции. Так, Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 3 от 24 февраля 2005 года «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» указывает, что «под распространением сведений, порочащих честь и достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц, следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кинохроникальных программах и иных средствах массовой информации, распространение в сети Интернет, а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу»¹⁴.

В части 2 ст. 354.1 УК РФ законодатель сформулировал квалифицирующие признаки и включил в них совершение указанных в части 1 деяний: а) лицом с использованием служебного положения; б) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; в) с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет; г) с искусственным созданием доказательств обвинения.

■ *Лицом с использованием служебного положения.* Использование служебного положения означает, что виновный при совершении акта, направленного на реабилитацию нацизма, применяет свое служебное положение как должностного лица либо как лица, выполняющего организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, определенные в примечаниях к ст. 285 и 201 УК РФ.

Понятие должностного лица применительно к главе 30 УК РФ раскрывается в примечании 1 к ст. 285 УК РФ, а лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, — в примечании 1 к ст. 201 УК РФ.

Использование лицом своего служебного положения при совершении комментируемого преступления означает, что виновный имеет реаль-

¹⁴ Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, РСФСР и РФ по уголовным делам. 2-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 62—71.

ную возможность реализовать властные функции, которыми он наделен.

По мнению А.П. Дмитриенко, в соответствии с данными судебной практики лицо при совершении преступления не только использует свое служебное положение, но и оказывает, исходя из своей значимости и авторитета, влияние на других лиц в целях совершения ими преступных действий, установленных в ч. 1 ст. 354.1 УК РФ¹⁵.

■ *Группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой* (п. «б». ч. 2 ст. 354.1 УК РФ). К числу квалифицирующих признаков законодатель отнес совместную форму преступных действий соучастников, связанных со способом их взаимодействия и степенью их согласованности¹⁶. Преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два и более исполнителя без предварительного сговора (ч. 1 ст. 35 УК РФ); совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления (ч. 2 ст. 35 УК РФ); совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений (ч. 3 ст. 35 УК РФ).

■ *С использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет*. Указанный квалифицированный вид преступления подлежит обязательному установлению в случаях, если они совершены путем размещения соответствующей информации в различных печатных изданиях (журналах, брошюрах, книгах), информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая сеть Интернет. Совершение подобных действий (последующее ознакомление с информацией) будет признаваться в том случае, если они рассчитаны на других лиц¹⁷.

■ *С искусственным созданием доказательств обвинения* (п. «г». ч. 2 ст. 354.1 УК РФ). Под искусственным созданием доказательств обвинения понимается их фальсификация, осуществляемая в форме интеллектуального подлога (изго-

товление подложных документов) либо материального подлога (внесение не соответствующих действительности ложных сведений, физическое изменение документов путем подделки, подчистки). В процессе фальсификации искажается истинный характер доказательств, любые фактические данные, на основании которых устанавливаются обстоятельства, имеющие значение по делу, в таком случае получены с нарушением закона.

Характеристика ч. 3 и 4 ст. 354.1 УК РФ. В законодательной конструкции ч. 3 ст. 354.1 УК РФ устанавливается ответственность, во-первых, за распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, во-вторых, осквернение символов воинской славы России, в-третьих, оскорбление памяти защитников Отечества либо унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны, совершенные публично.

Днями воинской славы России признаются победы вооруженных сил СССР и России, сыгравшие решающую роль в истории государства на тех или иных этапах его развития. Памятные дни в истории Отечества — это конкретные дни, связанные со значимыми историческими событиями.

В соответствии с Федеральным законом от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России»¹⁸ в Российской Федерации установлен перечень дней воинской славы. Из представленного перечня видно, что только шесть из семнадцати непосредственно связаны со Второй мировой войной; из четырнадцати памятных дат только восемь относятся к защите Отечества. Включенный в закон перечень дней воинской славы и памятных дат, связанных с Великой Отечественной войной, является законодательно определенным и исчерпывающим, что позволяет правильно квалифицировать совершенное противоправное деяние. Вместе с тем законодатель оставил без правовой регламентации символы воинской славы России. Данное понятие является оценочным, не позволяющим его правильно трактовать в процессе правоприменения. Представляется спорным положение части 3 ст. 354.1, связанное с осквернением сим-

¹⁵ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / под ред. Н.Г. Кадникова. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2019. С. 1057.

¹⁶ Там же. С. 85.

¹⁷ Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, РСФСР и РФ по уголовным делам. 2-е изд., испр. и доп. М., 2017. С. 233.

¹⁸ Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 11. Ст. 943.

¹⁹ См.: Варченко И.А., Литвяк Л.Г. Указ. соч. С. 115.

волов, памятников военной истории и мест захоронений. Совершение указанных действий нельзя относить к проявлениям реабилитации нацизма, так как они не посягают на интересы мира и безопасности человечества. Учитывая указанные выше положения, их необходимо квалифицировать по другим статьям, закрепленным в нормах о преступлениях против общественного порядка либо против общественной нравственности.

Осквернение символов воинской славы России выражается в надругательствах над ними, совершенными публично путем нанесения надписей, рисунков, отдельных слов, эпиграмм, стихотворений, карикатур, шаржей непристойного, циничного содержания, оскорбляющих основы публичной нравственности и общественного спокойствия.

В качестве квалифицирующих признаков выступает совершение деяний, предусмотренных частью 3, группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, или с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Указанные квалифицирующие признаки рассмотрены при характеристике ч. 2 ст. 354.1 УК РФ.

По юридической конструкции исследуемые составы преступлений признаются формальными, и они считаются оконченными с момента совершения противоправного деяния независимо от наступления преступных последствий.

Субъектом преступления признается физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Согласно ч. 1 ст. 20 УК РФ уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста.

Субъектом совершения деяния с использованием служебного положения (п. «а» ч. 2 ст. 354.1 УК РФ) признается специальный субъект.

Субъективная сторона характеризуется виной в форме прямого умысла. Лицо осознает общественную опасность совершаемого деяния, предусмотренного ст. 354.1 УК РФ, и желает действовать подобным образом.

Мотивы и цели не квалификацию не влияют.

Сформулированные в ч. 1 и 3 деяния относятся к категории преступлений небольшой тяжести, а деяния, предусмотренные ч. 2, — к категории преступлений средней тяжести.

Юридико-технические изъяны конструкции ст. 354.1 УК РФ. Как видно, диспозиция

ст. 354.1 УК РФ по своей конструкции относится к бланкетным, что требует при ее применении обращения к позитивному законодательству. Однако последнее в определенной части вступает в противоречие с закрепленными в уголовном законе положениями. Так, понятие и перечень дней воинской славы и памятных дат России раскрываются в Федеральном законе № 32-ФЗ от 13 марта 1995 г. «О днях воинской славы и памятных датах России». Вместе с тем в конструкции диспозиции ст. 354.1 УК РФ законодатель разделяет используемые понятия «дни воинской славы» и «памятные даты России», связанные с защитой Отечества. Сложившаяся ситуация противоречит положениям указанного специального закона, устанавливающего дни славы русского оружия — дни воинской славы (победные дни) России, отмечаемые в ознаменование славных побед российских войск, сыгравших решающую роль в истории России, и отдельно памятные даты в истории Отечества, связанные с важнейшими историческими событиями в жизни государства и общества.

Понятия памятных дней России, связанных с защитой Отечества, символов воинской славы в действующем российском законодательстве не определяются. На допущенные юридико-технические ошибки, свидетельствующие о возникновении коллизии между позитивным и уголовным законодательством, учеными обращалось внимание в ряде исследований¹⁹.

Исследование закрепленных законодательных положений статьи 354.1 УК РФ показало, что законодатель при конструировании криминообразующих признаков, включенных в диспозиции, допустил ряд юридико-технических ошибок: во-первых, название статьи «Реабилитация нацизма» не нашло своего правового отражения в содержании диспозиций ч. 1 и 3 указанной статьи; во-вторых, в части 1 не раскрыто понятие нацизма и не сформулированы его криминообразующие признаки, что не позволяет соотнести их с распространением заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны; в-третьих, из текста ч. 3 видно, что в ней сформулирован самостоятельный состав преступления с включением в него специфических криминообразующих признаков, которые можно отнести к признакам, присущим клевете.

Изложенные выше положения рассматриваемой статьи свидетельствуют о допущенных законодателем изъянах при конструировании уголовно-правовых диспозиций и несоответствии их

юридикто-техническим критериям, что может затруднить практическое применение.

Список литературы

1. Варченко И.А., Литвяк Л.Г. Характеристика статьи 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» и соотношение со смежными составами (часть 1) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 4. С. 113—117.
2. Егорова Н.А. Реабилитация нацизма: уголовно-правовой анализ // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 3. С. 494—503. doi: 10.17150/1996-7756.2015.9(3).494-503.
3. Кибальник А.Г., Иванов А.Ю. Реабилитация нацизма как преступление против мира и безопасности человечества: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 276 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / под ред. Н.Г. Кадникова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юриспруденция, 2019. 1093 с.
5. Кузнецов А.П., Маршакова Н.Н. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации: система преступлений и их квалификация: учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2008. 212 с.
6. Осипов М.Ю. О некоторых проблемах использования уголовно-правовой техники на примере статьи 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» // Юридическая наука. 2014. № 2. С. 86—91.
7. Розенко С.В. Реабилитация нацизма: новые основания уголовной ответственности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3. С. 80—85.
8. Трикоз Е.Н. Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты. М.: Юрлитинформ, 2007. 504 с.
9. Турышев А.А. Реабилитация нацизма в УК РФ // Правовые технологии. 2014. № 1. Ст. 8.
10. Червоных Е.В. Уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных статьей 354.1 «Реабилитация нацизма» УК РФ, и отдельные проблемы ее правоприменения // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 4. С. 21—27.

References

1. Varchenko, I.A. & Litvyak, L.G. (2015) *Kharakteristika stat'i 354.1 UK RF "Reabilitatsiya natsizma" i sootnoshenie so smezhnymi sostavami (chast' 1)*

[Characteristics of Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation "Rehabilitation of Nazism" and the relationship with related compounds (Part 1)]. *Humanities, Social-economic and Social Sciences*, no. 4, pp. 113—117. (In Russ.).

2. Egorova, N.A. (2015) *Reabilitatsiya natsizma: ugovolno-pravovoy analiz [The rehabilitation of Nazism: criminal law analysis]*. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, vol. 9, no. 3, pp. 494—503. (In Russ.). doi: 10.17150/1996-7756.2015.9(3).494-503.

3. Kibal'nik, A.G. & Ivanov, A.Yu. (2019) *Reabilitatsiya natsizma kak prestuplenie protiv mira i bezopasnosti chelovechestva [Rehabilitation of Nazism as a crime against the peace and security of humanity]*. Monograph. Moscow, Yurлитинформ, 276 p. (In Russ.).

4. Kadnikov, N.G. (ed.) (2019) *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii: nauchno-prakticheskiy (postateynnyy) [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation: scientific and practical (article-by-article)]*. Sixth edition. Moscow, Yurisprudentsiya, 1093 p. (In Russ.).

5. Kuznetsov, A.P. & Marshakova, N.N. (2008) *Osobennaya chast' Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: sistema prestupleniy i ikh kvalifikatsiya [Special part of the Criminal Code of the Russian Federation: the system of crimes and their qualification]*. Textbook. Nizhniy Novgorod, Nizhny Novgorod Law Academy, 212 p. (In Russ.).

6. Osipov, M.Yu. (2014) *O nekotorykh problemakh ispol'zovaniya ugovolno-pravovoy tekhniki na primere stat'i 354.1 UK RF "Reabilitatsiya natsizma" [On some problems of the use of criminal law technology on the example of Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation "Rehabilitation of Nazism"]*. *Yuridicheskaya nauka*, no. 2, pp. 86—91. (In Russ.).

7. Rozenko, S.V. (2014) *Reabilitatsiya natsizma: novye osnovaniya ugovolnoy otvetstvennosti [Rehabilitation of Nazism: new grounds of criminal liability]*. *Legal Science and Law Enforcement Practice*, no. 3, pp. 80—85. (In Russ.).

8. Trikoz, E.N. (2007) *Prestupleniya protiv mira i bezopasnosti chelovechestva: sravnitel'nyy i mezhdunarodno-pravovoy aspekty [Crimes against the peace and security of humanity: comparative and international legal aspects]*. Moscow, Yurлитинформ, 504 p. (In Russ.).

9. Turyshev, A.A. (2014) *Reabilitatsiya natsizma v UK RF [Rehabilitation of Nazism in the Criminal Code of the Russian Federation]*. *Pravovye tekhnologii*, no. 1, art. 8. (In Russ.).

10. Chervonnykh, E.V. (2015) Ugolovno-pravovaya kharakteristika prestupleniy, predusmotrennykh stat'ey 354.1 "Reabilitatsiya natsizma" UK RF, i otdel'nye problemy ee pravoprimereniya [Criminal-legal characteristic of crimes under Article 354.1 of

the "Rehabilitation of Nazism" of the Criminal Code, and separate the problems of its enforcement]. *Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti*, no. 4, pp. 21–27. (In Russ.).

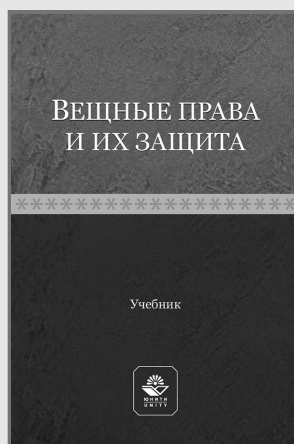
Информация об авторе

А.П. Кузнецов — профессор кафедры социально-правовых дисциплин Приволжского института повышения квалификации ФНС России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

A.P. Kuznetsov – Professor of the Department of Social and Legal Disciplines of the Volga Institute of Advanced Training of the Federal Tax Service of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Вещные права и их защита. Учебник. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки / Под ред. Р.А. Курбанова, [А.И. Коновалов и др.]. 239 с.

ISBN: 978-5-238-03636-6

Учебник содержит систематизированное изложение материала, посвященного актуальным проблемам вещного права. Наряду с изложением положений действующего гражданского законодательства представлены различные доктрины вещного права и точки зрения по обсуждаемым проблемам, а также практика применения гражданско-правовых норм.

Для студентов и аспирантов юридических вузов и факультетов, преподавателей, научных и практических работников, а также всех, кто интересуется актуальными вопросами вещного права.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 59–67.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2023, no. 3, pp. 59–67.

УДК 343.359.3
doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.006

NIION: 2015-0064-03/23-139
MOSURED: 77/27-009-2023-03-338

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Проблемы определения перемещения через границу как признака контрабанды

Вячеслав Викторович Лавринов^{1, 2}

¹ Ростовский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета,
Ростов-на-Дону, Россия, vvl-rostov@mail.ru

² Ростовский филиал Российской таможенной академии, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. При квалификации различных видов контрабанды правоприменители сталкиваются с проблемами, связанными с установлением и определением признаков объективной стороны, в первую очередь — перемещения через таможенную либо государственную границу, определение которого в уголовном законодательстве отсутствует, что требует обращения к таможенному законодательству.

Цель настоящей статьи — рассмотреть вопросы, связанные с определением качественных характеристик такого признака объективной стороны контрабанды, как перемещение через государственную либо таможенную границу, необходимых для надлежащей квалификации деяния.

Методы исследования: в основу исследования положены диалектический метод научного познания, формально-юридический метод, а также методы сравнительного анализа, синтеза, индукции и дедукции.

По результатам исследования предлагается под контрабандой понимать не пересечение государственной либо таможенной границы незаконным путем, а именно перемещение в форме ввоза либо вывоза соответствующих предметов. Также предлагается внести изменения в редакцию норм, предусматривающих ответственность за контрабанду, соответствующие как таможенному законодательству, так и современным геополитическим реалиям, связанные с указанием на таможенную границу Евразийского экономического союза и на государственную границу со странами — членами Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: контрабанда, пересечение границы, незаконное перемещение, таможенные преступления, государственная граница, таможенная граница, ввоз, вывоз.

Для цитирования: Лавринов В.В. Проблемы определения перемещения через границу как признака контрабанды // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 59–67. doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.006.

Problems of determining movement across the border as a sign of smuggling

Vyacheslav V. Lavrinov^{1, 2}

¹ Rostov Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee,
Rostov-na-Donu, Russia, vvl-rostov@mail.ru

² Rostov Branch of the Russian Customs Academy, Rostov-na-Donu, Russia

Abstract. When qualifying various types of contraband, law enforcement officers face problems related to the establishment and determination of the signs of an objective party, first of all — movement across the customs or state border, which is not defined in criminal legislation, which requires recourse to customs legislation.

The purpose of this article is to consider issues related to determining the qualitative characteristics of movement across the state or customs border necessary for the proper qualification of the act.

Research methods: dialectical method of scientific cognition, formal legal method, and methods of comparative analysis, synthesis, induction and deduction.

According to the results of the research, the author suggests understanding smuggling not as crossing the state or customs border illegally, but as movement in the form of import or export of relevant items. The article

also proposes to amend the wording of the norms providing for responsibility for smuggling, corresponding to both customs legislation and modern geopolitical realities, related to the indication of the customs border of the Eurasian Economic Union and the state border with the member states of the Eurasian Economic Union.

Keywords: smuggling, border crossing, illegal movement, customs crimes, state border, customs border, import, export.

For citation: Lavrinov, V.V. (2023) Problems of determining movement across the border as a sign of smuggling. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 3, pp. 59–67. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.006.

Введение

Расследование таможенных преступлений и их отдельных видов представляет существенную сложность, связанную как с наличием нескольких видов контрабанды, расположенных в разных разделах Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), так и бланкетностью рассматриваемых составов, что неоднократно отмечалось в научной литературе¹.

Бланкетность также существенно отличается от иных норм, предполагая обращение при правоприменении не только к нормам отечественного законодательства, регламентирующим общественные отношения в сфере таможенного дела, но и нормам, которые носят межгосударственный характер. Учитывая специфику рассматриваемого правонарушения, для определения признаков объективной стороны необходимо учитывать таможенную терминологию.

Кроме того, сложность для квалификации представляет и существующая формулировка диспозиции рассматриваемых норм, не в полной мере отвечающая современным государственно-правовым реалиям.

1. «Перемещение» как признак объективной стороны контрабанды

В настоящее время уголовная ответственность за контрабанду предусмотрена в статьях 200.1, 200.2, 226.1 и 229.1 УК РФ. Каждая из этих норм предусматривает ответственность за незаконное перемещение предметов через таможенную границу, а две нормы (ст. 226.1 и 229.1) — и через государственную границу.

Сравнивая диспозиции этих норм, мы видим как их сходство, так и определенную несогласованность у законодателя при их конструировании.

Объективную сторону любого из видов контрабанды можно представить в виде действия —

перемещения, исключая возможность совершения данного преступления путем бездействия. Это может быть совокупность действий, длительный процесс, деятельность, но в любом случае будет иметь место определенная активность, направленная на достижение преступного результата, связанного с перемещением соответствующего предмета преступления из одного государства в другое, с нарушением правил и порядка такого перемещения.

Но не любое перемещение предметов может быть признано контрабандой. Объективная сторона всех видов контрабанды включает в себя такой признак, как перемещение через государственную либо таможенную границу, сопряженное с нарушением таможенного законодательства. Без описания конкретных форм такого нарушения.

Перемещение всегда сопряжено с передвижением специальных предметов из одного места в другое. Но использование понятия перемещения в данном контексте не совсем верно, так как означает пересечение таможенной либо государственной границы, сужая тем самым сферу действия рассматриваемых норм, позволяя избежать уголовной ответственности контрабандистам.

Учитывая, что контрабанда является преступлением бланкетным, посягающим именно на таможенные правоотношения, для определения момента начала и окончания контрабанды, анализа способов осуществления контрабанды требуется обратиться к таможенному законодательству, и в первую очередь к Таможенному кодексу Евразийского экономического союза (ЕАЭС, далее также Союз), в соответствии с положениями которого «перемещение товаров через таможенную границу Союза — ввоз товаров на таможенную территорию Союза или вывоз товаров с таможенной территории Союза»; такое перемещение выражается в двух формах — ввоз и вывоз.

Ввозом товаров на таможенную территорию ЕАЭС, как отмечается в научной литературе²,

¹ Подройкина И.А., Литвинов Д.И. Уголовная ответственность за экономические виды контрабанды в государствах — участниках ЕАЭС // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2020. № 2 (39). С. 78—82.

² Тюнин В.И. Преступления в сфере экономической деятельности: учебное пособие для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2023. С. 245.

признается совершение действий, которые связаны с пересечением таможенной границы Союза и в результате которых товары прибыли на таможенную территорию Союза любым способом, до выпуска таких товаров таможенными органами, а вывозом — совершение действий, направленных на вывоз товаров с таможенной территории Союза, включая пересечение таможенной границы Союза.

В российском таможенном законодательстве, а именно в ст. 5 Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ³, ввоз и вывоз определяются сходным, хотя и не аналогичным образом.

Обращает на себя внимание то, что понятия «ввоз» и «вывоз» между собой не совпадают, причем не только по названию и по направлению движения.

Ввоз начинается с момента фактического пересечения границы независимо от места и времени, но им не завершается. Ввоз товара продолжается при перемещении по таможенной территории, помещении товара на склад временного хранения, декларировании товара, проведении таможенного оформления и т. п., заканчиваясь, в соответствии с положениями таможенного законодательства, выпуском товара таможенным органом в соответствии с той или иной таможенной процедурой. Трафик контрабанды как перемещения путем ввоза либо вывоза не вызывает нареканий в научной литературе⁴.

Контрабанда при ввозе товара возможна не только непосредственно на таможенной границе (в месте пересечения), но и в иных местах, в том числе непосредственно на таможенной территории, на внутренних таможах (например, при проведении таможенного оформления ввезенного товара). Способ, которым товар был ввезен в Россию (на таможенную территорию ЕАЭС), для квалификации существенного значения не имеет. Несмотря на то, что со смысловой точки зрения ввозом является совершение каких-либо действий, связанных с перемещением предметов с помощью транспорта, ввоз с точки зрения таможенного законодательства допускает совершение всех возможных с физической точки зрения действий, в результате которых товары попадают на таможенную территорию, как

с использованием любых устройств, транспорта, так и без них, путем обычного проноса, возможно даже перебрасывания, использования животных, беспилотных летательных устройств и т. п.

Вывоз в соответствии с таможенным законодательством трактуется, как отмечалось выше, несколько иначе, и с позиции начала осуществления, и момента завершения. Начало вывоза связывается не с моментом пересечения границы, а с более ранним этапом — совершением действий, направленных на убытие товаров, до фактического пересечения товарами границы.

Таким образом, понятие «пересечение границы» не равно понятию «перемещение через границу». Понятие «перемещение» является более объемным, включая в себя ряд иных действий помимо пересечения таможенной границы.

Учитывая сказанное, можно утверждать, что, рассматривая вопросы квалификации контрабанды, следует учитывать комплексное понятие «перемещение через границу (таможенную либо государственную)» как институт таможенного права. Использование понятия перемещения в ином значении (как пересечение границы) не позволит произвести квалификацию контрабанды надлежащим образом, так как приведет к необоснованному сужению территории действия норм, устанавливающих ответственность за контрабанду, и их распространению только на узкий участок территории — место непосредственного прохождения таможенной или государственной границы.

Отсюда вытекает следующее положение. Все виды контрабанды, исходя из надлежащего понимания понятия «перемещение», могут совершаться на всей территории ЕАЭС и России, в частности — как непосредственно при пересечении таможенной (государственной) границы (например, таким способом, как перемещение помимо таможенного контроля), так и в глубине территории России (например, таким способом, как недостоверное декларирование).

2. Определение границы как признака объективной стороны контрабанды

Еще одна проблема, на которую обращается внимание в научной литературе, связана с определением места перемещения товара⁵.

Ранее в УК РФ 1996 года только одна норма (ст. 188) предусматривала ответственность за контрабанду. Данная норма утратила свою силу

³ О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Азаренкова Е. Момент окончания контрабанды // Уголовное право. 2018. № 4. С. 4—10.

⁵ Федоров А.В. Место совершения контрабанды // Российский следователь. 2017. № 16. С. 3—11.

в 2011 году в соответствии с Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ⁶ и была заменена на ст. 226.1 и ст. 229.1 УК РФ, установившие ответственность за незаконное перемещение специальных предметов через таможенную границу Таможенного союза и государственную границу России. В 2013 году введена ст. 200.1⁷, установившая ответственность за контрабанду денежных средств и денежных инструментов, а в 2014 году статьей 200.2⁸ установлена ответственность за контрабанду алкогольной продукции и табачных изделий.

По нашему мнению, в настоящее время диспозиции этих норм не соответствуют положениям действующего таможенного законодательства и межгосударственным институтам.

Например, в ст. 200.1 УК РФ говорится о незаконном перемещении через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, в ст. 200.2 УК РФ — о незаконном перемещении через таможенную границу Таможенного союза, а в ст. 226.1 и ст. 229.1 УК РФ — о незаконном перемещении через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС и государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС.

Таким образом, в двух составах (ст. 226.1 и 229.1) используются одновременно понятие «государственная граница» и понятие «таможенная граница», в двух других составах (ст. 200.1 и 200.2) — только «таможенная граница».

В уголовном законодательстве понятия «государственная граница» и «таможенная граница» отсутствуют, не являясь, по сути, уголовно-правовыми, в связи с чем необходимо обращаться к нормам иных отраслей права, в том числе межгосударственного характера, которыми регламентируются данные институты.

⁶ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям: Федеральный закон от 28.06.2013 № 134-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер противодействия обороту контрафактной продукции и контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий: Федеральный закон от 31.12.2014 № 530-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Надо отметить, что в целом использование двух упомянутых понятий — «таможенная граница» и «государственная граница» — оправданно. На сегодняшний день мы имеем два территориальных образования, каждое из которых имеет свою собственную границу, определяемую соответствующим нормативным актом. При этом рассматриваемые границы на определенных участках территории могут совпадать между собой, на других — нет. Соответственно, определение государственной границы Российской Федерации мы можем найти в национальном законодательстве, таможенной границы — в законодательстве межгосударственном, связанном с таможенной сферой.

Обратимся к тем нормативным актам, которые помогут нам определить рассматриваемые виды границ.

Начнем с такого территориального образования, как Российская Федерация, и понятия «Государственная граница Российской Федерации», статус которой определяется Законом РФ от 01.04.1993 № 4730-1⁹, в соответствии со ст. 1 которого государственная граница Российской Федерации — это линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющие пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства) Российской Федерации, то есть пространственный предел действия государственного суверенитета Российской Федерации.

В настоящее время государственная граница России является реально существующим институтом, обладающим установленными признаками, нормативное закрепление которого дано в соответствующем законодательном акте, действующем на сегодняшний момент, в связи с чем мы и можем, и должны использовать данный термин при правоприменении, в том числе квалификации действий лица, совершившего контрабанду, предусмотренную либо ст. 226.1, либо ст. 229.1 УК РФ.

Теперь обратимся к понятию «таможенная граница».

Следует иметь в виду, что термин «таможенная граница» коррелируется с таможенной территорией, пределы которой очерчиваются таможенной границей. Данные категории являются институтами таможенного права, и для их определения необходимо обращаться к нормам тамо-

⁹ О Государственной границе Российской Федерации: Закон РФ от 01.04.1993 № 4730-1 // СПС «КонсультантПлюс».

женного права, являющегося правом межгосударственным, в связи с образованием Таможенного союза.

Однако в настоящее время в мире существует не один таможенный союз. Например, в Европе существует таможенный союз Европейского союза, в Африке — Южноафриканский таможенный союз, в Америке — таможенный союз в рамках Карибского сообщества¹⁰.

Таким образом, с учетом невозможности применения норм уголовного права по аналогии, нам необходимо установить, таможенная граница какого именно таможенного союза является одним из обязательных признаков контрабанды, и, учитывая их бланкетность, определить, какими нормативными актами дается определение таможенной границы Таможенного союза и закрепляется существование подобного института.

Как уже отмечалось, статьи 226.1 и 229.1, 200.1 и 200.2 включены в УК РФ в период с 2011 по 2014 г., и их диспозиции практически не менялись.

Обращает на себя внимание, что законодатель в ст. 226.1 и ст. 229.1 УК РФ использует не просто термин «государственная граница Российской Федерации», а именно «Государственная граница Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС».

На момент появления этих норм (2011 год) существовало Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС)¹¹, а основным нормативным актом в таможенной сфере был Таможенный кодекс Таможенного союза¹² (далее — ТК ТС), который упоминал понятие «Таможенный союз в рамках Евразийского экономического сообщества», использованное в ст. 226.1 и ст. 229.1 УК РФ.

В соответствии с этим государственная граница России с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС первоначально представляла собой участки границы с Республикой Беларусь и Республикой Казахстан, а

¹⁰ См., например: Федоткин В.В. Виды таможенных союзов и их классификация // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. 2013. № 2. С. 129—137.

¹¹ Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (подписан 10.10.2000 в г. Астане) // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Таможенный кодекс Таможенного союза: приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества на уровне глав государств от 27.11.2009 № 17 // СПС «КонсультантПлюс».

затем дополнительно с Республикой Арменией и Киргизской Республикой. Все остальные участки государственной границы Российской Федерации совпадали с таможенной границей Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, перемещение товара через которую регулировалось нормами таможенного законодательства, и в первую очередь ТК ТС, в связи с чем факт незаконного перемещения предметов через государственную границу при проведении уголовно-правовой квалификации во внимание не принимался.

Действовавшим ТК ТС таможенная граница определялась как пределы таможенной территории Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества.

На момент принятия новых норм о контрабанде (ст. 226.1, ст. 229.1, ст. 200.1 УК РФ) использование в них терминов «таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» и «Государственная граница Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» являлось абсолютно нормальным и допустимым.

При этом в ст. 200.2 УК РФ применяется положение, допускающее правовую неопределенность, а именно «незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза», без конкретизации такового. С учетом существования, кроме ЕАЭС, и иных таможенных союзов, на наш взгляд, законодателю следует конкретизировать в редакции ст. 200.2 УК РФ определение таможенного союза, так как положения уголовно-правовых норм не должны допускать возможности произвольного толкования и неопределенности.

Кроме того, использование при формулировании уголовного запрета контрабанды терминов «таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» и «Государственная граница Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» было допустимо только до создания новой таможенной межгосударственной организации — ЕАЭС и вступления в силу нового Таможенного кодекса.

В соответствии с подписанным 29 мая 2014 г. договором о создании Евразийского экономического союза¹³, вступившим в силу с 1 января 2015 г., прекратилось действие Договора о создании единой таможенной территории и формировании та-

¹³ Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан 29.05.2014 в г. Астане) // СПС «КонсультантПлюс».

моженного союза от 06.10.2007¹⁴, т. е. прекратили свое существование Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) и, соответственно, Таможенный союз в рамках ЕврАзЭС.

В действующем Таможенном кодексе Евразийского экономического союза¹⁵ (далее — ТК ЕАЭС) применяются такие понятия, как «Евразийский экономический союз (он же — Союз)», «таможенная граница Союза», «таможенная территория Союза», «перемещение товаров через таможенную границу Союза», в связи с чем те понятия, которые использовал ТК ТС, не могут использоваться при проведении квалификации контрабанды, так как фактически таможенная граница Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) отсутствует.

Из формального анализа ст. 200.1, 200.2, 226.1, 229.1 УК РФ следует сделать вывод, что данные нормы в качестве одного из признаков объективной стороны указывают несуществующий элемент, о чем говорилось в научной литературе¹⁶. Казалось бы, следует предложить использовать по аналогии вместо понятий «таможенная граница Таможенного союза», «таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» понятие «таможенная граница ЕАЭС» без законодательного изменения рассматриваемых норм. Но эта попытка не имеет под собой легального основания. Расширительное толкование уголовного закона, как и толкование по аналогии, абсолютно недопустимо (ч. 2 ст. 3 УК РФ)¹⁷. Отсюда напрашивается вывод, что отсутствие одного из обязательных признаков объективной стороны контрабанды («таможенная граница Таможенного союза», «таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС») влечет за собой в соответствии с учением о составе преступления отсутствие такого обязательного элемента состава преступления, как объективная сторона, и в целом состава контрабанды (так как упомянутые в нормах виды границ не существуют).

¹⁴ Договор о создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза (подписан 06.10.2007 в г. Душанбе) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза: приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г. // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Арестова Е.Н., Крюкова Н.И., Никольская А.Г. Основы квалификации и расследования преступлений в сфере таможенного дела: учебник и практикум для вузов. 3-е изд. М., 2023. С. 105.

¹⁷ См.: Романов А.К. Почему недопустима аналогия закона в уголовном праве // Законность. 2011. № 5. С. 43—47.

Учитывая актуальность и насущность данной проблемы, она была затронута и Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, который решил ее весьма своеобразно¹⁸, разъяснив в п. 1 Постановления от 27.04.2017 № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде», что с учетом положений пункта 2 ст. 101 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. под используемыми в статьях 200.1, 200.2, 226.1 и 229.1 УК РФ терминами «таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» («таможенная граница Таможенного союза»), «Государственная граница Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» следует понимать соответственно «таможенная граница Евразийского экономического союза», «Государственная граница Российской Федерации с государствами — членами Евразийского экономического союза»¹⁹.

С такой позицией мы не можем согласиться по вышеуказанным причинам. В данном случае Верховный Суд фактически не разъясняет и не толкует нормы права, а изменяет их редакцию, что категорически недопустимо. Не должна, как уже отмечалось в научной литературе²⁰, судебная власть подменять власть законодательную, даже на самом высоком уровне.

Более того, ссылка на положения пункта 2 ст. 101 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. не может быть признана обоснованной по следующим причинам.

Во-первых, данная статья посвящена только переходным положениям в отношении раздела VIII Таможенного кодекса ЕАЭС («Таможенное регулирование»): в п. 1 указывается, что до вступления в силу ТК ЕАЭС таможенное регулирование осуществляется в соответствии с Договором о ТК ТС от 27.11.2009 и иными международными договорами государств-членов, а пункт 2 гла-

¹⁸ О наличии спорных вопросов в данном постановлении указывалось в научной литературе. См., например: Федоров А.В. Новые разъяснения по делам о контрабанде // Российский следователь. 2017. № 15. С. 3—13; Власенко В.В. Спорные вопросы квалификации контрабанды, совершенной путем пересылки международного почтового отправления // Российский следователь. 2019. № 10. С. 17—19.

¹⁹ О судебной практике по делам о контрабанде: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.04.2017 № 12 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Подройкина И.А., Кругликова Д.А. Проблемы регламентации уголовной ответственности за контрабанду в современном законодательстве // Современное право. 2018. № 9. С. 100—105.

сит, что под используемым в международных договорах понятием «таможенная граница таможенного союза (таможенная граница)» понимается таможенная граница Евразийского экономического союза только для целей применения этих международных договоров.

Уголовный кодекс не относится и не может быть отнесен к международным договорам, поэтому в данном случае мы можем говорить о некорректном использовании положений норм права.

Более того, упоминая ст. 101 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. говорит именно о переходных положениях, до вступления в силу ТК ЕАЭС, договор о котором был подписан 11.04.2017, а сам кодекс вступил в силу с 01.01.2018.

Учитывая, что постановление Пленума, рассматривавшее вопросы контрабанды, было принято 27 апреля 2017 г., то есть еще до вступления в силу ТК ЕАЭС, можно согласиться, что данные разъяснения были актуальны на момент принятия постановления.

В связи со вступлением в силу Таможенного кодекса ЕАЭС, который дал новое определение таможенной границы, а также прекращением существования Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) фактически рассматриваемое положение постановления Пленума потеряло свою актуальность. Но тем не менее оно продолжает активно применяться, и суды, рассматривая уголовные дела по делам о контрабанде, осуждают лиц за незаконное перемещение через несуществующую в настоящее время таможенную границу ЕврАзЭС.

Так, например, Тюрина Н.С. была осуждена по ч. 1 ст. 200.1 УК РФ за контрабанду денежных средств. В приговоре указано, что она, имея умысел, направленный на незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС наличных денежных средств в крупном размере, находясь на территории таможенного поста «Аэропорт Ростов-на-Дону (Платов)» Ростовской таможни, переместила без таможенного декларирования 20 458,32 долл. США, что превышает двукратный размер суммы наличных денежных средств, разрешенных таможенным законодательством Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС к перемещению без письменного декларирования²¹.

²¹ Приговор Аксайского районного суда Ростовской области от 29.06.2022 по делу № 1-200/2022 в отношении Тюриной Н.С. URL: https://aksajsky-ros.sudrf.ru/module.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=66574882&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 01.05.2023).

Фактически Тюрина Н.С. была осуждена за незаконное перемещение валюты через несуществующую таможенную границу.

Аналогичным образом по ч. 1 ст. 226.1 УК РФ была осуждена Гайтиева М.А. за контрабанду стратегически важных товаров и ресурсов²². Причем в приговоре приведены взаимоисключающие обстоятельства.

В описательной части приговора указано, что Гайтиева М.А. совершила незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС стратегически важных товаров и стратегически важных ресурсов — изделий из драгоценных металлов и драгоценных и полудрагоценных камней на сумму 1 401 613, 84 руб., что является крупным размером.

Однако впоследствии судом указано, что она, зная разрешительный порядок ввоза на таможенную территорию Евразийского экономического союза и вывоза с таможенной территории Евразийского экономического союза товаров, по прибытии воздушным транспортом авиарейсом в аэропорт Ростов-на-Дону (Платов) не задекларировала ювелирные изделия из золотых сплавов со вставками не драгоценных камней, в количестве 75 шт., общим весом 1752,05 г, — в ручной клади (дорожной сумке розового цвета и дамской сумке коричневого цвета), после чего проследовала по «зеленому коридору», не задекларировав ювелирные изделия общей стоимостью 1 401 613,84 руб. В ходе таможенного досмотра товаров, перемещаемых через таможенную границу Евразийского экономического союза физическими лицами для личного пользования в сопровождаемом багаже, эти товары были изъяты.

Таким образом, в одном и том же приговоре суд указал разное место перемещения — таможенную границу ЕврАзЭС и таможенную границу ЕАЭС. Мы не можем согласиться с подобной квалификацией, связанной с неопределенностью места совершения преступления.

Аналогичные обстоятельства приведены в приговоре, в соответствии с которым по ч. 1 ст. 200.1 УК РФ осужден Ким А.А.²³

²² Приговор Аксайского районного суда Ростовской области от 29.09.2021 по делу № 1-315/2021 в отношении Гайтиевой М.А. URL: https://aksajsky-ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=35984151&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 01.05.2023).

²³ Приговор Аксайского районного суда Ростовской области от 12.12.2022 по делу № 1-246/2022 в отношении Кима А.А. URL: https://aksajsky-ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=167726505&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 01.05.2023).

Подобная ситуация, безусловно, является недопустимой и требует разрешения путем внесения изменений в уголовно-правовые нормы, предусматривающие уголовную ответственность за контрабанду.

Также, принимая во внимание, что вышеуказанное положение Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации не соответствует требованиям положений уголовного и таможенного законодательства, а также существующим реалиям межгосударственного характера, полагаем необходимым внести изменения и в вышеуказанное Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.04.2017 № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде».

Заключение

Подводя итоги, следует сделать вывод, что с учетом положений уголовного и таможенного законодательства под контрабандой следует понимать не только действия в форме незаконного пересечения товаром таможенной либо государственной границы. Понятием «контрабанда» охватывается более широкий спектр действий, связанных с перемещением товара, который определяется с учетом направления такого перемещения в форме ввоза либо вывоза. Соответственно, при ввозе как контрабанду следует квалифицировать действия с момента пересечения границы и до завершения выпуска товара, при вывозе — с момента начала действий, направленных на незаконное перемещение товара, и до момента пересечения границы.

Но при этом диспозиции всех норм, предусматривающих ответственность за контрабанду, с учетом их бланкетности, подлежат корректировке и внесению изменений, соответствующих как таможенному законодательству, так и современным геополитическим реалиям, связанных с указанием на таможенную границу Евразийского экономического союза и на государственную границу со странами — членами Евразийского экономического союза, что позволит надлежащим образом обеспечить соблюдение принципа законности.

Список литературы

1. Азаренкова Е. Момент окончания контрабанды // Уголовное право. 2018. № 4. С. 4—10.
2. Арестова Е.Н., Крюкова Н.И., Никольская А.Г. Основы квалификации и расследования преступ-

лений в сфере таможенного дела: учебник и практикум для вузов. 3-е изд. М.: Юрайт, 2023. 258 с.

3. Власенко В.В. Спорные вопросы квалификации контрабанды, совершенной путем пересылки международного почтового отправления // Российский следователь. 2019. № 10. С. 17—19.

4. Подройкина И.А., Кругликова Д.А. Проблемы регламентации уголовной ответственности за контрабанду в современном законодательстве // Современное право. 2018. № 9. С. 100—105.

5. Подройкина И.А., Литвинов Д.И. Уголовная ответственность за экономические виды контрабанды в государствах — участниках ЕАЭС // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2020. № 2 (39). С. 78—82.

6. Романов А.К. Почему недопустима аналогия закона в уголовном праве // Законность. 2011. № 5. С. 43—47.

7. Тюнин В.И. Преступления в сфере экономической деятельности: учебное пособие для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 323 с.

8. Федоров А.В. Место совершения контрабанды // Российский следователь. 2017. № 16. С. 3—11. doi: 10.18572/1812-3783-2017-16-3-11.

9. Федоров А.В. Новые разъяснения по делам о контрабанде // Российский следователь. 2017. № 15. С. 3—13. doi: 10.18572/1812-3783-2017-15-3-13.

10. Федоткин В.В. Виды таможенных союзов и их классификация // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. 2013. № 2. С. 129—137.

References

1. Azarenkova, E. (2018) Moment okonchaniya kontrabandy [The moment of the end of smuggling]. *Ugolovnoe pravo*, no. 4, pp. 4—10. (In Russ.).
2. Arestova, E.N., Kryukova, N.I. & Nikol'skaya, A.G. (2023) Osnovy kvalifikatsii i rassledovaniya prestupleniy v sfere tamozhennogo dela [Fundamentals of qualification and investigation of crimes in the field of customs]. Textbook. 3rd ed. Moscow, Urait, 258 p. (In Russ.).
3. Vlasenko, V.V. (2019) voprosy kvalifikatsii kontrabandy, sovershennoy putem peresylki mezhdu-narodnogo pochtovogo otpravleniya [Challenging issues of qualification of smuggling by means of international mail]. *Rossiyskiy sledovatel'*, no. 10, pp. 17—19. (In Russ.).
4. Podroikina, I.A. & Kruglikova, D.A. (2018) Problemy reglamentatsii ugolovnoy otvetstvennosti

za kontrabandu v sovremennom zakonodatel'stve [Problems of regulation of criminal responsibility for smuggling in the current legislation]. *Sovremennoe pravo*, no. 9, pp. 100–105. (In Russ.).

5. Podroikina, I.A. & Litvinov, D.I. (2020) Ugolovnaya otvetstvennost' za ekonomicheskie vidy kontrabandy v gosudarstvakh – uchastnikakh EAES [Criminal liability for economic types of smuggling in the EAEU member states]. *Akademicheskij vestnik Rostovskogo filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii*, no. 2 (39), pp. 78–82. (In Russ.).

6. Romanov, A.K. (2011) Pochemu nedopustima analogiya zakona v ugovnom prave [Why the analogy of the law in criminal law is unacceptable]. *Zakonnost'*, no. 5, pp. 43–47. (In Russ.).

7. Tyunin, V.I. (2023) Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti [Crimes in the sphere of economic activity]. Textbook. Third edition. Moscow, Urait, 323 p. (In Russ.).

8. Fedorov, A.V. (2017) Mesto soversheniya kontrabandy [Smuggling location]. *Rossiyskiy sledovatel'*, no. 16, pp. 3–11. (In Russ.). doi: 10.18572/1812-3783-2017-16-3-11.

9. Fedorov, A.V. (2017) Novye raz'yasneniya po delam o kontrabande [New clarifications on illicit trafficking cases]. *Rossiyskiy sledovatel'*, no. 15, pp. 3–13. (In Russ.). doi: 10.18572/1812-3783-2017-15-3-13.

10. Fedotkin, V.V. (2013) Vidy tamozhennykh soyuzov i ikh klassifikatsiya [Types of customs unions and their classification]. *Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta MFYuA*, no. 2, pp. 129–137. (In Russ.).

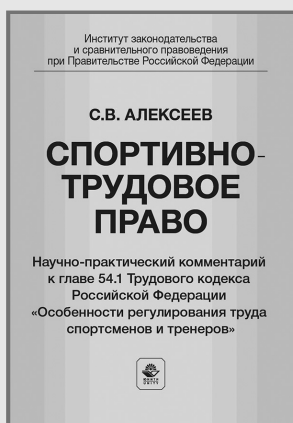
Информация об авторе

В.В. Лавринов — доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Information about the author

V.V. Lavrinov – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Rostov Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy, Candidate of Law, Associate Professor, Colonel of Justice.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Алексеев С.В. **Спортивно-трудовое право**. Научно-практический комментарий к главе 54.1 Трудового кодекса Российской Федерации "Особенности регулирования труда спортсменов и тренеров": науч.-практ. издание. 111 с.

ISBN: 978-5-238-03641-0

Настоящая книга содержит комментарий ко всем статьям главы 54.1 Трудового кодекса РФ, с учетом изменений и дополнений, принятых федеральными законами в последние годы.

Автор комментария — основоположник российской научной и образовательной школы спортивного права — обращает внимание на новые положения главы 54.1 Трудового кодекса РФ, нормативные правовые и регламентные акты, принятые после введения ее в действие, судебную практику.

Книга рассчитана на судей, адвокатов, прокуроров, юрисконсультов, руководителей организаций и кадровых служб, профсоюзных работников, преподавателей, студентов, научных работников, на всех, кто интересуется спортивно-трудовым законодательством.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 68—77.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2023, no. 3, pp. 68–77.

УДК 343.72
doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.007

НИОН: 2015-0064-03/23-140
MOSURED: 77/27-009-2023-03-339

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Финансовое мошенничество в России: актуальные тенденции преступности и виктимизации

Надежда Владимировна Павловская¹, Антон Анатольевич Литвинов²,
Дмитрий Евгеньевич Рогачев³

^{1, 2, 3}Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия

¹korsica@mail.ru

²veriham@mail.ru

³rogachev14@yandex.ru

Аннотация. В статье приводятся результаты проведенного авторами исследования состояния и тенденций развития криминальной ситуации, связанной с финансовым мошенничеством. Анализируется современное состояние и тенденции виктимизации граждан Российской Федерации от действий организаторов финансовых пирамид, нелегальных кредиторов и иных финансовых мошенников, похищающих денежные средства населения, привлеченные под видом вкладов и инвестиций. На основе проведенного анкетирования экспертов из числа сотрудников Банка России и прокурорских работников, а также опроса жертв финансового мошенничества определяются характерные особенности преступности данного вида.

Ключевые слова: преступность, мошенничество, финансовые пирамиды, виктимизация, жертвы преступлений.

Вклад авторов: авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Для цитирования: Павловская Н.В., Литвинов А.А., Рогачев Д.Е. Финансовое мошенничество в России: актуальные тенденции преступности и виктимизации // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 68—77. doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.007.

Financial fraud in Russia: current trends in crime and victimization

Nadezhda V. Pavlovskaya¹, Anton A. Litvinov², Dmitry E. Rogachev³

^{1, 2, 3}Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹korsica@mail.ru

²veriham@mail.ru

³rogachev14@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of the authors' study of the state and trends in the development of the criminal situation associated with financial fraud. The article analyzes the current state and the direction of victimization of citizens of the Russian Federation from the actions of the organizers of financial pyramids, illegal creditors and other financial fraudsters who steal the funds of the population attracted under the guise of deposits and investments. Based on a survey of experts from among the employees of the Bank of Russia and prosecutors, as well as a survey of victims of financial fraud, the characteristic features of this type of crime are determined.

Keywords: crime, fraud, pyramid schemes, victimization, crime victims.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

For citation: Pavlovskaya, N.V., Litvinov, A.A. & Rogachev, D.E. (2023) Financial fraud in Russia: current trends in crime and victimization. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 3, pp. 68–77. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.007.

© Павловская Н.В., Литвинов А.А., Рогачев Д.Е., 2023

Результаты криминологических исследований последних лет свидетельствуют о высокой актуальности проблемы финансовых мошенничеств для нашей страны. Одним из наиболее ярких проявлений мошенничества в финансовой, или финансово-кредитной, сфере, крайне отрицательно влияющим на развитие экономики, значительно затрудняющим поступление инвестиций в российскую экономику¹, являются финансовые пирамиды и иные формы мошеннического хищения средств граждан под видом инвестирования. При этом, отмечая несколько запоздалую реакцию государства на деятельность финансовых пирамид, которая привела к массовому разорению российских граждан в 1990—2000-х годах², экспертное и научное сообщество указывает, что желание получить легкие деньги продолжает выступать доминирующим мотивом поведения многих людей, а уроки прошлого пока остаются неувоенными³. При этом до сих пор не завершено создание эффективного государственного механизма противодействия этому противоправному деструктивному явлению, да и теоретически эта проблема остается еще крайне слабо разработанной⁴.

Согласно статистическим данным, ежегодно в Российской Федерации правоохранительными органами регистрируется свыше 20 тыс. преступлений экономической направленности, связанных с финансовой деятельностью⁵. Так, в 2018 г. было зарегистрировано 26 915 таких деяний (+9,7 % по отношению к показателям 2017 г.), в 2019 г. —

26 604 (–1,2 %), в 2020 г. — 27 992 (+5,2 %), в 2021 г. — 27 393 (–2,1 %), в 2022 г. — 24 262 (–11,4 %). В целом за прошедшие пять лет снижение составило 9,9 %. Большую часть рассматриваемых преступлений составляют деяния, связанные с финансовым посредничеством. Ежегодно на них приходится около 97 % зарегистрированных преступлений в финансовой сфере (в 2018 г. — 97,1 %, в 2019 г. — 96,5 %, в 2020 г. — 97,6 %, в 2021 г. — 97,8 %, в 2022 г. — 96,9 %). В связи с этим их динамика определяет динамику преступности в финансовой сфере в целом: здесь так же отмечается снижение показателей в последние два года и за пятилетие в целом — 26 147 преступлений в 2018 г. (+10,5 %), 25 685 в 2019 г. (–1,8 %), 27 326 в 2020 г. (+6,4 %), 26 793 в 2021 г. (–2,0 %), 23 511 в 2022 г. (–12,2 %, а по сравнению с 2018 г. на 10,1 % меньше).

На фоне стремительного роста общего числа регистрируемых мошенничеств в стране (так, за последние пять лет общее количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ, выросло на 66,5 %)⁶ динамика экономического мошенничества остается относительно стабильной. Так, в 2018 г. было зарегистрировано 24 240 таких деяний (+8,7 % по сравнению с предыдущим годом), в 2019 г. — 23 411 (–3,4 %), в 2020 г. — 22 669 (–3,2 %), в 2021 г. — 22 734 (+0,3 %), в 2022 г. — 23 491 (+3,3 %, а по сравнению с 2018 г. на 3,1 % меньше). При этом характерной тенденцией как преступности в целом, так и мошенничества является постоянное увеличение в последние годы количества преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Так, в 2022 г. количество выявленных кибермошенничеств увеличилось в 2,8 раза по сравнению с 2018 г. (с 90 664 до 249 984). Если в 2018 г. их удельный вес составлял 47,2 % от всего количества зарегистрированных мошенничеств, то в 2022 г. — уже 78,2 %.

Важно обратить внимание, что приведенные статистические данные отражают состояние преступности рассматриваемого вида лишь приблизительно. Это обусловлено несовершенством форм статистического наблюдения, которые содержат сведения о таких категориях, как «преступления экономической направленности», «преступления, связанные с финансовой деятельностью» и т. п., которые тем не менее лишь

¹ Мерзоготова Ю.А. Ответственность за мошенничество в сфере финансово-кредитных отношений: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.

² В 2016 г. Федеральным законом от 30.03.2016 № 78-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» УК РФ дополнен специальной статьей 172.2, устанавливающей уголовную ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества.

³ Ляскало А.Н. Финансовые преступления в российском уголовном праве: современная концепция и проблемы квалификации: в 3 т.: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022.

⁴ Зубарева А.М. Механизм противодействия теневой экономической деятельности, совершаемой с использованием финансовых пирамид: автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб, 2017.

⁵ Анализ данных о преступлениях экономической направленности, следствие по которым обязательно, проводился по форме 5 (050) «О результатах работы по выявлению и раскрытию преступлений экономической направленности» ГИАЦ МВД России.

⁶ По данным формы федерального статистического наблюдения № 4-ЕГС «О состоянии преступности и результатах расследования преступлений».

отчасти подходят под исследуемую проблему финансовых мошенничеств. Кроме того, преступности свойственна латентность, когда многие преступные деяния не попадают в статистическую отчетность, поскольку остаются не выявленными правоохранительными органами, скрытыми или вовсе не заявленными жертвами.

При этом статистические данные о динамике уровня виктимизации от мошенничества непосредственно в финансовой сфере вообще отсутствуют. Исходя из имеющихся данных, можно судить лишь об общем уровне виктимизации от мошенничеств. За последние пять лет суммарное число потерпевших от преступлений, предусмотренных ст. 159—159.6 УК РФ, возросло в 1,6 раза — с 193 539 в 2018 г. до 310 228 в 2022 г. Таким образом, ежегодно более 300 тыс. человек в Российской Федерации становятся жертвами того или иного вида мошенничества⁷.

В связи с отмеченными недостатками для получения наиболее ценных сведений о состоянии и тенденциях финансового мошенничества и динамике виктимизации от него можно использовать метод экспертных оценок. По специально разработанным анкетам в ноябре — декабре 2022 г. были опрошены две группы экспертов: 2127 сотрудников Банка России и 640 прокурорских работников в прокуратурах 21 субъекта Российской Федерации.

Согласно полученным в ходе исследования данным, более половины экспертов (прокуроры — 54,3 %; сотрудники Банка России — 50,2 %) оценивают уровень преступности в сфере финансового рынка (преступления, связанные с деятельностью «черных» кредиторов и нелегальных профессиональных участников рынка ценных бумаг, организацией финансовых пирамид, иных финансовых мошенничеств) как средний. По их мнению, национальный финансовый рынок криминализован в значительной степени, но не тотально, доля указанных нелегальных субъектов не достигает половины. Высоким его назвали 21,8 % сотрудников Банка России и 29,0 % прокуроров. Они считают, что национальный финансовый рынок сильно криминализован, большинство действующих на нем субъектов составляют нелегалы. Низкий уровень криминаль-

⁷ При подготовке использованы данные о потерпевших физических лицах по формам федерального статистического наблюдения № 3-ЕГС «О зарегистрированных, раскрытых и нераскрытых преступлениях» и № 5-ЕГС «Сведения о потерпевших и совершенных в отношении их преступлениях».

ной пораженности национального финансового рынка, когда на долю нелегальных субъектов приходится не более 25 %, отметили 28,0 % сотрудников Банка России и 16,7 % прокуроров.

Эксперты указали на расширение масштабов нелегальных практик, связанных с финансовой сферой. Так, значительное число опрошенных экспертов (39,8 % прокуроров и 44,4 % сотрудников Банка России) в числе актуальных тенденций преступности рассматриваемого вида указывают рост уровня распространенности подобных преступлений в последнее время. Около половины сотрудников Банка России (48,7 %) и практически треть работников органов прокуратуры (32,8 %) считают, что происходит увеличение числа жертв подобных преступлений. Также около половины сотрудников Банка России (45,8 %) отметили, что возрастает ущерб, причиняемый подобными преступлениями, с ними согласны 28,1 % опрошенных прокуроров.

По опубликованной аналитической информации Банка России, количество выявленных им субъектов с признаками нелегальной деятельности, в том числе с признаками финансовых пирамид, в 2022 г. возросло по сравнению с 2021 г. почти в 2 раза (с 2679 до 4964, +85,3 %) ⁸. Наиболее заметный рост отмечается для финансовых пирамид, число которых увеличилось с 871 до 2017, или в 2,3 раза (+131,6 %). В 1,8 раза больше выявлено нелегальных кредиторов (948 в 2021 г. и 1722 в 2022 г., +81,6 %), в 1,4 раза — нелегальных профессиональных участников рынка ценных бумаг (860 и 1201 соответственно, +39,7 %). Таким образом, в структуре выявленных нелегальных субъектов удельный вес финансовых пирамид увеличился с 32,5 % в 2021 г. до 40,6 % в 2022 г., а удельный вес нелегальных кредиторов незначительно сократился (с 35,4 % до 34,7 %), а нелегальных профессиональных участников рынка ценных бумаг снизился более существенно (с 32,1 % до 24,2 %).

Анализ правоприменительной практики в данной сфере показывает, что современные финансовые пирамиды и иные нелегальные субъекты, действующие в сфере финансового рынка, привлекают средства значительного числа граждан. Как правило, в каждом таком случае число только официально признанных потерпевшими граждан исчисляется сотнями, а иногда — тысячами.

⁸ Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке // Банк России: [офиц. сайт]. URL: <https://www.cbr.ru/analytics/inside/2022> (дата обращения: 06.06.2023).

Например, прокуратура Кабардино-Балкарской Республики в 2023 г. утвердила обвинительное заключение по уголовному делу в отношении жителя Московской области, который, являясь участником преступного сообщества, в период с сентября 2020 г. по январь 2021 г. привлекал в качестве вкладов денежные средства граждан в инвестиционный проект, обещая выплату высоких процентов. При этом фактически проект строился по принципу финансовой пирамиды — проценты первым вкладчикам выплачивались за счет новых клиентов, какой-либо финансово-хозяйственной деятельности, обеспечивающей возможность исполнения обязательств, участники преступного сообщества не вели. Всего от указанных действий пострадало более 2800 граждан, им причинен ущерб на сумму свыше 750 млн рублей⁹.

Результаты опросов общественного мнения, проводимых в последние годы российскими социологическими центрами, также свидетельствуют о негативной оценке населением распространенности изучаемого вида преступности. Эти данные могут выступать в качестве косвенного свидетельства того, что существенная часть преступности в сфере финансового рынка остается латентной. Так, по данным опроса, проведенного ВЦИОМ в августе 2022 г., за последние полгода с телефонным мошенничеством сталкивалось большинство россиян — 83 % (в 2021 г. — 76 %), из них 63 % (в 2021 г. — 57 %) указали, что им поступали звонки, а 20 % получали СМС-сообщения¹⁰.

Результаты исследования Аналитического центра НАФИ также показали, что большинство россиян (82 %), опрошенных в октябре 2022 г., сталкивались с попытками мошенничества, тогда как ранее в апреле того же года этот показатель составлял только 58 %¹¹. При этом самыми распространенными видами мошенничества стали именно предложения заработать на «инвести-

циях» (с ними сталкивались 55 % опрошенных), опередив даже звонки от сотрудников «банка» или «правоохранительных органов» (54 %).

Треть опрошенных Агентством «ПромРейтинг» граждан (36,2 %) имеют знакомых или родственников, вложившихся в пирамиды, чуть меньше оказалось тех, кого в недавнем времени приглашали вступить в организацию, которую они воспринимали как финансовую пирамиду (32,2 %)¹².

Характерной чертой современного финансового мошенничества является все более частое использование информационно-телекоммуникационных технологий и сети Интернет для совершения преступлений. На это обращает внимание основная часть опрошенных экспертов (78,9 % сотрудников Банка России и 55,0 % прокуроров).

Примером может служить уголовное дело, утвержденное прокуратурой г. Якутска по обвинению местного жителя в том, что он более года под видом осуществления инвестиционной деятельности действовал по принципу финансовой пирамиды, используя социальную сеть Instagram, вовлекая денежные средства граждан, вводя их в заблуждение и обещая прибыль в размере 30 % от суммы вложения. Высокие ставки он объяснял перспективным инвестированием полученных денег в различные проекты, хотя фактически подобную деятельность не осуществлял. Для создания видимости успешной финансовой деятельности им ряду лиц выплачивались проценты за счет взносов новых клиентов. Таким образом, он похитил денежные средства на общую сумму более 2 млн руб.¹³

Справедливость высказанного экспертами мнения подтверждают и данные опроса лиц, взаимодействовавших с нелегальными субъектами финансового рынка, проведенного также в конце 2022 г. (общее число опрошенных жертв финансового мошенничества составляет 518 чело-

⁹ В Кабардино-Балкарии в суд направлено уголовное дело в отношении одного из участников преступного сообщества, похитившего у более 2800 граждан денежные средства на сумму свыше 750 млн рублей // Прокуратура Кабардино-Балкарской Республики: [официальный сайт]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_07/search?article=86927816 (дата обращения: 19.06.2023).

¹⁰ Телефонное мошенничество — и как с ним бороться? // ВЦИОМ. Новости: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telefonnoe-moshennichestvo-i-kak-s-nim-borotsja> (дата обращения: 06.06.2023).

¹¹ 82 % россиян сталкивались с попытками мошенничества // НАФИ — Аналитический центр: [сайт]. URL: <https://nafi.ru/analytics/82-rossiyan-stalkivalis-s-popytkami-moshennichestva> (дата обращения: 06.06.2023).

¹² Исследование: каждый третий россиянин имеет знакомых и родственников, вложившихся в финансовые пирамиды // Аналитическое агентство «ПромРейтинг»: [сайт]. URL: <https://promrating.ru/issledovaniya/rossiya/issledovanie-kazhdyy-tretij-rossiyanin-imeet-znakomyh-i-rodstvennikov-vlozhivshihya-v-finansovye-piramidy> (дата обращения: 16.06.2023).

¹³ Прокуратура города Якутска направила в суд уголовное дело по факту мошенничества, связанного с организацией так называемой «финансовой пирамиды» // Прокуратура Республики Саха (Якутия): [официальный сайт]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_14/search?article=49868948 (дата обращения: 19.06.2023).

век — граждан Российской Федерации). Более половины респондентов (55,3 %) указали, что мошенники действовали преимущественно в телефонных мессенджерах или посредством телефонных звонков, а еще треть (34,8 %) — в сети Интернет. Лишь пятая часть опрошенных отметили, что преступники действовали в обычном офисе (офлайн), — 22,5 %.

Более чем половина опрошенных жертв финансового мошенничества указали, что при взаимодействии с финансовой пирамидой или иным нелегальным субъектом чаще всего использовались безналичные переводы (53,8 %), а еще 7,4 % производили расчеты в криптовалюте. Наличными пользовались 26,6 % опрошенных. Инвестировать в собственную криптовалюту, в частности, призывали организаторы одной из наиболее масштабных финансовых пирамид — «Финико», уголовное дело в отношении которых было возбуждено по материалам прокурорской проверки в Республике Татарстан¹⁴.

Полученные данные согласуются с результатами других исследований. Так, на все более активное использование интернета и социальных сетей (TikTok, Instagram, Facebook, YouTube, Rebbit, Viber, «ВКонтакте» и др.) для привлечения вкладчиков путем сообщения ложных и недостоверных сведений о бизнес-проектах с высокими процентными доходами указывается и в научной литературе¹⁵. На увеличение числа финансовых пирамид в виде интернет-проектов указывается в информации Банка России (в 2022 г. это 96,5 % всех выявленных Банком России финансовых пирамид)¹⁶. По опубликованной информации, увеличилось количество небольших анонимных проектов с коротким сроком жизни и незначительной суммой участия, некоторые пирамиды действовали без собственного сайта и исключительно в мессенджере Telegram, выявляются также специальные интернет-ресурсы, которые продают сделанные под ключ готовые сай-

ты хайп-проектов¹⁷. Почти тысяча организаций (48 %) с признаками финансовой пирамиды принимали платежи в криптовалютах¹⁸.

Без малого половина сотрудников Банка России, участвующих в исследовании (47,1 %), отмечают, что злоумышленники все чаще используют пробелы правового регулирования, в результате чего совершаемые ими преступления все сложнее отличить от легальной деятельности на финансовом рынке. В этой связи стоит отметить, что почти четверть опрошенных жертв финансового мошенничества указали, что не смогли распознать мошенника, так как «все выглядело нормально», имелись все необходимые документы (23,2 %). Эту характерную особенность современных финансовых пирамид подтверждают и данные иных исследований. Так, В.Ю. Белицкий обращает внимание на то, что создание обстановки солидности, надежности, успешности, стабильности деятельности характерно для всех видов финансовых пирамид — для этого на стенах офисов располагается множество сертификатов, гарантийных писем, копий лицензий и пр., якобы подтверждающих законность деятельности компании, а равно ее высокий статус¹⁹.

Кроме того, организаторы современных финансовых пирамид часто маскируют свою противозаконную деятельность под вполне легальные схемы сетевого маркетинга, которые мошенничеством не считаются²⁰. Е.Б. Гришина отмечает, что очень сложно выявить существенные отличия финансовых пирамид от сетевого маркетинга, отграничить законную деятельность от преступной²¹. К существенным отличиям финансовых пирамид от сетевого маркетинга указанный автор относит следующие признаки: финан-

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Белицкий В.Ю. Обстановка преступления как элемент криминалистической характеристики мошенничеств, совершенных по принципу финансовых пирамид // Алтайский юридический вестник. 2019. № 3 (27). С. 112.

²⁰ Голубев С.Ю. Современные финансовые пирамиды: особенности трансформаций в условиях развития информационно-коммуникационных технологий // Генезис экономических и социальных проблем субъектов рыночного хозяйства в России. Вып. 13. Иваново: Ивановский государственный политехнический университет, 2019. С. 20.

²¹ Гришина Е.Б. Вопросы соблюдения разумности сроков при доказывании мошенничеств, совершаемых по принципу «финансовых пирамид» // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (59). С. 32.

¹⁴ В Татарстане по материалам прокурорской проверки возбуждено уголовное дело об организации финансовой пирамиды // Генеральная прокуратура Российской Федерации: [официальный сайт]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=56584490> (дата обращения: 13.01.2023).

¹⁵ Шогенов З.А. Организация финансовой пирамиды и методы противодействия незаконному привлечению денежных средств // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14, № 5. С. 187.

¹⁶ Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке // Банк России: официальный сайт. URL: <https://www.cbr.ru/analytics/inside/2022> (дата обращения: 06.06.2023).

совые пирамиды отличаются отсутствием какого-либо продукта, тогда как для сетевого маркетинга последний является важной составляющей; зависимость дохода от количества привлеченных лиц либо от объемов проданной продукции (если доход зависит только от того, сколько людей будут втянуты в систему, — это финансовая пирамида, а если доход зависит не только от количества привлеченных инвесторов, но и от объема проданной продукции, — это сетевой маркетинг); в финансовых пирамидах доход имеют только инвесторы, которые вложились раньше большинства других инвесторов, тогда как в сетевом маркетинге уровень дохода зависит не от времени вложения средств, а от предпринимательских способностей и умения убеждать людей²². В то же время объединяет сетевой маркетинг и финансовые пирамиды запутанная система выплат, отсутствие информации о руководстве организации и постоянная мотивация²³.

Среди других актуальных тенденций преступности, связанной с деятельностью нелегальных участников финансового рынка и финансовых мошенников, значительное число опрошенных экспертов отметили расширение межрегиональных связей преступников, транснациональный характер преступлений (41,4 % сотрудников Банка России и 31,5 % прокуроров), а также увеличение уровня организованности преступных деяний (38,2 % и 21,9 % респондентов соответственно).

Высказанное экспертами мнение находит подтверждение и в результатах анализа правоприменительной практики в сфере борьбы с финансовым мошенничеством. Как правило, нелегальная деятельность подобного рода требует высокого уровня организации и подготовки, осуществляется не только во многих городах одного субъекта Российской Федерации, но и сразу в нескольких регионах страны.

Так, в Казани жертвами финансовой пирамиды, действовавшей в виде нескольких кредитных потребительских кооперативов, принимавших от граждан личные сбережения в качестве вкладов под обещание от 11 % до 19 % годовых, стали 409 граждан, в том числе жители Республики Татарстан, Республики Башкортостан, Республики Адыгеи, Волгоградской, Астраханской, Кировской, Ростовской, Ульяновской, Брянской, Воронежской, Тамбовской, Липецкой, Белгородской, Калуж-

ской, Тульской, Орловской и Свердловской областей, Ставропольского края. Совокупный размер ущерба превысил 160 млн руб.²⁴

Анализ современной правоприменительной практики показывает, что в настоящее время финансовые пирамиды и другие нелегальные субъекты финансового рынка действуют в различных организационно-правовых формах: общества с ограниченной ответственностью, кредитные потребительские кооперативы и др. Тот же вывод делают и специалисты Академии управления МВД России, отмечая, что деятельность финансовых пирамид в Российской Федерации чаще всего организуется на базе или с использованием нефинансовых организаций, в том числе обществ с ограниченной ответственностью и иностранных организаций, зарегистрированных в офшорных юрисдикциях; финансовых организаций, в том числе кредитных потребительских кооперативов, сельскохозяйственных потребительских кооперативов, микрофинансовых организаций, ломбардов; организаций иных форм, в том числе публичных проектов²⁵. Часто злоумышленниками создается сразу несколько связанных между собой компаний.

В настоящее время в структуре преступности в сфере финансового рынка присутствуют различные виды нелегальных практик, которые отличаются различной степенью распространенности. По мнению большинства опрошенных экспертов из числа работников органов прокуратуры, преобладающими являются финансовые пирамиды (так ответили 52 % респондентов). Чуть меньшее число экспертов отметили привлечение денежных средств населения нелегальными кредиторами (42,9 %). Сотрудники Банка России также выделили эти два вида противоправных схем, отметив при этом наибольшую распространенность последней (52,7 %), а случаи организации финансовых пирамид поместив на второе место (33,5 %). Наименее популярная крими-

²⁴ В Казани стартовал судебный процесс по делу в отношении организатора «финансовой пирамиды», обвиняемого в хищении у вкладчиков свыше 160 млн рублей // Прокуратура Республики Татарстан: [офф. сайт]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_16/search?article=50020650 (дата обращения: 19.06.2023).

²⁵ Методика экспертного исследования деятельности кредитно-потребительских кооперативов и иных организаций финансового рынка, имеющих признаки «финансовых пирамид» / Ю.В. Гаврилин, Г.М. Калашников, Р.С. Мелешев, В.П. Радионов // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 3 (59). С. 151.

²² Гришина Е.Б. Указ. соч.

²³ Там же.

нальная схема, по мнению как работников органов прокуратуры, так и сотрудников Банка России, выражается в преступлениях профессиональных участников рынка ценных бумаг (ее отметили только 10,5 % и 8,4 % экспертов соответственно).

Справедливость высказанного экспертами мнения в целом подтверждают и результаты проведенного в ходе исследования опроса среди лиц, которым приходилось в течение последних лет взаимодействовать с какими-либо субъектами нелегальной деятельности в данной сфере. Чаще всего подобное взаимодействие происходит с телефонными мошенниками — звонки из банка, иной кредитной организации и т. п. (об этом заявили 30,9 % опрошенных). Четверть респондентов (25,7 %) указывают, что им приходилось взаимодействовать с финансовой пирамидой. Достаточно распространенный характер также имеют контакты с нелегальными профессиональными участниками рынка ценных бумаг (например, форекс-дилерами или брокерами) и нелегальными («черными») кредиторами. Если с первыми имели дело 16 % участвующих в исследовании граждан, то со вторыми 9,3 %.

Важно отметить, что значительная доля опрошенных в ходе проведения исследования жертв финансового мошенничества (63,4 %) не обращалась в правоохранительные и иные органы с сообщением о совершенном в отношении них преступлении, жалобой или иным обращением.

Среди возможных объяснений такого поведения большая часть пострадавших от действий мошенников (41,9 %) отметила, что они не обращались в правоохранительные органы, поскольку не верили, что преступника найдут. Причины, по которым отказались от подобного обращения остальные участники исследования, заключались в самостоятельном решении создавшейся проблемы (27,3 % опрошенных), незначительности для них полученного ущерба (16,1 %), а также в боязни негативных для себя последствий (7,1 %).

Опрошенные эксперты по-разному видят основные причины такого бездействия жертв финансового мошенничества. Так, сотрудники Банка России на первое место поставили неверие в то, что преступника найдут (91,1 %), а прокуроры — незначительность причиненного ущерба (89,1 %). Значительная часть опрошенных экспертов считает, что жертвы подобных преступлений не сообщают о случившемся потому, что боятся огласки, негативных для себя последствий (41,7 % и 21,2 % опрошенных соответственно).

Полученные данные соотносятся с результатами иных криминологических исследований. Так, по данным исследования А.А. Гаджиевой, лишь 25 % опрошенных потерпевших от экономического мошенничества сообщили о случившемся в правоохранительные органы, остальные объяснили свое поведение такими причинами, как «не уверены в том, что правоохранительные органы доведут дело до конца» (38 %), «сами разберемся» (34 %), «боязнь мести» (12 %), «малозначительность ущерба» (9 %) ²⁶.

Еще более значительные показатели латентности жертв мошенничества были получены К.В. Астафьевым: 89 % опрошенных им респондентов становились жертвами мошенников, но лишь 3 % из их числа обратились в правоохранительные органы ²⁷. Принимая решение не сообщать о случившемся, опрошенные жертвы руководствовались тем, что «боялись огласки» (29 %), «считали причиненный ущерб незначительным и жалели время, которое потратят на участие в процессе по делу» (16 %), «считали в содеянном виновными только себя» (15 %), «не верили в возможность получения помощи со стороны правоохранительных органов» (10 %), «пытались решить проблему возмещения вреда мошенником иными способами» (7 %), «боялись за свою безопасность и безопасность своих близких» (3 %) ²⁸. Справедливо утверждение автора, что несообщение жертв о преступлении («латентная виктимность») чревато новыми посягательствами как для «латентных жертв», так и для новых «потенциальных жертв» ²⁹.

О значительном распространении повторной виктимизации жертв финансового мошенничества свидетельствуют и результаты проведенного в ходе работы над научным докладом исследования. Так, нередко в современной правоприменительной практике случаи, когда жертвы финансовых пирамид конца XX в. («МММ» и проч.) вновь попадают в аналогичную ситуацию, вкладывая сбережения в деятельность нелегальных участников финансового рынка или пытаясь вернуть ранее потерянные таким образом средства.

²⁶ Гаджиева А.А. К вопросу о состоянии виктимизации жертв экономического мошенничества (региональный аспект) // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 3. С. 159—161.

²⁷ Астафьев К.В. Виктимологический аспект мошенничества (уголовно-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 14.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

Например, о таком случае сообщает прокуратура Архангельской области: у бывшей вкладчицы финансовой пирамиды «МММ» под предлогом компенсации в марте 2020 г. неизвестные финансовые «консультанты» с помощью установленной по их просьбе на компьютере потерпевшей программы похитили более 4 млн руб.³⁰

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что неблагоприятный прогноз развития таких форм преступности, как организация финансовых пирамид и иные виды экономического или финансового мошенничества, который давали отечественные исследователи в начале 2000-х годов³¹, к сожалению, оправдался. Полученные данные свидетельствуют о расширении масштабов криминальной пораженности рассматриваемой сферы финансового рынка, которая проявляется в увеличении количества преступлений, связанных с организацией финансовых пирамид и иных видов финансового мошенничества.

Вместе с тем следует отметить существенную ограниченность возможности оценки количественных показателей преступности данного вида в связи с определенным несовершенством форм статистического наблюдения, которые не в полной мере отражают все присущие данному явлению признаки. В связи с этим анализ тенденций развития криминальной ситуации и процессов виктимизации необходимо дополнять более широким использованием социологических методов.

На основе полученных в ходе исследования экспертных оценок, а также результатов опроса о виктимизации национальный финансовый рынок можно охарактеризовать как криминализованный в значительной степени, но не тотально: доля таких нелегальных субъектов, как финансовые пирамиды, нелегальные кредиторы и т. п., не достигает половины. Характерными тенденциями развития криминальной ситуации в данной сфере являются расширение масштабов нелегальных практик, связанных с финансовой сферой, и увеличение числа жертв подобных преступлений. При этом отмечается все более частое использование в процессе их совершения

информационно-телекоммуникационных технологий и сети Интернет, в том числе телефонных мессенджеров и телефонных звонков. Преступники все чаще используют пробелы правового регулирования, в результате чего совершаемые ими преступления все сложнее отличить от легальной деятельности на финансовом рынке. Происходит расширение межрегиональных связей преступников, растет уровень организованности преступных деяний.

Важно отметить, что жертвы финансовых пирамид и иных видов финансового мошенничества достаточно редко сообщают о случившемся в правоохранительные органы, увеличивая тем самым латентность подобных нелегальных практик. Свое нежелание заявлять о случившемся опрошенные граждане объясняют в основном неверием в то, что преступника найдут, попытками самостоятельного решения проблем, реже — незначительностью полученного ущерба.

Список литературы

1. Астафьев К.В. Виктимологический аспект мошенничества (уголовно-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 22 с.
2. Белицкий В.Ю. Обстановка преступления как элемент криминалистической характеристики мошенничества, совершенных по принципу финансовых пирамид // Алтайский юридический вестник. 2019. № 3 (27). С. 109—113.
3. Верещагин Д.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с мошенничеством: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 168 с.
4. Гаджиева А.А. К вопросу о состоянии виктимизации жертв экономического мошенничества (региональный аспект) // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 3. С. 159—161.
5. Голубев С.Ю. Современные финансовые пирамиды: особенности трансформаций в условиях развития информационно-коммуникационных технологий // Генезис экономических и социальных проблем субъектов рыночного хозяйства в России. Вып. 13. Иваново: Ивановский государственный политехнический университет, 2019. С. 19—21.
6. Гришина Е.Б. Вопросы соблюдения разумности сроков при доказывании мошенничества, совершаемых по принципу «финансовых пирамид» // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (59). С. 31—34.

³⁰ Лже-финансисты пользуются доверием граждан // Прокуратура Архангельской области: [официальный сайт]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_29/search?article=33514579 (дата обращения: 19.06.2023).

³¹ Верещагин Д.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с мошенничеством: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.

7. Зубарева А.М. Механизм противодействия теневой экономической деятельности, совершаемой с использованием финансовых пирамид: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Санкт-Петербург, 2017. 26 с.

8. Лясколо А.Н. Финансовые преступления в российском уголовном праве: современная концепция и проблемы квалификации: в 3 т.: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2022. 650 с.

9. Мерзогитова Ю.А. Ответственность за мошенничество в сфере финансово-кредитных отношений: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1998. 23 с.

10. Методика экспертного исследования деятельности кредитно-потребительских кооперативов и иных организаций финансового рынка, имеющих признаки «финансовых пирамид» / Ю.В. Гаврилин, Г.М. Калашников, Р.С. Мелешев, В.П. Радионов // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 3 (59). С. 148–157. doi: 10.24412/2072-9391-2021-359-148-157.

11. Шогенов З.А. Организация финансовой пирамиды и методы противодействия незаконному привлечению денежных средств // Проблемы в российском законодательстве. 2021. Т. 14, № 5. С. 185–188.

References

1. Astaf'ev, K.V. (2007) Viktimologicheskii aspekt moshennichestva (ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie) [Victimological aspect of fraud (criminal law and criminological research)]. Abstract of Ph. D. thesis. Kazan', 22 p. (In Russ.).

2. Belitskiy, V.Yu. (2019) Obstanovka prestupleniya kak element kriminalisticheskoy kharakteristiki moshennichestv, sovershennykh po printsipu finansovykh piramid [Crime scene as an element of the criminalistic characteristics of fraud committed on the basis of financial pyramids]. *Altayskiy yuridicheskii vestnik*, no. 3 (27), pp. 109–113. (In Russ.).

3. Vereshchagin, D.V. (2000) Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty bor'by s moshennichestvom [Criminal law and criminological aspects of combating fraud]. Ph. D. thesis. Moscow, 168 p. (In Russ.).

4. Gadzhieva, A.A. (2011) K voprosu o sostoyanii viktimizatsii zhertv ekonomicheskogo moshennichestva (regional'nyy aspekt) [On the status economic fraud victimization (regional aspect)]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*, no. 3, pp. 159–161. (In Russ.).

5. Golubev, S.Yu. (2019) Sovremennye finansovye piramidy: osobennosti transformatsiy v usloviyakh razvitiya informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy [Modern financial pyramids: features of transformations in the conditions of development of information and communication technologies]. In: *Genezis ekonomicheskikh i sotsial'nykh problem sub'ektiv rynochnogo khozyaystva v Rossii*, iss. 13. Ivanovo, Ivanovo State Polytechnic University, pp. 19–21. (In Russ.).

6. Grishina, E.B. (2020) Voprosy soblyudeniya razumnosti srokov pri dokazyvanii moshennichestv, sovershaemykh po printsipu “finansovykh piramid” [Questions of respect for rationality of terms at proof of the frauds committed by the principle of “financial pyramids”]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, no. 1 (59), pp. 31–34. (In Russ.).

7. Zubareva, A.M. (2017) Mekhanizm protivodeystviya tenevoy ekonomicheskoy deyatelnosti, sovershaemoy s ispol'zovaniem finansovykh piramid [Mechanism for countering shadow economic activity carried out using financial pyramids]. Abstract of Ph. D. thesis. Saint Petersburg, 26 p. (In Russ.).

8. Lyaskalo, A.N. (2022) Finansovye prestupleniya v rossiyskom ugolovnom prave: sovremennaya kontseptsiya i problemy kvalifikatsii [Financial crimes in Russian criminal law: modern concept and problems of qualification]. Doctor's degree dissertation. Moscow, 650 p. (In Russ.).

9. Merzogitova, Yu.A. (1998) Otvetstvennost' za moshennichestvo v sfere finansovo-kreditnykh otnosheniy: ugolovno-pravovoy i kriminologicheskii aspekty [Responsibility for fraud in the field of financial and credit relations: criminal law and criminological aspects]. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 23 p. (In Russ.).

10. Gavrilin, Yu.V., Kalashnikov, G.M., Meleshev, R.S. & Radionov, V.P. (2021) Metodika ekspertnogo issledovaniya deyatelnosti kreditno-potrebitel'skikh kooperativov i inykh organizatsiy finansovogo rynka, imeyushchikh priznaki “finansovykh piramid” [The methodology of expert research of the activities of credit and consumer cooperatives and other financial market organizations that have the characteristics of “financial pyramids”]. *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, no. 3 (59), pp. 148–157. (In Russ.). doi: 10.24412/2072-9391-2021-359-148-157.

11. Shogenov, Z.A. (2021) Organizatsiya finansovoy piramidy i metody protivodeystviya nezakonnomu privlecheniyu denezhnykh sredstv [Organization of a pyramid scheme and methods of countering illegal fundraising]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*, vol. 14, no. 5, pp. 185–188. (In Russ.).

Информация об авторах

Н.В. Павловская — заведующая лабораторией криминологического обеспечения прокурорской деятельности НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук;

А.А. Литвинов — старший научный сотрудник лаборатории криминологического обеспечения прокурорской деятельности НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации;

Д.Е. Рогачев — научный сотрудник лаборатории криминологического обеспечения прокурорской деятельности НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the authors

N.V. Pavlovskaya – Head of the Laboratory of Criminological Support of Prosecutorial Activity of the Research Institute of the University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation, Candidate of Law;

A.A. Litvinov – Senior Researcher of the Laboratory of Criminological Support of Prosecutorial Activity of the Research Institute of the University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation;

D.E. Rogachev – Researcher of the Laboratory of Criminological Support of Prosecutorial Activity of the Research Institute of the University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Психология оперативно-розыскной деятельности. 3-е изд., перераб. и доп. Учеб. пособие. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки. Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований / Под ред. В.Л. Цветкова, Н.А. Кузьмина; под общ. ред. И.Б. Лебедева, А.Ю. Федотова. 391 с.

ISBN: 978-5-238-03631-1

Учебное пособие включает систему основных понятий психологии оперативно-розыскной деятельности, рекомендации эффективного самоопределения в ситуациях взаимодействия с лицами, представляющими оперативный интерес, а также основы психотехники решения профессиональных задач сотрудниками органов внутренних дел. Его содержание соответствует рабочим программам учебной дисциплины для обучающихся по специальностям 40.05.02 "Правоохранительная деятельность" и 40.03.02 "Обеспечение законности и правопорядка".

Для курсантов, слушателей, студентов, преподавателей образовательных организаций, практических работников и всех тех, кто интересуется проблемами психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 78—84.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2023, no. 3, pp. 78—84.

УДК 343.9.018
doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.008

NIION: 2015-0064-03/23-141
MOSURED: 77/27-009-2023-03-340

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Проблемы совершенствования прогнозирования преступности

Виктор Анатольевич Шестак¹, Алёна Дмитриевна Цыплакова²

¹Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
Москва, Россия, viktor_shestak@mail.ru

²МГИМО МИД России, Москва, Россия, tsyplakova.a.d@my.mgimo.ru

Аннотация. В работе исследована вероятная возможность использования методов машинного обучения для совершенствования прогнозирования преступности, а также обобщены результаты зарубежных исследований по оценке эффективности отдельных алгоритмов и моделей.

Методологическую основу работы преимущественно составляют методы формальной логики (анализ и дедукция), классификации и системно-функциональный метод при сопоставлении данных.

В доктрине выделяются следующие математические модели с использованием машинного обучения: глубинный анализ данных (англ. *data mining*), глубокое изучение (англ. *deep learning*), преступный состав (англ. *crime cast*). В зависимости от модели используются различные классификаторы. Так, глубинный анализ данных построен, в частности, на регрессии, дереве решений, методе случайного леса и k-ближайших соседей, глубокое изучение зачастую основано на различных нейронных сетях (англ. *neural networks*), а преступный состав опирается на метод опорных векторов (англ. *support vector machine*).

Помимо выбора метода, серьёзной проблемой является неточность данных вследствие их сбора непрофессионалами, недостатков их регистрации, а также латентной преступности. Фрагментарный подбор приводит к неоднозначным результатам, которые в дальнейшем снижают эффективность деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: прогнозирование преступности, машинное обучение, глубинное изучение, глубинный анализ данных.

Вклад авторов: авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Для цитирования: Шестак В.А., Цыплакова А.Д. Проблемы совершенствования прогнозирования преступности // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 78—84. doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.008.

Issues regarding enhancing crime forecasting

Viktor A. Shestak¹, Alyona D. Tsyplakova²

¹Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
Moscow, Russia, viktor_shestak@mail.ru

²MGIMO University, Moscow, Russia, tsyplakova.a.d@my.mgimo.ru

Abstract. This paper examines the possibility of using machine learning methods to improve crime prediction. It also summarizes the results of foreign research on the effectiveness of separate algorithms and models.

The methodological basis of the study is primarily composed of formal logic (analysis and deduction), classifications and system-functional method in order to compare the data.

The doctrine distinguishes the following mathematical models as to machine learning: data mining, deep learning and crime cast. Depending on the model, different classifiers are used. For instance, data mining is based, in particular, on regression, decision tree, random forest, k-nearest neighbors, deep learning depends on diverse neural networks, while crime cast implies support vector machine.

© Шестак В.А., Цыплакова А.Д., 2023

Apart from the choice of method, a serious issue is the inaccuracy of data due to their collection by non-professionals, the shortcomings of their registration and latent criminality. Unfortunately, fragmentary selection leads to ambiguous results, which further reduces the law enforcement effectiveness.

Keywords: forecasting methods, machine learning, deep learning, data mining.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

For citation: Shestak, V.A. & Tsyplakova, A.D. (2023) Issues regarding enhancing crime forecasting. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 3, pp. 78–84. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.008.

Введение

Для эффективного распределения человеческих ресурсов, оперативного пресечения правонарушений на территории с повышенной криминогенностью и снижения вероятности возникновения криминальных событий требуется систематическое совершенствование методов прогнозирования преступности. Такие традиционные методы, как многофакторный анализ, хотя и просты в использовании, далеко не всегда справляются с растущим объёмом данных. Достижения науки о данных (англ. *data science*) заложили основу для развития интеллектуального анализа данных (англ. *intellectual analysis*), который представляет собой совокупность математико-статистических методов поиска закономерностей в данных с помощью машинного обучения. При этом может изучать и решать как сложные математические задачи, так и некоторые конкретные задачи.

Машинное обучение (англ. *machine learning*) делится на две категории: под наблюдением, или контролируемое (англ. *supervised*), и неконтролируемое, или без присмотра (англ. *unsupervised*)¹. При контролируемом машина обучается на основе пре-

допределенного набора учебных примеров и с помощью нейронных сетей (англ. *neural networks*), что облегчает возможность получать точные выводы при предоставлении новых данных; при неконтролируемом даётся набор данных, и машина должна найти некоторые общие закономерности и отношения между собственными данными².

Вместе с тем возможности машинного обучения не применяются в полной мере, хотя оно могло бы повысить эффективность и точность существующих моделей. Несомненным преимуществом использования глубинного анализа данных (англ. *data mining*) и глубокого изучения (англ. *deep learning*) как элементов машинного обучения является беспристрастность анализа данных³. В обобщенном виде схема их применения может быть представлена следующим образом (см. схему 1⁴ и схему 2⁵).

Основная часть

Рассмотрим преступность в городах в качестве примера. На основании метода *k*-ближайших соседей (англ. *k-nearest neighbors*; далее — *k-NN*) возможно провести пространственный анализ местности и классифицировать районы по уровню криминогенности, исходя из выявленных закономерностей и тенденций в преступности⁶. Однако это лишь первый этап. При учёте социальных факторов можно добиться более точного

¹ Gandhi M., Kamdar J., Shah M. Preprocessing of non-symmetrical images for edge detection // *Augmented Human Research*. 2020. Vol. 5, art. 10. doi: 10.1007/s41133-019-0030-5; Panchiwala Sh., Shah M. A comprehensive study on critical security issues and challenges of the IoT world // *Journal of Data, Information and Management*. 2020. Vol. 2, no. 7. P. 257–278; Parekh V., Shah D., Shah M. Fatigue detection using artificial intelligence framework // *Augmented Human Research*. 2020. Vol. 5, art. 5. doi: 10.1007/s41133-019-0023-4.

² An overview of machine learning and its applications / A. Simon, M.S. Deo, S. Venkatesan, D.R. Ramesh Babu // *International Journal of Electrical Sciences and Engineering*. 2015. Vol. 1, no. 1. P. 22–24; Systematic review and meta-analysis of augmented reality in medicine, retail, and games / P. Parekh, Sh. Patel, N. Patel, M. Shah // *Visual Computing for Industry, Biomedicine, and Art*. 2020. Vol. 3, art. 21. doi: 10.1186/s42492-020-00057-7; Shan N., Bhagat N., Shah M. Crime forecasting: a machine learning and computer vision approach to crime prediction and prevention // *Visual Computing for Industry, Biomedicine, and Art*. 2021. Vol. 4, art. 9. doi: 10.1186/s42492-021-00075-z.

³ Ingilevich V., Ivanov S. Crime rate prediction in the urban environment using social factors // *Procedia Computer Science*. 2018. No. 136. P. 472–478; Big data analytics and mining for crime data analysis, visualization and prediction / M. Feng, J. Zheng, Yu. Han, J. Ren, Q. Liu // *Advances in Brain Inspired Cognitive Systems: BICS 2018*. Springer Cham, 2018. doi: 10.1007/978-3-030-00563-4_59; Artificial intelligence & crime prediction: a systematic literature review / F. Dakalbab, M. Abu Talib, O. Abu Waraga, A.B. Nassif, S. Abbas, Q. Nasir // *Social Sciences & Humanities Open*. 2022. Vol. 6, no. 1. doi: 10.1016/j.ssaho.2022.100342.

⁴ Авторы.

⁵ Авторы на основании: Yin J. Crime prediction methods based on machine learning: a survey // *Computers, Materials & Continua*. 2023. Vol. 74, no. 2. P. 4601–4629.

⁶ Albahli S., Albattah W. Crime type prediction in Saudi Arabia based on intelligence gathering // *The Computer Journal*. 2023. Vol. 66, no. 8. P. 1937, 1939.

прогноза в городских условиях. Так, например, метод глубокого изучения, который основывается на формировании глубоких нейронных сетей (англ. *deep neural networks, DNN*) и сверточных нейронных сетей (англ. *convolutional neural networks, CNN*), использует статистические данные не только преступности, но и погоды, опросов, использования общественного транспорта, а также карты (геоинформационные системы). С точностью в 75,6 % в отношении города Чикаго и 65,3 % в отношении города Портленда исследователи создали четырёхмерную модель преступности⁷. Важно подбирать оптимальное количество слоёв сетей. Так, например, при экспери-

менте с данными по преступности в городе Чикаго в 2001—2017 годах наиболее высокая результативность была выявлена при использовании 11 слоёв⁸. Эксперименты отражают эффективность использования нейронных сетей и комплексного подхода к проблематике⁹. Предлагается включать также данные о переписи населения, освещённости улиц, ВВП на душу населения и уровень алкоголизма¹⁰. В общем виде это можно обозначить как преступный состав (англ. *crime cast*), который учитывает уровень преступности, виды деяний, их опасность и устанавливает так называемые горячие и холодные точки на картах¹¹.

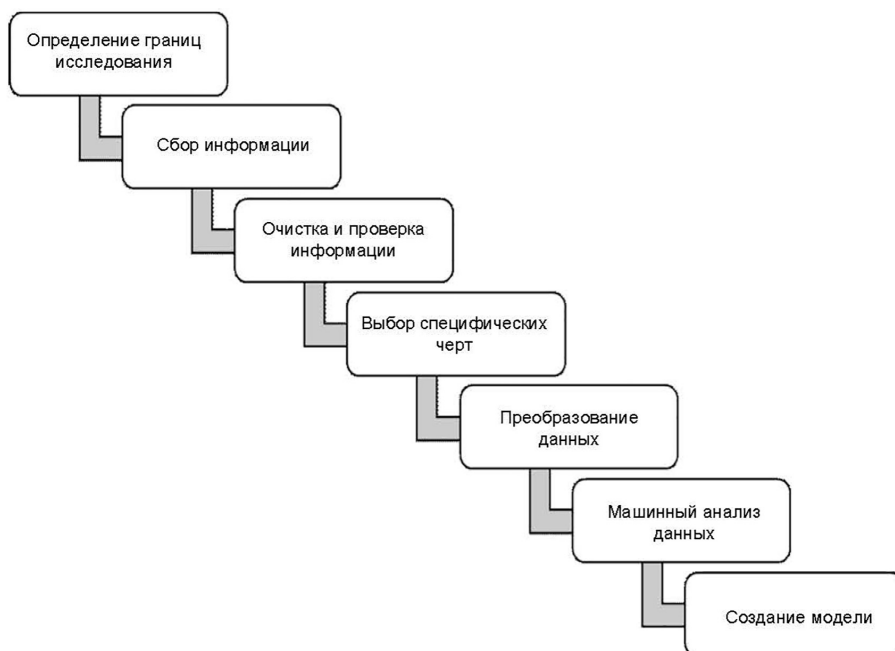

Схема 1. Этапы создания модели прогнозирования с использованием высоких технологий

⁷ Stec A., Klabjan D. Forecasting crime with deep learning. URL: <https://arxiv.org/abs/1806.01486> (accessed April 2, 2023).

⁸ Crime prediction and forecasting using machine learning algorithms / A. Tamir, E. Watson, B. Willett, Q. Hasan, J.-Sh. Yuan // International Journal of Computer Science and Information Technologies. 2021. Vol. 12, no. 2. P. 32.

⁹ Guevara C., Santos M. Crime prediction for patrol routes generation using machine learning // 13th International Conference on Computational Intelligence in Security for Information Systems (CISIS 2020). Springer Cham, 2021. P. 97–107.

¹⁰ Alves L.G.A., Ribeiro H.V., Rodrigues F.A. Crime prediction through urban metrics and statistical learning // Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. 2018. No. 505. P. 435–443.

¹¹ Paper on different approaches for crime prediction system / D.N. Varshitha, K.P. Vidyashree, P. Aishwarya, T.S. Janya, K.R. Dhananjay Gupta, R. Sahana // International Journal of Engineering Research & Technology. 2017. Vol. 5, no. 20. P. 1–4.

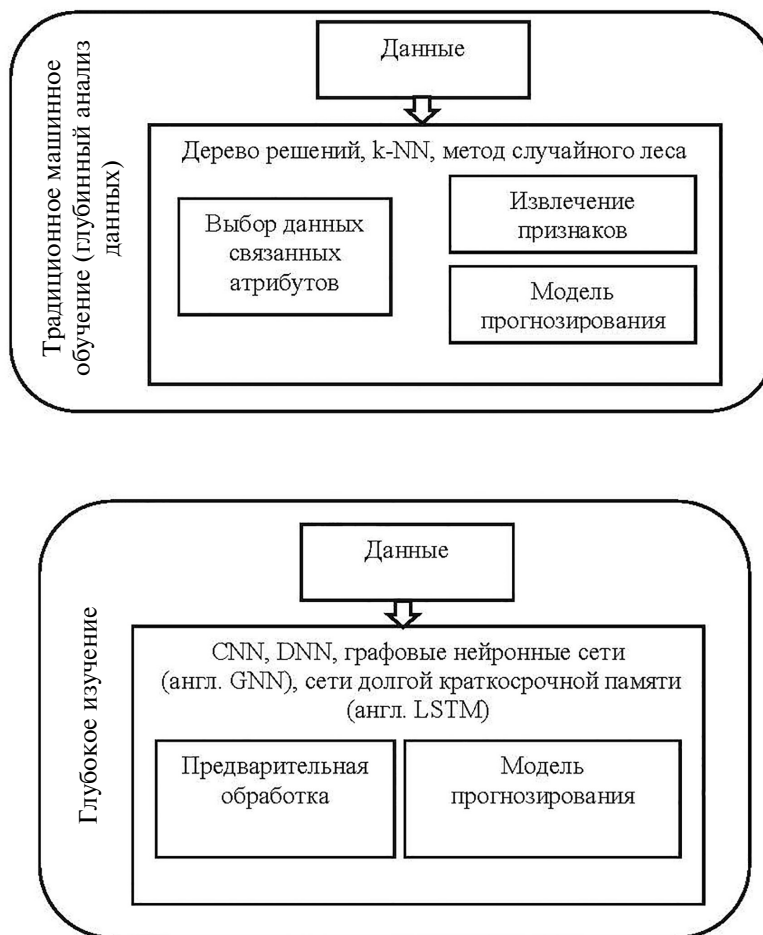

Схема 2. Элементы методов прогнозирования

Тем не менее, прежде чем использовать продвинутые алгоритмы машинного обучения, необходимо избрать верные характеристики¹². Проблема заключается в том, что неверно установленные стандарты могут привести к задержке прогнозов линейной регрессионной модели с низким значением, при этом будет создаваться впечатление, что модель эффективно работает, в то время как на самом деле она будет делать незначительные прогнозы¹³. Используемые данные зачастую собраны неспециалистами в кри-

минологии, что повышает риск лишней или неточной информации. Более того, фрагментарность официальной регистрации и латентность преступности являются традиционно осложнением и для профессионалов. Быстрые темпы развития новых средств, орудий и методик совершения преступлений, высокая степень адаптации преступников требуют постоянной актуализации данных, за которой не всегда возможно поспеть¹⁴. Наиболее распространённые подходы к выбору характеристик — анализ главных компонент и факторный анализ смешанных данных, который считается более точным¹⁵.

¹² Combining multiple algorithms for portfolio management using combinatorial fusion / Yu. Luo, B.S. Kristal, Ch. Schweikert, D.F. Hsu // Proceedings of 2017 IEEE 16th International Conference on Cognitive Informatics and Cognitive Computing (ICCI*CC'17), 26–28 July, 2017. Oxford, UK, 2017. P. 361–366.

¹³ Asir D., Appavu S., Jebamalar E. Literature review on feature selection methods for high-dimensional data // International Journal of Computer Applications. 2016. Vol. 136, no. 1. P. 9–17.

¹⁴ Alsaqabi A., Aldhubayi F., Albahli S. Using machine learning for prediction of factors affecting crimes in Saudi Arabia // Proceedings of the 2019 International Conference on Big Data Engineering. 2019. P. 57–62.

¹⁵ Crime prediction using spatio-temporal data / S. Hossain, A. Abtahee, I. Kashem, M.M. Hoque, I.H. Sarker // International Conference on Computing Science, Communication and Security (COMS2), 2020. Singapore: Springer, 2020. P. 277–289.

С учётом специфики машинного обучения можно выделить следующие классификаторы: дерево решений (англ. *decision tree*), метод случайного леса (англ. *random forest*), XGBoost и LightGBM. На примере данных о преступности в Королевстве Саудовская Аравия за 2018 год была выявлена эффективность каждого из классификаторов, в частности дерево решений — 97,57 %, метод случайного леса — 97,84 %, XGBoost — 97,68 % и LightGBM — 34,39 %. LightGBM показывает производительность в три раза ниже остальных¹⁶. В сравнении с алгоритмом k-NN более удачным представляется метод случайного леса. Тем не менее наиболее эффективными остаются нейронные сети¹⁷.

Таким образом, на основании машинного обучения возможно совершенствование методов прогнозирования преступности. Однако следует внимательно подходить к выбору модели и классификаторов, где проблемы возникают ещё на первичном этапе сбора и подбора необходимой информации. В целом концепция машинного обучения позволяет эффективно реализовывать и совершенствовать криминологическую теорию разбитых окон, несмотря на споры о применимости последней на практике.

Список литературы

1. Albahli S., Albattah W. Crime type prediction in Saudi Arabia based on intelligence gathering // *The Computer Journal*. 2023. Vol. 66, no. 8. P. 1936–1948. doi: 10.1093/comjnl/bxac053.
2. Alsaqabi A., Aldhubayi F., Albahli S. Using machine learning for prediction of factors affecting crimes in Saudi Arabia // *Proceedings of the 2019 International Conference on Big Data Engineering*. 2019. P. 57–62. doi: 10.1145/3341620.3341634.
3. Alves L.G.A., Ribeiro H.V., Rodrigues F.A. Crime prediction through urban metrics and statistical learning // *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. 2018. No. 505. P. 435–443.
4. An overview of machine learning and its applications / A. Simon, M.S. Deo, S. Venkatesan, D.R. Ramesh Babu // *International Journal of Electrical Sciences and Engineering*. 2015. Vol. 1, no. 1. P. 22–24.

¹⁶ Albahli S., Albattah W. Op. cit. P. 1944.

¹⁷ Crime prediction and forecasting using machine learning algorithms / A. Tamir, E. Watson, B. Willett, Q. Hasan, J.-Sh. Yuan. P. 31–33.

5. Artificial intelligence & crime prediction: a systematic literature review / F. Dakalbab, M. Abu Talib, O. Abu Waraga, A.B. Nassif, S. Abbas, Q. Nasir // *Social Sciences & Humanities Open*. 2022. Vol. 6, no. 1. doi: 10.1016/j.ssaho.2022.100342.

6. Asir D., Appavu S., Jebamalar E. Literature review on feature selection methods for high-dimensional data // *International Journal of Computer Applications*. 2016. Vol. 136, no. 1. P. 9–17.

7. Big data analytics and mining for crime data analysis, visualization and prediction / M. Feng, J. Zheng, Yu. Han, J. Ren, Q. Liu // *Advances in Brain Inspired Cognitive Systems: 9th International Conference, BICS 2018, Xi'an, China, July 7–8, 2018: Proceedings* / ed. by J. Ren, A. Hussain, J. Zheng et al. Cham: Springer, 2018. P. 605–614. doi: 10.1007/978-3-030-00563-4_59.

8. Combining multiple algorithms for portfolio management using combinatorial fusion / Yu. Luo, B.S. Kristal, Ch. Schweikert, D.F. Hsu // *Proceedings of 2017 IEEE 16th International Conference on Cognitive Informatics and Cognitive Computing (ICCI*CC'17)*, 26–28 July, 2017. Oxford, UK, 2017. P. 361–366. doi: 10.1109/ICCI-CC.2017.8109774.

9. Crime prediction and forecasting using machine learning algorithms / A. Tamir, E. Watson, B. Willett, Q. Hasan, J.-Sh. Yuan // *International Journal of Computer Science and Information Technologies*. 2021. Vol. 12, no. 2. P. 26–33.

10. Crime prediction using spatio-temporal data / S. Hossain, A. Abtahee, I. Kashem, M.M. Hoque, I.H. Sarker // *International Conference on Computing Science, Communication and Security (COMS2)*, 2020. Singapore: Springer, 2020. P. 277–289.

11. Gandhi M., Kamdar J., Shah M. Preprocessing of non-symmetrical images for edge detection // *Augmented Human Research*. 2020. Vol. 5, art. 10. doi: 10.1007/s41133-019-0030-5.

12. Guevara C., Santos M. Crime prediction for patrol routes generation using machine learning // *13th International Conference on Computational Intelligence in Security for Information Systems (CISIS 2020)* / edited by A. Herrero, C. Cambra, D. Urda, J. Sedano, H. Quintián, E. Corchado. Cham: Springer, 2021. P. 97–107.

13. Ingilevich V., Ivanov S. Crime rate prediction in the urban environment using social factors // *Procedia Computer Science*. 2018. No. 136. P. 472–478.

14. Panchiwala Sh., Shah M. A comprehensive study on critical security issues and challenges of the IoT world // *Journal of Data, Information and Management*. 2020. Vol. 2, no. 7. P. 257–278. doi: 10.1007/s42488-020-00030-2.

15. Paper on different approaches for crime prediction system / D.N. Varshitha, K.P. Vidyashree, P. Aishwarya, T.S. Janya, K.R. Dhananjay Gupta, R. Sahana // *International Journal of Engineering Research & Technology*. 2017. Vol. 5, no. 20. P. 1–4.

16. Parekh V., Shah D., Shah M. Fatigue detection using artificial intelligence framework // *Augmented Human Research*. 2020. Vol. 5, art. 5. doi: 10.1007/s41133-019-0023-4.

17. Shan N., Bhagat N., Shah M. Crime forecasting: a machine learning and computer vision approach to crime prediction and prevention // *Visual Computing for Industry, Biomedicine, and Art*. 2021. Vol. 4, art. 9. doi: 10.1186/s42492-021-00075-z.

18. Stec A., Klabjan D. Forecasting crime with deep learning. URL: <https://arxiv.org/abs/1806.01486> (accessed April 2, 2023).

19. Systematic review and meta-analysis of augmented reality in medicine, retail, and games / P. Parekh, Sh. Patel, N. Patel, M. Shah // *Visual Computing for Industry, Biomedicine, and Art*. 2020. Vol. 3, art. 21. doi: 10.1186/s42492-020-00057-7.

20. Yin J. Crime prediction methods based on machine learning: a survey // *Computers, Materials & Continua*. 2023. Vol. 74, no. 2. P. 4601–4629. doi: 10.32604/cmc.2023.034190.

References

1. Albahli, S. & Albattah, W. (2023) Crime type prediction in Saudi Arabia based on intelligence gathering. *The Computer Journal*, vol. 66, no. 8, pp. 1936–1948. doi: 10.1093/comjnl/bxac053.

2. Alsaqabi, A., Aldhubayi, F. & Albahli, S. (2019) Using machine learning for prediction of factors affecting crimes in Saudi Arabia. In: *Proceedings of the 2019 International Conference on Big Data Engineering*, pp. 57–62. doi: 10.1145/3341620.3341634.

3. Alves, L.G.A., Ribeiro, H.V. & Rodrigues, F.A. (2018) Crime prediction through urban metrics and statistical learning. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*, no. 505, pp. 435–443.

4. Simon, A., Deo, M.S., Venkatesan, S. & Ramesh Babu, D.R. (2015) An overview of machine learning and its applications. *International Journal of Electrical Sciences and Engineering*, vol. 1, no. 1, pp. 22–24.

5. Dakalbab, F., Abu Talib, M., Abu Waraga, O., Nassif, A.B., Abbas, S. & Nasir, Q. (2022) Artificial intelligence & crime prediction: a systematic literature review. *Social Sciences & Humanities Open*, vol. 6, no. 1. doi: 10.1016/j.ssaho.2022.100342.

6. Asir, D., Appavu, S. & Jebamalar, E. (2016) Literature review on feature selection methods for high-dimensional data. *International Journal of Computer Applications*, vol. 136, no. 1, pp. 9–17.

7. Feng, M., Zheng, J., Han, Yu., Ren, J. & Liu, Q. (2018) Big data analytics and mining for crime data analysis, visualization and prediction. In: Ren, J. et al. (eds.) *Advances in Brain Inspired Cognitive Systems. 9th International Conference, BICS 2018, Xi'an, China, July 7–8, 2018. Proceedings*. Cham, Springer, pp. 605–614. doi: 10.1007/978-3-030-00563-4_59.

8. Luo, Yu., Kristal, B.S., Schweikert, Ch. & Hsu, D.F. (2017) Combining multiple algorithms for portfolio management using combinatorial fusion. In: *Proceedings of 2017 IEEE 16th International Conference on Cognitive Informatics and Cognitive Computing (ICCI*CC'17)*, pp. 361–366. doi: 10.1109/ICCI-CC.2017.8109774.

9. Tamir, A., Watson, E., Willett, B., Hasan, Q. & Yuan, J.-Sh. (2021) Crime prediction and forecasting using machine learning algorithms. *International Journal of Computer Science and Information Technologies*, vol. 12, no. 2, pp. 26–33.

10. Hossain, S., Abtahee, A., Kashem, I., Hoque, M.M. & Sarker, I.H. (2020) Crime prediction using spatio-temporal data. In: *International Conference on Computing Science, Communication and Security (COMS2), 2020*. Singapore, Springer, pp. 277–289.

11. Gandhi, M., Kamdar, J., Shah, M. (2020) Preprocessing of non-symmetrical images for edge detection. *Augmented Human Research*, vol. 5, art. 10. doi: 10.1007/s41133-019-0030-5.

12. Guevara, C. & Santos, M. (2021) Crime prediction for patrol routes generation using machine learning. In: Herrero, A., Cambra, C., Urda, D., Sedano, J., Quintián, H. & Corchado, E. (eds.) *13th International Conference on Computational Intelligence in Security for Information Systems (CISIS 2020)*. Cham, Springer, pp. 97–107.

13. Ingilevich, V. & Ivanov, S. (2018) Crime rate prediction in the urban environment using social factors. *Procedia Computer Science*, no. 136, pp. 472–478.

14. Panchiwala, Sh. & Shah, M. (2020) A comprehensive study on critical security issues and challenges of the IoT world. *Journal of Data, Information and Management*, vol. 2, no. 7, pp. 257–278. doi: 10.1007/s42488-020-00030-2.

15. Varshitha, D.N., Vidyashree, K.P., Aishwarya, P., Janya, T.S., Dhananjay Gupta, K.R. & Sahana, R. (2017) Paper on different approaches for crime prediction system. *International Journal of Engineering Research & Technology*, vol. 5, no. 20, pp. 1–4.

16. Parekh, V., Shah, D. & Shah, M. (2020) Fatigue detection using artificial intelligence framework. *Augmented Human Research*, vol. 5, art. 5. doi: 10.1007/s41133-019-0023-4.

17. Shan, N., Bhagat, N. & Shah, M. (2021) Crime forecasting: a machine learning and computer vision approach to crime prediction and prevention. *Visual Computing for Industry, Biomedicine, and Art*, vol. 4, art. 9. doi: 10.1186/s42492-021-00075-z.

18. Stec, A. & Klabjan, D. (2018) Forecasting crime with deep learning. URL: <https://arxiv.org/abs/1806.01486> (accessed April 2, 2023).

19. Parekh, P., Patel, Sh., Patel, N. & Shah, M. (2020) Systematic review and meta-analysis of augmented reality in medicine, retail, and games. *Visual Computing for Industry, Biomedicine, and Art*, vol. 3, art. 21. doi: 10.1186/s42492-020-00057-7.

20. Yin, J. (2023) Crime prediction methods based on machine learning: a survey. *Computers, Materials & Continua*, vol. 74, no. 2, pp. 4601–4629. doi: 10.32604/cmc.2023.034190.

Информация об авторах

В.А. Шестак – профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент;

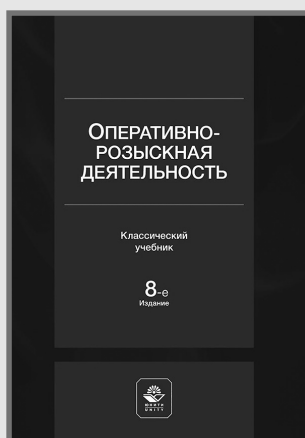
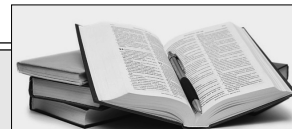
А.Д. Цыплакова – соискатель магистерской степени МГИМО МИД России, бакалавр права.

Information about the authors

V.A. Shestak – Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor;

A.D. Tsyplakova – LL.B., Master's Degree Student of MGIMO University.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Оперативно-розыскная деятельность: Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / Под ред. Н.А. Кузьмина, Л.Л. Тузова, И.А. Климова. 8-е изд., перераб. и доп. 447 с. (Серия «Классический учебник»).

ISBN 978-5-238-03630-4
Агентство СІР РГБ

Изложены базовые положения теории оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации. Приведены материалы, касающиеся правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, оснований и условий проведения оперативно-розыскных мероприятий, оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства и других вопросов, не составляющих государственную тайну.

В основе учебника — Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 5 июля 1995 г. (с многочисленными изменениями и дополнениями).

Для студентов, слушателей и курсантов учебных заведений системы правоохранительных органов Российской Федерации.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 85—89.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2023, no. 3, pp. 85–89.

УДК 343.143
doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.009

НИОН: 2015-0064-03/23-142
MOSURED: 77/27-009-2023-03-341

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Свидетельские показания как один из видов доказательств в суде с участием присяжных заседателей: процессуальные и тактические особенности получения их в суде

Алексей Александрович Ильухов^{1, 2}

¹Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия, alexsmol672019@yandex.ru

²Саратовская государственная юридическая академия (Смоленский филиал), Смоленск, Россия

Аннотация. Статья посвящена свидетельским показаниям как одному из значимых видов доказательств в суде с участием присяжных заседателей. Раскрываются тактические приемы производства допроса свидетеля в суде с участием присяжных заседателей. Отмечаются нарушения, которые чаще всего встречаются при допросе свидетеля сторонами процесса, и вносятся предложения по повышению качества допроса и эффективности получения свидетельских показаний в суде с участием присяжных заседателей.

Ключевые слова: уголовный процесс; свидетельские показания; тактика допроса свидетеля; ошибки тактического характера, допускаемые в ходе допроса свидетеля в суде.

Для цитирования: Ильухов А.А. Свидетельские показания как один из видов доказательств в суде с участием присяжных заседателей: процессуальные и тактические особенности получения их в суде // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 85—89. doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.009.

Witness testimony as one of the types of evidence in court with the participation of jurors: procedural and tactical features of obtaining them in court

Alexey A. Ilyukhov^{1, 2}

¹Smolensk State University, Smolensk, Russia, alexsmol672019@yandex.ru

²Saratov State Law Academy (Smolensk branch), Smolensk, Russia

Abstract. The article is devoted to witness testimony as one of the most significant types of evidence in court with the participation of jurors. Tactical techniques of interrogation of a witness in court with the participation of jurors are revealed. Violations are noted, which are most often found during the interrogation of a witness by the parties to the process, and proposals are made to improve the quality of interrogation and the effectiveness of obtaining testimony in court with the participation of jurors.

Keywords: criminal proceedings; witness testimony; tactics of interrogation of a witness; tactical errors made during the interrogation of a witness in court.

For citation: Ilyukhov, A.A. (2023) Witness testimony as one of the types of evidence in court with the participation of jurors: procedural and tactical features of obtaining them in court. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 3, pp. 85–89. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.009.

Свидетельские показания, в том числе и в суде, образуют значительный объем всей совокупности доказательств, а свидетелем по делу, согласно ст. 56 УПК РФ, выступает лицо, вызываемое к следователю или в суд для

дачи показаний об имеющих значение для уголовного дела обстоятельствах.

От свидетеля требуется передача объективной информации, получаемой от первоисточника, которая могла бы быть правильно воспринята и оценена присяжными заседателями, с той лишь особенностью, что жюри присяжных заседателей

© Ильухов А.А., 2023

исследуют только факты без знания о негативных качествах подсудимого (судимость, алкоголизм и т. п.), с тем чтобы избежать предвзятости при исследовании доказательств. Поэтому в ходе проведения допроса свидетеля касаться этих вопросов недопустимо. В целом значимость свидетельских показаний переоценить сложно, поскольку они выступают средством как доказывания, так и убеждения присяжных заседателей в суде.

Сам допрос свидетеля в суде с участием присяжных заседателей имеет свои процессуальные и тактические особенности. Так, в ходе допроса свидетеля следует учитывать эффект «сфокусированности на чем-то ином», суть которого заключается в особенностях восприятия и памяти отдельно взятого свидетеля, который мог не запомнить лица преступника из-за отвлечения внимания на что-то другое. Следует также учитывать и эффект «невольного переноса», когда свидетель из-за ассоциативности мышления, опознавая преступника, может ошибочно указать на другое лицо¹. Подобного рода особенности восприятия свидетеля следует учитывать и, соответственно, свидетельские показания требуется подтверждать другими доказательствами, способными разрешить возникшие противоречия в показаниях свидетеля, подтвердить или опровергнуть их.

К примеру, в судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей по уголовному делу № 2-32/08 об убийстве трех лиц, совершенном с использованием топора и молотка, государственным обвинителем в присутствии присяжных заседателей были оглашены материалы проведенных исследований, согласно которым в области лица, плеч и ног подсудимого Б. были выявлены множественные точечные наложения вещества бурого цвета, похожего на кровь. Свою причастность к убийству подсудимый отрицал полностью, ссылаясь на то, что преступление совершил его сын, а он в период непосредственного совершения убийства находился в магазине. Придя домой, он сделал попытку оттащить сына от уже мертвых тел, по которым его сын наносил беспорядочные удары молотком. Поэтому брызги крови попали на него. В ходе судебного следствия государственным обвинителем был допрошен эксперт по вопросу механизма образования следов, а также оглашены выводы судебно-медицинских экспертиз трупов, согласно которым брызги крови могли попасть на лицо и одежду Б. только в случае,

если он близко находился к предмету, от которого идут брызги, если только Б. не сам наносил погибшим удары. Кроме того, все телесные повреждения являются прижизненными (а не помертвыми), что противоречило версии Б. о том, что в момент совершения убийства его не было дома, а когда он пришел, то погибшие были уже мертвы².

К примеру, в США (штат Массачусетс) достоверность свидетельских показаний по уголовным делам особой тяжести, подлежащим рассмотрению судом присяжных заседателей, подтверждается судебными экспертизами, вызывающими большее доверие у присяжных заседателей³, что уменьшает при оценке свидетельских показаний с их стороны элемент субъективного начала в восприятии окружающей действительности.

От степени убедительности и информативности показаний свидетеля зависит уровень доверия к ним со стороны присяжных заседателей, и степень этого доверия обусловлена также социальными, возрастными, личностными характеристиками свидетеля и способом передачи свидетельских показаний. К примеру, в США при допросе несовершеннолетних свидетелей за основу берется возрастная граница 7, 10, 12 и 14 лет и одновременно учитывается тот фактор, что они не всегда способны давать объективные показания в суде присяжных заседателей⁴, что и обуславливает более критическую их оценку присяжными заседателями, которую можно снизить, применяя тактический прием — метод ситуационного моделирования. Суть его заключается в умении стороны процесса, вызвавшей свидетеля, прогнозировать позитивное или негативное отношение присяжных заседателей к нему, с учетом его внешнего вида, манер поведения, способности убедительно и доступно донести до присяжных заседателей исследуемые обстоятельства. Для чего следует стороне, планирующей его вызвать, проводить предварительные беседы со свидетелями, с тем чтобы исключить из списка тех лиц, которые способны вызвать негативную реакцию присяжных заседателей. Проводя эти беседы, следует обращать внимание свидетелей, чтобы те не использовали такие слова и выражения, как, к примеру, «я думаю», «мне кажется»,

² Архив Алтайского краевого суда за 2018 год.

³ Трунов И.Л., Мельник В.В. Искусство речи в суде присяжных: учебно-практическое пособие. М., 2009. С. 313.

⁴ Уолкер Р. Английская судебная система: пер. с англ. М., 1980. С. 577.

¹ О точности свидетельских показаний // Борьба с преступностью за рубежом (по материалам зарубежной печати) / ВИНТИ РАН. 2002. № 12. С. 28.

«скорее всего» и пр., поскольку подобные фразы могут быть истолкованы как предположения, умозаключения или выводы, что в суде присяжных недопустимо.

В качестве примера, где был задан вопрос, требующий аргументации, можно привести уголовное дело по обвинению К. по п. «к» ч. 2 ст. 105 и ч. 1 ст. 131 УК РФ, рассмотренное Смоленским областным судом присяжных заседателей. В ходе судебного следствия свидетелю Б. был задан следующий вопрос: «Как вы объясняете нахождение подсудимого в месте совершения преступления? Разве он мог в тот момент находиться в том месте, тогда как фактически по причине инвалидности он там быть не мог?»⁵ Подобной постановкой вопроса адвокат стремился добиться от свидетеля выводов, которые он не должен был делать. Также недопустимыми вопросами, требующими аргументации свидетеля, могут выступать, к примеру, такие как: «Вы полагаете, что присяжные заседатели этому поверят?» или «Чем вы можете объяснить желание подсудимого совершить преступление?»

Вместе с тем выводы и умозаключения свидетеля могут присутствовать, если они выступают способом выражения его мыслей или если свидетель обладает в силу своей профессиональной принадлежности определенными профессиональными познаниями или навыками⁶, что содействует уяснению присяжными заседателями смысла свидетельских показаний. При том что умозаключения бывают порой неотделимы от свидетельских показаний, так как они строятся на логике мышления. Логическим умозаключением может выступать установление таких обстоятельств, как время, скорость движения, характеристика предмета.

Стороне процесса, инициирующей вызов свидетеля на допрос в суд, следует так ставить вопросы, чтобы они были логически связаны между собой. Сами показания свидетеля не должны быть построены на догадках, предположениях или слухах, должны быть информативными, излагаться в свободной форме, в противном случае присяжные заседатели не смогут свои вы-

воды строить на первично установленных фактах. Перечисленные требования обеспечиваются проведением динамичного и последовательного допроса свидетеля сторонами процесса.

В ходе допроса свидетеля в суде сторонам процесса следует применять различные тактические приемы, в частности разделение вопроса к свидетелю на два или три более мелких подвопроса, например:

Иван Иванович! Прошу вас кратко ответить на три вопроса:

1. *Вы видели потерпевшего Петрова вечером 12 января 2017 г. у дома № 3 по ул. Ленина г. Смоленска? Да или нет? Ответ — да.*

2. *Потерпевший Петров находился непосредственно рядом с вами или в отдалении от вас? Ответ — непосредственно рядом со мной.*

3. *Потерпевший Петров находился в состоянии алкогольного опьянения или нет? Ответ — да, в состоянии алкогольного опьянения.*

Подобная или иная тактика допроса применяется и в ходе постановки свидетелю вопросов или передачи свидетелем информации в вербальной или невербальной форме, в зависимости от степени информативности этой формы для присяжных заседателей. Игнорирование этих предписаний сторонами процесса приводит, что подтверждается на примерах судебной практики, к изменению или отмене приговоров, вынесенных на вердикте присяжных заседателей.

Так, приговором Читинского областного суда от 30 октября 2007 года, вынесенным на вердикте присяжных заседателей, Р., М. и З. признаны виновными в умышленном причинении смерти другому человеку, совершенном организованной группой лиц; в незаконном изготовлении, хранении, ношении огнестрельного оружия организованной группой лиц. В кассационных жалобах осужденный Р. и его адвокат просили приговор отменить и дело направить на новое судебное рассмотрение, поскольку при разбирательстве уголовного дела не была соблюдена процедура рассмотрения дел судом с участием присяжных заседателей.

В частности, анализируя показания свидетелей И. и С., осужденные утверждали, что порядок и характер их допроса государственным обвинителем вызвали предубеждение к подсудимому Р. со стороны присяжных заседателей. Так, государственный обвинитель свидетелям И. и С. задавал наводящие вопросы, что привело к тому, что свои доводы последние строили на предположениях, высказывали свое личное, ничем не подтвержденное мнение относительно причастности подсудимых к совершению преступления и наличия в их действиях отягчающих вину обстоятельств. Приговор

⁵ Уголовное дело № 12-10/2015 по обвинению К. по п. «к» ч. 2 ст. 105 и ч. 1 ст. 131 УК РФ // Архив Смоленского областного суда за 2015 г.

⁶ Лоскутова Т.А. Свидетель и его показания в уголовном процессе Англии и США: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 63; Новиков С.А. Показания свидетеля в российском уголовном процессе: совершенствование правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14. Право. 2013. № 1. С. 83.

по делу был изменен, из него исключено указание на обстоятельство, отягчающее наказание, поскольку таковых судом не установлено⁷.

Невербальное общение свидетелей с присяжными заседателями находит свое проявление в жестах, мимике, к примеру, глухонемой свидетель кивком головы или направлением руки указывает на совершившее преступление лицо. При этом судья должен выяснить, могут ли физические недостатки свидетеля сказаться на его способности излагать интересующие суд факты, и если свидетель не способен их правильно оценить и изложить, то такие показания в суде использовать не рекомендуется. Противоположная сторона может дискредитировать показания свидетеля проведением перекрестного допроса, чтобы вызвать критическую оценку у присяжных заседателей, что подтверждается судебной практикой.

Так, Верховный Суд Республики Алтай с участием коллегии присяжных заседателей 18.03.2011 вынес оправдательный приговор в отношении Е. по ч. 3 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Е. обвинялся в том, что он в период апреля-мая 1998 г. организовал вместе с И. убийство Ш. по найму и 14.06.1998 из автомата Калашникова, оборудованного оптическим прицелом, произвел выстрелы в Ш. и его знакомых, находившихся на территории загородного дома. От полученных ран Ш. скончался в больнице 27.06.1998.

Из изученных материалов уголовного дела можно сделать вывод о том, что следствие не располагало объективными доказательствами причастности Е. к убийству Ш. Осложнил доказывание вины подсудимого тот факт, что с момента совершения преступления прошел значительный период времени — больше 10 лет. Кроме того, положенные в основу обвинения показания лиц, выступающих под псевдонимами, коллегией присяжных признаны недостаточными, поскольку их показания не были достаточно информативными и были лаконичными, а сторона защиты использовала этот недостаток, применив перекрестный допрос, который уменьшил доказательственную значимость этих показаний, усилив сомнения присяжных заседателей в их достоверности, что привело к вынесению оправдательного вердикта⁸.

Дискредитация показаний свидетелей в суде одной из сторон процесса может сопровождаться и таким недозволённым тактическим при-

емом, как выставление свидетеля в невыгодном свете с тем, чтобы поставить под сомнение его показания. К недозволённым тактическим приемам относится и неправильная постановка вопросов свидетелю, когда тому ставятся вопросы, при утвердительном ответе на которые сторона, их сформулировавшая, получает необходимый для нее ответ. Недопустимо формулировать вопросы, состоящие из двух подвопросов, при том что только одним вопросом должен устанавливаться интересующий факт.

Нельзя один и тот же вопрос повторять стороне, его сформулировавшей, даже в разной его интерпретации, с тем чтобы получить нужный ответ, за исключением случаев, как справедливо отмечают А.В. Васильев и А.А. Барановский, если возврат к ранее сформулированному вопросу необходим для связности изложения информации, предоставляемой стороной процесса. При том что порой и сама логика изложения сведений требует возвращения к тем или иным ответам⁹.

Недопустимо формулировать провокационные и наводящие вопросы, за исключением случаев, когда наводящий вопрос необходим для воссоздания в памяти свидетеля фактов, произошедших длительное время назад. Либо ввиду своего возраста или иных причин свидетель затрудняется восстановить в памяти обстоятельства исследуемого события, которые ранее были им сообщены в ходе допроса в качестве свидетеля¹⁰. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по рассмотрению уголовных дел с участием присяжных заседателей на примере описания части процедуры допроса свидетеля раскрывает случаи формулировки вопросов, в которых содержится наводящий вопрос: «То место, где было совершено убийство, похоже на место для прогулок?» В представленном вопросе уже содержится предполагаемый ответ — место, где было совершено убийство, похоже на место для прогулок¹¹.

В свою очередь, уточняющие вопросы также могут задаваться, и такой вопрос может начинаться со слов «кто», «как», «когда», «какой» — подоб-

⁹ Васильев А.В., Барановский А.А. Суд присяжных: последний шанс Фемиды. Адвокат в процессе с присяжными: стратегия и тактика защиты. М., 2017. URL: <https://www.sap-sakhalin.ru/storage/uploads/docs/vas-fem.pdf> (дата обращения: 12.08.2023).

¹⁰ Осодоева Н.В. Допрос свидетеля в суде // Закон и право. 2019. № 8. С. 71.

¹¹ Обзор судебной практики рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2002. № 7.

⁷ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.01.2013 № 72-О12-57сп // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Архив Верховного суда Республики Алтай за 2011 г.

ное его начало не подсказывает ответа на него, поэтому их не удастся отвергнуть как наводящие¹².

Следует отметить, что стимулировать память свидетеля возможно демонстрацией документов, фотоснимков, аудио-, видеозаписями, схемами, таблицами, выступающими элементами свидетельских показаний, на что указывают положения ч. 3 ст. 189 УПК РФ, разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации и судебная практика. В них указывается, что, давая показания, свидетель, которому сложно удержать или восстановить в своей памяти представляемые сведения, вправе пользоваться документами, записями, схемами, фототаблицами, цифровыми данными, математическими расчетами, бухгалтерской и иной документацией и др.¹³

Рассмотрев свидетеля как значимого участника уголовного процесса в суде с участием присяжных заседателей, можно констатировать, что он, как и иные его участники, призван обеспечить достижение истины по уголовному делу, а ценность его показаний обеспечивается в том числе и применением тактических приемов в ходе его допроса.

Список литературы

1. Васильев А.В., Барановский А.А. Суд присяжных: последний шанс Фемиды. Адвокат в процессе с присяжными: стратегия и тактика защиты. М., 2017. 721 с.
2. Лоскутова Т.А. Свидетель и его показания в уголовном процессе Англии и США: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 222 с.
3. Новиков С.А. Показания свидетеля в российском уголовном процессе: совершенствование правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14. Право. 2013. № 1. С. 77–83.
4. О точности свидетельских показаний // Борьба с преступностью за рубежом (по материалам зарубежной печати) / Всероссийский институт научной и технической информации РАН. 2002. № 12. С. 28–31.
5. Обеспечение прав и защита интересов свидетелей: пер. с англ. М.: ВНИИ МВД России, 1992. С. 13.

Информация об авторе

А.А. Ильюхов — доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Смоленского государственного университета, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Саратовской государственной юридической академии (Смоленского филиала), кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции в отставке.

Information about the author

A.A. Ilyukhov – Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Smolensk State University, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Saratov State Law Academy (Smolensk branch), Candidate of Law, Associate Professor, retired Colonel of Justice.

6. Осодоева Н.В. Допрос свидетеля в суде // Закон и право. 2019. № 8. С. 68–72. doi: 10.24411/2073-3313-2019-10349.

7. Трунов И.Л., Мельник В.В. Искусство речи в суде присяжных: учебно-практическое пособие. М.: Высшее образование, 2009. 662 с.

8. Уолкер Р. Английская судебная система: пер. с англ. М.: Юридическая литература, 1980. 631 с.

References

1. Vasil'ev, A.V. & Baranovskiy, A.A. (2017) Sud prisyazhnykh: posledniy shans Femidy. Advokat v protsesse s prisyazhnymi: strategiya i taktika zashchity [Jury trial: the last chance of Themis. A lawyer in a trial with jurors: strategy and tactics of defense]. Moscow, 721 p. (In Russ.).
2. Loskutova, T.A. (2005) Svidetel' i ego pokazaniya v ugovnom protsesse Anglii i SShA [Witness and his testimony in the criminal proceedings of England and the USA]. Ph. D. thesis. Moscow, 222 p. (In Russ.).
3. Novikov, S.A. (2013) Pokazaniya svidetelya v rossiyskom ugovnom protsesse: sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya [Witness testimony in the Russian criminal trial. Improvement of legal regulation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*, no. 1, pp. 77–83. (In Russ.).
4. O tochnosti svitel'skikh pokazaniy [On the accuracy of witness testimony]. *Bor'ba s prestupnost'yu za rubezhom (po materialam zarubezhnoy pechati)*, 2002, no. 12, pp. 28–31. (In Russ.).
5. Obespechenie prav i zashchita interesov svitateley [Ensuring the rights and protection of the interests of witnesses]. Moscow, Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1992, p. 13. (In Russ.).
6. Osodoeva, N.V. (2019) Dopros svidetelya v sude [Interrogation of a witness in court]. *Zakon i pravo*, no. 8, pp. 68–72. (In Russ.). doi: 10.24411/2073-3313-2019-10349.
7. Trunov, I.L. & Mel'nik, V.V. (2009) Iskusstvo rechi v sude prisyazhnykh [The art of speech in a jury trial]. Moscow, Vysshee obrazovanie, 662 p. (In Russ.).
8. Walker, R. (1980) Angliyskaya sudebnaya sistema [The English legal system]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 631 p. (In Russ.).

¹² Обеспечение прав и защита интересов свидетелей: пер. с англ. М.: ВНИИ МВД России, 1992. С. 13.

¹³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.09.2011, дело № 78-О11-78 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 12.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 90—97.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2023, no. 3, pp. 90—97.

УДК 343.102
doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.010

NIION: 2015-0064-03/23-143
MOSURED: 77/27-009-2023-03-342

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Уголовно-процессуальная природа статуса и создания следственной группы

Александр Геннадьевич Кулев

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
Ярославль, Россия, kulev1984@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена уголовно-процессуальной природе следственной группы. На основе существующих следственной группе признаков производится ее разграничение с иными формами коллективного осуществления предварительного расследования: следственно-оперативной (дежурной, целевой, специализированной, совместной) и криминалистической группой. Особое внимание уделяется основаниям создания, субъектному составу следственной группы, требованиям ознакомления участников уголовного судопроизводства с данным составом. Обосновывается идея о том, что в уголовно-процессуальном законе должны быть закреплены нормы, регулирующие статус руководителя следственной группы, вопросы его взаимодействия с руководителем следственного органа, со следователями — членами следственной группы.

Ключевые слова: следственная группа, уголовно-процессуальная природа, следственно-оперативная группа, следователь, руководитель следственной группы, сложность дела.

Для цитирования: Кулев А.Г. Уголовно-процессуальная природа статуса и создания следственной группы // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 90—97. doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.010.

The criminal procedural nature of the status and the creation of an investigation team

Alexander G. Kulev

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl,
Russia, kulev1984@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the criminal procedural nature of the investigation group. On the basis of the characteristics inherent in the investigative group, it is distinguished from other forms of collective implementation of the preliminary investigation: investigative-operational (duty, target, specialized, joint) and forensic group. Particular attention is paid to the grounds for the creation, the subject composition of the investigation team, the requirements for familiarizing the participants in criminal proceedings with this composition. The idea is substantiated that the criminal procedure law should contain the norms regulating the status of the head of the investigation team, the issues of his interaction with the head of the investigation body, with investigators — members of the investigation team.

Keywords: investigative team, criminal procedure nature, investigative and operational team, investigator, head of the investigative team, complexity of the case.

For citation: Kulev, A.G. (2023) The criminal procedural nature of the status and the creation of an investigation team. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 3, pp. 90—97. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.010.

© Кулев А.Г., 2023

Впервые в отечественном законодательстве на кодифицированном уровне следственная группа получила закрепление в части 3 ст. 129 УПК РСФСР 1961 г., которая провозглашала, что в случае сложности дела или его большого объема предварительное следствие может быть поручено нескольким следователям. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. (далее — УПК РФ) посвятил регламентации следственной группы отдельную статью (ст. 163), однако УПК РФ не содержит легальной дефиниции следственной группы, некоторые положения ее нормативного регулирования вызывают теоретические дискуссии и правоприменительные сложности.

Следственную группу необходимо отличать от следственно-оперативной группы. Некоторые авторы склонны смешивать эти два различных по своей правовой природе понятия¹. Дело в том, что следственная группа по своей сущности является процессуальной (закреплена в УПК РФ). Следственно-оперативная группа создается и функционирует на ведомственном уровне. Определенный диссонанс при дифференциации названных групп создает сам законодатель. Согласно ч. 2 ст. 163 УПК РФ к работе следственной группы могут быть привлечены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность. На основе данной нормы отдельные специалисты приходят к выводу, что УПК РФ закрепляет деятельность следственно-оперативных групп². Полагаем, что вряд ли для подобного вывода имеются необходимые основания. В той же части 2 ст. 163 УПК РФ говорится, что в постановлении должны быть перечислены все следователи, которым поручено производство предварительного следствия, в том числе указывается, какой следователь назначается руководителем следственной группы. Поэтому только следователи и руководитель являются членами следственной группы, оперативные работники лишь *привлекаются* к работе данной группы и не обладают процессуальными полномочиями (за исключением случаев дачи следователем поручения о производстве отдельных следственных или процессуальных действий). В этой связи мы поддер-

живаем позицию авторов, которые проводят четкую демаркационную линию между процессуальной (следственной) группой и ведомственной (следственно-оперативной группой), выделяя их конкретные разграничительные критерии³.

Некоторые авторы считают перспективной регламентацию следственно-оперативных групп непосредственно в нормах уголовно-процессуального закона⁴. В этой связи А.А. Тарасов отмечает: «Законодателем справедливо отвергнута попытка определения новой процессуальной формы „следственно-оперативная группа“, поскольку никаких особых процессуальных отношений, не укладывающихся в рамки привычных «поручений» и «требований» следователя, в следственно-оперативной группе не возникает»⁵.

Тем не менее проблемы разграничения следственной и следственно-оперативной групп требуют своего более глубокого исследования. Так, Инструкция по организации взаимодействия подразделений и служб органов внутренних дел в расследовании и раскрытии преступлений, утвержденная приказом МВД России от 20 июня 1996 г. № 334, выделяла несколько видов следственно-оперативных групп: 1) дежурную, 2) целевую (временную), 3) специализированную (постоянно действующую), 4) совместную (бригаду)⁶. В настоящее время действует другая, аналогичная ей инструкция, утвержденная приказом МВД России от 29 апреля 2015 г. № 495, которая носит ограниченный характер — «для служебного пользования».

Итак, дежурная следственно-оперативная группа призвана обеспечить немедленное реагирование на сообщение о преступлениях, производство неотложных следственных действий и

¹ Хамгоков М.М. Производство предварительного следствия следственной группой: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 8—9.

² Кучкина В.Г. Сравнительный анализ следственных и следственно-оперативных групп // Российский следователь. 2011. № 24. С. 2.

³ Захарова В.О. Коллективные формы расследования: от принятия решения до рекомендаций // Российский следователь. 2021. № 9. С. 3.

⁴ Можаяева И.П. О правовом обеспечении деятельности следственно-оперативных групп // Российский следователь. 2011. № 16. С. 35; Улимаев Р.Ю. Следственно-оперативные группы: правовой статус, организация и деятельность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 9.

⁵ Тарасов А.А. Следственная группа по новому УПК России // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. М., 2002. С. 151.

⁶ Приказ МВД России от 20 июня 1996 г. № 334 «Об утверждении Инструкции по организации взаимодействия подразделений и служб органов внутренних дел в расследовании и раскрытии преступлений» // СПС «КонсультантПлюс».

оперативно-разыскных мероприятий по горячим следам. Она формируется в составе следователя, сотрудников оперативных и экспертно-криминалистических подразделений, кинолога, участкового уполномоченного (при необходимости). Данная группа создается согласно графику дежурств соответствующих сотрудников приказом начальника органа внутренних дел по согласованию с руководителем соответствующего следственного органа. В основном такая группа выезжает на осмотр места происшествия и возглавляется следователем, то есть функционирует на стадии возбуждения уголовного дела. Следственная же группа создается с момента начала предварительного следствия (одновременно с возбуждением уголовного дела) либо в момент осуществления предварительного следствия (отдельным постановлением руководителя следственного органа). Однако встречаются предложения, обосновывающие необходимость создания следственной группы на стадии возбуждения уголовного дела⁷, что входит в противоречие с действующей редакцией ч. 1 ст. 163 УПК РФ. По этой же причине вряд ли обоснованным является мнение о том, что следственная группа создается не только для расследования преступления, но и для его раскрытия⁸.

Целевая (временная) группа создается для расследования и раскрытия преступлений по конкретному уголовному делу. Данную группу необходимо отличать от следственной. Обе они создаются для расследования конкретного уголовного дела. Но следует помнить, что следственная группа имеет процессуальную природу: образуется руководителем следственного органа, в ее состав входят следователи, руководит ими руководитель следственной группы. Целевая группа имеет ведомственную природу: создается приказом начальника органа дознания или совместным приказом начальника органа дознания и начальника следственного отдела того или иного органа (впрочем, сочетание может быть различным).

Постоянно действующая следственно-оперативная группа создается для расследования и раскрытия определенной категории преступлений. Данная группа отличается от предыду-

щей временным периодом, однако она также носит ведомственный (межведомственный характер). В свое время автору удалось воочию наблюдать за созданием и функционированием такой группы в одном из субъектов РФ. Создавалась постоянно действующая следственно-оперативная группа (называлась, правда, она постоянно действующей *следственной группой*, что могло вызвать терминологическую путаницу) в рамках прокуратуры субъекта и возглавлялась прокурором города. В ее состав были включены следователи из районных прокуратур, освобожденные от прежней нагрузки, а также оперативные сотрудники уголовного розыска УВД по субъекту РФ. Следовательно, был издан соответствующий совместный приказ.

Совместная следственно-оперативная группа (бригада) создается для расследования и раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе совершенных организованными преступными группами, либо для расследования сложного уголовного дела с большим объемом работы.

К иной форме коллективного расследования уголовных дел относятся следственно-оперативные группы, создаваемые исходя из криминалистических характеристик расследуемых преступлений. Например, в методических рекомендациях, подготовленных Главным управлением криминалистики СК при прокуратуре РФ, посвященных особенностям расследования серийных преступлений (на примере убийств), предлагается в рамках следственно-оперативной группы создавать следующие подгруппы: 1) по отработке связей потерпевших; 2) по отработке связей подозреваемых; 3) по отработке территорий — мест совершения преступлений; 4) по информационно-аналитическому обеспечению. Полагая, что данные разновидности следственно-оперативной группы не обладают процессуальной природой, а поэтому находятся за рамками нашего внимания.

Исходя из всего вышеизложенного, сформулируем признаки и определение следственной группы:

- 1) это формирование (коллектив) — родовой признак;
- 2) основания, порядок создания и функционирования регламентируются исключительно уголовно-процессуальным законом;
- 3) создается руководителем следственного органа одновременно с решением о возбуждении уголовного дела, о чем выносится соответствующее постановление либо отдельное постановле-

⁷ Савенко Г.М. Следственные группы в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 13.

⁸ Цоколов И.А. Процессуальные и криминалистические особенности расследования преступлений следственной и следственно-оперативной группой: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 9.

ние о производстве предварительного следствия следственной группой;

4) в состав группы входят следователи, а должностные лица органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, ее членами не являются;

5) возглавляет деятельность руководитель следственной группы, назначаемый руководителем следственного органа;

6) цель создания — производство предварительного следствия по конкретному уголовному делу, представляющему сложность (то есть группа создается в стадии предварительного расследования).

Следственная группа — это регламентированное уголовно-процессуальным законом формирование следователей, создаваемое на основании постановления руководителя следственного органа, возглавляемое назначаемым им руководителем, для производства предварительного следствия по конкретному сложному уголовному делу.

По нашему мнению, ни ведомственные организационные аспекты, ни криминалистические характеристики (при всей их безусловной важности) не должны входить в круг существенных признаков следственной группы, закрепленных в УПК РФ.

Отдельные авторы выделяют и иные признаки следственной группы. Так, М.М. Шамсутдинов полагает, что она создается для расследования тяжких и особо тяжких преступлений, которые представляют особую общественную опасность⁹. Возникает вопрос: как следует поступать в случае, если в форме дознания расследуется, например, преступление средней тяжести, которое является сложным? Видится два решения вопроса: 1) создать группу дознавателей (ст. 223.2 УПК РФ), однако это не решит проблему ограниченных сроков данной формы предварительного расследования, и, кроме того, сама идея введения в УПК РФ возможности коллективного дознания вряд ли выглядит обоснованной; 2) прокурор, руководствуясь ч. 4 ст. 150 УПК РФ, может передать уголовное дело для производства предварительного следствия, а руководитель следственного органа, получив данное уголовное дело, может принять решение о создании следственной группы.

⁹ Шамсутдинов М.М. Производство предварительного следствия следственной группой (процессуальные, управленческие и тактико-психологические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005. С. 8.

Признак особой общественной опасности преступления также, на наш взгляд, не является определяющим при создании следственной группы. Термин «общественная опасность» является материально-правовым, а не процессуальным, частично он отражается в тех же категориях преступлений. Что касается «особой общественной опасности», то предлагаемый признак характеризует более социально-правовую природу преступления, нежели юридическую. Кроме того, утверждается, что следственная группа должна создавать для расследования преступления, обладающего социальной и политической значимостью¹⁰. Считаем, что криминологические аспекты совершенного деяния не должны предопределять коллективную форму предварительного следствия. Реализация подобных идей будет нарушать принцип равенства граждан перед законом.

Остановимся на процессуальных проблемах создания следственной группы. Основаниями создания следственной группы, как указано в ч. 1 ст. 163 УПК РФ, являются сложность или большой объем уголовного дела. Среди ученых не наблюдается единства в понимании названных терминов и их соотношения между собой.

В.Г. Зафесов полагает, что на практике уголовное дело нередко сочетает в себе оба признака: и сложность, и большой объем. Общим для названных признаков автор считает многоэпизодность уголовного дела¹¹. И.С. Смирнова приходит к выводу, что сложное уголовное дело обладает специфическими признаками: 1) содержательным (многопредметность дела); 2) структурным (совокупность простых уголовных дел)¹². Другие исследователи ратуют за необходимость разграничения «сложных» и «трудных» дел. При этом при отнесении дела к «трудному» предлагается учитывать личную профессиональную подготовленность лица, осуществляющего уголовное преследование¹³. Полагаем, что подобная неоднозначность используемой терминологии

¹⁰ Хамгоков М.М. Указ. соч. С. 9.

¹¹ Зафесов В.Г. Проблемы расследования многоэпизодных уголовных дел групповым методом: процессуальные и тактические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 11–12.

¹² Смирнова И.С. Досудебное производство по сложному уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 8.

¹³ Терехов А.Ю., Латыпов В.С., Гимазетдинова И.Н. Осуществление досудебного производства в условиях сложности и большого объема уголовного дела. М., 2022. С. 19.

создает проблемы в уяснении сущности основной задачи следственной группы. Кроме того, с точки зрения русского языка понятие «сложный» означает: 1) состоящий из нескольких частей, многообразный по составу частей и связей между ними; 2) трудный, запутанный¹⁴. Исходя из этого, мы склонны считать рассматриваемые понятия тождественными.

Мы солидарны с позицией Ю.А. Цветкова, который пишет, что большой объем уголовного дела в чисто практической плоскости целесообразно рассматривать как один из признаков сложности¹⁵. Таким образом, *основанием создания следственной группы должна являться сложность уголовного дела, рассматриваемая сквозь призму ее правовых и (или) фактических аспектов*.

Согласно ч. 1 и ч. 2 ст. 163 УПК РФ решение о создании следственной группы отражается в постановлении о возбуждении уголовного дела либо в отдельном постановлении о производстве предварительного следствия следственной группой. В состав следственной группы включаются следователи, один из которых назначается руководителем следственной группы. Исходя из буквального толкования уголовно-процессуального закона, все указанные следователи должны являться работниками одного следственного ведомства, поскольку решение о создании группы принимает один руководитель следственного органа.

В практической сфере возникла проблема, связанная с возможностью включения в состав следственной группы следователя-криминалиста. Кассационный суд, рассмотрев соответствующую жалобу, не нашел оснований для признания недопустимым доказательством протокола следственного эксперимента, фиксацию хода проведения которого осуществлял следователь-криминалист¹⁶. По нашему мнению, стоит согласиться с подобной позицией. Следователь-криминалист, обладая известной спецификой, не перестает быть следователем, а поэтому на него в полной мере распространяются положения ч. 5 ст. 163 УПК РФ, как на члена следственной группы.

Деятельность следственной группы возглавляет ее руководитель, назначаемый из числа сле-

дователей руководителем следственного органа. В соответствии с ч. 3 ст. 163 УПК РФ именно руководитель следственной группы принимает уголовное дело к своему производству. Остальные следователи — члены следственной группы дело к своему производству не принимают, их правосубъектность в деле подтверждается в соответствующем постановлении о производстве предварительного следствия следственной группой, где они все указываются¹⁷.

Встречаются ситуации, когда после назначения следователя руководителем следственной группы он принимает дело к своему производству в порядке ч. 2 ст. 156 УПК РФ, не ссылаясь на ч. 3 ст. 163 УПК РФ¹⁸. Судами отмечается, что не следует смешивать процессуальный статус — руководитель следственного органа и должность — следователь. Уголовное дело к производству в таких случаях фактически принимается руководителем следственного органа, что соответствует ч. 3 и 4 ст. 163 УПК РФ¹⁹.

Часть 3 ст. 129 УПК РСФСР 1961 г. закрепляла положение о том, что после создания следственной группы подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу и гражданскому ответчику при разъяснении права на отвод объявляется весь состав следователей. УПК РФ в первоначальной редакции содержал положение, согласно которому состав следственной группы объявляется только подозреваемому и обвиняемому. Сужение круга участников уголовного судопроизводства, имеющих право на ознакомление с составом следственной группы, вызвало справедливые вопросы к законодателю²⁰. Конституционный Суд РФ в своем определении указал, что в случае производства предварительного следствия следственной группой потерпевший должен быть как минимум информирован о том, кто и с какими полномочиями входит в состав следственной группы. Кроме того, было отмечено, что норма ч. 2 ст. 163 УПК РФ не может

¹⁷ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 26 мая 2022 г. по делу № 77-1446/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 11 марта 2021 г. по делу № 77-1312/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 11 апреля 2022 г. по делу № 77-1525/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Тарасов А.А. «Бригадное расследование» в контексте общих проблем следственного аппарата современной России // Правовое государство: теория и практика. 2019. Т. 15, № 1 (55). С. 138.

¹⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 1997. С. 731.

¹⁵ Цветков Ю.А. «Особо важные дела»: уголовно-процессуальный смысл // Уголовное судопроизводство. 2022. № 3. С. 20—21.

¹⁶ Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11 октября 2022 г. по делу № 77-2807/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

истолковываться как исключаяющая право других лиц, выступающих как на стороне обвинения, так и на стороне защиты, знать состав следственной группы и при наличии к тому оснований заявлять отводы входящим в нее лицам²¹. В 2013 г. законодатель внес соответствующие изменения в ч. 2 ст. 163 УПК РФ, легально наделив потерпевшего правом знать состав следственной группы²².

Согласно ч. 2 ст. 163 УПК РФ к работе следственной группы могут быть привлечены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность. Возникает вопрос: имеют ли право подозреваемый, обвиняемый, потерпевший и другие участники уголовного судопроизводства на ознакомление со сведениями о данных оперативных работников? Зачастую им отказывают в подобном ознакомлении. Конституционный Суд РФ, рассматривая соответствующую жалобу, определил, что отказ в сообщении сведений о привлеченных к работе следственной группы должностных лицах органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, не нарушает каких-либо конституционных прав, поскольку данные лица не наделены правом принимать решения по уголовному делу, связанные с производством следственных и иных процессуальных действий²³. Таким образом, отсутствие в гл. 9 УПК РФ положений, предусматривающих отвод таких должностных лиц, не может рассматриваться как нарушение конституционных прав²⁴. С вышеизло-

женным трудно не согласиться. Действительно, оперативные работники, привлекаемые к участию в работе следственной группы, не включаются в ее состав. Однако по поручению следователя (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ) данные работники могут осуществлять отдельные следственные действия. В этом случае им вполне может быть заявлен отвод в порядке ст. 67 УПК РФ при наличии соответствующих на то оснований.

Сформулируем основные выводы, к которым мы пришли в настоящей работе:

1. Следственная группа — это регламентированное уголовно-процессуальным законом формирование следователей, создаваемое на основании постановления руководителя следственного органа, возглавляемое назначаемым им руководителем, для производства предварительного следствия по конкретному сложному уголовному делу.

2. В данной дефиниции находят отражение признаки следственной группы, отличающие ее от следственно-оперативной группы, разновидностей последней, от коллективных форм осуществления предварительного следствия, основанных на криминалистических данных. Таким образом, мы постулируем, что следственная группа обладает уголовно-процессуальной природой.

3. Основанием создания следственной группы должна являться сложность уголовного дела, рассматриваемая сквозь призму ее правовых и (или) фактических аспектов.

4. Деятельность следственной группы возглавляет руководитель следственной группы, который принимает дело к своему производству. В состав следственной группы включаются следователи одного следственного ведомства. Членом следственной группы может быть также следователь-криминалист. Специалист и должностные лица органа, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность, в члены группы не включаются, они привлекаются к участию в ее работе. Поэтому подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, защитнику, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, их представителям может быть объявлен только состав следственной группы.

5. Объявление состава следственной группы должно осуществляться в любой момент ее создания (при возбуждении уголовного дела либо в ходе производства предварительного следствия), а также при любом изменении ее состава.

Список литературы

1. Зафесов В.Г. Проблемы расследования многоэпизодных уголовных дел групповым ме-

²¹ Определение Конституционного Суда РФ от 11 июля 2006 г. № 300-О «По жалобе гражданина Андреева Андрея Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктами 1, 5, 11, 12 и 20 части второй статьи 42, частью второй статьи 163, частью восьмой статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

²² Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52, ч. 1. Ст. 6997.

²³ Определение Конституционного Суда РФ от 27 мая 2010 г. № 627-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Кармановой Ирины Николаевны и Комягина Михаила Михайловича на нарушение их конституционных прав статьями 38, 40 и частью второй статьи 163 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2010 г. № 460-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Быковцева Валерия Геннадьевича на нарушение его конституционных прав частями второй и пятой статьи 163, частью первой статьи 152 и главой 9 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

тодом: процессуальные и тактические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 25 с.

2. Захарова В.О. Коллективные формы расследования: от принятия решения до рекомендаций // Российский следователь. 2021. № 9. С. 3—7. doi: 10.18572/1812-3783-2021-9-3-7.

3. Кашак А.В. Ознакомление участников уголовного судопроизводства с составом следственной группы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 145—154. doi: 10.55001/2312-3184.2022.19.31.013.

4. Кучкина В.Г. Сравнительный анализ следственных и следственно-оперативных групп // Российский следователь. 2011. № 24. С. 2—5.

5. Можаяева И.П. О правовом обеспечении деятельности следственно-оперативных групп // Российский следователь. 2011. № 16. С. 33—35.

6. Савенко Г.М. Следственные группы в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 27 с.

7. Смирнова И.С. Досудебное производство по сложному уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 24 с.

8. Тарасов А.А. «Бригадное расследование» в контексте общих проблем следственного аппарата современной России // Правовое государство: теория и практика. 2019. Т. 15, № 1 (55). С. 135—140.

9. Тарасов А.А. Следственная группа по новому УПК России // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. М., 2002. С. 149—152.

10. Терехов А.Ю., Латыпов В.С., Гимазетдинова И.Н. Осуществление досудебного производства в условиях сложности и большого объема уголовного дела. М.: Юрлитинформ, 2022. 168 с.

11. Улимаев Р.Ю. Следственно-оперативные группы: правовой статус, организация и деятельность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 24 с.

12. Хамгоков М.М. Производство предварительного следствия следственной группой: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 27 с.

13. Цветков Ю.А. «Особо важные дела»: уголовно-процессуальный смысл // Уголовное судопроизводство. 2022. № 3. С. 18—27. doi: 10.18572/2072-4411-2022-3-18-27.

14. Цоколов И.А. Процессуальные и криминалистические особенности расследования пре-

ступлений следственной и следственно-оперативной группой: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 30 с.

15. Шамсутдинов М.М. Производство предварительного следствия следственной группой (процессуальные, управленческие и тактико-психологические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005. 27 с.

References

1. Zafesov, V.G. (2004) Problemy rassledovaniya mnogoepizodnyh ugovolnyh del gruppovym metodom: protsessual'nye i takticheskie aspekty [Problems of investigation of multi-episode criminal cases by group method: procedural and tactical aspects]. Abstract of Ph. D. thesis. Krasnodar, 25 p. (In Russ.).

2. Zaharova, V.O. (2021) Kollektivnye formy rassledovaniya: ot prinjatija reshenija do rekomendatsij [Collective investigation forms: from decision-making to recommendations]. *Rossijskij sledovatel'*, no. 9, pp. 3—7. (In Russ.). doi: 10.18572/1812-3783-2021-9-3-7.

3. Kaschak, A.V. (2022) Oznakomlenie uchastnikov ugovolnogo sudoproizvodstva s sostavom sledstvennoj grupy [Introducing the participants of criminal proceedings with the composition of the investigative group]. *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 3 (102), pp. 145—154. (In Russ.). doi: 10.55001/2312-3184.2022.19.31.013.

4. Kuchkina, V.G. (2011) Sravnitel'nyj analiz sledstvennyh i sledstvenno-operativnyh grupp [Comparative analysis of investigative and investigative-operational teams]. *Rossijskij sledovatel'*, no. 24, pp. 2—5. (In Russ.).

5. Mozhaeva, I.P. (2011) O pravovom obespechenii dejatel'nosti sledstvenno-operativnyh grupp [On the legal support of the activities of investigative and operational groups]. *Rossijskij sledovatel'*, no. 16, pp. 33—35. (In Russ.).

6. Savenko, G.M. (2007) Sledstvennye grupy v ugovolnom protsesse [Investigative groups in the criminal process]. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 27 p. (In Russ.).

7. Smirnova, I.S. (2013) Dosudebnoe proizvodstvo po slozhnomu ugovolnomu delu [Pre-trial proceedings in a complex criminal case]. Abstract of Ph. D. thesis. Chelyabinsk, 24 p. (In Russ.).

8. Tarasov, A.A. (2019) “Brigadnoe rassledovanie” v kontekste obschih problem sledstvennogo apparata sovremennoj Rossii [“Team investigation” in the context of general problems of the investigative

branch of modern Russia]. *Pravovoe gosudarstvo: teorija i praktika*, vol. 15, no. 1 (55), pp. 135–140. (In Russ.).

9. Tarasov, A.A. (2002) Sledstvennaja gruppa po novomu UPK Rossii [Investigation team on the new Code of Criminal Procedure of Russia]. In: *Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii, posvjashhennoj prinjatiju novogo Uголовно-protseссual'nogo kodeksa Rossijskoj Federatsii*. Moscow, pp. 149–152. (In Russ.).

10. Terehov, A.Ju., Latypov, V.S., Gimazetdinova, I.N. (2022) Osuschestvlenie dosudebnogo proizvodstva v uslovijah slozhnosti i bol'shogo ob'ema uголовного дела [Implementation of pre-trial proceedings in conditions of complexity and large volume of a criminal case]. Moscow, JurLitinform, 168 p. (In Russ.).

11. Ulimaeв, R.Ju. (2001) Sledstvenno-operativnye gruppy: pravovoj status, organizatsija i dejatel'nost' [Investigative-operational groups: legal status, organization and activities]. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 24 p. (In Russ.).

12. Hamgokov, M.M. (2009) Proizvodstvo predvaritel'nogo sledstvija sledstvennoj gruppoj [Preliminary investigation by the investigative group]. Abstract of Ph. D. thesis. Krasnodar, 27 p. (In Russ.).

13. Tsvetkov, Ju.A. (2022) "Osobo vazhnye dela": uголовно-protseссual'nyj smysl [Major cases: the criminal procedure sense]. *Uголовное sudoproizvodstvo*, no. 3, pp. 18–27. (In Russ.). doi: 10.18572/2072-4411-2022-3-18-27.

14. Tsokolov, I.A. (2001) Protseссual'nye i kriminalisticheskie osobennosti rassledovanija prestuplenij sledstvennoj i sledstvenno-operativnoj gruppoj [Procedural and forensic features of the investigation of crimes by the investigative and investigative-operational group]. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 30 p. (In Russ.).

15. Shamsutdinov, M.M. (2005) Proizvodstvo predvaritel'nogo sledstvija sledstvennoj gruppoj (protseссual'nye, upravlencheskie i taktiko-psihologicheskie aspekty) [Preliminary investigation by the investigative team (procedural, managerial and tactical-psychological aspects)]. Abstract of Ph. D. thesis. Izhevsk, 27 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Г. Кулев — доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A.G. Kulev – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the P.G. Demidov Yaroslavl State University, Candidate of Law, Associate Professor.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Молчанова Т.В. Преступления в сфере экономической деятельности. Статистическая оценка и возможности прогнозирования: монография / под ред. Н.Д. Эриашвили. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2022. 191 с. ISBN 978-5-238-03624-3

Монография посвящена статистическому измерению преступности в сфере экономической деятельности и ее прогнозированию. Изложены вопросы статистической оценки преступлений с учетом особенностей лиц, совершивших их в сфере экономической деятельности. Сфера экономической деятельности статистически измерена состоянием организованной преступности, преступлениями с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Дана общая характеристика статистико-математических методов прогнозирования. Статистико-математические методы прогнозирования преступности рассмотрены в зависимости от вида математического описания. Продемонстрирована методика прогнозирования на определенных статистических показателях преступлений в сфере экономической деятельности, описаны их прогнозные тенденции.

Для научных работников, студентов, преподавателей юридических вузов, практических работников, читателей, интересующихся проблемами экономической преступности в России, а также для самого широкого круга любителей статистики.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 98—105.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2023, no. 3, pp. 98–105.

УДК 343.112
doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.011

NIION: 2015-0064-03/23-144
MOSURED: 77/27-009-2023-03-343

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Вопросы гласности и оперативности рассмотрения судом материалов предварительного следствия

Татьяна Юрьевна Сабельфельд

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия, kassatka@bk.ru

Аннотация. В статье анализируется установленный в настоящее время процессуальный порядок рассмотрения судом материалов следствия о получении согласия на проведение процессуальных действий, ограничивающих конституционные права граждан, на стадии предварительного расследования; рассматривается его эффективность и проблемные вопросы при рассмотрении таких материалов. Исследуются задачи сохранения тайны следствия, а также вопросы оперативного рассмотрения судом таких материалов и их процессуальное оформление.

Ключевые слова: предварительное следствие, суд, конституционные права граждан, тайна следствия, оперативное рассмотрение материалов судом.

Для цитирования: Сабельфельд Т.Ю. Вопросы гласности и оперативности рассмотрения судом материалов предварительного следствия // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 98—105. doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.011.

Issues of transparency and efficiency of the court's consideration of the materials of the preliminary investigation

Tatiana Yu. Sabelfeld

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, kassatka@bk.ru

Abstract. The article analyzes the currently established procedural procedure for consideration by the court of investigation materials on obtaining consent to conduct procedural actions restricting the constitutional rights of citizens at the stage of preliminary investigation; its effectiveness and problematic issues are considered when considering such materials. The tasks of preserving the secrecy of the investigation, as well as the issues of prompt consideration by the court of such materials and their procedural design are investigated.

Keywords: preliminary investigation, court, constitutional rights of citizens, secrecy of the investigation, prompt consideration of materials by the court.

For citation: Sabelfeld, T.Yu. (2023) Issues of transparency and efficiency of the court's consideration of the materials of the preliminary investigation. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 3, pp. 98–105. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.011.

Принцип гласности уголовного судопроизводства является одним из основных постулатов, гарантирующих защиту прав и законных интересов граждан в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства. Он обеспечивается Конституцией РФ и нормами уголовно-процессуального закона, согласно которым общим правилом является рассмотрение всех уголовных дел в открытом судебном

заседании. Соккрытие по делу некоторых сведений от обвиняемого в определенной степени ограничивает его право на участие в доказательственном процессе. Гласность судебного разбирательства является одним из общих условий его проведения¹. В закрытом судебном заседании

¹ Дмитриева А.А. Соотношение гласности и конфиденциальности процесса обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2015. Т. 15, № 4. С. 16.

уголовные дела могут быть рассмотрены только в исключительных случаях, прямо предусмотренных законом, в том числе «когда это противоречит интересам охраны государственной тайны»². Данные требования относятся и к рассмотрению судом материалов по ходатайствам следователя о проведении следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан.

Вместе с тем информация, полученная в ходе предварительного следствия, как правило, является конфиденциальной и не подлежит разглашению третьим лицам, заинтересованным в ее получении, до момента окончания расследования и предоставления материалов уголовного дела обвиняемым, их защитникам и потерпевшим для ознакомления. Поэтому баланс интересов следствия, заинтересованного в максимальной защите от разглашения данных, полученных в ходе расследования, и защиты конституционных прав граждан, касающейся вопросов гласности при проведении следственных действий, которые в этой связи могут быть нарушены, имеет существенное значение при расследовании преступлений. Государственная защита и обеспечение безопасности личности в сфере российского уголовного судопроизводства рассмотрены А.А. Дмитриевой как важнейшая гарантия получения надлежащих доказательств и решения задач предварительного расследования, а также направлены на охрану прав и законных интересов защищаемых лиц в связи с их содействием уголовному правосудию³.

Является общеизвестным фактом то обстоятельство, что на результативность расследования влияет быстрота и неожиданность для виновного лица проведения следственных действий по выявлению и закреплению следов преступления и сбору доказательств. Оперативность проведения следственных действий является залогом качественного расследования. Особенно существенное значение это имеет на первоначальном этапе расследования, когда происходит основной сбор доказательств, и относится к таким следственным действиям, как обыск в жилище, выемка, прослушивание телефонных переговоров и другие, ограничивающие в связи с этим конституционные права граждан. Процессуальный порядок их проведения регламентирован и за-

креплен уголовно-процессуальным законом и активно используется следствием. При их осуществлении следователь обязан соблюдать принцип законности, который выражается в том, что «...все органы государственной власти, должностные лица и граждане обязаны соблюдать Конституцию и законы»⁴. Вместе с тем установленная в настоящее время процедура их проведения является крайне несовершенной, что влияет на результативность расследования.

Сфера уголовного судопроизводства, в отличие от судопроизводства иного вида, традиционно сопряжена с повышенным риском ограничения конституционных прав личности⁵. Так, все вышеуказанные следственные действия, ограничивающие права граждан, проводятся на основании судебного решения. В этой связи эффективность их проведения зависит от надлежащей работы судебных органов, а именно от своевременного разрешения судом ходатайства следователя о даче согласия на их осуществление.

Свое конкретное выражение это нашло в части 2 статьи 29 УПК РФ, предусматривающей обязательное согласие суда на производство осмотра жилища в случае отсутствия согласия проживающих в нем лиц; на обыск и (или) выемку в жилище; на производство обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката; на личный обыск; на выемку предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях; на наложение ареста на корреспонденцию, на ее осмотр и выемку в учреждениях связи; на контроль и запись телефонных и иных переговоров; на получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Как видим, перечень и объем следственных действий, которые ограничивают конституционные права граждан и производятся исключительно с согласия суда, является значительным. Данное обстоятельство свидетельствует о важной роли суда при их осуществлении. От того, насколько оперативно и качественно будет рассмотрено судом ходатайство следователя о даче согласия на производство следственного действия, ограничивающего конституционные пра-

² Уголовный процесс: курс лекций / под ред. В.И. Ролина. СПб, 2001. С. 31.

³ Дмитриева А.А. Теоретическая модель безопасного участия личности в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 32.

⁴ Уголовный процесс: курс лекций / под ред. В.И. Ролина. СПб, 2001. С. 26.

⁵ Романенко Н.В. Конституционно-правовой статус судей и его влияние на особенности их уголовного преследования // Российский судья. 2020. № 9. С. 59.

ва граждан, зависят и результаты расследования уголовного дела в целом.

При этом не нужно забывать, что «...значение следственных действий состоит в том, что они являются основным способом собирания доказательств, а значит, и основным средством установления истины по уголовному делу»⁶.

Общим правилом их проведения является обращение следователя в суд с ходатайством о разрешении таких следственных действий с приложенными к нему материалами уголовного дела, обосновывающими необходимость и законность их осуществления. Получение такого судебного разрешения «...является особым условием предварительного следствия»⁷. Поскольку при их проведении могут быть ограничены конституционные права граждан.

Процедура выполнения указанных следственных действий конкретизирована в отдельных нормах уголовно-процессуального закона, в том числе статьях 182, 183, 185, 186 и 186.1 УПК РФ.

Из данных норм следует, что эти материалы направляются в суд на бумажных носителях. Для органов следствия такая форма их предоставления является крайне неудобной, поскольку следователь вынужден затрачивать значительный объем времени и сил для ксерокопирования таких материалов и их процессуального оформления. Все это в совокупности влияет на оперативность расследования, особенно на стадии выполнения первоначальных следственных действий, когда необходимо их проведение для выявления и закрепления следов преступления. Вместе с тем, учитывая настоящий уровень развития информационных технологий, представляется, что для более быстрого рассмотрения таких материалов они могут быть представлены в суд на цифровых носителях (в электронном виде), что, безусловно, повысит оперативность их оформления следователем и рассмотрения судом. Тем более что уже имеется нормативная правовая база для этого, в том числе федеральные законы «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «Об электронной подписи», которые обеспечивают реальную возможность предоставления в суд таких материалов, их процессуальное оформление и признание в качестве допустимого доказательства по делу.

⁶ Смирнов, А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник. 8-е изд., перераб. М., 2020. С. 448.

⁷ Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2014. С. 400.

Как следует из сложившейся судебной практики, ходатайства следователя рассматриваются дежурными судьями в судебных заседаниях, и сроки их рассмотрения напрямую зависят от количества поступивших судье таких материалов.

Поскольку сохранение в тайне и быстрота осуществления указанных следственных действий имеют важное значение для следствия, в настоящее время встает вопрос о процедуре их рассмотрения, степени гласности и открытости судебных заседаний, в которых рассматриваются такие ходатайства следователя, а также сроков их рассмотрения судом. Суд не является органом уголовного преследования, не должен выступать ни на стороне обвинения, ни на стороне защиты, а может лишь создавать необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления прав⁸.

Судебный порядок рассмотрения ходатайств, в том числе об осуществлении следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, установлен ст. 165 УПК РФ. Такое ходатайство рассматривается не позднее 24 часов с момента его поступления единолично судьей районного суда в открытом судебном заседании⁹.

При рассмотрении такого ходатайства вправе участвовать прокурор и следователь. По результатам рассмотрения ходатайства судья разрешает производство следственного действия или отказывает в его проведении.

Данные положения закона свидетельствуют о том, что для рассмотрения такого ходатайства необходимо проведение полноценного судебного разбирательства, в ходе которого суд разъясняет участникам процесса их права, рассматривает и разрешает их заявления, исследует представленные в суд материалы, заслушивает мнение участников процесса, удаляется в совещательную комнату и принимает решение, которое оглашается судом. Все это приводит к тому, что для рассмотрения одного такого ходатайства необходим значительный промежуток времени. Поэтому, если по объемному уголовному делу необходимо проведение ряда таких мероприятий,

⁸ Смирнов А.В. Вопрос о типологической принадлежности Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и его дальнейших перспективах // Уголовное судопроизводство. 2023. № 1. С. 12.

⁹ Досудебное производство в уголовном процессе: научно-практическое пособие для студентов высших учебных заведений / [Б.Я. Гаврилов и др.]; Академия Следственного комитета Российской Федерации. М., 2015. С. 129.

суд вынужден потратить на это необоснованно длительный период времени, что, безусловно, повлечет за собой задержку проведения следственных действий и снизит эффективность расследования преступлений. При этом, по нашему мнению, такая процедура рассмотрения ходатайств следователя не вызывается объективной необходимостью.

Для следствия существенно важно, чтобы представленная в суд информация, которая по своему характеру, как правило, является тайной следствия, не получила огласку перед третьими лицами, была защищена в ходе рассмотрения такого ходатайства и само ходатайство было рассмотрено максимально быстро, поскольку все эти факторы влияют на выявление и качественное закрепление доказательств по делу.

Ранее, в период действия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, такие ходатайства рассматривались единолично прокурором, который «...санкционировал их проведение, что оформлялось его резолюцией на постановлении и подписью, заверенной печатью прокуратуры»¹⁰. Данная процедура, по нашему мнению, была максимально оперативной и в полном объеме обеспечивала тайну следствия.

В настоящее время процедура получения судебного согласия на проведение следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, менее эффективна и не обеспечивает в полной мере интересы следствия, что негативно влияет на качество расследования тяжких и особо тяжких преступлений, поскольку именно по такой категории дел и проводится большинство указанных следственных действий.

Поскольку рассмотрение данных ходатайств не обеспечивает в полной мере сохранение конфиденциальности представленной в них информации и защиту тайны следствия от ее разглашения третьим лицам, а также оперативность принятия судом решения, так как устанавливает необоснованно длительный срок их рассмотрения, а именно 24 часа, то приходим к выводу, что данные обстоятельства существенно влияют на качество расследования преступлений.

Следует отметить, что в ряде случаев закон позволяет проведение указанных следственных действий на основании постановления следователя без предварительного получения судебного решения в случае их неотложности и невозмож-

ности своевременного и быстрого получения согласия суда. Но такие случаи являются исключением и не могут компенсировать неэффективность общего порядка рассмотрения таких ходатайств судом.

Необходимо обратить внимание, что установленная законом процедура рассмотрения судом таких ходатайств априори не может обеспечить защиту представленной следствием конфиденциальной информации от разглашения третьим лицам.

Обеспечение информационной безопасности Российской Федерации — одна из ключевых задач формирования информационного общества, решение которой предполагает обеспечение информационной безопасности граждан в условиях информационного окружения¹¹.

Сложившаяся судебная практика и разъяснения высшей судебной инстанции свидетельствуют о том, что такие ходатайства рассматриваются в открытом судебном заседании. И лишь в случаях, прямо указанных в части 2 статьи 241 УПК РФ, они рассматриваются в закрытом процессе, о чем суд выносит постановление, «...в котором должны быть указаны конкретные обстоятельства, препятствующие свободному доступу в зал судебного заседания других лиц»¹².

Порядок проведения судебного заседания по рассмотрению таких ходатайств следователя носит общий характер и регламентирован законом, который не предусматривает полноценную защиту тайны следствия. Сама процедура поступления таких ходатайств в суд, их регистрации и рассмотрения не обеспечивает должным образом защиту представленной следствием информации от разглашения перед третьими лицами, заинтересованными в сокрытии доказательств по делу, поскольку к этим материалам имеют доступ и другие сотрудники суда, кроме судьи, рассматривающего данное ходатайство.

Следствие, как правило, всегда заинтересовано в том, чтобы такие ходатайства были рассмотрены в закрытом судебном заседании. Вместе с тем правовых оснований для этого, за исключением случаев, указанных в статье 241 УПК РФ, законом не предусмотрено, что является явным пробелом в действующем уголовно-процес-

¹⁰ Справочная книга криминалиста / отв. ред. Н.А. Селиванов. М., 2001. С. 167.

¹¹ Алиев Т.Т. Информационная деятельность судов в Российской Федерации // Российский судья. 2023. № 6. С. 59.

¹² Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2014. С. 558.

суальном законодательстве, поскольку не обеспечивает в должной мере законные интересы следствия для проведения эффективного и полноценного расследования преступлений.

Так, закон предусматривает проведение закрытого процесса только в случаях, когда может быть разглашена государственная или иная охраняемая федеральным законом тайна; в отношении лиц, не достигших шестнадцати лет; по половым и другим преступлениям, когда могут быть разглашены сведения об интимных сторонах жизни либо сведения, унижающие честь и достоинство граждан; для обеспечения безопасности участников процесса.

На наш взгляд, перечень случаев, который бы позволял суду рассмотреть ходатайство следователя в закрытом судебном заседании, должен быть дополнен и распространяться также на все ходатайства о проведении следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан. Обосновывается это тем, что такие следственные действия должны быть осуществлены максимально оперативно и тайно для лиц, в отношении которых они проводятся. Именно от этих факторов зависит результативность следствия.

Данное дополнение закона является конструктивным и позволит следствию в полной мере реализовать свои функции по расследованию преступлений.

Рассмотрение таких ходатайств следователя в закрытых судебных заседаниях никак не ограничит процессуальные права граждан в ходе предварительного следствия и не нарушит право подозреваемого или обвиняемого на защиту, поскольку порядок их проведения обеспечит судебный контроль, и заинтересованные участники процесса вправе впоследствии в случае своего несогласия обжаловать такие решения суда в вышестоящую судебную инстанцию. Это позволит в полной мере защитить права заинтересованных лиц от возможного их нарушения со стороны сотрудников следствия и обеспечит их право на судебную защиту.

Вместе с тем даже рассмотрение указанных материалов в закрытом судебном заседании свидетельствует о том, что в настоящее время отсутствует предусмотренный законом механизм защиты тайны следствия от несанкционированного ознакомления с ней посторонних лиц и возможной утечки имеющейся в них конфиденциальной информации, поскольку при поступлении в суд к данным материалам имеют доступ кроме судьи и иные лица, круг которых не регламенти-

рован законом и Инструкцией по судебному делу производству в районном суде¹³, которые не несут уголовной ответственности за разглашение указанной информации.

Установленный законом процессуальный порядок рассмотрения уголовных дел в закрытом судебном заседании касается, как правило, исследования уже полученных доказательств по делу, обеспечивая их защиту от необоснованной огласки перед третьими лицами, но не обеспечивает полноценную защиту при рассмотрении ходатайств следователя о получении согласия суда на проведение таких следственных действий для выявления и закрепления доказательств на стадии предварительного расследования.

На наш взгляд, к таким материалам должен быть допущен только судья, рассматривающий такие ходатайства следователя, и прокурор. При этом такие ходатайства должны быть рассмотрены вне рамок судебного заседания единолично дежурным судьей.

О том, что в правоприменительной практике существует такая проблема, свидетельствует сложившаяся судебная практика, согласно которой имеют место случаи разглашения в суде указанной информации заинтересованным лицам, которые использовали ее для сокрытия и уничтожения доказательств своей виновности.

Тот факт, что к указанным материалам имеют доступ и иные лица кроме судьи, круг которых не установлен законом, подтверждают и положения названной Инструкции по судебному делу производству, из которой следует, что поступившие в суд материалы следствия принимаются сотрудником приемной суда, после чего регистрируются и передаются судьям, осуществляющим дежурство. Работник отдела делопроизводства суда проверяет наличие документов, приложений к ходатайству. После их рассмотрения судьей секретарь судебного заседания передает материал в отдел делопроизводства суда для проверки и внесения в регистрационный журнал и ПС ГАС «Правосудие».

Из анализа данных положений следует, что доступ к указанным материалам имеют сотрудники приемной суда, сотрудники канцелярии, секретарь, помощник судьи.

¹³ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 № 36 (ред. от 22.12.2021) «Об утверждении Инструкции по судебному делу производству в районном суде» // СПС «КонсультантПлюс».

Действующее уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает возможности для следователя предупреждать указанных сотрудников суда о неразглашении тайны следствия в порядке, предусмотренном статьей 310 УК РФ, поскольку следователь при направлении ходатайства не знает, кто именно из сотрудников суда может иметь доступ к указанным материалам, что также является пробелом в действующем уголовном и уголовно-процессуальном законе.

При таких условиях обеспечить качественную и надежную сохранность представленной следователем информации не представляется возможным. И в этой части защита от разглашения данных предварительного следствия законом в настоящее время не регулируется, и такая защита фактически отсутствует, что может негативно повлиять на результаты расследования.

Считаем, что даже в случае рассмотрения таких материалов в закрытом процессе суд не обеспечивает полноценную защиту тайны следствия от ее возможного несанкционированного распространения.

Представляется, что целесообразно кардинально изменить порядок рассмотрения таких ходатайств следователя судом, сохраняя при этом полноценный судебный контроль и баланс интересов между гражданами, конституционные права которых могут быть при этом ограничены, и задачами предварительного следствия по эффективному расследованию преступлений в разумные сроки.

Тем более что в настоящее время уже имеется установленный законом порядок рассмотрения аналогичных материалов, апробированный временем и устоявшейся судебной практикой, который обеспечивает в полной мере тайну расследования и по своему характеру является более эффективным и оперативным, чем тот, который установлен уголовно-процессуальным законом, а именно статьей 165 УПК РФ.

Данный порядок предусмотрен статьей 9 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», согласно которой рассмотрение материалов об ограничении конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, на неприкосновенность жилища при проведении оперативно-розыскных мероприятий осуществляется судом.

Данный порядок Инструкцией по судебному делу производству не регламентируется. Материалы сразу поступают судье, который единолично незамедлительно их рассматривает. По результатам рассмотрения судья разрешает проведение соответствующего мероприятия, которое ограничивает конституционные права граждан, либо отказывает. Постановление об этом выдается немедленно после его вынесения.

При рассмотрении данных материалов исключено ознакомление с ними других сотрудников суда, кроме дежурного судьи, что позволяет максимально полно сохранить их конфиденциальность.

По нашему мнению, указанный порядок целесообразно распространить и на рассмотрение аналогичных ходатайств следователя в рамках расследования уголовных дел, поскольку по своей правовой природе они идентичны и преследуют одни и те же цели, а именно максимально оперативно и конфиденциально получить согласие суда на проведение следственных и оперативных действий, ограничивающих конституционные права граждан.

При этом установленный в настоящее время порядок рассмотрения ходатайств при проведении оперативно-розыскных мероприятий является более быстрым и в полной мере обеспечивает тайну представленной в суд информации, что является существенным фактором при проведении расследования.

Тот факт, что ходатайства следователя будут рассмотрены судьей не в рамках судебного заседания, а единолично, никак не повлияет на эффективность судебного контроля, поскольку объект мероприятия (проверяемое лицо) все равно не участвует при их рассмотрении и не должен знать о проводимых в отношении него мероприятиях, связанных с проведением обыска в жилище, выемки, прослушиванием телефонных переговоров и др. Принципы уголовного процесса, касающиеся гласности его проведения, при рассмотрении данных ходатайств в полной мере применены быть не могут, так как цель здесь заключается не только в судебном контроле, но и в сохранении тайны планируемых следственных действий. Поэтому участие в процессе лиц, у которых планируется проведение указанных следственных действий, исключено. Данная норма не нарушает конституционные права граждан, которые гарантируют их право на рассмотрение дела независимым и беспристрастным судом. До тех пор, пока решение о вмешательстве органов

следствия в права граждан остается тайным по законным основаниям, оно не подлежит судебному контролю по инициативе заинтересованного лица и с его участием. Поэтому полномочия суда по одобрению этих следственных мероприятий создают гарантию защиты граждан. Единичное осуществление такого контроля судьей не является нарушением конституционных прав граждан, так как «...судья в этом случае выступает в качестве органа судебной власти»¹⁴.

Предложенный порядок позволит суду быстро и максимально оперативно рассмотреть ходатайство следователя и, сохраняя в полной мере тайну представленной в суд информации, незамедлительно предоставить следствию возможность проведения следственных действий по выявлению и закреплению доказательств по делу.

В этой связи считаем целесообразным изменить установленный порядок рассмотрения таких ходатайств следователя и предоставить судье право на единоличное, вне рамок судебного заседания их рассмотрение, предоставив заинтересованным лицам право на их последующее обжалование в вышестоящую судебную инстанцию.

Таким образом, предлагаем дополнить УПК РФ новой статьей 165.1, в которой установить, что ходатайства следователя о получении согласия на проведение следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, подлежат рассмотрению единолично судьей вне рамок судебного заседания. Данные ходатайства подлежат рассмотрению незамедлительно при их поступлении в суд на основании бумажных или цифровых материалов, представленных в том числе на электронных носителях. По результатам рассмотрения таких материалов судья разрешает проведение следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, или отказывает в их проведении. Постановление об этом выдается судьей следователю незамедлительно.

Кроме того, считаем необходимым дополнить Инструкцию по судебному делу производству отдельной главой, в которой регламентировать порядок единоличного рассмотрения судьей таких материалов, указав о том, что дежурный судья самостоятельно принимает у следователя такие материалы, регистрирует их в журнале и сдает их в

¹⁴ Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: с приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека / вступ. ст. В.Д. Зорькина. М., 2006. С. 186.

канцелярию суда только после проведения следственных действий, санкционированных судом.

По нашему мнению, предложенный порядок рассмотрения судом ходатайств следователя о проведении указанных процессуальных действий является более оперативным и эффективным по сравнению с тем, который применяется в настоящее время.

Список литературы

1. Алиев Т.Т. Информационная деятельность судов в Российской Федерации // Российский судья. 2023. № 6. С. 55—60. doi: 10.18572/1812-3791-2023-6-55-60.
2. Дмитриева А.А. Соотношение гласности и конфиденциальности процесса обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2015. Т. 15, № 4. С. 15—20. doi: 10.14529/law150402.
3. Дмитриева А.А. Теоретическая модель безопасного участия личности в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2017. 53 с.
4. Досудебное производство в уголовном процессе: научно-практическое пособие для студентов высших учебных заведений / [Б.Я. Гаврилов и др.]; Академия Следственного комитета Российской Федерации. М.: ЮНИТИ, 2015. 224 с.
5. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: с приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека / вступительная статья В.Д. Зорькина. М.: Норма, 2006. 448 с.
6. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев; [рук. авт. кол. В.А. Давыдов]. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 1056 с.
7. Романенко Н.В. Конституционно-правовой статус судей и его влияние на особенности их уголовного преследования // Российский судья. 2020. № 9. С. 59—64. doi: 10.18572/1812-3791-2020-9-59-64.
8. Смирнов А.В. Вопрос о типологической принадлежности Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и его дальнейших перспективах // Уголовное судопроизводство. 2023. № 1. С. 11—15. doi: 10.18572/2072-4411-2023-1-11-15.
9. Смирнов, А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник. 8-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 784 с.

10. Справочная книга криминалиста / отв. ред. Н.А. Селиванов. М.: Норма: ИНФРА-М, 2001. 727 с.

11. Уголовный процесс: курс лекций / под ред. В.И. Рохлина. СПб: Сентябрь, 2001. 208 с.

References

1. Aliev, T.T. (2023) Informatsionnaya deyatel'nost' sudov v Rossiyskoy Federatsii [Information activities of courts in the Russian Federation]. *Rossiyskiy sud'ya*, no. 6, pp. 55–60. (In Russ.). doi: 10.18572/1812-3791-2023-6-55-60.

2. Dmitrieva, A.A. (2015) Sootnoshenie glasnosti i konfidentsial'nosti protsessa obespecheniya bezopasnosti uchastnikov ugovolnogo sudoproizvodstva [The ratio of publicity and confidentiality when providing security for participants in criminal proceeding]. *Bulletin of the South Ural State University. Series Law*, vol. 15, no. 4, pp. 15–20. (In Russ.). doi: 10.14529/law150402.

3. Dmitrieva, A.A. (2017) Teoreticheskaya model' bezopasnogo uchastiya lichnosti v rossiyskom ugovolnom sudoproizvodstve [Theoretical model of safe participation of an individual in Russian criminal proceedings]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Moscow, 53 p. (In Russ.).

4. Dosudebnoe proizvodstvo v ugovolnom protsesse [Pre-trial proceedings in criminal procedure]. Scientific and practical manual for university students. Moscow, UNITY, 2015, 224 p. (In Russ.).

5. Kommentariy k Federal'nomu zakonu "Ob operativno-rozysknoy deyatel'nosti": s prilozheniem resheniy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii i Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka [Commentary to the Federal Law "On Operational

Investigative Activities". With the application of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights]. Moscow, Norma, 2006, 448 p. (In Russ.).

6. Lebedev, V.M. (ed.) (2014) Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii [Scientific and practical commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. Moscow, Norma, INFRA-M, 1056 p. (In Russ.).

7. Romanenko, N.V. (2020) Konstitutsionno-pravovoy status sudey i ego vliyanie na osobennosti ikh ugovolnogo presledovaniya [The constitutional law status of judges and its influence on peculiarities of the criminal prosecution of judges]. *Rossiyskiy sud'ya*, no. 9, pp. 59–64. (In Russ.). doi: 10.18572/1812-3791-2020-9-59-64.

8. Smirnov, A.V. (2023) Vopros o tipologicheskoy prinadlezhnosti Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i ego dal'neyshikh perspektivakh [The issue of typological belonging and further outlook of the criminal procedure code of the Russian Federation]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*, no. 1, pp. 11–15. (In Russ.). doi: 10.18572/2072-4411-2023-1-11-15.

9. Smirnov, A.V. & Kalinovskiy, K.B. (2020) Ugolovnyy protsess [Criminal procedure]. Textbook. Eighth edition. Moscow, Norma, INFRA-M, 784 p. (In Russ.).

10. Selivanov, N.A. (2001) Spravochnaya kniga kriminalista [Criminalist's reference book]. Moscow, Norma, INFRA-M, 727 p. (In Russ.).

11. Rokhlin, V.I. (ed.) (2001) Ugolovnyy protsess [Criminal procedure]. Lecture course. Saint Petersburg, Sentyabr', 208 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Т.Ю. Сабельфельд — заведующая кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Новосибирского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Information about the author

T.Yu. Sabelfeld — Head of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of the Novosibirsk Branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor, Colonel of Justice.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 106–112.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2023, no. 3, pp. 106–112.

УДК 343.982
doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.012

НИОН: 2015-0064-03/23-145
MOSURED: 77/27-009-2023-03-344

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Криминалистическая топография в системе криминалистики как науки и учебной дисциплины

Денис Викторович Галкин
Московская академия Следственного комитета Российской
Федерации, Москва, Россия, dvgalkin@bk.ru

Аннотация. В статье анализируется практика использования в следственной деятельности данных спутниковой навигации и космических фотоснимков. Отмечается важное значение таких сведений как доказательственной и ориентирующей информации по уголовным делам. Предлагается объединить связанные с этим научно-правовые закономерности и криминалистические рекомендации понятием «криминалистическая топография». Аргументируется обоснованность выделения криминалистической топографии в качестве обособленной отрасли знаний в рамках учебной дисциплины «Криминалистическая техника».

Ключевые слова: следственная деятельность, технические средства, координаты места преступления, спутниковая навигация, криминалистическая топография, развитие криминалистики.

Для цитирования: Галкин Д.В. Криминалистическая топография в системе криминалистики как науки и учебной дисциплины // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 106–112. doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.012.

Forensic topography in the system of criminalistics as a science and academic discipline

Denis V. Galkin
Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation, Moscow, Russia, dvgalkin@bk.ru

Abstract. The article analyzes the practice of using satellite navigation data and space photographs in investigative activities. The importance of such information as evidentiary and orienting information on criminal cases is noted. It is proposed to combine the related scientific and legal patterns and forensic recommendations in the concept of forensic topography. The validity of the allocation of forensic topography as a separate branch of knowledge within the discipline "Forensic technology" is argued.

Keywords: investigative activities, technical means, coordinates of the crime scene, satellite navigation, forensic topography, development of forensic science.

For citation: Galkin, D.V. (2023) Forensic topography in the system of criminalistics as a science and academic discipline. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 3, pp. 106–112. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.012.

В последние годы в материалах уголовных дел о преступлениях самых разных категорий и видов все чаще встречаются сведения о географических координатах того или иного места или объекта, а также картографические материалы — фрагменты спутниковых или схематических карт местности, отображающих различные обстоятельства, имеющие значение

для уголовного дела. С точки зрения научной систематики указанные области знаний принадлежат таким наукам, как топография, геодезия и картография. Методы топографии использовались в криминалистике и раньше, однако не имели такой распространенности, как сейчас. Технологическим поводом для указанных тенденций стали современные возможности глобальной спутниковой навигации и космической фотосъемки — технологий, созданных во второй

© Галкин Д.В., 2023

половине XX века и уже в нынешнем веке получивших широкое распространение¹. Благодаря этим технологиям значение топографии выросло не только в криминалистике, но и в других областях деятельности. В криминалистике их прикладное применение привело к появлению новых возможностей для получения доказательственной и ориентирующей информации.

Сведения о координатах местонахождения людей и объектов, полученные с помощью спутниковой навигации, поступают в материалы расследований из различных источников. Во-первых, следователи и другие субъекты расследований самостоятельно или с участием специалистов применяют навигационные приборы в ходе осмотра места происшествия. Так, сведения о географических координатах можно встретить в значительной части уголовных дел о преступлениях, совершенных вне населенных пунктов и даже в их пределах, если там затруднена привязка к почтовому адресу (парки, пустыри и пр.). Необходимость фиксации места совершения преступления с помощью спутниковой навигации часто возникает по делам об экологических преступлениях (например, о незаконных порубках лесных насаждений), по делам о происшествиях на авиационном и водном транспорте, дорожно-транспортных происшествиях, а также по делам других видов.

Во-вторых, данные спутниковой навигации могут быть обнаружены среди других следов преступлений в ходе следственного или экспертного осмотра различных технических устройств (например, географические координаты могут отражаться в метаданных фотоснимка в мобильном телефоне подозреваемого). Отдельно следует выделить те преступления, где спутниковая навигация используется самими преступниками — например, незаконный оборот наркотиков путем закладки тайника и передачи покупателю его координат.

Анализ правоприменительной практики демонстрирует высокую распространенность использования технологии спутниковой навигации (или, точнее, сведений, формируемых с ее помощью) в следственной работе и их существенное

значение для получения объективных юридических доказательств и иной имеющей значение для дела информации.

При этом использование данных спутниковой навигации в доказывании по уголовным делам порождает ряд проблемных вопросов технического, тактического, правового характера. Им посвящено значительное число научных и методических работ в сфере уголовного процесса и криминалистики. Так, авторами изучались возможности использования спутниковой навигации при расследовании отдельных видов преступлений², для установления конкретных обстоятельств их совершения³ или проведения отдельных следственных действий⁴, вопросы процессуального плана⁵, организационные аспекты⁶. Перечисленным проблемам полностью или частично посвящен ряд диссертационных исследований⁷.

² Вехов В.Б. Особенности использования средств спутниковой навигации при проведении осмотра места происшествия по делам о преступлениях террористической направленности // Особенности расследования преступлений экстремистской и террористической направленности: сборник материалов научно-практического семинара (Ростов-на-Дону, 24—25 мая 2012 г.). М., 2012. С. 192—196.

³ Гаврилин Ю.В. Использование возможностей средств навигации в установлении обстоятельств совершения преступлений // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: материалы межвузовской научно-практической конференции (Тула, 15 марта 2017 г.). Тула: Тульский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2017. С. 35—39.

⁴ Головчанский А.В. Об использовании средств спутниковой навигации в целях установления и фиксации координат места происшествия // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 2. С. 62—69.

⁵ Зуев С.В. Электронно-технические средства уголовно-процессуального доказывания // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 51—53; Киселев Е.А., Забавина А.Ю. Проблемы законодательной регламентации использования данных спутниковых навигационных систем в раскрытии и расследовании преступлений // Российский следователь. 2015. № 4. С. 7—11.

⁶ Поспеев К.Ю. Современные навигационные средства, используемые в правоохранительных органах: проблемы и перспективы развития // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 4 (7). С. 69—71.

⁷ См., напр.: Дусева Н.Ю. Техничко-криминалистические основы использования глобальной навигационной системы в расследовании и предупреждении преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015; Литвин И.И. Современные технические средства и проблемы их применения в доказывании на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018.

¹ Бессонов А.А. Некоторые перспективные направления дальнейшего развития российской криминалистики // Академическая мысль. 2019. № 3 (8). С. 22—27; Смирнов А.А. Технологические революции как фактор развития криминалистики // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 4. С. 149—155.

Кроме того, рассматриваемым вопросам посвящен ряд работ учебного и методического характера⁸, что связано с объективными потребностями обучения будущих и уже практикующих юристов, которые, в свою очередь, диктуются потребностями правоприменительной практики.

Таким образом, практика использования данных спутниковой навигации и космических снимков является новацией в следственной деятельности. В относительно короткий срок она получила широкое распространение, так как существенно расширяет возможность получения доказательственной и иной информации по уголовным делам. В ее основе лежит прикладное использование методов топографии, геодезии и картографии. При этом возникает целый ряд закономерностей и проблем, требующих научного осмысления. Они носят криминалистический характер и, как результат прикладного применения технических средств и технологий, предметно относятся к разделу «Криминалистическая техника» в рамках учебной дисциплины «Криминалистика». В настоящее время ни одним из существующих разделов этой дисциплины рассматриваемые проблемы не охватываются, они предметно обособлены от других отраслей криминалистики. Указанные обстоятельства свидетельствуют о фактическом обособлении новой области прикладных знаний в рамках дисциплины «Криминалистическая техника».

С точки зрения криминалистической науки такое обособление уже произошло. Об этом говорит значительный объем и многообразие аспектов научных работ по данной тематике, в том числе диссертационных исследований и научных статей, раскрывающих отдельные аспекты объекта и предмета новой области знаний. Развитие любой науки сопровождается появлением в ее структуре новых отраслей и разделов. История криминалистической науки показывает, что ряд важнейших этапов в ее развитии связан с появлением и началом использования в следственной практике новых достижений техники и технологий. Такой путь, например, проделала криминалистическая фотография: от первого удачного опыта фотосъемки на месте преступления до ее признания самостоятельным подразделом криминалистической техники, которому в рамках

учебного процесса по дисциплине «Криминалистика» уделяется большое внимание.

В учебном процессе по юридическим специальностям рассматриваемая проблематика изучается в рамках различных учебных дисциплин и отдельных учебных тем. Например, в ведомственных вузах МВД России отдельные аспекты рассматриваемых вопросов изучаются по темам «Криминалистическая техника», «Криминалистическая тактика», «Специальная техника органов внутренних дел», «Военная топография».

Одним из признаков обособления той или иной области знаний в составе «материнской» науки является уникальность ее понятийного аппарата и, прежде всего, наличие собственного лаконичного наименования, отражающего ее предмет. В криминалистике уже предпринимались попытки предложить новый устойчивый термин, объединяющий теоретические и практические вопросы использования спутниковой навигации для получения доказательств при расследовании преступлений, например — «криминалистическая навигация»⁹. Термин «навигация», как в историческом, так и в современном значении, больше связан с задачей выбора оптимального маршрута движения. Кроме узконаправленных навигационных задач, в криминалистике рассматриваемая область знаний включает вопросы геодезии (определение координат места происшествия), картографии (составление схем и планов места происшествия) и топографии (анализ пространственных характеристик события преступления). В связи с этим наиболее емким и точно отражающим предмет этой области знаний представляется термин «криминалистическая топография». Здесь необходимо отметить, что в военной науке прикладное использование указанных областей знаний также оформилось в самостоятельную отрасль под наименованием «Военная топография».

В криминалистике использование термина «топография» не является новацией. Он использовался для обозначения пространственных характеристик события преступления и работы следователя по их изучению задолго до появления технологий космической фотосъемки и спутниковой навигации. Так, еще в одной из первых отечественных работ по криминалистике «Осно-

⁸ См.: Поспеев К.Ю. Топографическая подготовка сотрудников правоохранительных органов: учебное пособие. Челябинск, 2016; Галкин Д.В. Использование спутниковой навигации при производстве следственных действий: учебно-методическое пособие. М., 2020.

⁹ См.: Пахомов С.В., Гусев А.В. Использование геодезических спутниковых систем при эксцентрическом способе осмотра места происшествия // Общество и право. 2014. № 3 (49). С. 203.

вы уголовной техники», изданной в 1915 году, выдающийся русский ученый-криминалист Сергей Николаевич Трегубов описал работу следователя по фиксации места преступления и составлению его схемы в параграфе «Изучение топографии места преступления».

Таким образом, понятие криминалистической топографии можно сформулировать как раздел криминалистической техники (подраздел криминалистики), изучающий закономерности использования средств спутниковой навигации и данных космической фотосъемки (дистанционного зондирования Земли) для получения доказательственной или ориентирующей информации при расследовании преступлений.

Прикладной характер криминалистической топографии определяется комплексным характером разрешаемых ею вопросов использования технологий спутниковой навигации и космической съемки в криминалистике, объединенных общей целью криминалистического обеспечения следственной деятельности. Содержание криминалистической топографии как отрасли науки и учебной дисциплины, имеющих прикладной характер, определяется конкретными проблемами, возникающими в следственной практике. Формирование новых научных отраслей в системе криминалистики связано с накоплением нового практического опыта следственной работы, требующего научного осмысления возникающих в связи с этим закономерностей и проблем, а также включения новых знаний в образовательные программы различного уровня.

Нужно отметить актуальность топографических методов не только для следственной, но и в целом для правоохранительной деятельности¹⁰. Одним из примеров является работа системы «Безопасный город». С помощью средств спутниковой навигации осуществляется управление мобильными нарядами полиции¹¹. Визуализация на единой карте информации о происшествиях,

¹⁰ Башмаков М.В. Новые направления создания навигационно-мониторинговых систем МВД России с использованием современных навигационных и информационных технологий // Информационные технологии, связь и защита информации МВД России — 2015: тематический сборник / Департамент информационных технологий, связи и защиты информации МВД России. М., 2015. С. 46—49.

¹¹ Дьяченко Д.В. Методические рекомендации по применению спутниковых навигационно-мониторинговых систем на основе радионавигационной системы ГЛОНАСС в интересах органов внутренних дел. М.: НПО «Специальная техника и связь» МВД России, 2009.

расстановке сил и средств значительно повышает эффективность оценки оперативной обстановки и принятия управленческих решений. Данная система мониторинга применяется также с целью контроля за патрулированием территории, конвоированием обвиняемых и осужденных, рациональным использованием транспортных средств и решением других задач полиции. Таким образом, вопросы использования средств спутниковой навигации в правоохранительной деятельности не ограничиваются только возможностями получения доказательств по уголовным делам. Вместе с тем это не размыкает предмет криминалистической топографии. Раскрытие и расследование преступлений является одной из ключевых, главенствующих целей всей системы правоохраны. Многие научные знания, традиционно объединяемые в составе криминалистики, используются не только в следственно-разыскной деятельности, но и на других направлениях правоохранительной деятельности, а также в других отраслевых юридических процедурах, например в гражданском и арбитражном процессах.

Учеными-юристами активно разрабатываются проблемы цифровой криминалистики¹², с которой криминалистическая топография имеет тесную связь, так как технологии спутниковой навигации и космической съемки приобрели свое значение для следственной деятельности именно благодаря цифровизации систем связи, передачи и хранения информации. С этой точки зрения криминалистическая топография является частью «цифровой криминалистики» — для получения географических координат и космических снимков используются цифровые устройства, что определяет общую, цифровую специфику их поиска, изъятия, процессуального закрепления, экспертного исследования и использования в качестве доказательств. С другой стороны, предмет криминалистической топографии достаточно четко очерчен проблемами использования современных средств геодезии и картографии в следственной деятельности и пересекается с предметом цифровой криминалистики лишь частично.

Таким образом, основанием выделения в структуре раздела криминалистической техники обособленной области знаний, посвященной закономерностям и проблемам использования

¹² Скобелин С.Ю. Цифровая криминалистика: объект и направления развития // Российский следователь. 2020. № 4. С. 42—44.

спутниковой навигации в уголовном процессе, являются следующие обстоятельства:

- актуальность указанных вопросов для следственной практики, криминалистической науки и учебного процесса;
- большой объем эмпирического опыта, накопленного следственной практикой, распространенность использования спутниковой навигации в следственной деятельности;
- важное доказательственное значение сведений, получаемых с ее помощью;
- их предметная обособленность от иных тем и вопросов, входящих в раздел «Криминалистическая техника».

Отсутствие единой терминологии и дискуссионный характер изложенных выше тезисов о криминалистической топографии, безусловно, не останавливают формирование, накопление и совершенствование следственной практики по рассмотренным вопросам. В условиях преодоления первоначального недостатка технических навыков следственной работы со спутниковыми данными на первый план выходят проблемы доказательственного значения сведений, полученных с помощью несертифицированных навигационных устройств, и вытекающие из этого проблемы следственной тактики¹³. Кроме этого, важное практическое значение для повышения эффективности следственной работы имеет внедрение криминалистической топографии в образовательный процесс в рамках программ высшего образования, послевузовского повышения квалификации и профессиональной подготовки следователей.

Список литературы

1. Башмаков М.В. Новые направления создания навигационно-мониторинговых систем МВД России с использованием современных навигационных и информационных технологий // Информационные технологии, связь и защита информации МВД России — 2015: тематический сборник / Департамент информационных технологий, связи и защиты информации МВД России. М., 2015. С. 46—49.
2. Бессонов А.А. Некоторые перспективные направления дальнейшего развития российской

¹³ Галкин Д.В. Определение географических координат места совершения преступления: криминалистические и процессуальные особенности: практическое пособие. М., 2022.

криминалистики // Академическая мысль. 2019. № 3 (8). С. 22—27.

3. Вехов В.Б. Особенности использования средств спутниковой навигации при проведении осмотра места происшествия по делам о преступлениях террористической направленности // Особенности расследования преступлений экстремистской и террористической направленности: сборник материалов научно-практического семинара (Ростов-на-Дону, 24—25 мая 2012 г.). М.: Институт повышения квалификации Следственного комитета РФ, 2012. С. 192—196.

4. Гаврилин Ю.В. Использование возможностей средств навигации в установлении обстоятельств совершения преступлений // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: материалы межвузовской научно-практической конференции (Тула, 15 марта 2017 г.). Тула: Тульский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2017. С. 35—39.

5. Галкин Д.В. Использование спутниковой навигации при производстве следственных действий: учебно-методическое пособие. М.: Московская академия СК России, 2020. 59 с.

6. Галкин Д.В. Определение географических координат места совершения преступления: криминалистические и процессуальные особенности: практическое пособие. М.: Московская академия СК России, 2022. 31 с.

7. Головчанский А.В. Об использовании средств спутниковой навигации в целях установления и фиксации координат места происшествия // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 2. С. 62—69.

8. Дусева Н.Ю. Техничко-криминалистические основы использования глобальной навигационной системы в расследовании и предупреждении преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. 193 с.

9. Дьяченко Д.В. Методические рекомендации по применению спутниковых навигационно-мониторинговых систем на основе радионавигационной системы ГЛОНАСС в интересах органов внутренних дел. М.: НПО «Специальная техника и связь» МВД России, 2009. 176 с.

10. Зуев С.В. Электронно-технические средства уголовно-процессуального доказывания // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 51—53.

11. Киселев Е.А., Забавина А.Ю. Проблемы законодательной регламентации использования данных спутниковых навигационных систем в раскрытии и расследовании преступлений // Российский следователь. 2015. № 4. С. 7—11.

12. Литвин И.И. Современные технические средства и проблемы их применения в доказывании на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 219 с.

13. Пахомов С.В., Гусев А.В. Использование геодезических спутниковых систем при эксцентрическом способе осмотра места происшествия // Общество и право. 2014. № 3 (49). С. 203—206.

14. Поспеев К.Ю. Современные навигационные средства, используемые в правоохранительных органах: проблемы и перспективы развития // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 4 (7). С. 69—71.

15. Поспеев К.Ю. Топографическая подготовка сотрудников правоохранительных органов: учебное пособие. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2016. 178 с.

16. Скобелин С.Ю. Цифровая криминалистика: объект и направления развития // Российский следователь. 2020. № 4. С. 42—44. doi: 10.18572/1812-3783-2020-4-42-44.

17. Смирнов А.А. Технологические революции как фактор развития криминалистики // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 4. С. 149—155. doi: 10.54217/2588-0136.2022.34.4.018.

References

1. Bashmakov, M.V. (2015) *Novye napravleniya sozdaniya navigatsionno-monitoringovykh sistem MVD Rossii s ispol'zovaniem sovremennykh navigatsionnykh i informatsionnykh tekhnologii* [New directions of creation of navigation and monitoring systems of the Ministry of Internal Affairs of Russia using modern navigation and information technologies]. In: *Informatsionnye tekhnologii, svyaz' i zashchita informatsii MVD Rossii — 2015. Tematicheskii sbornik*. Moscow, Department of Information Technologies, Communications and Information Protection of the Ministry of Internal Affairs of Russia, pp. 46—49. (In Russ.).

2. Bessonov, A.A. (2019) *Nekotorye perspektivnye napravleniya dal'neyshego razvitiya rossiyskoy kriminalistiki* [Some promising trends for further development of Russian criminalistics]. *Akademicheskaya mysl'*, no. 3 (8), pp. 22—27. (In Russ.).

3. Vekhov, V.B. (2012) *Osobennosti ispol'zovaniya sredstv sputnikovoy navigatsii pri provedenii osmotra mesta proisshestiya po delam o prestupleniyakh terroristicheskoy napravlenosti* [Features of the use of satellite navigation tools when conducting an inspection of the scene of an incident in cases

of terrorist crimes]. In: *Osobennosti rassledovaniya prestupleniy ekstremistskoy i terroristicheskoy napravlenosti. Sbornik materialov nauchno-prakticheskogo seminara, Rostov-na-Donu, May 24—25, 2012*. Moscow, Institute of Advanced Training of the Investigative Committee of the Russian Federation, pp. 192—196. (In Russ.).

4. Gavrilin, Yu.V. (2017) *Ispol'zovanie vozmozhnostey sredstv navigatsii v ustanovlenii obstayatel'stv soversheniya prestupleniy* [Using the capabilities of navigation tools in establishing the circumstances of the commission of crimes]. In: *Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu. Materialy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Tula, March 15, 2017*. Tula, Tula Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), pp. 35—39. (In Russ.).

5. Galkin, D.V. (2020) *Ispol'zovanie sputnikovoy navigatsii pri proizvodstve sledstvennykh deystviy* [The use of satellite navigation in the production of investigative actions]. Moscow, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 59 p. (In Russ.).

6. Galkin, D.V. (2022) *Opreделение geograficheskikh koordinat mesta soversheniya prestupleniya: kriminalisticheskie i protsessual'nye osobennosti* [Determination of the geographical coordinates of the crime scene: forensic and procedural features]. Moscow, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 31 p. (In Russ.).

7. Golovchanskiy, A.V. (2015) *Ob ispol'zovanii sredstv sputnikovoy navigatsii v tselyakh ustanovleniya i fiksatsii koordinat mesta proisshestiya* [On the use of satellite navigation tools in order to establish and fix the coordinates of the scene of the accident]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, no. 2, pp. 62—69. (In Russ.).

8. Duseva, N.Yu. (2015) *Tekhniko-kriminalisticheskie osnovy ispol'zovaniya global'noy navigatsionnoy sistemy v rassledovanii i preduprezhdenii prestupleniy* [Technical and forensic bases of the use of the global navigation system in the investigation and prevention of crimes]. Ph. D. thesis. Volgograd, 193 p. (In Russ.).

9. D'yachenko, D.V. (2009) *Metodicheskie rekomendatsii po primeneniyu sputnikovoykh navigatsionno-monitoringovykh sistem na osnove radionavigatsionnoy sistemy GLONASS v interesakh organov vnutrennikh del* [Methodological recommendations on the use of satellite navigation and monitoring systems based on the GLONASS radio navigation system in the interests of internal affairs bodies]. Moscow, Scientific and Production Association

“Special Equipment and Communications” of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 176 p. (In Russ.).

10. Zuev, S.V. (2016) Elektronno-tekhnicheskie sredstva ugolovno-protsessual'nogo dokazyvaniya [Electronic and technical means of criminal procedural proof]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*, no. 4 (11), pp. 51–53. (In Russ.).

11. Kiselev, E.A. & Zabavina, A.Yu. (2015) Problemy zakonodatel'noy reglamentatsii ispol'zovaniya dannykh sputnikovyykh navigatsionnykh sistem v raskrytii i rassledovanii prestupleniy [Problems of legislative regulation of use of the data of satellite navigation systems in detection and investigation of crimes]. *Rossiyskiy sledovatel'*, no. 4, pp. 7–11. (In Russ.).

12. Litvin, I.I. (2018) Sovremennye tekhnicheskie sredstva i problemy ikh primeneniya v dokazyvanii na dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo sudoproizvodstva [Modern technical means and problems of their application in proving at the pre-trial stages of criminal proceedings]. Ph. D. thesis. Ekaterinburg, 219 p. (In Russ.).

13. Pakhomov, S.V. & Gusev, A.V. (2014) Ispol'zovanie geodezicheskikh sputnikovyykh sistem pri ekstsentricheskom sposobe osmotra mesta proisshes-

viya [The use of geodesic satellite systems when eccentric method of examination of the scene]. *Society and Law*, no. 3 (49), pp. 203–206. (In Russ.).

14. Pospeev, K.Yu. (2015) Sovremennye navigatsionnye sredstva, ispol'zuemye v pravookhranitel'nykh organakh: problemy i perspektivy razvitiya [Modern navigation tools used in law enforcement: challenges and prospects]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*, no. 4 (7), pp. 69–71. (In Russ.).

15. Pospeev, K.Yu. (2016) Topograficheskaya podgotovka sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [Topographic training of law enforcement officers]. Textbook. Chelyabinsk, South Ural State University, 178 p. (In Russ.).

16. Skobelin, S.Yu. (2020) Tsifrovaya kriminalistika: ob'ekt i napravleniya razvitiya [Digital criminalistics: the object and development areas]. *Rossiyskiy sledovatel'*, no. 4, pp. 42–44. (In Russ.). doi: 10.18572/1812-3783-2020-4-42-44.

17. Smirnov, A.A. (2022) Tekhnologicheskie revolyutsii kak faktor razvitiya kriminalistiki [Technological revolutions as a factor in the development of forensics]. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 4, pp. 149–155. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2022.34.4.018.

Информация об авторе

Д.В. Галкин — заведующий кафедрой криминалистики Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

D.V. Galkin — Head of the Department of Criminalistics of the Khabarovsk Branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 113—122.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2023, no. 3, pp. 113—122.

УДК 343.148.33
doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.013

НИОН: 2015-0064-03/23-146
MOSURED: 77/27-009-2023-03-345

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Некоторые теоретические аспекты технологии исследований с применением полиграфа (статья четвертая)

Михаил Валентинович Ковальчук¹, Юрий Иванович Холодный²

¹, ²Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», Москва, Россия

²kholodny@yandex.ru

Аннотация. Статья продолжает обзор теоретических и прикладных аспектов технологии выявления у человека скрываемой информации в ходе исследования с применением полиграфа (ИПП). Коротко рассмотрен семидесятилетний опыт использования полиграфа в Японии и созданная в стране технология использования ИПП в правоохранительной практике, базирующаяся на тестах парадигмы сокрытия информации. Показаны усилия японских специалистов в продвижении используемой ими технологии и научных достижений в области ИПП в международную практику раскрытия и расследования преступлений.

Ключевые слова: полиграф, исследования с применением полиграфа, парадигма сокрытия информации.

Для цитирования: Ковальчук М.В., Холодный Ю.И. Некоторые теоретические аспекты технологии исследований с применением полиграфа (статья четвертая) // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 113—122. doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.013.

Some theoretical aspects of the polygraph research technology (the fourth article)

Mikhail V. Kovalchuk¹, Yuri I. Kholodny²

¹, ²National Research Center “Kurchatov Institute”, Moscow, Russia

²kholodny@yandex.ru

Abstract. The article continues the review of the theoretical and applied aspects of the technology of detecting hidden information in a person during research using a polygraph. The seventy-year experience of using a polygraph in Japan and the technology of using a polygraph in law enforcement practice created in the country, based on the principles of the concealed information paradigm, are briefly considered. The efforts of Japanese specialists in promoting the technology they use and scientific achievements in the field of research using a polygraph in the international practice of crime detection and investigation are shown.

Keywords: polygraph, research using a polygraph, concealed information paradigm.

For citation: Kovalchuk, M.V. & Kholodny, Yu.I. (2023) Some theoretical aspects of the polygraph research technology (the fourth article). *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 3, pp. 113—122. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.013.

В предыдущей статье данного цикла¹ было высказано предложение отдельно рассмотреть зарубежные работы в области исследований с применением полиграфа (ИПП),

¹ См.: Майлис Н.П., Холодный Ю.И. Некоторые теоретические аспекты технологии исследований с применением полиграфа // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 1. С. 147—152; Холодный Ю.И. Некоторые теоретические аспекты техно-

которые нацелены «на диагностику наличия у человека утаиваемых им сведений» и «проводятся в рамках „криминалистической” парадигмы — парадигмы скрываемой информации»².

логии исследований с применением полиграфа (статья вторая) // Там же. 2021. № 2. С. 119—124.

² Ковальчук М.В., Холодный Ю.И. Некоторые теоретические аспекты технологии исследований с применением полиграфа (статья третья) // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 3 (33). С. 90.

В этом плане наибольший интерес представляют работы, проводимые учеными и специалистами Японии, которые, обратив внимание на зарождающийся метод ИПП еще в 1920-е годы, впервые применили его в реальных условиях в 1930-х гг. и приступили к его внедрению в полицейскую практику в 1950-х гг.³

Накопленный за истекшие десятилетия в этой стране опыт в области диагностики с помощью полиграфа у человека скрываемой им информации может представлять интерес для отечественных криминалистов и следователей в плане дальнейшего совершенствования использования технологии ИПП в правоохранительной практике.

Полиграф в Японии: вторая половина XX в.

В силу специфики национальных традиций и культурных особенностей, присущих Японии, использование ИПП в этой стране обладает целым рядом существенных отличий от того, что сложилось в данной области в мировой практике к настоящему моменту. Небольшой обзор⁴ опыта применения полиграфа в Японии был представлен в отечественной юридической периодике в 2008 г., и он наглядно показал особенности развития и применения метода ИПП в этой стране.

Во-первых, в Японии ИПП не применяли и не применяют в сфере частного предпринимательства. Причиной тому — «национально-культурные особенности: между работодателем и работающим персоналом устанавливается высокий уровень доверия, производственные отношения, как правило, носят долгосрочный характер и подобны тем, которые складываются в семье»⁵, и, как следствие этого, «при таких обстоятельствах было бы немыслимо подвергнуть будущего или работающего сотрудника такой оскорбительной процедуре, как проверка на полиграфе»⁶.

³ Fucumoto J. Psychophysiological detection of deception in Japan: the past and the present // Polygraph. 1982. Vol. 11, no. 3. P. 234—238.

⁴ Холодный Ю.И. Применение психофизиологического метода детекции лжи в Японии // Вестник криминалистики. 2008. Вып. 4 (28). С. 30—35.

⁵ Там же. С. 33.

⁶ Ben-Shakhar G., Furedy J.J. Theories and application in the detection of deception: a psychophysiological and international perspective. New York: Springer-Verlag, 1990. P. 130.

Во-вторых, в отличие от России, США и ряда других стран, где полиграф используют в качестве одного из методов отбора (скрининга) кадров, в Японии полиграф используют только в ходе уголовных расследований. Именно это объясняет, почему в стране насчитывалось всего около 100 полиграфологов (десятая часть из них — женщины) и все они работали в полиции.

В-третьих, отсутствие применения полиграфа в ходе кадрового отбора в государственном и частном секторах страны предопределило относительно небольшое применение полиграфа: в Японии десятилетиями ежегодно проводят около 5000 ИПП (а в США, например, в год — более 1 000 000 ИПП).

В-четвертых, когда необходимо провести ИПП, полицейское подразделение обращается к «начальнику криминалистической лаборатории префектуры... в полицейский участок направляется специалист по проверке на полиграфе, и следователи предоставляют ему информацию о преступлении. Затем эксперт посещает место преступления (по возможности в присутствии жертвы)... (и) японские полиграфологи тратят огромное количество времени на подготовку тестов, включая осмотр места преступления»⁷.

Наконец, в-пятых, решением Верховного суда Японии 1968 года результаты ИПП принимаются судами различных инстанций в качестве доказательств. При этом подготовка полиграфологов осуществляется под контролем Национального исследовательского института полицейских наук (НИИПН) в рамках трех учебных курсов.

Однако перечисленным не исчерпываются особенности практики использования ИПП в Японии.

Краткая характеристика современной японской технологии ИПП

В рамках данного цикла статей особый интерес представляет методический аспект ИПП, проводимых в Японии.

На протяжении десятилетий японские полиграфологи применяют тесты парадигмы сокрытия информации (СИ-парадигма), т. е. методики выявления скрываемой информации (МВСИ): это — тест на «знания виновного» (ТЗВ)⁸. В япон-

⁷ Hira S., Furumitsu I. Polygraphic examinations in Japan: application of the guilty knowledge test in forensic investigations // International Journal of Police Science and Management. 2002. Vol. 4, no. 1. P. 19—20.

⁸ Hira S., Furumitsu I. Op. cit. P. 16—27.

ской и мировой практике в последние годы его именуют также тестом скрываемой информации (concealed information test, СИТ)⁹.

Далее в статье этот тест обозначается как ТЗВ (СИТ).

В былые годы японские специалисты лишь в некоторых ситуациях пользовались тестами парадигмы дифференциации лжи (ДЛ-парадигма), т. е. методики контрольных вопросов (МКВ), иногда именуемой в настоящее время методикой вопросов сравнения: по оценке начала XXI века, «около 40 % полиграфологов никогда не применяли МКВ, даже если количество признаков преступления для применения МВСИ недостаточно... В Японии МКВ является дополнительной методикой и применяется в качестве средства защиты от ошибок „пропуска цели” МВСИ... Если при использовании МКВ у проверяемого человека реакции на проверочные вопросы незначительны, то тогда делается заключение, что он или она не лживы. Результат МКВ оценивают в поддержку невиновности проверяемого, а выраженные реакции на проверочные вопросы этой методики японские полиграфологи не расценивают как значимые для принятия (обвинительного — *авт.*) решения»¹⁰.

Наметившаяся к концу XX века тенденция отхода технологии ИПП от тестов ДЛ-парадигмы привела к тому, что в XXI веке ТЗВ (СИТ) стал «единственным методом проверки на полиграфе в Японии... (и) японские полиграфологи больше не используют тесты МКВ... которые являются наиболее часто применяемым методом проверки на полиграфе во всем мире. Причина прекращения применения этого теста заключается в том, что в Японии проверки на полиграфе используются не в качестве тестов на детекцию лжи, а в качестве тестов на выявление информации в ходе уголовных расследований... Определение того, лгут испытуемые или нет, больше не является основной целью СИТ в Японии»¹¹.

Из сказанного следует, что, позаимствовав истоки технологии ИПП в США, японские спе-

циалисты пошли своим путём и создали оригинальную модификацию этой технологии на базе использования ТЗВ (СИТ).

Предназначение, структура и порядок проведения ТЗВ (СИТ) в целом хорошо известны отечественным специалистам, поэтому далее лишь коротко остановимся на некоторых особенностях реализации этого теста в Японии.

Исходя из того, что ТЗВ (СИТ) — «это просто тест на память, используемый для выявления того, обладает ли испытуемый определенной информацией»¹², японские специалисты используют его практически по всем видам преступлений, включая убийство, грабеж, поджог, изнасилование, вымогательство, кражу, похищение с целью получения выкупа, запугивание и проч.

«Причина столь широкого применения СИТ в Японии связана с отличительными особенностями японского СИТ»: первая — это «эффективное использование поисковых СИТ» и вторая — ТЗВ (СИТ) «больше фокусируется на аспектах деталей расследуемого события, которые исследуемый человек «распознает или не в состоянии распознать... Это методологическое различие является сложным и труднообъяснимым; однако оно является ключом к пониманию того, почему СИТ широко используется в Японии». В целом «не будет преувеличением заявить, что широкое использование СИТ для уголовных расследований в Японии стало возможным благодаря эффективному использованию поисковых вопросов»¹³.

Итак, получив распоряжение о проведении ИПП и посетив место происшествия, полиграфолог определяет признаки правонарушения и готовит материал к предстоящему исследованию — не только вопросники тестов, но и «визуальный материал (фотографии, карты, схемы), — и подготовка такого материала отнимает у полиграфолога 2—3 дня»¹⁴.

ИПП проводят до допроса исследуемого лица. «Одной из причин проведения проверки на полиграфе на самом первом этапе является недопущение того, чтобы исследуемый узнал важную информацию о преступлении... Исследуемого информируют о причинах проведения процедуры, и он получает общее описание проверки на полиграфе. Затем исследуемого просят под-

⁹ Osugi A. Field findings from the Concealed Information Test in Japan // Detecting concealed information and deception. Recent developments. London: Academic Press, 2018. P. 97—121.

¹⁰ Nakayama M. Practical use of the Concealed Information Test for criminal investigation in Japan // Handbook of polygraph testing / edited by M. Kleiner. Academic Press, 2002. P. 60—61, 72.

¹¹ Osugi A. Field findings from the Concealed Information Test in Japan. P. 97.

¹² Osugi A. Field findings from the Concealed Information Test in Japan. P. 98.

¹³ Osugi A. Field findings from the Concealed Information Test in Japan. P. 100, 108.

¹⁴ Nakayama M. Op. cit. P. 75.

писать форму согласия. Как правило, проверка на полиграфе не проводится с исследуемым, который не дает согласия на проведение тестов. До сих пор процент отказов от тестов составлял менее 5 процентов»¹⁵.

Перед началом ИПП полиграфолог проводит с исследуемым беседу и устанавливает, что тому известно о событии, причастность к которому предстоит определить. Если в беседе выясняется, что данному человеку известны какие-то детали (признаки) устанавливаемого события, полиграфолог исключает их из перечня признаков, и ТЗВ (СИТ) по ним не проводит.

Начиная непосредственно ИПП, полиграфолог проводит ТЗВ (СИТ) со скрываемой цифрой, делая от 3 до 5 его предъявлений. В ходе ИПП обычно выполняют более пяти ТЗВ (СИТ), каждый из которых может содержать от 4 до 6 вопросов. Перед каждым из тестов полиграфолог:

а) знакомит исследуемого человека с перечнем вопросов конкретного СИТ и проверяет, понимает ли тот их содержание;

б) устанавливает, может ли проверяемый определить, какой признак события подвергается исследованию, и, если такое происходит, исключает такой признак (и соответствующий ТЗВ (СИТ)) из ИПП;

в) выясняет, есть ли в конкретном ТЗВ (СИТ) значимые (по любым причинам) вопросы для проверяемого, и, если таковые имеются, удаляет их, заменяя новыми, незначимыми.

Завершив проведение каждого ТЗВ (СИТ), полиграфолог выясняет у исследуемого человека, есть ли у него какие-либо замечания. Обычно всё ИПП занимает 90—120 мин. До сих пор «японские полиграфологи в основном оценивают различия в вегетативных реакциях путем визуального осмотра». Такой подход объясняется тем, что «реактивность испытуемого может меняться между первой и второй половиной ИПП из-за привыкания и усталости. Визуальный контроль позволяет эксперту гибко» изменять тактику и учитывать «тенденцию изменения реакций испытуемого в текущий момент»¹⁶.

Выполнив примерно в течение часа визуальный осмотр и оценку реакций, полиграфолог «немедленно делает устный отчет следователям о результатах исследования (например, положительных, отрицательных или неубедительных).

¹⁵ Hira S., Furumitsu I. Op. cit. P. 20.

¹⁶ Matsuda I., Ogawa T., Tsuneoka M. Broadening the use of the Concealed Information Test in the field // *Frontiers in Psychiatry*. 2019. Vol. 10, art. 24. P. 4.

После этого эксперт готовит документ о выполненной проверке на полиграфе и отправляет его в соответствующий полицейский участок»¹⁷. Следует отметить, что еще в начале 2010-х годов полиграфологи «не использовали какую-либо стандартизованную систему оценки»¹⁸ ТЗВ (СИТ).

Если результат СИТ показывает, что исследуемому человеку «известен конкретный факт, следователи расширяют расследование, чтобы выяснить причину (например, почему испытуемый совершил кражу или был ли он соучастником)»¹⁹. Именно этим определяется широкое применение японскими специалистами поисковых ТЗВ (СИТ).

Противоборство парадигм

Ретроспективный обзор работ по тематике ИПП, опубликованных в предыдущие годы, позволил получить интересные данные.

Например, в 1997 г. известные специалисты в области ИПП В. Яконо и Д. Ликкен провели опрос²⁰ членов Общества психофизиологических исследований (Society for Psychophysiological Research (SPR)) и Отделения общей психологии Американской психологической ассоциации (American Psychological Association (APA) Division of General Psychology) об их мнении в отношении теста ТЗВ (СИТ) и тестов МКВ (т. е. тестов СИ- и ДЛ-парадигм).

Результаты по обеим группам специалистов оказались весьма похожими: большинство опрошенных (77 % и 72 % соответственно) признали, что ТЗВ (СИТ) построен на научно обоснованных психологических принципах. Напротив, только 36 % опрошенных из SPR и 30 % из APA высказали аналогичное мнение в отношении МКВ. Эти результаты показали, что большинство психологов в Северной Америке отдали предпочтение ТЗВ (СИТ).

Одним из важнейших достоинств ТЗВ (СИТ) является то, что он выдаёт меньше ложноположительных ошибок (т. е. объявляет невиновного виновным), чем тесты МКВ: еще в 1990 г. было указано, что ТЗВ (СИТ) может лучше защитить неви-

¹⁷ Hira S., Furumitsu I. Op. cit. P. 21.

¹⁸ Osugi A. Daily application of the Concealed Information Test: Japan // *Memory detection: theory and application of the Concealed Information Test*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 266.

¹⁹ Matsuda I., Ogawa T., Tsuneoka M. Op. cit. P. 3.

²⁰ Iacono W.G., Lykken D.T. The validity of the lie detector: two surveys of scientific opinion // *Journal of Applied Psychology*. 1997. Vol. 82, no. 3. P. 426—433.

новых, и на основании этого даже было рекомендовано отказаться от применения тестов МКВ²¹.

Прошли годы, и благодаря стараниям японских специалистов всё настойчивее стала продвигаться мысль о том, что при ИПП речь надо вести не о детекции лжи, а о диагностике и изучении того, что хранится в памяти человека. В итоге в 2011 г. появился подготовленный учеными разных стран первый сборник статей по тематике ИПП под названием «Детекция памяти: теория и применение теста скрываемой информации»²², а в 2018 г. — сборник «Обнаружение скрытой информации и обмана. Последние события»²³.

Однако продвижение тестов ТЗВ (СИТ) еще с 1990-х годов встретило сопротивление в США, и японские полиграфологи аргументированно разъясняли несостоятельность критики использования тестов СИ-парадигмы (в частности, критики известных полиграфологов Дж. Кирчера и Д. Раскина²⁴). По мнению японских ученых, «одна из причин, выдвигаемых в пользу ограниченного применения ТЗВ, заключается в том, что детали преступления могли быть забыты преступником из-за эмоционального стресса, замешательства, невнимательности или опьянения во время совершения преступления». Вторая причина — сформировавшееся убеждение, что «основные детали преступления становятся доступными средствами массовой информации, так что даже невиновный подозреваемый знает о важных деталях»²⁵.

Однако исследования специалистов Японии и других стран²⁶ «показали, что воспоминания о тривиальной информации подавляются, в то время как воспоминания о важной информации усиливаются в состоянии стресса. Более того, память, связанная с сильными эмоциями, сохраняется в течение длительного времени, (и) исследования, касающиеся памяти очевидцев, указывают, что критика Дж. Кирчера и Д. Раскина относительно неприменимости ТЗВ не всегда вер-

на»²⁷. Но попытки доказать ущербность использования ТЗВ (СИТ) в следственной практике предпринимаются до сих пор²⁸.

Замечания противников ТЗВ (СИТ) о том, что детали преступления могли быть забыты преступником из-за эмоционального стресса, замешательства, невнимательности или опьянения во время совершения преступления, говорят лишь о слабом знании технологии проведения этого теста и принципов отбора признаков устанавливаемого события для ИПП. Давно и хорошо известно, что «след эмоциональной памяти не стирается и не подвержен амнезии, и это подтверждается практикой ИПП: неоднократно с помощью полиграфа успешно диагностировали у человека скрываемую информацию о значимых для него событиях, удаленных в прошлое на 15—20 и более лет»²⁹.

Как мы уже отмечали ранее³⁰, американские ученые, понимая различие ДЛ-парадигмы и СИ-парадигмы, предприняли попытку свести их воедино и предложили³¹ для них единую теоретическую базу, однако ученые и специалисты НИИПН Японии дали обстоятельную критику этой попытки. По их мнению, «объединение ТЗВ (СИТ) и тестов МКВ в одну категорию, а именно в категорию методов полиграфа, вводит в заблуждение и может привести к дальнейшей путанице... Эти два метода кардинально отличаются по своим целям, (и) ТЗВ (СИТ) никогда не следует

²¹ Ben-Shakhar G., Furedy J.J. Theories and application in the detection of deception: a psychophysiological and international perspective. New York: Springer-Verlag, 1990.

²² Memory detection: theory and application of the Concealed Information Test / edited by B. Verschuere, G. Ben-Shakhar, E. Meijer. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

²³ Detecting concealed information and deception. Recent developments / edited by J. Peter Rosenfeld. London: Academic Press, 2018. 440 p.

²⁴ Kircher J.C., Raskin D.C. Polygraph techniques: history, controversies and prospects // Psychology and social policy. New York: Hemisphere, 1992. P. 295—307.

²⁵ Hira S., Furumitsu I. Op. cit. P. 23.

²⁶ Heuer F., Reisberg D. Vivid memories of emotional events: the accuracy of remembered minutiae // Memory and Cognition. 1990. Vol. 18, no. 5. P. 496—506; Christianson S.-A. Emotional stress and eyewitness memory: a critical review // Psychological Bulletin. 1992. Vol. 112, no. 2. P. 284—309.

²⁷ Hira S., Furumitsu I. Op. cit. P. 23.

²⁸ The Concealed Information Test is susceptible to misleading information / K. Volz, L.-M. Bahr, M. Heinrichs, D. Vaitl, W. Ambach // Journal of Forensic Sciences. 2018. Vol. 63, no. 5. P. 1419—1428.

²⁹ Холодный Ю.И. Криминалистическая психофизиология (глава 23) // Психофизиология: учебник для вузов / под ред. Ю.И. Александрова. 5-е изд. СПб, 2022. С. 506.

³⁰ Ковальчук М.В., Холодный Ю.И. Психофизиологическая детекция лжи с применением полиграфа: изъяны и стагнация // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2022. № 4. С. 88—93.

³¹ Palmatier J.J., Rovner L. Credibility assessment: Preliminary Process Theory, the polygraph process, and construct validity // International Journal of Psychophysiology. 2015. Vol. 95, no. 1. P. 3—13.

заменять МКВ и наоборот при их практическом использовании в уголовных расследованиях»³².

Отдавая должное японским специалистам, Д. Крейпол (бывший президент Американской ассоциации полиграфологов), прямо указав, что ТЗВ (СИТ) «довольно прост в применении и интерпретации, и это наиболее научно обоснованный из всех методов „детекции лжи”»³³, обстоятельно изложил этот тест в монографии³⁴ и отметил необходимость его внедрения в практику, поскольку «время и затраты на расследование наиболее массовых и тяжких преступлений могут быть существенно сокращены за счет вдумчивого использования следов, имеющихся в памяти подозреваемых»³⁵.

Определенное недоумение в связи с пренебрежением ТЗВ (СИТ), который подкреплен «сильным научным обоснованием и десятилетиями лабораторных исследований», но редко используется вне Японии, высказано даже в университетском учебнике по психофизиологии³⁶.

После неудачной попытки объединить разные парадигмы технологий ИПП на единой теоретической базе противостояние между ними стало очевидным. Возникает вопрос: почему разумное предложение японских полиграфологов о внедрении более результативной (по сравнению с тестами МКВ) технологии ИПП на базе СИ-парадигмы не получило должного развития в оперативно-следственной практике в США и других странах?

Видимо, причин тому несколько.

Во-первых, полиграфологи многих стран ориентированы на использование в ходе ИПП тестов МКВ (их так научили!) и слабо знакомы с технологией таких исследований, созданной японскими специалистами: последние уверены — «одна из возможных причин заключается в том, что мно-

гие специалисты-практики не знают, как применять ТЗВ (СИТ) в полевых условиях»³⁷.

Вторую причину критического отношения к тестам СИ-парадигмы еще в 1990-е годы правильно указал Гуджонссон³⁸: по его мнению, нагрузка на полиграфологов, привыкших работать в ДЛ-парадигме, «резко возросла бы, если бы ТЗВ (СИТ) был принят в качестве стандартного теста вместо тестов МКВ... Многие полиграфологи, особенно в Северной Америке, очевидно, не признают эффективность ТЗВ (СИТ) именно по этой причине»³⁹: им с тестами МКВ работать проще и удобнее.

Из второй причины вытекает третья: активное продвижение ТЗВ (СИТ) в следственную практику могло бы серьезно усугубить положение, которое сложилось в США в области индустрии «детекции лжи», и подорвать доминирование американской школы полиграфологов в мировом профессиональном сообществе. И подтверждением тому служат тщетные усилия по продвижению ТЗВ (СИТ) в практику, которые пока ни к чему не привели.

Криминалистическая парадигма

Очевидно, что ИПП в оперативно-следственной и тем более процессуальной практике должно проводиться при строгом соблюдении положений криминалистики и осуществляться с помощью тестов, исследующих память человека, т. е. реализуемых в СИ-парадигме. В этом случае в должном соответствии с категориальным аппаратом криминалистики происходит диагностика наличия в памяти конкретного исследуемого человека следов событий прошлого, которые он, возможно, пытается скрыть. Конечно, можно в ИПП использовать и тесты ДЛ-парадигмы (именно они сейчас доминируют в мировой практике), однако следует понимать, что в этом случае исследуется качественно иное психическое явление — акт лжи человека.

Следует отметить, что использование в Японии тестов СИ-парадигмы является лучшим подтверждением эффективности теории целенаправленного исследования памяти (ЦИП), разработанной в России еще в 1980-е годы⁴⁰.

³² Ogawa T., Matsuda I., Tsuneoka M. The Comparison Question Test versus the Concealed Information Test? That was the question in Japan: a comment on Palmatier and Rovner (2015) // *International Journal of Psychophysiology*. 2015. Vol. 95, no. 1. P. 29.

³³ Krapohl D.J. The Concealed Information Test: an investigative aid // *The California Investigator*. July 2015. P. 8.

³⁴ Krapohl D.J., Shaw P.K. *Fundamentals of polygraph practice*. San Diego: Academic Press, 2015. P. 167—184.

³⁵ Krapohl D.J. Paradigm shift: searching for trace evidence in human memory // *Police Chief*. February 2016. P. 53.

³⁶ Iacono W.G. *Detection of Deception* // *Handbook of psychophysiology* / edited by J.T. Cacioppo, L.G. Tassinary & G.G. Berntson. Cambridge University Press, 2016. P. 577.

³⁷ Matsuda I., Ogawa T., Tsuneoka M. *Op. cit.* P. 2.

³⁸ Gudjonsson G. *The psychology of interrogations, confessions and testimony*. Wiley, 1992.

³⁹ Hira S., Furumitsu I. *Op. cit.* P. 23.

⁴⁰ Холодный Ю.И. Некоторые теоретические аспекты технологии исследований с применением полиграфа (статья вторая). С. 119—124.

Поэтому сейчас выглядят курьёзно заявления десятилетней давности о роли памяти при ИПП, когда, отвергая теорию ЦИП, говорилось: «...для решения прикладных задач с использованием тестирования на полиграфе принципиальное значение представляет то обстоятельство, что собственно процессы памяти не имеют непосредственной связи с теми механизмами функционирования вегетативной нервной системы, внешние проявления активности которых в виде физиологических реакций регистрирует полиграф»⁴¹.

Прошли годы, и в 2022 г. на 15-м ежегодном семинаре полиграфологов в Национальной школе детекции лжи (НШДЛ) один из противников теории ЦИП констатировал «важнейшую роль памяти в формировании акта лжи».

Следует отметить, что отечественные полиграфологи еще в 1980-е годы накопили большой опыт успешного применения ТЗВ (СИТ) в оперативных условиях. В 1990—2000-е годы тесты СИ-парадигмы стали активно применяться полиграфологами, работавшими под руководством В.А. Варламова, однако использование ТЗВ (СИТ) проводилось с рядом методических нарушений и не способствовало широкому их внедрению в практику ИПП⁴².

В 2015 г. НШДЛ подготовила для полиграфологов 4-томное издание, которое усиленно продвигало в отечественную практику американскую технологию ИПП, но отвергла «детальное рассмотрение японского варианта» применения ТЗВ (СИТ), выдвинув для этого теста новое название: школа стала его именовать «тестом на фактическую осведомленность»⁴³.

В целом используемая в Японии технология ИПП не нашла должного анализа в отечественной специальной литературе. Поэтому, завершая статью, необходимо подчеркнуть, что ТЗВ (СИТ) с «известным решением» и особенно поисковые ТЗВ (СИТ) являются весьма эффективным средством решения оперативно-следственных задач, а также эффективны при производстве судебно-психофизиологических экспертиз. По мнению японских специалистов, хотя с помощью поис-

ковых ТЗВ (СИТ) «не идентифицируется предмет, имеющий отношение к преступлению», тем не менее этот тест позволяет установить, «что знает и чего не знает испытуемый о преступлении. Такой подход порой гораздо более информативен в уголовных расследованиях, чем простое объединение вопросов ТЗВ (СИТ) для вывода о виновности или невиновности»⁴⁴ человека.

Как было упомянуто выше, при построении поисковых ТЗВ (СИТ) возникающее между ними «методологическое различие является сложным и труднообъяснимым». Это означает, что отбор признаков, выносимых на исследование с помощью поисковых ТЗВ (СИТ), требует от полиграфолога умения провести тщательный анализ устанавливаемого события и, далее, проявить творческий подход при формировании вопросов этих тестов.

В связи с вышеизложенным авторы данной статьи считают целесообразным: а) образовать рабочую группу специалистов по изучению технологии ИПП, используемой японскими полиграфологами, и б) на базе полученного группой материала предложить оптимальный алгоритм применения ТЗВ (СИТ) — поисковых и с «известным решением» — в реальных условиях отечественной практики.

Список литературы

1. Варламов В.А. Детектор лжи. 2-е изд. М.: PerSe, 2004. 351 с.
2. Ковальчук М.В., Холодный Ю.И. Некоторые теоретические аспекты технологии исследований с применением полиграфа (статья третья) // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 3 (33). С. 85—90. doi: 10.54217/2411-1627.2021.33.3.013.
3. Ковальчук М.В., Холодный Ю.И. Психофизиологическая детекция лжи с применением полиграфа: изъяны и стагнация // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2022. № 4. С. 88—93. doi: 10.54217/2411-1627.2022.38.4.009.
4. Майлис Н.П., Холодный Ю.И. Некоторые теоретические аспекты технологии исследований с применением полиграфа // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 1. С. 147—152.
5. Пеленицын А.Б., Сошников А.П. Современные технологии применения полиграфа: подробное руководство для полиграфологов-практи-

⁴¹ Пеленицын А.Б., Сошников А.П., Жбанкова О.В. Так что же всё-таки определяет полиграф? // Вестник криминалистики. 2011. Вып. 2 (38). С. 8.

⁴² Холодный Ю.И. Применение психофизиологического метода детекции лжи в Японии. С. 34; Варламов В.А. Детектор лжи. М., 2004. С. 125.

⁴³ Пеленицын А.Б., Сошников А.П. Современные технологии применения полиграфа: подробное руководство для полиграфологов-практиков: в 4 ч. Ч. 4. М., 2015. С. 65.

⁴⁴ Matsuda I., Ogawa T., Tsuneoka M. Op. cit. P. 3.

ков: в 4 ч. Ч. 4: Тест на фактическую осведомленность. Многотемный скрининг. Противодействие полиграфу и способы борьбы с ним. Заключение. М.: Центр прикладной психофизиологии, 2015. 405 с.

6. Пеленицын А.Б., Сошников А.П., Жбанкова О.В. Так что же всё-таки определяет полиграф? // Вестник криминалистики. 2011. Вып. 2 (38). С. 7—18.

7. Холодный Ю.И. Криминалистическая психофизиология (глава 23) // Психофизиология: учебник для вузов / под ред. Ю.И. Александрова. 5-е изд. СПб: Питер, 2022. С. 479—508.

8. Холодный Ю.И. Некоторые теоретические аспекты технологии исследований с применением полиграфа (статья вторая) // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 2. С. 119—124.

9. Холодный Ю.И. Применение психофизиологического метода детекции лжи в Японии // Вестник криминалистики. 2008. Вып. 4 (28). С. 30—35.

10. Ben-Shakhar G., Furedy J.J. Theories and application in the detection of deception: a psychophysiological and international perspective. New York: Springer-Verlag, 1990. 190 p.

11. Christianson S.-A. Emotional stress and eyewitness memory: a critical review // Psychological Bulletin. 1992. Vol. 112, no. 2. P. 284—309. doi: 10.1037/0033-2909.112.2.284.

12. Detecting concealed information and deception. Recent developments / edited by J. Peter Rosenfeld. London: Academic Press, 2018. 440 p. doi: 10.1016/C2016-0-03911-6.

13. Fucumoto J. Psychophysiological detection of deception in Japan: the past and the present // Polygraph. 1982. Vol. 11, no. 3. P. 234—238.

14. Gudjonsson G. The psychology of interrogations, confessions and testimony. Chichester, UK: Wiley, 1992. 362 p.

15. Heuer F., Reisberg D. Vivid memories of emotional events: the accuracy of remembered minutiae // Memory and Cognition. 1990. Vol. 18, no. 5. P. 496—506. doi: 10.3758/bf03198482.

16. Hira S., Furumitsu I. Polygraphic examinations in Japan: application of the guilty knowledge test in forensic investigations // International Journal of Police Science and Management. 2002. Vol. 4, no. 1. P. 16—27. doi: 10.1177/146135570200400103.

17. Iacono W.G. Detection of Deception // Handbook of psychophysiology / edited by J.T. Cacioppo, L.G. Tassinary & G.G. Berntson. Cambridge, UK; New York, NY, USA: Cambridge University

Press, 2016. P. 565—580. doi: <https://doi.org/10.1017/9781107415782.026>.

18. Iacono W.G., Lykken D.T. The validity of the lie detector: two surveys of scientific opinion // Journal of Applied Psychology. 1997. Vol. 82, no. 3. P. 426—433. doi: 10.1037/0021-9010.82.3.426.

19. Kircher J.C., Raskin D.C. Polygraph techniques: history, controversies and prospects // Psychology and social policy. New York: Hemisphere, 1992. P. 295—307. doi: 10.4324/9781315793030-23.

20. Krapohl D.J. The Concealed Information Test: an investigative aid // The California Investigator. July 2015. P. 8.

21. Krapohl D.J., Shaw P.K. Fundamentals of polygraph practice. San Diego: Academic Press, 2015. 364 p.

22. Krapohl D.J. Paradigm shift: searching for trace evidence in human memory // Police Chief. February 2016. P. 53.

23. Matsuda I., Ogawa T., Tsuneoka M. Broadening the use of the Concealed Information Test in the field // Frontiers in Psychiatry. 2019. Vol. 10, art. 24. doi: 10.3389/fpsy.2019.00024.

24. Memory detection: theory and application of the Concealed Information Test / edited by B. Verschuere, G. Ben-Shakhar, E. Meijer. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 319 p.

25. Nakayama M. Practical use of the Concealed Information Test for criminal investigation in Japan // Handbook of polygraph testing / edited by M. Kleiner. San Diego, CA: Academic Press, 2002. P. 49—86.

26. Ogawa T., Matsuda I., Tsuneoka M. The Comparison Question Test versus the Concealed Information Test? That was the question in Japan: a comment on Palmatier and Rovner (2015) // International Journal of Psychophysiology. 2015. Vol. 95, no. 1. P. 29—30. doi: 10.1016/j.ijpsycho.2014.09.006.

27. Osugi A. Daily application of the Concealed Information Test: Japan // Memory detection: theory and application of the Concealed Information Test / edited by B. Verschuere, G. Ben-Shakhar, E. Meijer. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 253—275.

28. Osugi A. Field findings from the Concealed Information Test in Japan // Detecting concealed information and deception. Recent developments / edited by J. Peter Rosenfeld. London: Academic Press, 2018. P. 97—121. doi: 10.1016/B978-0-12-812729-2.00005-7.

29. Palmatier J.J., Rovner L. Credibility assessment: Preliminary Process Theory, the polygraph

process, and construct validity // *International Journal of Psychophysiology*. 2015. Vol. 95, no. 1. P. 3–13. doi: 10.1016/j.ijpsycho.2014.06.001.

30. The Concealed Information Test is susceptible to misleading information / K. Volz, L.-M. Bahr, M. Heinrichs, D. Vaitl, W. Ambach // *Journal of Forensic Sciences*. 2018. Vol. 63, no. 5. P. 1419–1428. doi: 10.1111/1556-4029.13718.

References

1. Varlamov, V.A. (2004) *Detektor lzhi* [Lie detector]. Second edition. Moscow, PerSe, 351 p. (In Russ.).

2. Kovalchuk, M.V. & Kholodny, Yu.I. (2021) Nekotorye teoreticheskie aspekty tekhnologii issledovaniy s primeneniem poligrafa (stat'ya tret'ya) [Some theoretical aspects of the polygraph research technology (the third article)]. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 3 (33), pp. 85–90. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2021.33.3.013.

3. Kovalchuk, M.V. & Kholodny, Yu.I. (2022) Psikhofiziologicheskaya detektsiya lzhi s primeneniem poligrafa: iz'yany i stagnatsiya [Psychophysiological lie detection using a polygraph: flaws and stagnation]. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 4, pp. 88–93. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2022.38.4.009.

4. Maylis, N.P. & Kholodny, Yu.I. (2021) Nekotorye teoreticheskie aspekty tekhnologii issledovaniy s primeneniem poligrafa [Some theoretical aspects of technology studies using a polygraph]. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 1, pp. 147–152. (In Russ.).

5. Pelenitsyn, A.B. & Soshnikov, A.P. (2015) *Sovremennye tekhnologii primeneniya poligrafa* [Modern technologies of polygraph application]. In 4 parts. Part 4. Moscow, Tsentr prikladnoy psikhofiziologii, 405 p. (In Russ.).

6. Pelenitsyn, A.B., Soshnikov, A.P. & Zhabankova, O.V. (2011) Tak chto zhe vse-taki opredelyaet poligraf? [So what does the polygraph determine?]. *Vestnik kriminalistiki*, no. 2 (38), pp. 7–18. (In Russ.).

7. Kholodny, Yu.I. (2022) Kriminalisticheskaya psikhofiziologiya (glava 23) [Criminalistic psychophysiology (chapter 23)]. In: Aleksandrov, Yu.I. (ed.) *Psikhofiziologiya. Uchebnik dlya vuzov. Fifth edition*. Saint Petersburg, Piter, pp. 479–508. (In Russ.).

8. Kholodny, Yu.I. (2021) Nekotorye teoreticheskie aspekty tekhnologii issledovaniy s primeneniem poligrafa (stat'ya vtoraya) [Some theoretical aspects of the polygraph research technology (the second article)]. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 2, pp. 119–124. (In Russ.).

9. Kholodny, Yu.I. (2008) *Primenenie psikhofiziologicheskogo metoda detektsii lzhi v Yaponii* [Application of the psychophysiological method of lie detection in Japan]. *Vestnik kriminalistiki*, no. 4 (28), pp. 30–35. (In Russ.).

10. Ben-Shakhar, G. & Furedy, J.J. (1990) Theories and application in the detection of deception: a psychophysiological and international perspective. New York, Springer-Verlag, 190 p.

11. Christianson, S.-A. (1992) Emotional stress and eyewitness memory: a critical review. *Psychological Bulletin*, vol. 112, no. 2, pp. 284–309. doi: 10.1037/0033-2909.112.2.284.

12. Rosenfeld, J. Peter (ed.) (2018) *Detecting concealed information and deception. Recent developments*. London, Academic Press, 440 p. doi: 10.1016/C2016-0-03911-6.

13. Fucumoto, J. (1982) Psychophysiological detection of deception in Japan: the past and the present. *Polygraph*, vol. 11, no. 3, pp. 234–238.

14. Gudjonsson, G. (1992) *The psychology of interrogations, confessions and testimony*. Chichester, Wiley, 362 p.

15. Heuer, F. & Reisberg, D. (1990) Vivid memories of emotional events: the accuracy of remembered minutiae. *Memory and Cognition*, vol. 18, no. 5, pp. 496–506. doi: 10.3758/bf03198482.

16. Hira, S. & Furumitsu, I. (2002) Polygraphic examinations in Japan: application of the guilty knowledge test in forensic investigations. *International Journal of Police Science and Management*, vol. 4, no. 1, pp. 16–27. doi: 10.1177/146135570200400103.

17. Iacono, W.G. (2016) *Detection of Deception*. In: Cacioppo, J.T., Tassinari, L.G. & Berntson, G.G. (eds.) *Handbook of psychophysiology*. Cambridge, UK; New York, NY, USA, Cambridge University Press, pp. 565–580. doi: https://doi.org/10.1017/9781107415782.026.

18. Iacono, W.G. & Lykken, D.T. (1997) The validity of the lie detector: two surveys of scientific opinion. *Journal of Applied Psychology*, vol. 82, no. 3, pp. 426–433. doi: 10.1037/0021-9010.82.3.426.

19. Kircher, J.C. & Raskin, D.C. (1992) Polygraph techniques: history, controversies and prospects. In: *Psychology and social policy*. New York, Hemisphere, pp. 295–307. doi: 10.4324/9781315793030-23.

20. Krapohl, D.J. (2015) The Concealed Information Test: an investigative aid. *The California Investigator*, July 2015, p. 8.

21. Krapohl, D.J. & Shaw, P.K. (2015) *Fundamentals of polygraph practice*. San Diego, Academic Press, 364 p.

22. Krapohl, D.J. (2016) Paradigm shift: searching for trace evidence in human memory. *Police Chief*, February 2016, p. 53.
23. Matsuda, I., Ogawa, T. & Tsuneoka, M. (2019) Broadening the use of the Concealed Information Test in the field. *Frontiers in Psychiatry*, vol. 10, art. 24. doi: 10.3389/fpsyt.2019.00024.
24. Verschuere, B., Ben-Shakhar, G. & Meijer, E. (eds.) (2011) *Memory detection: theory and application of the Concealed Information Test*. Cambridge, Cambridge University Press, 319 p.
25. Nakayama, M. (2002) Practical use of the Concealed Information Test for criminal investigation in Japan. In: Kleiner, M. (ed.) *Handbook of polygraph testing*. San Diego, CA, Academic Press, pp. 49–86.
26. Ogawa, T., Matsuda, I. & Tsuneoka, M. (2015) The Comparison Question Test versus the Concealed Information Test? That was the question in Japan: a comment on Palmatier and Rovner (2015). *International Journal of Psychophysiology*, vol. 95, no. 1, pp. 29–30. doi: 10.1016/j.ijpsycho.2014.09.006.
27. Osugi, A. (2011) Daily application of the Concealed Information Test: Japan. In: Verschuere, B., Ben-Shakhar, G. & Meijer, E. (eds.) *Memory detection: theory and application of the Concealed Information Test*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 253–275.
28. Osugi, A. (2018) Field findings from the Concealed Information Test in Japan. In: Rosenfeld, J. Peter (ed.) *Detecting concealed information and deception. Recent developments*. London, Academic Press, pp. 97–121. doi: 10.1016/B978-0-12-812729-2.00005-7.
29. Palmatier, J.J. & Rovner, L. (2015) Credibility assessment: Preliminary Process Theory, the polygraph process, and construct validity. *International Journal of Psychophysiology*, vol. 95, no. 1, pp. 3–13. doi: 10.1016/j.ijpsycho.2014.06.001.
30. Volz, K., Bahr, L.-M., Heinrichs, M., Vaitl, D. & Ambach, W. (2018) The Concealed Information Test is susceptible to misleading information. *Journal of Forensic Sciences*, vol. 63, no. 5, pp. 1419–1428. doi: 10.1111/1556-4029.13718.

Информация об авторах

М.В. Ковальчук — президент Национального исследовательского центра «Курчатовский институт», доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН;

Ю.И. Холодный — начальник Лаборатории прикладной и экспериментальной психофизиологии Национального исследовательского центра «Курчатовский институт», доктор юридических наук, кандидат психологических наук.

Information about the authors

M.V. Kovalchuk – President of the National Research Center “Kurchatov Institute”, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;

Yu.I. Kholodny – Head of the Laboratory of Applied and Experimental Psychophysiology of the National Research Center “Kurchatov Institute”, Doctor of Law, Candidate of Psychological Sciences.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 123–128.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2023, no. 3, pp. 123–128.

УДК 343.982.4
doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.014

NIION: 2015-0064-03/23-147
MOSURED: 77/27-009-2023-03-346

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Исследование денежных билетов, изготовленных на основе полимерных субстратов

Алексей Федорович Купин¹, Алексей Анатольевич Осташев²

¹Следственный комитет Российской Федерации, Москва, Россия, alexcrim@rambler.ru

²Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана, Москва, Россия, ostashev.lesha@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены денежные билеты, изготавливаемые на основе применения полимерных субстратов, как один из видов защищенной полиграфической продукции. Рассмотрены такие термины, как «субстрат», «подложка», «полимер» и «пластик», используемые в русском и английском языках применительно к изучаемой проблематике. Описаны некоторые группы полимерных композиций, которые могут применяться для изготовления таких денежных билетов, в частности, описан субстрат Guardian®, процесс изготовления, характеристики и его особенности в печати банкнот. Особое внимание уделено признакам, которые характерны для определенных полимерных составов, на примере полимерных денежных знаков Российской Федерации и других стран. Отдельно выделены элементы защиты, которые используются для предотвращения подделки таких денежных билетов, а также осуществлен сравнительный анализ отдельных элементов защиты, встречающихся в денежных билетах, изготовленных на полимерной и бумажной основе. По итогу работы составлен алгоритм действий, которые могут выполняться в процессе осмотра денежных билетов и их последующего криминалистического исследования с целью определения признаков технической подделки и установления факта подлинности данных.

Ключевые слова: денежный билет, полимерный субстрат, бумага, банкнота, подделка документов.

Вклад авторов: Купин А.Ф. — концепция исследования и обработка материалов; Осташев А.А. — сбор материалов, анализ полученных данных.

Для цитирования: Купин А.Ф., Осташев А.А. Исследование денежных билетов, изготовленных на основе полимерных субстратов // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 123–128. doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.014.

Study of monetary tickets made on the basis of polymeric substrates

Alexey F. Kupin¹, Alexei A. Ostashev²

¹Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, alexcrim@rambler.ru

²Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia, ostashev.lesha@yandex.ru

Abstract. The article presents a study of money tickets made on the basis of polymer substrates as one of the types of protected polygraphic products. Such terms as “substrate”, “substrate”, “polymer” and “plastic” in Russian and English as applied to the problem under study are considered. Some groups of polymer compositions that can be used for making such banknotes are described, in particular Guardian® substrate, its manufacturing process, characteristics and specific features in banknote printing. Special attention is paid to the characteristics of certain polymer compositions by the example of polymer banknotes of the Russian Federation and other countries. The security elements that are used to prevent the counterfeiting of such banknotes were singled out and the comparative analysis of separate security elements, occurring in the banknotes made on the polymeric and paper base, was made. As a result, an algorithm of actions that can be performed during the examination of banknotes and their subsequent forensic examination in order to determine the signs of technical counterfeiting and to establish the fact of data authenticity was compiled.

Keywords: money ticket, polymeric substrate, paper, banknote, document forgery.

Contribution of the authors: Kupin A.F. — research concept and material processing; Ostashev A.A. — material collection and data analysis.

For citation: Kupin, A.F. & Ostashev, A.A. (2023) Study of monetary tickets made on the basis of polymeric substrates. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 3, pp. 123–128. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.014.

© Купин А.Ф., Осташев А.А., 2023

В настоящее время применение полимерных субстратов в процессе изготовления бумажных денег (далее — банкнот) осуществляется во многих государствах мира. Целлюлоза, составляющая основу защищенной бумажной продукции, постепенно дополняется и частично заменяется новыми материалами и веществами, позволяющими повысить прочность банкнот, а следовательно, и время нахождения их в свободном обороте. При этом за счет использования новых материалов и веществ происходит изменение не только внешнего вида банкнот. Изменяются, и порой достаточно существенно, элементы защиты, которые на эти банкноты наносятся в процессе их изготовления. В специальной литературе не уделяется достаточного внимания рассмотрению вопросов, касающихся технологии изготовления банкнот на основе полимерных субстратов, что в ряде случаев приводит к сложностям в ходе осмотра указанных банкнот, а также производства экспертиз и исследований данного вида защищенной полиграфической продукции. Учитывая изложенное, мы рассмотрим ряд вопросов, касающихся технологии изготовления банкнот на основе полимерных субстратов и возможностей их осмотра и экспертного исследования с целью установления признаков технической подделки.

Первоначально следует определить содержание таких терминов, как «субстрат», «подложка», «полимер», «пластик», используемых в русском и английском языках.

В русском языке термин «подложка» (синоним — основа) закреплен в ГОСТ 32794–2014: «изделие или полуфабрикат, на который наносится покрытие из другого материала»¹. Данный гост даёт англоязычный синоним к термину «подложка» — *substrate*. В свою очередь, термин *substrate* (субстрат) Оксфордским словарём английского языка трактуется как «вещество или слой, который находится под чем-то или на котором что-то происходит...» (в оригинале — “a substance or layer which is under something or on which something happens...”²).

¹ ГОСТ 32794-2014. Композиты полимерные. Термины и определения: межгосударственный стандарт: введен в действие в качестве национального стандарта РФ Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 15 октября 2014 г. № 1333-ст // СПС «КонсультантПлюс».

² Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/substrate?q=substrate> (дата обращения: 02.04.2023).

Определение «бумага» в российских гостах многогранно. Так, например, ГОСТ Р 53636–2009 трактует бумагу как «материал в виде цельного листа или полотна, кроме листов или папок целлюлозы, который получают осаждением растительных, минеральных, текстильных и других волокон...». При этом гост содержит обширный перечень видов бумаги, например, архивная, защищённая, тиснёная и т. д.³ Из представленной классификации наиболее подходящим к определению бумаги, предназначенной для печати банкнот, является термин «банковская бумага» (*banknote paper*). В бумажных банкнотах вместо бумаги (в обычном её понимании) используется хлопчатобумажная бумага, которая на 90 % состоит из целлюлозы, природного полимера, сформированного структурными единицами глюкозы бета-формы. Строго говоря, бумага — если речь идёт о целлюлозной бумаге — также является полимером, а бумажные банкноты, изготовленные на ней, полимерными.

В свою очередь, термины «пластиковый» и «полимерный» не являются равнозначными в контексте определения материала, из которого изготовлена банкнота. ГОСТ 24888–81 трактует термин «полимер» как «вещество, характеризующееся многократным повторением одного или более составных звеньев, соединенных между собой в количестве, достаточном для проявления комплекса свойств, который остается практически неизменным при добавлении или удалении одного или нескольких составных звеньев», а также определяет понятие «пластиковая масса» (тождественно понятиям «пластик» и «пластмасса») как «материал, представляющий собой композицию полимера или олигомера с различными ингредиентами, находящуюся при формовании изделий в вязкотекучем или высокоэластичном состоянии, а при эксплуатации — в стеклообразном или кристаллическом состоянии»⁴. Пластик (пластмасса) является разновидностью полимера, а ключевая особенность заключается

³ ГОСТ Р 53636-2009. Целлюлоза, бумага, картон. Термины и определения: национальный стандарт РФ: утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 15 декабря 2009 г. № 987-ст // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ ГОСТ 24888-81. Пластмассы, полимеры и синтетические смолы. Химические наименования, термины и определения: государственный стандарт Союза ССР: введен Постановлением Государственного комитета СССР по стандартам от 22 июля 1981 г. № 3483 с 01.07.1982 // СПС «КонсультантПлюс».

в том, что пластик — это только синтетический продукт (синтетический полимер), в то время как полимер сам по себе может быть как природным (целлюлоза, лён), так и синтетическим (пластик) материалом.

В литературе тесная взаимосвязь данных понятий нашла отражение в изданиях одного из ведущих издательств в области коллекционирования (нумизматики и бонистики) Krause Publications. В Каталоге Краузе (оригинальное название Catalog Krause), в частности, при описании материала денежных знаков, выпускаемых банком Австралии с 1992 года, указывается *polymer plastic*⁵, хотя основой для наиболее распространённого синтетического материала для производства зарубежных банкнот служит двуосноориентированный полипропилен (biaxially oriented polypropylene, BOPP) — в отличие от пластика, из полипропилена путём переработки получается прозрачный материал — от компании Innovia Security под маркой Guardian. Таким образом, формулировка «полимерная банкнота» является более полной по сравнению с формулировкой «пластиковая банкнота» в силу большего описания полимерных материалов. Как правило, полимерный субстрат представляет собой тонкую прозрачную плёнку толщиной около 0,1 мм, содержащую прозрачные и непрозрачные печатные слои, т. е. покрытые белой краской⁶. Также существует гибридный субстрат — материал, состоящий из слоев бумаги и полимера.

Соотношение терминов «субстрат» и «подложка» имеет двойственную природу. Субстрат, как прямой перевод англоязычного термина *substrate*, — это синоним русскоязычного термина «подложка», или «основа», однако термин «субстрат» является более широким определением. В широком смысле оба термина обозначают основу банкноты, в узком смысле — подложка описывает материал, из которого она изготовлена, т. е. субстрат. Например, бумажная подложка изготовлена из природного полимерного (для простоты понимания — бумажного) субстрата; полимерная подложка — из искусственного полимерного субстрата (например, полипропилена или соединений олигомера); полимерная подложка — из природных и искусственных полимерных субстратов. В свою

очередь, субстратом можно назвать и конечный продукт — плёнку из полимера с внедрёнными в неё защитными признаками — это существующие технологии субстратов Guardian®, Safeguard® и др. Для удобства понимания далее в статье будет употребляться понятие «субстрат» как отображение свойств того материала, из которого изготовлена конкретная банкнота.

Одни из первых полимерных банкнот появились в 1983 г. в Коста-Рике, на Гаити и острове Мэн. Они были напечатаны American Banknote Company на полимерном субстрате Tyvek®, разработанном компанией DuPont. Субстрат Tyvek® фактически копировал волокнистую структуру бумаги, однако опыт его использования был сочтён неудачным⁷. В 1988 году в Австралии были выпущены в обращение полимерные банкноты на новом многослойном субстрате Guardian® от австралийской компании Securrency (Innovia Security). В настоящее время при изготовлении банкнот применяют разнообразные полимерные и гибридные субстраты: Tyvek® (американская компания DuPont), Guardian® (австралийская компания CCL Securrency), Safeguard® (британская компания De La Rue), Fusion® (итальянская компания Fabriano), Hybrid® (немецкая компания Louisenthal), Durasafe® и Durafort® (швейцарская фирма Landqart). Для выпуска в 2018 году памятной банкноты Банка России номиналом 100 рублей, посвящённой Чемпионату мира по футболу FIFA 2018 года, Гознаком был использован полипропилен отечественной компании «СИБУР» (ПАО «Сибур Холдинг»).

Ряд стран, например Бразилия, Китай, Российская Федерация, в основном используют полимерные субстраты при изготовлении памятных денежных знаков. Другие страны, в частности Австралия, Канада, перешли к более широкому использованию полимерных субстратов в процессе изготовления денежных знаков. Наиболее распространённым в мире на сегодняшний день полимерным субстратом для изготовления банкнот является субстрат Guardian®, его применение неуклонно растёт — в 2016 году его применяли 24 страны, а в 2022 году более 40 стран⁸. Основой субстрата является биаксиально-ориентированный полипропилен (biaxially oriented polypropylene, BOPP). Процесс создания субстрата Guardian® для банкнот нового дизайна 2016 года описан в Бюллетене Резервного банка Австралии

⁵ Standard Catalog of World Paper Money. Modern Issues. 1961 — Present / ed. by G.S. Cuhaj. 25th ed. Krause Publications, 2019.

⁶ Голубничая Я.Р., Селищев В.А. Производство банкнот // Известия ТулГУ. Технические науки. 2016. № 3. С. 130.

⁷ Там же.

⁸ Степаненко П. Деньги не тонут // The Chemical Journal. 2016. № 1—2. С. 61.

(RBA Bulletin)⁹. Технологический процесс включает в себя 13 этапов — суть заключается в расплавлении полипропиленовых шариков, их остужении и превращении в прозрачную плёнку, дальнейшем разогреве и выдувании в большой пузырь, а затем разрезании на слои и добавлении специальных узоров и чернил. Итоговый продукт — субстрат Guardian® состоит из трёх основных элементов:

- базовая плёнка под названием Clarity C;
- непрозрачные печатные слои, которые позволяют наносимым позже чернилам держаться на подложке;
- защитные признаки, которые печатаются или встраиваются в подложку толщиной в 75 микрон.

Свойства субстрата Guardian®: многослойный, плоский, неволокнистый, водонепроницаемый, более прочный на разрыв, чем бумага¹⁰.

Банкноты, изготавливаемые с применением полимерных субстратов, имеют ряд существенных отличий от банкнот, изготовленных на основе бумажного субстрата, по элементам защиты. Предложенная в специальной литературе система классификации видов защиты банкнот на технологическую, полиграфическую и физико-химическую¹¹ позволяет провести наглядное сравнение банкнот, изготовленных с использованием бумажных и полимерных субстратов, что продемонстрировано ниже на примере бумажных банкнот Банка России номиналом 100, 500, 1000 и 5000 рублей и полимерных банкнот 100 рублей 2018 года Российской Федерации. В ходе проведения сравнения дана оценка наличия/отсутствия конкретного защитного признака у описываемого образца (см. табл. 1).

Таблица 1

Защитные элементы банкнот Банка России, изготовленных на бумажном и полимерном субстратах

Вид защиты	Элемент защиты	Бумажные банкноты	Полимерные банкноты
Технологическая защита	водяной знак	+ (присутствует)	- (отсутствует)
	защитные волокна	+ (присутствуют)	- (отсутствуют)
	защитная нить	+ (присутствует)	- (отсутствует)
	микроперфорация	+ (присутствует)	- (отсутствует)
	голографические средства	+ (могут присутствовать)	+ (присутствуют)
Полиграфическая защита	способы печати	традиционные способы печати	особый технологический способ (+ возможность сочетания с традиционными способами печати)
	гильоширные элементы	+ (могут присутствовать)	- (отсутствуют)
	микропечать (микротекст)	+ (присутствует)	+ (присутствует)
	специальные растры	+ (могут присутствовать)	+ (присутствуют)
	скрытые изображения	+ (могут присутствовать)	+ (присутствуют)
Физико-химическая защита	оптически изменяемые, иридисцентные, металлизированные краски	+ (могут присутствовать)	+ (присутствуют)

⁹ Fox Ph., Liu C., Martz A. New banknotes: from concept to circulation // RBA Bulletin. 2016. September. P. 9.

¹⁰ Hardwick B., Ghioghiu A. (2004) Guardian TMs substrate as an optical medium for security devices. P. 3. URL: <https://web.archive.org/web/20150924075521/http://www.polymernotes.org/resources/guardiantmssubstrate.pdf> (accessed September 11, 2023).

¹¹ Ионов В.М. Способы защиты банкнот и ценных бумаг. М., 2006. С. 10.

По таблице видно, что банкноты, изготовленные на основе полимерного субстрата, не содержат отдельных элементов защиты, присущих бумажным банкнотам, что объясняется технологическими особенностями изготовления полимерных банкнот. В частности, банкнота Банка России номиналом 100 рублей 2018 года не содержит:

1) водяного знака, поскольку его повторение на материале, отличном от бумаги, крайне затруднительно — в то время как водяной знак на бумажных банкнотах достигается изменением плотности волокнистого материала, что позволяет увидеть скрытое изображение при проверке на просвет, полимерный субстрат, в частности Guardian, на этапе изготовления не предусматривает внесения изменений в общую плотность и толщину субстрата;

2) защитных волокон, которые сами по себе являются синтетическими включениями;

3) защитной нити, которая представляет собой тонкую полосу полимерной плёнки;

4) микроперфорации (что не означает отсутствия её применения на иных полимерных купюрах мира).

Ввиду многообразия применяемых полимерных субстратов, а также элементов защиты банкнот от подделки, применяемых при изготовлении банкнот, на этой основе невозможно составить исчерпывающий перечень действий, которые необходимо выполнить в процессе проведения осмотра банкнот на полимерной основе. Однако имеющийся опыт работы с такими банкнотами позволяет предложить следующий алгоритм действий в процессе их осмотра.

1. Определить визуально номинал и страну-эмитент банкноты. Как правило, номинал и страна-эмитент дублируются как минимум на одной из сторон банкнот на английском языке. После этого, воспользовавшись справочной информацией с сайта центрального банка той страны, которая выпустила данную банкноту, либо каталогом, содержащим информацию о полимерных денежных знаках мира, изучить требования, которым должна соответствовать указанная банкнота. Например, подробную информацию обо всех элементах защиты отечественных банкнот можно получить с официального сайта Центрального банка Российской Федерации¹², а одним из

¹² Памятная банкнота Банка России образца 2018 года номиналом 100 рублей // Центральный банк Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://cbr.ru/cash_circulation/memorable_banknotes/100rub/?tab.current=y2018#tangle (дата обращения: 21.08.2023).

источников, содержащих описание современных полимерных банкнот других государств, является справочник «Полимерные банкноты мира»¹³.

2. Изучить поверхность банкноты с целью определения наличия/отсутствия рельефных признаков, воспринимаемых на ощупь. Это могут быть рельефные метки для лиц с ослабленным зрением, расположенные по краям банкноты, также это могут быть рельефные выступы изображений / части изображений в центральной части банкноты. Следует обратить внимание на то, что рельеф на полимерных банкнотах минимален, но присутствует в обязательном порядке.

3. Изучить голографические элементы защиты и прозрачные слои. Голограммы, как правило, встроены в подложку или имеют незначительный рельеф — они не должны быть наклеены поверх подложки. Прозрачное окно, если такое имеется, не должно быть сильно замутнённым, а изображение в нём (при наличии) на просвет должно быть чётким. При изменении угла наклона банкноты могут быть видны скрытые элементы защиты — например, рисунок или номинал банкноты.

В завершение, обобщая возможности технической защиты банкнот, изготовленных на основе полимерного субстрата, перспектив применения полимерного субстрата при изготовлении защищенной полиграфической продукции, следует обратить внимание на два обстоятельства, которые будут способствовать расширению перспектив использования таких материалов при производстве банкнот.

1. Применение методов частичной подделки, реализуемых путем внесения изменений в такие банкноты, малоэффективно, поскольку минимальный рельеф, а также физические свойства самого субстрата не позволяют внести изменения в реквизиты банкноты без образования на ее лицевой или оборотной стороне повреждений, которые легко определить, изучив описание данной банкноты.

2. Полная подделка таких банкнот сложно-реализуема. Объясняется это тем, что такая подделка предполагает придание изготавливаемой банкноте видимости подлинной путем имитации всего комплекса элементов защиты, в первую очередь состава материала субстрата, что, учитывая многообразие элементов, его образующих, сделать крайне затруднительно.

¹³ Polymer Bank Notes of the World / S. Straus, D. Ludwig, M. Meyer, T. Kee H.B. 2016 edition. Kranj, Slovenia: PBN, 2016.

Список литературы

1. Веснина С.Н., Неустроева А.В., Степанюгин К.В. Новые технологии защитных элементов австралийского доллара как средство профилактики фальшивомонетничества // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 8 (85). С. 72–80. doi: 10.24158/pep.2020.8.13.
2. Голубничая Я.Р., Проскурjakов Н.Е. Банкнотный дизайн: возможности интеграции защитных признаков // Известия ТулГУ. Технические науки. 2017. № 6. С. 359–367.
3. Голубничая Я.Р., Селищев В.А. Производство банкнот // Известия ТулГУ. Технические науки. 2016. № 3. С. 124–134.
4. Ионов В.М. Способы защиты банкнот и ценных бумаг. М.: Консалтбанкир, 2006. 46 с.
5. Степаненко П. Деньги не тонут // The Chemical Journal. 2016. № 1–2. С. 60–63.
6. Brown A., Collard Sh., Spearritt M. Recent trends in banknote counterfeiting // RBA Bulletin. 2017. March. P. 67–74.
7. Fox Ph., Liu C., Martz A. New banknotes: from concept to circulation // RBA Bulletin. 2016. September. P. 1–12.
8. Hardwick B., Ghioghiu A. (2004) Guardian TMSubstrate as an optical medium for security devices. URL: <https://web.archive.org/web/20150924075521/http://www.polymernotes.org/resources/guardiantmsubstrate.pdf> (accessed September 11, 2023).
9. Kim E., Turton T. The Next Generation Banknote project // RBA Bulletin. 2014. March. P. 1–11.
10. Polymer Bank Notes of the World / S. Straus, D. Ludwig, M. Meyer, T. Kee H.B. 2016 edition. Kranj, Slovenia: PBN, 2016.
11. Standard Catalog of World Paper Money. Modern Issues. 1961 – Present / ed. by G.S. Cuhaj. 25th ed. Iola, Wisconsin: Krause Publications, 2019. 1264 p.

References

1. Vesnina, S.N., Neustroeva, A.V. & Stepanjugin, K.V. (2020) Novye tehnologii zashhitnyh jelementov avstralijskogo dollara kak sredstvo

profilaktiki fal'shivomonetnichestva [New technologies for australian dollar security as a means of preventing counterfeiting]. *Obshchestvo: politika, jekonomika, pravo*, no. 8 (85), pp. 72–80. (In Russ.). doi: 10.24158/pep.2020.8.13.

2. Golubnichaja, Ja.R. & Proskurjakov, N.E. (2017) Banknotnyj dizajn: vozmozhnosti integracii zashhitnyh priznakov [Banknote design: opportunities for integration of protective features]. *Izvestija TulGU. Tehnicheskie nauki*, no. 6, pp. 359–367. (In Russ.).

3. Golubnichaja, Ja.R. & Selishhev, V.A. (2016) Proizvodstvo banknot [Banknote production]. *Izvestija TulGU. Tehnicheskie nauki*, no. 3, pp. 124–134. (In Russ.).

4. Ionov, V.M. (2006) Sposoby zashhity banknot i cennyh bumag [Ways to protect banknotes and securities]. Moscow, Konsaltbankir, 46 p. (In Russ.).

5. Stepanenko, P. (2016) Den'gi ne tonut [Money does not sink]. *The Chemical Journal*, no. 1–2, pp. 60–63. (In Russ.).

6. Brown, A., Collard, Sh. & Spearritt, M. (2017) Recent trends in banknote counterfeiting. *RBA Bulletin*, March, pp. 67–74.

7. Fox, Ph., Liu, C. & Martz, A. (2016) New banknotes: from concept to circulation. *RBA Bulletin*, September, pp. 1–12.

8. Hardwick, B. & Ghioghiu, A. (2004) Guardian TMSubstrate as an optical medium for security devices. URL: <https://web.archive.org/web/20150924075521/http://www.polymernotes.org/resources/guardiantmsubstrate.pdf> (accessed September 11, 2023).

9. Kim, E. & Turton, T. (2014) The Next Generation Banknote project. *RBA Bulletin*, March, pp. 1–11.

10. Straus, S., Ludwig, D., Meyer, M. & Kee H.B., T. (2016) Polymer Bank Notes of the World. 2016 edition. Kranj, Slovenia, PBN.

11. Cuhaj, G.S. (ed.) (2019) Standard Catalog of World Paper Money. Modern Issues. 1961 – Present. 25th ed. Iola, Wisconsin, Krause Publications, 1264 p.

Информация об авторах

А.Ф. Купин — инспектор управления научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательского института криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

А.А. Осташев — лаборант кафедры «Безопасность в цифровом мире» Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана.

Information about the authors

A.F. Kupin – Inspector of the Research Department (Research Institute of Criminalistics) of the Main Department of Criminalistics (Forensic Center) of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor;

A.A. Ostashev – Laboratory assistant of the Department of Security in the digital world of the Bauman Moscow State Technical University.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 129–136.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2023, no. 3, pp. 129–136.

УДК 343.982.3
doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.015

NIION: 2015-0064-03/23-148
MOSURED: 77/27-009-2023-03-347

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Цифровые следы: понятие, нормативное регулирование, исследование

Лариса Владимировна Лазарева

Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Москва, Россия, larisa_vui@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5656-0320>

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена широким распространением в научной литературе термина «цифровые доказательства», содержание которого не закреплено в нормативных правовых актах и по этой причине имеет различное толкование, что негативно влияет на практику расследования преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, связанную с использованием цифровых следов в качестве самостоятельного вида доказательств и в последующем объекта судебно-экспертного исследования по уголовным делам.

Постановка проблемы: как показывает анализ правоприменительной практики, повышение эффективности расследования преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, затруднительно без наличия научно обоснованных рекомендаций, направленных на совершенствование использования в процессе доказывания цифровых следов и их исследования посредством судебной экспертизы.

Методы исследования: общенаучные, частнонаучные и специальные методы познания, в том числе метод наблюдения, анализа и синтеза, формально-логический и др.

Результаты и ключевые выводы: формулируется вывод, что рассматриваемое понятие должно употребляться в законодательстве в определенном контексте. Делается вывод о необходимости унификации нормативного регулирования деятельности судебно-экспертных учреждений. Вносятся некоторые предложения, направленные на устранение выявленных проблем и оптимизацию соответствующих направлений деятельности.

Ключевые слова: информационные технологии, преступления в сфере информационных технологий, специальные знания, судебная экспертиза, цифровые следы, расследование преступлений.

Для цитирования: Лазарева Л.В. Цифровые следы: понятие, нормативное регулирование, исследование // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 129–136. doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.015.

Digital footprints: concept, regulation, research

Larisa V. Lazareva

Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
Moscow, Russia, larisa_vui@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5656-0320>

Abstract. The relevance of the study is due to the widespread use of the term “digital evidence” in the scientific literature. Its content is not fixed in regulatory legal acts and for this reason has a different interpretation, which negatively affects the practice of investigating crimes committed using information technology related to the use of digital traces as an independent type of evidence and subsequently the object of forensic examination in criminal cases.

Problem statement: as the analysis of law enforcement practice shows, it is difficult to increase the effectiveness of the investigation of crimes committed using information technology without the availability of scientifically sound recommendations aimed at improving the use of digital traces in the process of proving and their research through forensic examination.

Research methods: general scientific, private scientific and special methods of cognition, including the method of observation, analysis and synthesis, formal logical, etc.

Results and key conclusions: the conclusion is formulated that the concept under consideration should be used in legislation in a certain context. It is concluded that it is necessary to unify the regulation of the activities of forensic institutions. Some proposals are made aimed at eliminating the identified problems and optimizing the relevant areas of activity.

Keywords: information technology, information technology crime, special knowledge, forensic examination, digital traces, crime investigation.

For citation: Lazareva, L.V. (2023) Digital footprints: concept, regulation, research. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 3, pp. 129 – 136. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.015.

Введение. Вопросы использования цифровых технологий в правоприменительной практике в начале текущего века вызвали повышенное научное внимание, в первую очередь у представителей уголовно-процессуальной и криминалистической науки.

Особый научный интерес к проблематике расследования ИТ-преступлений и использования в доказывании цифровых технологий обусловлен цифровизацией современного мира, которая сопровождается трансформацией различных сторон жизни современного общества. Россию, как и многие другие цивилизованные страны, охватили последствия всеобщей цифровизации, вторгающейся в деятельность государственных и общественных институтов. Обозначенный процесс оказывает заметное как положительное, так и отрицательное влияние на все сферы общественно-политической жизни. С одной стороны, широкое внедрение цифровых технологий в производственную и бытовую инфраструктуру многократно расширяет возможности современной жизни человека, например, банковские операции в режиме онлайн, электронные библиотеки, электронные подписи, цифровые профили и т. п. С другой — предоставляет возможности преступному миру для совершения преступлений новыми способами: с помощью информационных технологий совершается множество преступлений различных категорий.

К сожалению, приходится признать, что существующие методы борьбы с преступностью становятся малоэффективными. Как отметил Президент РФ В.В. Путин в своем выступлении на расширенном заседании коллегии МВД России 20 марта 2023 года, «по итогам 2022 года число таких преступлений уже превысило полмиллиона и составило четверть от всех уголовно наказуемых правонарушений»¹. Конечно, уже дав-

но разработана и используется в правоприменительной практике методика расследования преступлений указанной категории, но сложности могут возникать и при расследовании уголовных дел по иным преступлениям, например, в сфере незаконного оборота наркотических средств, в банковской сфере и многих других, при совершении которых использовались информационные технологии.

В то же время министр внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцев отметил достижение определённых результатов в противодействии ИТ-преступности: «Усилия профильных ведомств и регуляторов финансового рынка позволили почти на 30 % снизить массив краж с банковских счетов и мошенничество с применением электронных средств платежа»².

Сложность расследования подобных преступлений обусловлена рядом факторов, среди которых можно выделить межрегиональный и международный характер, низкую цифровую грамотность населения, недостаточное информирование людей о новых разновидностях преступлений, а также отставание от потребностей правоприменительной практики российского законодательства, которое не учитывает в полной мере особенности выявления, расследования и доказывания преступлений, совершенных с использованием цифровых технологий. Эти и другие факторы накладывают отпечаток на методику расследования данных преступлений. В настоящее время органам предварительного расследования в процессе доказывания приходится сталкиваться с компьютерной информацией по разным преступлениям. В правоохранительных органах созданы и успешно функционируют ИТ-подразделения, сотрудники которых выполняют возложенные на них задачи по кибербезопасности.

¹ Выступление Президента РФ В.В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России 20 марта 2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70744> (дата обращения: 22.05.2023).

² Выступление министра внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России 20 марта 2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70744> (дата обращения: 22.05.2023).

Основная часть

1. Понятие «цифровые следы». Распространение информационных технологий охватило и судебно-экспертную деятельность³, что, в свою очередь, расширяет возможности использования ее достижений в практике борьбы с преступлениями в виртуальном пространстве. Более того, возможности использования цифровых технологий в судебно-экспертной деятельности появились еще в прошлом веке, когда стали применять ЭВМ при производстве судебной экспертизы. В процессе работы экспертами широко применяются информационные технологии для обработки данных. Например, сегодня в судебно-экспертной практике используются автоматизированные дактилоскопические системы, компьютерные программы по 3D-моделированию дорожно-транспортного происшествия⁴.

Однако анализ следственной и экспертной практики свидетельствует, что возможности специальных знаний, в том числе в форме судебных экспертиз, используются еще не в полной мере, несмотря на выработанные рекомендации о привлечении специалистов в сфере информационных технологий, что вполне разумно с точки зрения раскрытия вышеуказанных преступлений. Следует заметить, что повышение экспертно-криминалистического обеспечения расследования данных преступлений находится в прямой зависимости от решения целого ряда проблем, носящих как организационно-методический, так и правовой характер.

Относительно предмета нашего исследования заметим, что сегодня криминалистами компьютерные или цифровые следы выделяются в отдельную самостоятельную группу следов, называемых знаковыми. При этом указывается, что участники судопроизводства имеют дело с объектами, которые сохранили следы преступления или могут использоваться для получения значимой для дела информации⁵. В литературе встре-

чается и другое название таких следов — виртуальные, из-за их промежуточного положения между материальными и идеальными следами⁶.

Следует согласиться с мнением Е.Р. Россинской, высказанным ею несколько лет назад, и признать такой подход некорректным, потому что «данные следы являются материальными, поскольку зафиксированы на материальных носителях путем изменения с помощью физических, биологических или химических методов свойств или состояния отдельных их элементов»⁷.

2. Цифровые следы как вид доказательств. Проблемы правового характера охватывают вопросы нормативно-правового регулирования, без решения которых избавиться от других проблем затруднительно. На сегодняшний день в условиях всеобщей цифровизации ощущается потребность в унификации и гармонизации российского законодательства с тем, чтобы устранить несогласованность отдельных отраслей права, регулирующих правоотношения в связи с использованием цифровых технологий. Большую роль в этом процессе могут иметь научные исследования в сфере криминалистической теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, значительный вклад в развитие которой внесла Е.Р. Россинская⁸.

Изучение и анализ юридической и специальной литературы позволили выявить некоторые спорные вопросы, имеющие отношение к интересующей нас теме правового регулирования и требующие решения. В качестве основных проблем обозначаются определение так называемого электронного, или цифрового, доказательства и выделение его в качестве самостоятельного вида доказательств, поскольку такой объект становится объектом судебной компьютерно-технической экспертизы (СКТЭ). В российском законодательстве и в научной теории до сих пор отсутствует единая позиция по данному вопросу.

³ Россинская Е.Р. Проблемы исследований цифровых следов в судебной экспертизе // Цифровой след как объект судебной экспертизы: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 17 января 2020 г.). М., 2020. С. 164—171.

⁴ Харламова О.А. Современные возможности автоматизации процесса экспертного исследования как один из этапов цифровизации судебно-экспертной деятельности // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5. С. 222.

⁵ Колдин А.В., Крестовников О.А. Источники криминалистической информации. М., 2007. С. 65—72.

⁶ Мещеряков В.А. Цифровые (виртуальные) следы в криминалистике и уголовном процессе // Воронежские криминалистические чтения: сборник научных трудов. Вып. 9. Воронеж, 2008. С. 221—232.

⁷ Россинская Е.Р., Семикаленова А.И. Основы учения о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем как часть теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11, вып. 3. С. 752.

⁸ См., например: Россинская Е.Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 193—202.

Так, по мнению Л.В. Головки, в «специальных „электронных доказательствах“ просто нет никакой нужды»⁹.

П.Г. Марфицин предлагает рассматривать специфический признак в виде формы, в которую облечены имеющие значение для уголовного дела сведения, и распространить его на другие виды доказательств. В этом случае, по его мнению, не понадобится формулировать понятие «электронные доказательства»¹⁰.

Согласно точке зрения П.С. Пастухова, нет необходимости расширять перечень доказательств в действующем уголовно-процессуальном законодательстве путем введения новых «электронного доказательства» или «электронного носителя информации». Вместо этого целесообразнее в существующем понятии «доказательство» отразить, что сведения могут быть в виде электронной информации, которая, в свою очередь, «вполне способна восприниматься в одном из традиционных доказательств — вещественном доказательстве или документе»¹¹.

Между тем следует признать наличие особых специфических свойств у электронных носителей информации: восприятие цифровой информации человеком невозможно без использования специальных технических средств, поскольку она является нематериальным объектом, похожим в определенной степени на идеальные следы, хранящиеся в памяти человека; цифровая информация в большей степени носит динамический характер, который проявляется в легкости ее изменения, копирования и удаления; особенность использования требует специфических носителей, вне которых цифровая информация не может существовать.

Изучение приведенных научных мнений показывает, что и сторонники, и противники так называемых электронных доказательств как самостоятельного вида доказательств были едины

в том, что эти доказательства имеют особенности обнаружения, фиксации, изъятия, хранения и исследования, обусловленные их специфическими признаками. В связи с этим, на наш взгляд, было бы полезно определиться с тем, являются ли эти их особенности достаточным основанием для выделения их в законе в качестве самостоятельного вида доказательств.

Стоит привести точку зрения Е.Р. Россинской, по мнению которой более удачным представляется понятие «носители цифровых следов», поскольку оно включает устройства, предназначенные для записи и хранения информации; ввода/вывода информации; обработки информации (центральный процессор, видеокарты, звуковые карты, оперативная память, используемая для хранения обрабатываемых объемов информации); передачи информации по каналам связи Wi-Fi¹². Полагаем, что такой подход вполне можно использовать к определению затронутого нами понятия и его содержания, так как в целом это отражает его суть.

Продолжая анализ понятия так называемых электронных доказательств, с учетом особенностей их обнаружения и изъятия при производстве следственных действий, нужно отметить, что законодатель посчитал необходимым использовать в УПК РФ термин «электронные носители информации» (ст. 164.1, п. 5 ч. 2 ст. 82), при этом не раскрывая сущность и содержание данного термина. Подобная позиция с точки зрения современных реалий представляется не вполне удачной, поскольку сводится к материальным объектам.

По справедливому утверждению А.И. Зазулина, использование в УПК РФ выражения «электронный носитель информации» необоснованно сужает круг объектов, которые являются носителями цифровой информации и могут быть изъяты при производстве следственных действий, а информация, содержащаяся на них, скопирована¹³.

⁹ Головка Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 23.

¹⁰ Марфицин П.Г. Некоторые подходы к формулированию понятия «электронное доказательство» в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (39). С. 107.

¹¹ Пастухов П.С. О развитии уголовно-процессуального доказывания с использованием электронных доказательств // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18—19 ноября 2016 г.): сборник научных статей. М., 2017. С. 561.

¹² Россинская Е.Р. Объекты судебных экспертиз в эпоху цифровизации // Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов II Международной научной конференции, Нижний Новгород, 21—22 мая 2020 г. Нижний Новгород, 2020. С. 258—259.

¹³ Зазулин А.И. Обоснованность использования термина «электронный носитель информации» в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 56.

Однако в любом случае полагаем, что рассматриваемое понятие должно употребляться в законодательстве в определенном контексте. Это позволит объяснить, во-первых, как в дальнейшем более правильно с позиции теории доказательств употреблять этот термин при формулировании норм закона, регулирующих порядок обнаружения, фиксации, изъятия, исследования и хранения так называемых электронных доказательств; во-вторых, какие изменения следует внести в ныне действующие нормы, чтобы обеспечить соблюдение прав участников процесса, а также всех принципов.

В части конкретизации полномочий органов предварительного расследования по изъятию электронных носителей информации и копированию с них информации полагаем целесообразным распространить правила, закрепленные в ст. 164.1 УПК РФ, на производство следственных действий по уголовным делам обо всех преступлениях, а не только связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. Как показывает практика, совершение многих преступлений требует лишь подключения к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, наличия у лица компьютерных навыков на уровне пользователя и может осуществляться не выходя из дома.

Так, наиболее широкое использование информационные технологии получили для совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, что подтверждается и анализом соответствующих уголовных дел. Например, приговором Сургутского районного суда ХМАО — Югры гражданин С. осужден по ч. 2 ст. 228, ст. 73 УК РФ к 3 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года. Он был признан виновным в покушении на незаконный сбыт наркотических средств в крупном размере с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей (сеть Интернет), группой лиц по предварительному сговору, то есть это умышленные действия лица, непосредственно направленные на совершение незаконного сбыта наркотических средств, если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам¹⁴.

¹⁴ Апелляционное определение № 22-1461/20 от 15.10.2020 суда Ханты-Мансийского автономного округа (Ханты-Мансийского автономного округа — Югры) // СПС «КонсультантПлюс».

Учитывая, что преступления с использованием информационных технологий часто носят международный характер, поскольку виртуальное пространство не имеет территориальных границ, то и борьба с ними на уровне отдельного государства реальных результатов не принесет. Чтобы цифровые доказательства могли быть признаны допустимыми в судах разных стран, необходимо применять не только единообразный подход при их обнаружении, изъятии, исследовании и хранении, но и стандартизованные подходы различных стран к противодействию компьютерным преступлениям, что, в свою очередь, требует выработки механизмов более тесного международного сотрудничества. Важную роль в этом плане играют международные соглашения. Например, для разработки международных принципов, связанных с вопросами сбора и обработки цифровых доказательств, приемлемых для судов различных стран, создана международная организация IOCE (International Organization on Computer Evidence) — Международная организация по компьютерным доказательствам¹⁵. Полагаем возможным применение в отечественной практике расследования преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, принципов, которые разработаны для унифицированного подхода к обращению с цифровыми доказательствами.

3. Цифровые следы как объект судебной экспертизы. В силу различных причин невозможно представить расследование преступлений в сфере информационных технологий в отрыве от использования специальных знаний в данной области. Учитывая использование информационных технологий для совершения большинства преступлений, основной формой использования специальных знаний считается судебная компьютерно-техническая экспертиза (СКТЭ), которая является специальным средством проверки электронных доказательств. Кстати, в Российской Федерации действует ГОСТ Р 57429-2017 «Судебная компьютерно-техническая экспертиза. Термины и определения»¹⁶, в котором содер-

¹⁵ Хазиев Ш.Н. Международное сотрудничество в области судебной компьютерно-технической экспертизы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 5. С. 302.

¹⁶ ГОСТ Р 57429-2017. Судебная компьютерно-техническая экспертиза. Термины и определения: национальный стандарт РФ: утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 марта 2017 г. № 198-ст // СПС «КонсультантПлюс».

жаты основные термины и определения, хорошо знакомые судебным экспертам и применяемые ими при производстве СКТЭ.

Вместе с тем необходимо обратить внимание на проблемы, связанные с отсутствием экспертных кадров в государственных судебно-экспертных учреждениях (ГСЭУ), в целом нехваткой специалистов в этой области науки и техники, недостаточным научно-методическим обеспечением этого направления, которое находится на этапе становления нового рода экспертизы.

Принимая к сведению то обстоятельство, что СКТЭ — это пока еще развивающийся род судебной экспертизы и необходимые специалисты имеются не во всех государственных экспертных учреждениях, нужно учесть, что может возникнуть необходимость привлечения к производству СКТЭ специалистов других учреждений и организаций, а также использования технического, аппаратного оборудования, специального программного обеспечения.

Кроме того, при производстве исследований в рамках СКТЭ нередко возникает необходимость привлечения специалистов из смежных областей знаний, например криптографии. Как показывает судебно-экспертная практика, чаще всего СКТЭ проводится комплексно, поскольку связана с необходимостью исследования целостной компьютерной системы.

Говоря о проблемах организационно-методического плана, следует заметить, что СКТЭ нередко назначается в негосударственные судебно-экспертные учреждения (НГСЭУ). Объясняется такое положение дел не только вышеназванными причинами, а также более короткими сроками проведения исследования, отсутствием ограничений по применяемым методикам, поскольку ведомственные экспертно-криминалистические подразделения, например ЭКЦ МВД России, используют только утвержденные методики, тогда как НГСЭУ не ограничены в выборе методик, могут использовать опыт экспертной практики в различных отраслях информационных технологий и т. д.

Однако действующие НГСЭУ при выборе методов исследования нередко используют не отвечающие провозглашенному законодателем критерию общепринятости. Несовершенство правового регулирования деятельности НГСЭУ осложняет проверку используемых методических материалов, эффективности применяемых методов и средств.

В результате в органы предварительного расследования и суд поступают доказательства, оценить достоверность и обоснованность которых не

представляется возможным не только из-за отсутствия у инициаторов назначения экспертиз специальных знаний, но и отсутствия единого научно-методического подхода к решению экспертных задач.

Заключение. В целях совершенствования правового регулирования деятельности негосударственных судебно-экспертных учреждений необходимо внесение изменений в законодательство. При этом в регулировании деятельности судебно-экспертных учреждений (СЭУ) должен применяться комплексный подход, который будет выражаться в том, что положения, регулирующие эту сферу деятельности, должны быть общими для всех СЭУ и должны быть закреплены в новом федеральном законе «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Представляется, что подобный комплексный подход предполагает максимально возможную степень унификации нормативного регулирования судебно-экспертной деятельности независимо от видов судопроизводства. Кроме того, возможно, что применение такого подхода в законодательной технике позволит устранить или сгладить противоречия, обусловленные отсутствием надлежущего контроля и надзора за деятельностью НГСЭУ¹⁷.

Более того, обоснованно ставить вопрос о слабой подготовке следователей в вопросах использования специальных знаний в области информационных технологий в уголовном судопроизводстве, значения результатов, получаемых с помощью СКТЭ, компетенции судебного эксперта, а также в системном использовании этих знаний при расследовании IT-преступлений. Рассмотрение последнего вопроса — подготовки кадров для расследования преступлений в сфере информационных технологий — не входит в замысел настоящей статьи, но имеет прямое отношение к изучаемым проблемам; отдельное освещение этих вопросов дано в других публикациях автора¹⁸.

¹⁷ См. подробнее: Лазарева Л.В. К вопросу о правовом регулировании негосударственной судебно-экспертной деятельности // Современное состояние, проблемы и перспективы развития судебно-экспертной деятельности частных экспертов: материалы международной научно-практической конференции (Москва, 28 января 2022 г.). М., 2022. С. 155–160.

¹⁸ См., например: Лазарева Л.В. Использование специальных знаний в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4 (57). С. 79–84; Лазарева Л.В. Использование специальных знаний при проведении следственных действий по делам о преступлениях в сфере информационных технологий // Вестник криминалистики. 2020. № 2 (74). С. 87–93.

Список литературы

1. Головкин Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25. doi: 10.24411/2414-3995-2019-10002.
2. Зазулин А.И. Обоснованность использования термина «электронный носитель информации» в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 54–57.
3. Колдин А.В., Крестовников О.А. Источники криминалистической информации. М.: Юрлитинформ, 2007. 192 с.
4. Лазарева Л.В. Использование специальных знаний в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4 (57). С. 79–84.
5. Лазарева Л.В. Использование специальных знаний при проведении следственных действий по делам о преступлениях в сфере информационных технологий // Вестник криминалистики. 2020. № 2 (74). С. 87–93.
6. Лазарева Л.В. К вопросу о правовом регулировании негосударственной судебно-экспертной деятельности // Современное состояние, проблемы и перспективы развития судебно-экспертной деятельности частных экспертов: материалы международной научно-практической конференции (Москва, 28 января 2022 г.). М.: РГ-Пресс, 2022. С. 155–160.
7. Марфицин П.Г. Некоторые подходы к формулированию понятия «электронное доказательство» в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (39). С. 106–109.
8. Мещеряков В.А. Цифровые (виртуальные) следы в криминалистике и уголовном процессе // Воронежские криминалистические чтения: сборник научных трудов. Вып. 9. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2008. С. 221–232.
9. Пастухов П.С. О развитии уголовно-процессуального доказывания с использованием электронных доказательств // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 ноября 2016 г.): сборник научных статей / отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. С. 558–566.
10. Россинская Е.Р. Объекты судебных экспертиз в эпоху цифровизации // Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов

II Международной научной конференции, Нижний Новгород, 21–22 мая 2020 г. Нижний Новгород: ННГУ, 2020. С. 254–262.

11. Россинская Е.Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 193–202. doi: 10.24411/2312-3184-2019-00019.

12. Россинская Е.Р. Проблемы исследований цифровых следов в судебной экспертизе // Цифровой след как объект судебной экспертизы: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 17 января 2020 г.). М.: РГ-Пресс, 2020. С. 164–171.

13. Россинская Е.Р., Семикаленова А.И. Основы учения о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем как часть теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11, вып. 3. С. 745–759. doi: 10.21638/spbu14.2020.315.

14. Хазиев Ш.Н. Международное сотрудничество в области судебной компьютерно-технической экспертизы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 5. С. 300–308.

15. Харламова О.А. Современные возможности автоматизации процесса экспертного исследования как один из этапов цифровизации судебно-экспертной деятельности // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5. С. 221–223. doi: 10.24412/2414-3995-2022-5-221-223.

References

1. Golovko, L.V. (2019) Cifrovizacija v ugovolnom processe: lokal'naja optimizacija ili global'naja revolucija? [The digitalization in criminal procedure: local optimization or global revolution?]. *Vestnik jekonomicheskoj bezopasnosti*, no. 1, pp. 15–25. (In Russ.). doi: 10.24411/2414-3995-2019-10002.
2. Zazulin, A.I. (2016) Obosnovannost' ispol'zovanija termina "jelektronnyj nositel' informacii" v Ugovolno-processual'nom kodekse Rossijskoj Federacii [Validity of term "electronic data storage" in Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Pravoporjadok: istorija, teorija, praktika*, no. 4 (11), pp. 54–57. (In Russ.).
3. Koldin, A.V. & Krestovnikov, O.A. (2007) Istochniki kriminalisticheskoj informacii [Sources of forensic information]. Moscow, Jurlitinform, 192 p. (In Russ.).

4. Lazareva, L.V. (2020) Ispol'zovanie special'nyh znanij v usloviyah cifrovizacii ugovnogo sudoproizvodstva [Use of special knowledge in the context of digitalization of criminal proceedings]. *Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta*, no. 4 (57), pp. 79–84. (In Russ.).

5. Lazareva, L.V. (2020) Ispol'zovanie special'nyh znanij pri provedenii sledstvennyh dejstvij po delam o prestuplenijah v sfere informacionnyh tehnologij [The use of special knowledge in the conduct of investigative actions in cases of crimes in the field of information technology]. *Vestnik kriminalistiki*, no. 2 (74), pp. 87–93. (In Russ.).

6. Lazareva, L.V. (2022) K voprosu o pravovom regulirovanii negosudarstvennoj sudebno-jekspertnoj dejatel'nosti [On the issue of legal regulation of non-state forensic activities]. In: *Sovremennoe sostojanie, problemy i perspektivy razvitija sudebno-jekspertnoj dejatel'nosti chastnyh jekspertov. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moscow, January 28, 2022*. Moscow, RG-Press, pp. 155–160. (In Russ.).

7. Marficin, P.G. (2017) Nekotorye podhody k formulirovaniju ponjatija “jelektronnoe dokazatel'stvo” v ugovnom sudoproizvodstve [Several approaches to the formulation of the concept of “electronic evidence” in criminal proceedings]. *Juridicheskaja nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii*, no. 3 (39), pp. 106–109. (In Russ.).

8. Meshherjakov, V.A. (2008) Cifrovyje (virtual'nye) sledy v kriminalistike i ugovnom processe [Digital (virtual) footprints in forensics and criminal proceedings]. In: *Voronezhskie kriminalisticheskie chtenija. Sbornik nauchnyh trudov. Iss. 9*. Voronezh, Voronezh State University, pp. 221–232. (In Russ.).

9. Pastuhov, P.S. (2017) O razvitii ugovno-processual'nogo dokazyvanija s ispol'zovaniem jelektronnyh dokazatel'stv [On the development of criminal procedural evidence using electronic evidence]. In: Golubcov, V.G. & Kuznecova, O.A. (eds.) *Sed'moj Permskij kongress uchenyh-juristov (g. Perm', 18–19 nojabrja 2016 g.)*. Sbornik nauchnyh statej. Moscow, Statut, pp. 558–566. (In Russ.).

10. Rossinskaja, E.R. (2020) Ob'ekty sudebnyh jekspertiz v jepohu cifrovizacii [Objects of forensic expertise in the era of digitalization]. In: *Mezhdunarodnye i nacional'nye tendencii i perspektivy razvitija sudebnoj jekspertizy. Sbornik dokladov II Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Nizhny Novgorod, May 21–22, 2020*. Nizhny Novgorod, Lobachevsky University, pp. 254–262. (In Russ.).

11. Rossinskaja, E.R. (2019) Teorija informacionno-komp'juternogo obespechenija kriminalisticheskoj dejatel'nosti: koncepcija, sistema, osnovnye zakonomernosti [Theory of information and computer support of criminalistic activity: concept, system, basic patterns]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, no. 2 (89), pp. 193–202. (In Russ.). doi: 10.24411/2312-3184-2019-00019.

12. Rossinskaja, E.R. (2020) Problemy issledovanij cifrovych sledov v sudebnoj jekspertize [The challenges of digital trace research in forensic examination]. In: *Cifrovoy sled kak ob'ekt sudebnoj jekspertizy. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moscow, January 17, 2020*. Moscow, RG-Press, pp. 164–171. (In Russ.).

13. Rossinskaja, E.R. & Semikalenova, A.I. (2020) Osnovy uchenija o kriminalisticheskom issledovanii komp'juternyh sredstv i sistem kak chast' teorii informacionno-komp'juternogo obespechenija kriminalisticheskoj dejatel'nosti [Fundamental doctrine of the criminalistics study of computer tools and systems as part of the theory of information and computer support for criminalistics activities]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*, vol. 11, no. 3, pp. 745–759. (In Russ.). doi: 10.21638/spbu.14.2020.315.

14. Hазiev, Sh.N. (2013) Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v oblasti sudebnoj komp'juterno-tehnicheskoi jekspertizy [International cooperation in the field of forensic computer investigations]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal*, no. 5, pp. 300–308. (In Russ.).

15. Harlamova, O.A. (2022) Sovremennye vozmozhnosti avtomatizacii processa jekspertnogo issledovanija kak odin iz jetapov cifrovizacii sudebno-jekspertnoj dejatel'nosti [Modern possibilities of automation of the expert research process as one of the stages of digitalization of forensic expert activity]. *Vestnik jekonomicheskoi bezopasnosti*, no. 5, pp. 221–223. (In Russ.). doi: 10.24412/2414-3995-2022-5-221-223.

Информация об авторе

Л.В. Лазарева — профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

L.V. Lazareva – Professor of the Department of Management of Bodies and Units Crimes Investigation of the Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 137–141.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2023, no. 3, pp. 137–141.

УДК 343.148.33
doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.016

NIION: 2015-0064-03/23-149
MOSURED: 77/27-009-2023-03-348

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Психотехники выявления идеальных следов при расследовании преступлений

Айдаркан Байдекович Скаков¹, Валерий Дмитриевич Хабалев²,
Сергей Михайлович Савушкин³

¹Карагандинская академия МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, Караганда, Республика Казахстан, aidarkan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4199-5473>

²Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, hvd@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6557-5382>

³Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, savusertom@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5744-8178>

Аннотация. В ходе разного рода психических и физиологических процессов в памяти человека сохраняется информация о преступном событии, участвующих в нём лицах и т. д., то есть образуются идеальные следы преступления. Они имеют сложную, не до конца изученную природу, однако достаточно устойчивы и при определённых условиях могут иметь важное криминалистическое значение. Человек испытывает затруднения с актуализацией в сознании следов прошлого опыта. Свидетельские показания иногда оказываются частично правильными и полными, иногда вступают в противоречие с действительностью и материалами следствия.

Ключевые слова: психотехники, идеальные следы, расследование преступлений, свидетельские показания, память человека.

Для цитирования: Скаков А.Б., Хабалев В.Д., Савушкин С.М. Психотехники выявления идеальных следов при расследовании преступлений // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 137–141. doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.016.

Psychotechnics of identifying ideal traces in the investigation of crimes

Aidarkan B. Skakov¹, Valeriy D. Khabalev², Sergey M. Savushkin³

¹Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Barimbek Beisenov, Karaganda, Republic of Kazakhstan, aidarkan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4199-5473>

²North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russia, hvd@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6557-5382>

³Tomsk Institute for Advanced Studies of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk, Russia, savusertom@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5744-8178>

Abstract. In the course of various mental and physiological processes, information about a criminal event, persons participating in it, etc. is stored in a person's memory, that is, ideal traces of a crime are formed. They have a complex, not fully studied nature, but they are quite stable and, under certain conditions, can have important forensic significance. A person has trouble with the actualization of traces of experience in consciousness. Witness statements sometimes turn out to be partially correct and complete; sometimes they conflict with the reality and materials of the investigation.

Keywords: psychotechnics, ideal traces, crime investigation, testimonies, human memory.

For citation: Skakov, A.B., Khabalev, V.D. & Savushkin, S.M. (2023) Psychotechnics of identifying ideal traces in the investigation of crimes. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 3, pp. 137–141. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.016.

Реконструкция обстоятельств и фактов события прошлого — одна из наиболее сложных проблем следственной практики. Деятельность человека вызывает изменение материального мира, которое сохраняется в виде как материальных следов — информации о результате взаимодействия различных материальных объектов, так и идеальных следов — в виде информационного образа события прошлого, которое содержится в памяти человека. Материальное следоведение обширно задействовано в криминалистической практике более двухсот лет, в то время как проблема использования идеальных следов при расследовании преступлений остается дискуссионной и в настоящее время¹.

Первые исследования юристов с позиции научного обоснования психологии свидетельских показаний и использования показаний человека для решения задач раскрытия преступлений относятся к началу XIX века, они изложены в работах И. Гофбауэра (1808), И. Фридриха (1835). Бурную дискуссию в научном сообществе психологов и юристов вызвали исследования В. Штерна, который утверждал, что «забывание есть правило, а воспоминание исключение», и полагал, что это свидетельствует о малой надежности показаний свидетеля². В России к результатам исследований В. Штерна и его последователей отнеслись критически, например, А.Ф. Кони и Е.М. Кулишер полагали, что в процессе осуществления правосудия показания свидетеля должны использоваться при условии их соответствующего психологического анализа³. Результаты их трудов положили начало научным исследованиям в области закономерностей памяти человека и роли идеальных следов в уголовном правосудии.

Предмет исследований сместился со степени надежности свидетельских показаний на разработку психотехник получения правильной и подробной информации о событии прошлого. Несмотря на полуторавековую историю данной проблемы, и в настоящее время механизмы памяти,

связанные с процессами актуализации идеальных следов прошлого опыта человека, исследованы недостаточно. Имеется ряд работ с результатами исследований психотехник воспроизведения идеальных следов прошлого опыта человека (Н.И. Гаврилова, А.В. Дулов, Ю.В. Идашкин). Именно осознание пережитого опыта личности, его репродукция и методы управления процессом актуализации идеальных следов прошлого играют существенную роль в юриспруденции. Именно в тех случаях, когда человек испытывает затруднения с актуализацией в сознании идеальных следов юридически значимой информации, и появляется проблема применения психотехник активизации воспроизводящей функции памяти человека, как носителя идеальных следов.

В памяти человека содержится значительно больший объем информации о его прошлом опыте, чем опрашиваемый может воспроизвести в своем сознании. Свидетельские показания иногда оказываются частично правильными и полными, иногда вступают в противоречие с действительностью и материалами следствия.

В ряде случаев желание человека сообщить данные о пережитом событии прошлого не может быть реализовано вследствие амнезии различного генезиса. Человек испытывает затруднения с актуализацией в сознании следов прошлого опыта. Многочисленные экспериментальные исследования в области психологии памяти показали, что память человека хранит значительно больше информации о прошлом, чем человек может произвольно воспроизводить⁴. Проблема заключается в том, как, какими психотехниками помочь человеку актуализировать в его сознании хранящуюся в памяти латентную информацию.

С середины 50-х годов прошлого века за рубежом в юридической практике используются результаты психологических исследований памяти лиц (свидетелей), которые предположительно в своей памяти могут хранить имеющую юридическое значение информацию о событии прошлого. Реконструкция произошедшего в прошлом события связана с использованием данных, которые хранятся в памяти человека в виде идеальных следов, поэтому исследования процессов памяти и использование соответствующих психотехник активизации памяти имеют большое

¹ См.: Рахимов А.И. Получение и проверка информации, содержащейся в идеальных следах, в ходе расследования преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 3—6.

² Штерн В. Психология свидетельских показаний. Экспериментальные исследования верности воспоминания // Вестник права. 1902. № 2. С. 110.

³ См.: Кони А.Ф. Память и внимание: из воспоминаний судебного деятеля. Петроград, 1922; Кулишер Е.М. К вопросу о психологии свидетельских показаний. Сообщение на общем собрании русской группы международного союза криминалистов. СПб, 1911. С. 81.

⁴ См.: Идашкин Ю.В. Криминалистика и психология // Вопросы криминалистики. 1961. № 1—2. С. 31—44; Perry C., Nogrady H. Use of hypnosis by the police in the investigation of crime: Is guided imagery a safe substitute? // British Journal of Experimental and Clinical Hypnosis. 1985. Oct. Vol. 3; Лурия А.Р. Внимание и память. М., 1975 и др.

практическое значение в профессиональной деятельности юриста.

В юридической психологии для активизации процессов припоминания используется ряд психологических приемов задействования ассоциативных связей (по смежности, сходству и контрасту), в том числе и посредством изменения психического состояния опрашиваемого, например опрос в спокойной обстановке, выезд на место происшествия (события), использование схем, эскизов, чертежей, показаний других лиц и т. д.

Однако в следственной практике существует дефицит психотехник по актуализации в памяти человека забытой информации, которая имеет значение для следствия.

В работах зарубежных психологов и психофизиологов в подавляющем большинстве представлены психотехники выявления в сознании человека идеальных следов о событии прошлого, информации, которую он полагает полностью забытой и утраченной бесследно.

Существуют психотехники активизации процессов припоминания, которые получили название когнитивного опроса (интервью) и могут использоваться оперативно-следственными сотрудниками самостоятельно, без привлечения специалиста-психолога. Применение когнитивного опроса позволяет купировать явления дисмнезии и амнезии у человека (свидетеля, жертвы преступления). В осуществлении когнитивного интервью для активизации воспроизведения используются следующие приемы: детализация обстоятельств конкретного события, изменение состояния сознания, изменение эмоционального состояния, использование хронологических ассоциаций, изложение эмоционально значимого момента, изменение перспективы осмотра места происшествия (события) и субъективной точки зрения и др.

Можно выделить несколько основных психологических приемов, которые применяют сотрудники полиции в целях активизации воспоминаний потерпевшего:

а) задействование хронологических ассоциаций, когда опрашиваемому лицу предлагают изложить исследуемое событие в различной последовательности, например:

- начать рассказать с наиболее значимого, по мнению опрашиваемого, момента и продолжить изложение к началу или окончанию события;
- восстановить прошлое событие в обратной временной последовательности — с момента окончания к его началу;
- событие по времени разделяется на ряд временных отрезков, которые в произвольном порядке излагаются опрашиваемым лицом;

б) воспроизведение эмоционального состояния — опрашиваемому рекомендуют воспроизвести у себя то эмоциональное состояние (настроение, чувства), в котором он находился во время реконструируемого юридически значимого события, и сообщить все душевные переживания, которые он испытывал в связи с происшествием, включая и те, которые, по его мнению, являются незначительными или второстепенными;

в) изложение эмоционально значимого момента — опрашиваемому предлагается описать криминальное событие, отмечая то, что ему особенно запомнилось («врезалось в память, стоит перед глазами»);

г) уточнение обстоятельств окружающей среды в момент искомого события, а именно:

- определение временных параметров, связанных с данной ситуацией;
- описание состояния окружающей среды в момент криминального события;
- подробная характеристика потерпевшим своего местоположения относительно окружающих предметов, их взаиморасположения, а также возможных необычных обстоятельств при этом;
- максимальная активизация воспоминаний опрашиваемого обо всех испытываемых им в тот момент времени сенсорных ощущениях;
- припоминание специфических особенностей людей (при их присутствии), возможных необычных деталей в их облике, поведении и т. п.;
- если кто-то разговаривал, выясняется подробная характеристика его речи и мысли потерпевшего в связи с этим;
- о чем думал опрашиваемый в момент описываемого криминального события;

д) изменение перспективы восприятия места происшествия — опрашиваемому предлагается вообразить свое местоположение на новой позиции местности и вновь осмотреть место происшествия;

е) изменение субъективной точки зрения — в целях активизации припоминания опрашиваемому рекомендуют представить себя в иной социальной роли — преступника, сотрудника полиции, приезжего и т. п. и постараться отметить, что особенно заметил бы он в новой роли на месте происшествия в момент события и после него;

ж) изменение состояния сознания (данные психотехники выполняются с привлечением специалиста-психолога).

Использование измененного состояния сознания (как правило, гипнотического) является более сложной психотехникой.

Длительное время проблема выявления идеальных следов прошлого опыта в отечественной юридической психологии не исследовалась. Традиционно на разрешение эксперта-психолога выносились вопросы: «Может ли данное лицо правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания?» и «Не обнаруживает ли оно патологической склонности к фантазированию и псевдологии?»

В зарубежной практике снятия явлений дисмнезии и амнезии у опрашиваемых рекомендуется использовать психотехники активизации памяти в гипнотическом состоянии, которое рассматривается как вид измененного состояния сознания (далее — ИСС). Данная психотехника используется с 1956 года при расследовании преступлений, авиакатастроф, пожаров. По данным Департамента полиции Лос-Анджелеса, в результате применения психотехник активизации памяти опрашиваемых выявлено до 75 % новых идеальных следов.

В некоторых процессуальных ситуациях у следствия или суда возникает необходимость в выявлении дополнительных идеальных следов у потерпевшего или свидетеля, т. е. необходимо помочь человеку вспомнить ту информацию, которую он воспринимал в момент происшествия, но в отношении которой в ходе следствия испытывает затруднения с актуализацией в сознании следов прошлого.

Двадцатилетний личный опыт автора по применению психотехник активизации памяти (когнитивный опрос, гипнорепродукция) подтверждает их эффективность при решении следственно-оперативных задач. В ситуациях, требующих устранения явлений дисмнезии и амнезии, к специалисту-психологу обращаются представители оперативно-разыскных подразделений, следствия, дознания и суда, а в некоторых случаях лично пострадавшие, в том числе и для решения бытовых проблем, требующих выявления идеальных следов.

Психотехника выявления идеальных следов в ИСС достаточно сложная, она предполагает наличие у специалиста-психолога навыков формирования у человека ИСС и владение методикой регресса времени. Умением формировать гипнотическое состояние у человека обладают некоторые психотерапевты и эстрадные артисты, их, как правило, и привлекают следователи для выявления дополнительных идеальных следов. Проблема состоит в том, что в ИСС без применения психотехники регресса времени увеличение идеальных следов невозможно, и человек сообщает только то, что говорил в обычном состоянии сознания в процессе опроса или допроса.

Все ситуации применения психотехник выявления дополнительных идеальных следов можно классифицировать:

1) по причине — амнезия наступила в результате физической, психической травмы и алкогольной интоксикации;

2) по ситуации — бытовые, криминальные и экспериментальные;

3) по инициаторам — представители СК России, МВД России, ФСБ России, представители суда, личное обращение граждан.

Так, по запросу оперативных сотрудников у испытуемой К. в памяти полностью восстановлен регистрационный номер автомашины, на которой передвигались фальшивомонетки; испытуемый М. восстановил в памяти ситуацию с пропажей крупной суммы денег (забыл сумку у пивного ларька, был в состоянии алкогольного опьянения); в рамках судебной психофизиологической экспертизы памяти по уголовному делу о ДТП со смертельным исходом получены приметы автомашины и водителя — виновника ДТП; в деле о покушении на изнасилование и падении из окна второго этажа были восстановлены воспоминания потерпевшей о событии, которое оказалось несчастным случаем, у потерпевшей была алкогольная дисмнезия.

Применение психотехник активизации памяти человека в отечественной оперативно-следственной практике имеет более чем двадцатипятилетнюю историю. В девяностых годах прошлого столетия описан отечественный опыт применения при расследовании преступлений методов активизации памяти, результаты которых суд использовал в качестве доказательств⁵. В результате использования психотехники активизации воспоминаний в ИСС потерпевшие и свидетели представили дополнительные идеальные следы о существенных деталях криминальных событий, которые способствовали раскрытию преступлений. В этот же период психотехникой активизации памяти (гипнорепродукционным опросом) занималась лаборатория ВНИИ МВД СССР. С момента создания СК России криминалисты начали активно внедрять в следственную практику психотехники актуализации идеальных следов в памяти человека.

В то же время психотехники активизации памяти человека в оперативно-следственной практике без привлечения специалиста-психолога используются эпизодически, что обусловлено малым количеством ситуаций, требующих задействования

⁵ См.: Гладкий В.М. Гипноз и возможности его использования в оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел // Проблемы оперативно-разыскной психологии: сборник научных статей. Киев, 1991.

таких психотехник. Другим фактором является отсутствие у сотрудников оперативно-следственных подразделений знаний и специальной подготовки по применению психотехники актуализации идеальных следов в памяти человека в процессе раскрытия преступлений. Поэтому полагаем целесообразным ввести в учебные планы вузов, обучающихся оперативно-следственных сотрудников, специальные учебные курсы, как в структуру дисциплин «Криминалистика» и «Юридическая психология», так и в структуру занятий по профессиональной переподготовке и повышению квалификации.

Список литературы

1. Гладкий В.М. Гипноз и возможности его использования в оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел // Проблемы оперативно-разыскной психологии: сборник научных статей. Киев, 1991.
2. Идашкин Ю.В. Криминалистика и психология // Вопросы криминалистики. 1961. № 1—2. С. 31—44.
3. Кони А.Ф. Память и внимание: из воспоминаний судебного деятеля. Петроград: Полярная звезда, 1922. 78 с.
4. Кулишер Е.М. К вопросу о психологии свидетельских показаний. Сообщение на общем собрании русской группы международного союза криминалистов. СПб, 1911. С. 81—111.
5. Лурия А.Р. Внимание и память. М.: Издательство Московского университета, 1975. 104 с.
6. Рахимов А.И. Получение и проверка информации, содержащейся в идеальных следах, в ходе расследования преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 27 с.
7. Штерн В. Психология свидетельских показаний. Экспериментальные исследования верности воспоминания // Вестник права. 1902. № 2. С. 107—133.
8. Perry C., Nogrady H. Use of hypnosis by the police in the investigation of crime: Is guided imagery

a safe substitute? // *British Journal of Experimental and Clinical Hypnosis*. 1985. October. Vol. 3.

References

1. Gladkiy, V.M. (1991) Gipnoz i vozmozhnosti ego ispol'zovaniya v operativno-sluzhebnoy deyatelnosti organov vnutrennikh del [Hypnosis and the possibility of its use in the operational activities of the internal affairs bodies]. In: *Problemy operativno-razysknoy psikhologii. Sbornik nauchnykh statey*. Kiev, 131 p. (In Russ.).
2. Idashkin, Yu.V. (1961) Kriminalistika i psikhologiya [Criminalistics and psychology]. *Voprosy kriminalistiki*, no. 1—2, pp. 31—44. (In Russ.).
3. Koni, A.F. (1922) Pamyat' i vnimanie: iz vospominaniy sudebnogo deyatelya [Memory and attention: from the memoirs of a judicial figure]. Petrograd, Polyarnaya zvezda, 78 p. (In Russ.).
4. Kulisher, E.M. (1911) K voprosu o psikhologii svidetel'skikh pokazaniy. Soobshchenie na obshchem sobranii russkoy gruppy mezhdunarodnogo soyuza kriminalistov [On the issue of the psychology of testimonies. Report at the general meeting of the Russian group of the International Union of Criminalists]. Saint Petersburg, pp. 81—111. (In Russ.).
5. Luriya, A.R. (1975) Vnimanie i pamyat' [Attention and memory]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 104 p. (In Russ.).
6. Rakhimov, A.I. (2022) Poluchenie i proverka informatsii, sodержashcheysya v ideal'nykh sledakh, v khode rassledovaniya prestupleniy [Obtaining and verifying information contained in ideal traces during the investigation of crimes]. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 27 p. (In Russ.).
7. Shtern, V. (1902) Psikhologiya svidetel'skikh pokazaniy. Eksperimental'nye issledovaniya vernosti vospominaniya [Psychology of testimonies. Experimental studies of the fidelity of memories]. *Vestnik prava*, no. 2, pp. 107—133. (In Russ.).
8. Perry, C. & Nogrady, H. (1985) Use of hypnosis by the police in the investigation of crime: Is guided imagery a safe substitute? *British Journal of Experimental and Clinical Hypnosis*, October, vol. 3.

Информация об авторах

А.Б. Скаков — профессор кафедры уголовного права и криминологии Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник образования Республики Казахстан;
В.Д. Хабалев — доцент кафедры уголовного права и криминологии Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат психологических наук, доцент;
С.М. Савушкин — заместитель начальника Томского института повышения квалификации работников ФСИН России по учебной и научной работе, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A.B. Skakov – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Education of the Republic of Kazakhstan;
V.D. Khabalev – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor;
S.M. Savushkin – Deputy Head for Academic and Scientific Work of the Tomsk Institute for Advanced Studies of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Law, Associate Professor.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 142–151.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2023, no. 3, pp. 142–151.

УДК 343.982.43
doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.017

NIION: 2015-0064-03/23-150
MOSURED: 77/27-009-2023-03-349

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Понятие и классификация нестандартных объектов судебной почерковедческой экспертизы

Вадим Валерьевич Устинов

Российский государственный университет правосудия,
Москва, Россия, ystinov85@rambler.ru

Аннотация. Среди объектов судебной почерковедческой экспертизы теория и практика выделяют 3 группы: тексты различного объема, краткие записи и подписи. Вместе с тем все чаще встречаются объекты, которые по своему содержанию относятся к вышеназванным группам, однако по способу выполнения серьезным образом отличаются: копии, цифровые копии, подписи и записи на стенах, асфальте и т. д. Такие объекты принято считать нестандартными, методика их исследования имеет существенные особенности, что и определило актуальность настоящей научной статьи.

Ключевые слова: судебная почерковедческая экспертиза, объекты судебной почерковедческой экспертизы, нестандартные (нетипичные) объекты судебной почерковедческой экспертизы.

Для цитирования: Устинов В.В. Понятие и классификация нестандартных объектов судебной почерковедческой экспертизы // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 142–151. doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.017.

The concept and classification of non-standard objects of forensic handwriting expertise

Vadim V. Ustinov

Russian State University of Justice, Moscow,
Russia, ystinov85@rambler.ru

Abstract. Among the objects of forensic handwriting expertise, theory and practice distinguish three groups: texts of various volumes, brief notes and signatures. At the same time, there are more and more objects that belong to the above-mentioned groups in their content, but differ significantly in the method of execution: copies, digital copies, signatures and records on walls, asphalt, etc. Such objects are considered non-standard; the methodology of their research has significant features, which determined the relevance of this scientific article.

Keywords: forensic handwriting expertise, objects of forensic handwriting expertise, non-standard (atypical) objects of forensic handwriting expertise.

For citation: Ustinov, V.V. (2023) The concept and classification of non-standard objects of forensic handwriting expertise. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 3, pp. 142–151. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.017.

В судебной экспертологии объект судебной экспертизы понимается разными авторами несколько по-разному. Более того, прослеживается определенная дихотомичность этого понятия, на которую обращали внимание Т.В. Аверьянова, Т.Ф. Моисеева и некоторые другие авторы: определение объекта судебной экспертизы зависит от того, понимается судебная

экспертиза как наука или же как практическая деятельность. Так, говоря об объекте судебной экспертизы как практической деятельности, помимо иных классификаций, принято выделять общий, родовой (видовой), конкретный, а также непосредственный (специальный) объект¹. Концептуально под общим объектом понимаются

¹ Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М., 2014. С. 209–211.

«все без исключения носители информации, которые исследуются в ходе производства судебных экспертиз»², под родовым (видовым) — носители информации, исследуемые в рамках того или иного рода (класса, вида) экспертиз, под конкретным — представленный для производства экспертизы объект (в процессуальном смысле — вещественное доказательство), под непосредственным (специальным) — система свойств объекта, которые подвергаются экспертному исследованию. Указанное уровневое деление объектов является важным для понимания сущности объектов судебной почерковедческой экспертизы в целом и нестандартных объектов в частности.

Согласно сложившимся к настоящему времени научным представлениям, под объектом почерковедческой экспертизы понимается «рукопись, в которой отображаются свойства почерка», при этом отмечается, что в процессуальном смысле такой объект является вещественным доказательством, а в узкоспециальном смысле экспертное познание направлено на систему свойств почерка, которые отобразились в рукописи в виде идентификационных и диагностических признаков³.

Вступивший в силу в 2021 г. ГОСТ Р 59508-2021 «Судебно-почерковедческая экспертиза. Термины и определения» в п. 27 определяет объект судебно-почерковедческой экспертизы как «материалы дела, направляемые на судебно-почерковедческую экспертизу и относящиеся к ее предмету», а в примечании уточняется, что это «исследуемая рукопись, образцы почерка предполагаемого исполнителя, сведения о нем и условиях выполнения исследуемой рукописи»⁴. Аналогичное определение приведено в «Словаре основных терминов почерковедческой и автороведческой экспертиз»: «материалы уголовного, арбитражного или гражданского дела, направленные на судебно-почерковедческую экспертизу и относящиеся к ее предмету»⁵. В том же словаре можно

найти определения таких понятий, как «рукописный текст (рукопись, запись)» и «исследуемая рукопись». Под первым понимается «текст, исполненный рукописным способом, т. е. исполненный рукой человека при помощи орудия, предназначенного для письма (карандаш, шариковая или гелевая ручка, авторучка, фломастер и т. д.), по правилам письма этим орудием на поверхности, предназначенной для письма»⁶, а под вторым — «условное наименование конкретной, подлежащей исследованию рукописи (текста, записи, подписи), содержащейся в представленном на экспертизу документе — вещественном доказательстве. Образцы почерка (подписи) не принято именовать исследуемыми рукописями»⁷. Применительно к определению понятия рукописи следует отметить, что уточнение про предназначенность орудия и поверхности для письма не совсем корректно, так как в этом случае выполнение рукописи не предназначенными для письма материалами исключает их рукописный характер, хотя на самом деле речь идет лишь о возможности возникновения диагностического комплекса признаков необычного выполнения.

Понятие «рукопись» синонимично понятию «почерковая реализация» и по своей сути обозначает отображение программы письменно-двигательного навыка, отвечающего за графическую сторону письма, то есть предполагает рукописное выполнение тех или иных реквизитов документа за счет реализации письменно-двигательного функционально-динамического комплекса навыков человека. Схожее определение приведено в п. 39 упомянутого выше ГОСТа: «материализованный продукт процесса письма, основанного на реализации письменно-двигательного функционально-динамического комплекса навыков»⁸.

К почерковым реализациям относятся тексты различного объема и состава, краткие записи, а также подписи. Именно рукописные реквизиты, расположенные в документе на бумажном носителе и выполненные, как правило, пастой шариковой ручки (реже гелевой и ещё реже другими пишущими приборами), являются наиболее типичными, стандартными объектами почерковедческого исследования. Все остальные объекты, не подпадающие под данную категорию, условно можно назвать нетипичными, нестандартными.

⁶ Там же. С. 18.

⁷ Там же. С. 9.

⁸ ГОСТ Р 59508-2021. Судебно-почерковедческая экспертиза. Термины и определения.

² Аверьянова Т.В. Указ. соч. С. 209.

³ Почерковедение и почерковедческая экспертиза: учебник / под ред. В.В. Серегина. 3-е изд., испр. и доп. Волгоград, 2017. С. 11.

⁴ ГОСТ Р 59508—2021. Судебно-почерковедческая экспертиза. Термины и определения: национальный стандарт РФ: утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 20 мая 2021 г. № 402-ст // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Словарь основных терминов почерковедческой и автороведческой экспертиз: справочное пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 2008. С. 12.

В контексте рассмотрения вопроса о том, какие объекты относятся к нетипичным, стоит отметить, что в настоящее время значительная часть экспертиз и исследований проводится не в отношении «рукописей», определяемых как «исполненные рукописным способом», а в отношении документов, в которых лишь отдельные реквизиты выполнены рукописным способом (основной текст выполнен средствами репрографии, а подписи, их расшифровки, цифровые записи, резолюции — рукописно) либо в содержании которых имеются изображения таких реквизитов. Более того, и сравнительные образцы зачастую представляются в копиях документов.

Для удобства дальнейшего изложения особенностей нетипичных (нестандартных) объектов приведем их классификацию, основанную в первую очередь на характере их природы — материальном, цифровом или комбинированном (материально-цифровом):

1) объекты материальной природы, чья необычность определяется выбором нетипичных материалов письма:

- рукописи, выполненные на необычном материале поверхности (полимерный пакет, стена, кожа, стекло и т. д.);
- рукописи, выполненные с помощью нестандартного орудия письма (фломастер, кисть, палец, баллон с краской и т. п.);
- рукописи, выполненные нестандартным орудием на нетипичном материале поверхности (например, фломастером на полимерном пакете, шариковой ручкой с пастой на коже, губной помадой на стекле и т. д.);

2) объекты цифровой природы, которые, в свою очередь, по способу возникновения делятся:

- на изображения рукописных реквизитов, являющиеся результатом цифровой обработки объектов материальной природы и представленные в виде файлов того или иного формата (фотографии, сканированные изображения), в том числе воспроизведенные на бумажном носителе;
- рукописи, выполненные с помощью интерфейса графического редактора (записи, подписи, выполненные на сенсорных экранах пальцем либо стилусом, реже — компьютерной мышью), т. е. графические цифровые подписи и записи;

3) объекты комбинированной природы, предполагающие наличие и оригинала, и цифровой либо материальной копии почерковой реализации:

- системы объектов, в которых почерковая реализация доступна непосредственному восприятию;

- системы объектов, в которых почерковая реализация ограничено доступна непосредственному восприятию, но недостаток данных компенсируется наличием копии документа, сделанной до того, как имело место агрессивное воздействие;

- системы объектов, в которых почерковая реализация (либо её изображение) недоступна непосредственному восприятию без визуализации путем применения специальных методов, то есть возникающие при решении задачи установления первоначального содержания документов.

Под материалами письма в почерковедении понимаются «предметы и вещества, используемые для выполнения записей: предметы, на которых выполнены записи, орудия письма и красящие композиции, используемые для письма»⁹. Если обратиться к криминалистической энциклопедии под редакцией Р.С. Белкина, то можно увидеть немного другую трактовку: в судебной почерковедческой экспертизе это предмет, на котором выполнена рукопись (может быть обычным и необычным), а в технико-криминалистической экспертизе — вещества, используемые для нанесения текстов, отпечатков, оттисков печатей и т. д.¹⁰ Иными словами, данный термин охватывает 3 вида материалов: на которых выполняются реквизиты (носители) и которыми они выполняются — орудия письма и вещество, которое ими наносится. В свою очередь, вещество не всегда участвует в механизме следообразования, например, при выполнении записей гвоздем или иным острым предметом на поверхности с меньшей твердостью¹¹ вещество отсутствует.

Кроме этого, как уже отмечалось выше, поверхность вовсе не обязательно должна быть «предназначена» для нанесения красящего вещества (кожа, дерево, стекло), это вопрос выбора исполнителя рукописи. В сущности, речь о разных этапах существования объекта: предназначение предмета выбирается при его создании и переделывании, а уже выбор для использования в том или ином качестве имеет место позже, при его эксплуатации.

⁹ Словарь основных терминов почерковедческой и автороведческой экспертиз. С. 10.

¹⁰ Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е доп. изд. М., 2000.

¹¹ Яскина В.Э. Понятие и классификация нетрадиционных материалов письма // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4. С. 131.

Нами предлагается два основания деления нетипичных материалов письма: по общей письменной практике материалы письма делятся на традиционные и нетрадиционные, а по индивидуальной письменной практике — привычные и непривычные. Последний критерий особенно важен, поскольку напрямую влияет на то, будут ли наблюдаться признаки непривычного выполнения. Более того, он же позволяет более полно охарактеризовать материалы письма: так, в отечественной письменной практике письмо кистью сложно отнести к традиционному способу реализации письменно-двигательного навыка, однако для конкретного исполнителя использование этого орудия письма может быть привычным. Аналогичным образом можно охарактеризовать выполнение графических цифровых подписей и записей, а также граффити и т. д.

Интересной представляется и ещё одна предложенная В.Э. Яскиной классификация самих объектов, на которых выполнены рукописи, исходя из:

- размещения в пространстве (предметы с вертикально и горизонтально расположенной текстопринимающей поверхностью);
- пространственных характеристик объектов, на которых выполнена рукопись (плоские/объемные);
- твердости материала поверхности (труднодеформируемые, среднедеформируемые, легкодеформируемые и мягкие)¹².

Полагаем целесообразным привести основные особенности объектов, чья нетипичность объясняется выбором нестандартных материалов письма:

1) наличие либо отсутствие признаков необычного выполнения напрямую зависят от индивидуальной письменной практики, в том числе гибкости письменно-двигательного навыка исполнителя;

2) для различных пишущих приборов будут свои закономерности изменения тех или иных общих и частных признаков почерка, при этом часть из них всё равно будет проявляться так же, как и в обычной письменной практике;

3) часть признаков может и в принципе отсутствовать в связи с особенностями выбранных материалов письма: например, в случае с граффити, выполненными с помощью аэрозольного

баллона с краской, вместо нажима правильнее говорить о расстоянии от распылителя до текстопринимающей поверхности, поскольку такие орудия письма являются бесконтактными;

4) во многих случаях эксперту придется работать с изображениями рукописей — как ввиду отсутствия оригинала на момент исследования (граффити могут быть закрашены, надпись мелом может быть размыта из-за погодных условий и т. д.), так и по причине удобства (масштабированное цифровое изображение достаточного качества гораздо более удобно для исследования, чем реальная надпись на опоре моста, на оконном стекле, коже или ином предмете-носителе, который затруднительно представить эксперту);

5) в ряде ситуаций решить вопрос не представляется возможным ввиду отсутствия образцов почерка как таковых либо отсутствия сопоставимых образцов.

Относительно цифровых объектов в судебной экспертизе и криминалистике, описанных выше, необходимо перейти к практическому вопросу, касающемуся соотношения понятий «копия» и «оригинал». В этом аспекте представляется правомерным предложение «разделять понятия „оригинал документа“ и „оригинал почеркового объекта“»¹³, высказанное М. Подполухо. Аналогичным образом следует дифференцировать между собой понятия «копия документа» и «копия почеркового объекта» (его изображение). Необходимость данного деления связана с активно обсуждаемой проблемой выявления признаков монтажа исследуемого документа. Как отмечают А.А. Плинатус и Л.М. Круглов, «установление факта применения монтажа при создании копии документа... не свидетельствует о неподлинности самих вмонтированных реквизитов»¹⁴. Кроме того, отрицательный идентификационный вывод в рамках почерковедческой экспертизы дает основания усомниться в подлинности оригинала такого документа. Иными словами, данное разделение необходимо для грамотной оценки выводов эксперта и тех признаков, на основе которых они формулируются.

Следует обратить внимание, что относительно самих понятий «копия» и «оригинал» также уже достаточно продолжительное время ведутся

¹² Яскина В.Э. Теоретические и практические основы криминалистического исследования рукописей, выполненных с применением нетрадиционных материалов письма: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2022. С. 45–47.

¹³ Подполухо М. Особенности идентификационного исследования почерковых объектов по их изображениям в копиях документов // *Legea și viața*. 2018. № 11. С. 55.

¹⁴ Плинатус А.А., Круглов Л.М. Актуальные вопросы исследования изображений почерковых объектов // Научный портал МВД России. 2021. № 3 (55). С. 55.

дискуссии, которые во многом связаны с тем, как определяются эти термины в ГОСТ Р 7.0.8-2013 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения». Термин «оригинал» в указанном стандарте отсутствует, однако есть понятия *подлинника документа* («первого или единственного экземпляра документа»), а также его *дубликата* («повторного экземпляра»), по своей сути представляющих собой оригиналы с точки зрения эксперта. Что немаловажно, под *копией* понимается «экземпляр документа, полностью воспроизводящий информацию подлинника документа»¹⁵, и, как отмечается в методических рекомендациях ЭКЦ МВД России по исследованию изображений почерковых объектов в документах, выполненных при помощи копировально-множительной техники, от 2021 года, рядом авторов в связи с этим предлагается относить к копиям только «официально заверенные документы или о которых в постановлении о назначении экспертизы приведены сведения, указывающие на существование оригинала», а если такие сведения отсутствуют, то в отношении подобных документов следует употреблять термины «изображение документов» или «объект с изображениями реквизитов». Далее в тех же методических рекомендациях абсолютно справедливо отмечается, что, хотя такая терминология и отражает сущность подобных документов, она тем не менее приводит к ряду трудностей (в части констатации факта соответствия объектов перечню, приведенному в постановлении или определении, и доступности содержания заключения для субъекта оценки). В связи с изложенным авторами методических рекомендаций предлагается в случае наличия изображений реквизитов называть документы *копиями*¹⁶.

Определяется также понятие изображений реквизитов — «зафиксированных на материальном носителе отображений реальных печатных текстов, оттисков печатей, подписей, записей и др., полученных путем копирования их образов

непосредственно с документа, являющихся отображением искусственно созданных образов, имитирующих структурные элементы документа»¹⁷. Оригинал, как это принято в рамках технической экспертизы документов, понимается, с одной стороны, как материальный носитель информации, «с которого производилось непосредственное или поэтапное многократное копирование документа»¹⁸. С другой же стороны, под оригиналом стоит понимать и электронный образ, содержащий изображения реквизитов документа, с которого на материальном носителе выполнялись (распечатывались) изображения копии документа или отдельных ее элементов. Такой подход по умолчанию учитывает случаи монтажа, на что и указывают авторы рекомендаций. Кроме этого, он не запрещает относить к копиям документов объекты, при исследовании которых стоит задача установления содержания с помощью технических средств (источников УФ- и ИК-излучения, установок для электростатического репродуцирования и т. д.). Такие экспертизы могут проводиться, например, при расследовании и рассмотрении дел, связанных с промышленной или транспортной сферой¹⁹, и в иных случаях, когда исследуемые объекты подвержены повышенному риску агрессивного воздействия, однако данная категория объектов будет рассмотрена дальше как имеющая комбинированную природу.

Однако, как справедливо отмечают О.А. Барина и Г.В. Черепенько, указанные способы копирования являются не единственными: при оформлении квитанций (например, в DHL, «Спецсвязи», EMS и др.) и различных складских документов всё ещё довольно широко применяется самокопирующаяся и карбонизированная бумага, а в ряде случаев и простая копировальная бумага²⁰. Очевидно, что в этих случаях должны будут наблюдаться признаки соответствующей

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Бобовкин М.В., Ручкин В.А., Диденко О.А. Транспортные документы — объекты судебно-почерковедческой экспертизы // Транспортное право и безопасность. 2020. № 4 (36). С. 201—209.

²⁰ Барина О.А. Комплексный подход в распознавании способа получения изображений документа // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 1. С. 7—17; Черепенько Г.В. К вопросу о возможности расширения понятия «копия» в судебно-почерковедческой экспертизе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 7 (47). С. 212—221.

¹⁵ ГОСТ Р 7.0.8-2013. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения: национальный стандарт РФ: утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 17 октября 2013 г. № 1185-ст // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Исследование изображений почерковых объектов в документах, выполненных при помощи копировально-множительной техники: методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2021. С. 6.

щих материалов письма, но не будет признаков необычного выполнения, которые имели бы место при обводке оригинала рукописного реквизита. В сущности, такие объекты нельзя относить к имеющим цифровую природу, их можно отнести к объектам материальной природы, предполагающим использование нетипичных материалов письма, а именно материала поверхности. На самокопирующейся бумаге нужно писать с сильным нажимом, а копируемой бумаге свойственна повышенная подвижность, что также оказывает свое влияние на реализацию письменного-двигательного навыка.

Ключевая особенность таких объектов заключается в том, что изображения рукописных реализаций являются не прямым отображением системы криминалистических свойств почерка конкретного индивида, а их отображением в графическом объекте, воспроизводимом посредством разных технических средств непосредственно на бумажном либо электронном носителе информации, что и определяет их нестандартность. Именно эта особенность отличает различного рода копии документов, включая сканкопии и цифровые фотографии, от графических цифровых записей и подписей, т. е. рукописей, выполненных в интерфейсе графического редактора с помощью пальца, стилуса и в редких случаях — компьютерной мыши.

В сущности, графические цифровые подписи и записи в определенной степени можно отнести и к рукописям, выполненным с помощью нетипичных материалов письма. И с этой точки зрения здесь будет применимо то же самое деление на привычные и непривычные материалы письма (в первую очередь орудия) и закономерное влияние особенностей индивидуальной письменной практики на наличие либо отсутствие признаков необычного выполнения.

В рамках рассмотрения особенностей объектов цифровой природы целесообразно обратить внимание на такую проблему, как псевдоручкописные шрифты. А.Ф. Купин и В.В. Ботвина отмечают, что трудностей при исследовании оригинала документа, в котором расположены тексты, выполненные с помощью псевдоручкописных шрифтов, как таковых нет, поскольку в таком случае будут наблюдаться признаки нанесения изображений с помощью репрографии²¹. В свою очередь,

²¹ Купин А.Ф., Ботвина В.В. Возможности исследования рукописных реквизитов документов, выполненных при помощи специальных программ и технических средств // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17, № 4. С. 60.

при представлении на исследование копии подобного документа такие признаки теряются на фоне аналогичных признаков, возникших при копировании оригинала, поэтому ориентироваться необходимо именно на признаки «почерка». Следует отметить, что в копиях документов, изготовленных с помощью репрографии, в целом достаточно хорошо маскируются признаки «технической подделки», например использования факсимильной формы.

Таким образом, целесообразно выделить следующие особенности данных объектов:

1) объекты цифровой природы могут поступать на исследование как на электронном, так и на бумажном носителе информации, и в первом случае предъявляются дополнительные требования к процессу их изъятия, фиксации и описания;

2) в копиях реквизитов документов часть признаков не отображается (динамические, как правило, хотя это и спорно, как показывает и собственный опыт исследования копий, и публикации по теме, например работы М.В. Жижиной²² и Г.В. Черепенько²³), а часть может не отображаться достоверно, однако в случае тождественности копии остальные признаки совпадают в точности;

3) выполнение подписей и записей с помощью пальца, стилуса или компьютерной мыши предполагает влияние объективных сбивающих факторов 1-й группы (непривычный материал, непривычная поверхность, непривычная поза), что обуславливает возникновение диагностических признаков.

Объекты комбинированной (материально-цифровой) природы — это оригиналы, представляемые с копией. Оригинал и копия в зависимости от ситуации будут иметь разное соотношение информативности. Так, при наличии неповрежденного оригинала и копии документа может быть решена задача установления тождественности копии. Данная задача решается в том числе

²² Жижина М.В. Судебно-почерковедческое исследование по цифровым фотографическим копиям документов // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15, № 2. С. 70—80; Жижина М.В. Судебно-почерковедческое исследование по цифровым скан- и фотокопиям документов (часть 2) // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17, № 3. С. 94—103.

²³ Черепенько Г.В. Алгоритм предварительного исследования копий рукописных реквизитов в рамках производства почерковедческой экспертизы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 6 (70). С. 141—148.

по почерковедческим признакам, которые могут не в полном объеме отобразиться в копии, и их не получится сравнить. Если же оригинал рукописного реквизита был частично изменен как в рамках, так и за рамками экспертизы, но имеется его копия, полученная до агрессивного воздействия, то копия будет восполнять ту часть визуальных данных, которую нельзя наблюдать в оригинале. Так, при установлении давности изготовления документа по методике РФЦСЭ применяется разрушающий метод — выполняются микровырезки, в том числе из областей расположения штрихов реквизитов. Как правило, до осуществления указанных манипуляций эксперт просто фотографирует, а не сканирует общий вид объекта. С учетом того, что иллюстрации отнюдь не всегда воспроизводятся с помощью цветной печати, такой вариант фиксации стоит признать менее желательным.

Сходная ситуация может наблюдаться и при применении метода влажного копирования, однако при решении вопроса о последовательности выполнения реквизитов эксперты зачастую используют коаксиальные осветители, в силу чего повреждения штрихов не происходит. В тех ситуациях, когда исследование оригинала документа предполагает решение задачи установления первоначального содержания, применяемые методы визуализации приводят к появлению цифрового файла, содержащего фотографию выявленных реквизитов. Так, своеобразной разновидностью таких объектов будут изображения выявленных слабовидимых или невидимых записей, например, отобразившихся в виде неокрашенных вдавленных штрихов. Что интересно, решение идентификационных почерковедческих задач по таким объектам крайне редко описывается в литературе по криминалистическому документоведению и криминалистике в целом. Так, И.Н. Усков указывает²⁴, что подробные рекомендации были изданы в 50—70-х годах прошлого столетия, а круг современных работ, в которых хотя бы в некоторой степени освещался данный вопрос, весьма узок. Кроме учебной литературы автор обращает внимание на статью, подготовленную А.В. Ефименко и П.А. Четверкиным, в которой описывается случай применения мето-

да электростатического репродуцирования²⁵. В то же время в зарубежных публикациях можно найти примеры положительного опыта отождествления исполнителя по таким объектам.

Вдавленные неокрашенные штрихи будут образовываться и при стирании красящего вещества, нанесенного ручкой с симпатическими чернилами, и в этих случаях стоит применять съемку в косопадающих лучах. Похожая по своей сути задача будет решаться и по ручкам с так называемыми невидимыми красящими веществами, люминесцирующими при воздействии УФ-излучения.

С другой стороны, примером могут служить и случаи восстановления содержания сгоревших документов. Так, в ЭКЦ Управления на транспорте МВД России по ЦФО в 2023 г. по делу о пожаре была назначена технико-криминалистическая экспертиза с целью решения такой задачи в отношении журнала учета инструктажей по пожарной безопасности. Кроме воздействия высоких температур страницы журнала подвергались также воздействию влаги. Помимо бумажных страниц, в журнале имелись полимерные канцелярские файлы, оплавление которых затруднило возможность отделения страниц даже после увлажнения с помощью эксикатора. В связи с этим экспертом было принято решение исследовать такие страницы в УФ- и ИК-лучах, что позволило визуализировать печатные (в ИК-зоне) и рукописные реквизиты (преимущественно в УФ-зоне). Безусловно, довольно существенной проблемой при исследовании подобных по содержанию документов является конструктивная простота выполняемых подписей.

Ещё одним примером ситуации, когда в результате решения технико-криминалистической задачи появляется объект, пригодный для почерковедческого исследования, является установление содержания замазанных и зачеркнутых записей, а также дописок, которое может осуществляться как инструментальными методами, так и программными средствами, например в Adobe Photoshop (либо путем маскирования, либо путем расшифровки в ручном режиме). Однако сто-

²⁴ Усков И.Н. О методах выявления рукописной записи (подписи), отобразившейся на бумаге в виде неокрашенных рельефных штрихов // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4. С. 107.

²⁵ Ефименко А.В., Четверкин П.А. Современные возможности установления латентного содержания документа с помощью метода электростатического репродуцирования изображений: пример из практики // Судебная экспертиза: российский и международный опыт: сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции, г. Волгоград, 21—22 мая 2014 г. Волгоград, 2014. С. 136—139.

ит признать, что чаще всего такие почерковые реализации являются недостаточно информативными ввиду крайне малого объема.

Таким образом, можно заключить, что круг нетипичных объектов почерковедческого исследования весьма широк и при этом разнороден. Тем не менее такие объекты характеризуются и общими чертами: во-первых, как правило, их информативность ограничена по тем или иным причинам, во-вторых, для их качественного изучения необходимо прибегать к знаниям из области технической экспертизы документов, и в-третьих, зачастую речь идет об исследовании не самой рукописи, а её изображения на том или ином носителе.

Список литературы

1. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 479 с.
2. Барина О.А. Комплексный подход в распознавании способа получения изображений документа // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 1. С. 7—17. doi: 10.55001/2587-9820.2022.48.52.001.
3. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е доп. изд. М.: Мегатрон XXI, 2000. 334 с.
4. Бобовкин М.В., Ручкин В.А., Диденко О.А. Транспортные документы — объекты судебно-почерковедческой экспертизы // Транспортное право и безопасность. 2020. № 4 (36). С. 201—209.
5. Ефименко А.В., Четверкин П.А. Современные возможности установления латентного содержания документа с помощью метода электростатического репродуцирования изображений: пример из практики // Судебная экспертиза: российский и международный опыт: сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции, г. Волгоград, 21—22 мая 2014 г. Волгоград: ВА МВД России, 2014. С. 136—139.
6. Жижина М.В. Судебно-почерковедческое исследование по цифровым скан- и фотокопиям документов (часть 2) // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17, № 3. С. 94—103. doi: 10.30764/1819-2785-2022-3-94-103.
7. Жижина М.В. Судебно-почерковедческое исследование по цифровым фотографическим копиям документов // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15, № 2. С. 70—80. doi: 10.30764/1819-2785-2020-2-70-80.
8. Исследование изображений почерковых объектов в документах, выполненных при помощи копировально-множительной техники: методические рекомендации / Карпухин А.В., Плинатус А.А., Кирюхина-Цешке К.П., Болдырева Е.А., Войтова О.Г. М.: ЭКЦ МВД России, 2021.
9. Купин А.Ф., Ботвина В.В. Возможности исследования рукописных реквизитов документов, выполненных при помощи специальных программ и технических средств // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17, № 4. С. 59—69. doi: 10.30764/1819-2785-2022-4-59-69.
10. Плинатус А.А., Круглов Л.М. Актуальные вопросы исследования изображений почерковых объектов // Научный портал МВД России. 2021. № 3 (55). С. 52—56.
11. Подполухо М. Особенности идентификационного исследования почерковых объектов по их изображениям в копиях документов // *Legea și viața*. 2018. № 11. С. 54—56.
12. Почерковедение и почерковедческая экспертиза: учебник / под ред. В.В. Серегина. 3-е изд., испр. и доп. Волгоград: ВА МВД России, 2017. 352 с.
13. Словарь основных терминов почерковедческой и автороведческой экспертиз: справочное пособие / сост.: И.И. Рубцова, Л.А. Сысоева, А.П. Коршиков [и др.]. М.: ЭКЦ МВД России, 2008. 64 с.
14. Усков И.Н. О методах выявления рукописной записи (подписи), отобразившейся на бумаге в виде неокрашенных рельефных штрихов // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4. С. 106—109.
15. Черепенько Г.В. Алгоритм предварительного исследования копий рукописных реквизитов в рамках производства почерковедческой экспертизы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 6 (70). С. 141—148. doi: 10.17803/2311-5998.2020.70.6.141-148.
16. Черепенько Г.В. К вопросу о возможности расширения понятия «копия» в судебно-почерковедческой экспертизе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 7 (47). С. 212—221. doi: 10.17803/2311-5998.2018.47.7.212-221.
17. Яскина В.Э. Понятие и классификация нетрадиционных материалов письма // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4. С. 130—133.
18. Яскина В.Э. Теоретические и практические основы криминалистического исследования рукописей, выполненных с применением нетра-

диционных материалов письма: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2022. 261 с.

References

1. Averyanova, T.V. (2014) Sudebnaya ekspertiza. Kurs obshchey teorii [Forensic examination. The course of general theory]. Moscow, Norma, INFRA-M, 479 p. (In Russ.).

2. Barinova, O.A. (2022) Kompleksnyy podkhod v raspoznavanii sposoba polucheniya izobrazheniy dokumenta [Possibilities of recognition of the method of obtaining images of the document]. *Forensics: yesterday, today, tomorrow*, no. 1, pp. 7–17. (In Russ.). doi: 10.55001/2587-9820.2022.48.52.001.

3. Belkin, R.S. (2000) Kriminalisticheskaya entsiklopediya [The Forensic Encyclopedia]. Second edition. Moscow, Megatron XXI, 334 p. (In Russ.).

4. Bobovkin, M.V., Ruchkin, V.A. & Didenko, O.A. (2020) Transportnye dokumenty – ob"ekty sudebno-pocherkovedcheskoy ekspertizy [Transport documents are the objects of forensic handwriting analysis]. *Transportnoe pravo i bezopasnost'*, no. 4 (36), pp. 201–209. (In Russ.).

5. Efimenko, A.V. & Chetverkin, P.A. (2014) Sovremennye vozmozhnosti ustanovleniya latennogo soderzhaniya dokumenta s pomoshch'yu metoda elektrostatičeskogo reproduirovaniya izobrazheniy: primer iz praktiki [Modern possibilities of establishing the latent content of a document using the method of electrostatic reproduction of images: an example from practice]. In: *Sudebnaya ekspertiza: rossiyskiy i mezhdunarodnyy opyt. Sbornik nauchnykh trudov II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Volgograd, May 21–22, 2014*. Volgograd, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, pp. 136–139. (In Russ.).

6. Zhizhina, M.V. (2022) Sudebno-pocherkovedcheskoe issledovanie po tsifrovym skan- i fotokopiyam dokumentov (chast' 2) [Forensic handwriting analysis by digital photographic copies of documents (part 2)]. *Theory and Practice of Forensic Science*, vol. 17, no. 3, pp. 94–103. (In Russ.). doi: 10.30764/1819-2785-2022-3-94-103.

7. Zhizhina, M.V. (2020) Sudebno-pocherkovedcheskoe issledovanie po tsifrovym fotograficheskim kopiym dokumentov [Forensic handwriting investigation using digital photographic copies of documents]. *Theory and Practice of Forensic Science*, vol. 15, no. 2, pp. 70–80. (In Russ.). doi: 10.30764/1819-2785-2020-2-70-80.

8. Karpukhin, A.V., Plinatus, A.A., Kiryukhina-Tseshke, K.P., Boldyreva, E.A. & Voitova, O.G. (2021) Issledovanie izobrazheniy pocherkovykh ob"ektov v

dokumentakh, vypolnennykh pri pomoshchi kopiroval'no-mnozhitel'noy tekhniki [Analysis of images of handwriting objects in documents made with the help of copying and multiplying equipment]. Methodological recommendations. Moscow, Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (In Russ.).

9. Kupin, A.F. & Botvina, V.V. (2022) Vozmozhnosti issledovaniya rukopisnykh rekvizitov dokumentov, vypolnennykh pri pomoshchi spetsial'nykh programm i tekhnicheskikh sredstv [Possibilities of studying handwritten document requisites made using special programs and technical means]. *Theory and Practice of Forensic Science*, vol. 17, no. 4, pp. 59–69. (In Russ.). doi: 10.30764/1819-2785-2022-4-59-69.

10. Plinatus, A.A. & Kruglov, L.M. (2021) Aktual'nye voprosy issledovaniya izobrazheniy pocherkovykh ob"ektov [Actual issues in the study of images of handwriting objects]. *Nauchnyy portal MVD Rossii*, no. 3 (55), pp. 52–56. (In Russ.).

11. Podpolukho, M. (2018) Osobennosti identifikatsionnogo issledovaniya pocherkovykh ob"ektov po ikh izobrazheniyam v kopiyakh dokumentov [Features of identification research of handwriting objects based on their images in copies of documents]. *Legea și viața*, no. 11, pp. 54–56. (In Russ.).

12. Seregin, V.V. (ed.) (2017) Pocherkovedenie i pocherkovedcheskaya ekspertiza [Handwriting and handwriting expertise]. Textbook. Third edition. Volgograd, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 352 p. (In Russ.).

13. Rubtsova, I.I., Sysoeva, L.A., Korshikov, A.P., Ermolova, E.I. & Bezrukova, A.I. (2008) Slovar' osnovnykh terminov pocherkovedcheskoy i avtorovedcheskoy ekspertizy [Dictionary of basic terms of handwriting and author expertise]. Moscow, Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 64 p. (In Russ.).

14. Uskov, I.N. (2018) O metodakh vyyavleniya rukopisnoy zapisi (podpisi), otobrazivsheysya na bumage v vide neokrashennykh rel'efnykh shtrikhov [On the possibility of identification by handwritten entries (captions) displayed on the paper in the form of unpainted textured strokes]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, no. 4, pp. 106–109. (In Russ.).

15. Cherepenko, G.V. (2020) Algoritm predvaritel'nogo issledovaniya kopiiv rukopisnykh rekvizitov v ramkakh proizvodstva pocherkovedcheskoy ekspertizy [Algorithm for the preliminary study the copies of handwritten details in framework the production of handwriting examination]. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, no. 6 (70),

pp. 141–148. (In Russ.). doi: 10.17803/2311-5998.2020.70.6.141-148.

16. Cherepenko, G.V. (2018) K voprosu o vozmozhnosti rasshireniya ponyatiya “kopiya” v sudebno-pochovedcheskoy ekspertize [On the possibility of expanding the concept of “copy” in forensic handwriting examination]. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, no. 7 (47), pp. 212–221. (In Russ.). doi: 10.17803/2311-5998.2018.47.7.212-221.

17. Yaskina, V.E. (2018) Ponyatie i klassifikatsiya netraditsionnykh materialov pis'ma [Definition and

classification of uncommon writing materials]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, no. 4, pp. 130–133. (In Russ.).

18. Yaskina, V.E. (2022) Teoreticheskie i prakticheskie osnovy kriminalisticheskogo issledovaniya rukopisey, vypolnennykh s primeneniem netraditsionnykh materialov pis'ma [Theoretical and practical foundations of forensic research of manuscripts made with the use of non-traditional writing materials]. Ph. D. thesis. Saint Petersburg, 261 p. (In Russ.).

Информация об авторе

В.В. Устинов — доцент кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук.

Information about the author

V.V. Ustinov – Associate Professor of the Department of Forensic Examinations and Criminalistics of the Russian State University of Justice, Candidate of Law.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Психология. 2-е изд., перераб. и доп. Учеб. пособие. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований / Под науч. ред. И.В. Грошева, В.Л. Цветкова; под общ. ред. В.Ф. Родина, И.Б. Лебедева. 311 с.

ISBN: 978-5-238-03625-0

Учебное пособие разработано в соответствии с требованиями Федерального государственного стандарта по специальностям "Правовое обеспечение национальной безопасности" и "Правоохранительная деятельность". Рассмотрены основы психологии для сотрудников правоохранительных органов.

Для курсантов, студентов, адъюнктов, аспирантов вузов, а также всех тех, кто интересуется проблемами психологического обеспечения правоохранительной деятельности.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 152—156.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2023, no. 3, pp. 152–156.

УДК 351.9
doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.018

НИОН: 2015-0064-03/23-151
MOSURED: 77/27-009-2023-03-350

Научная специальность: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Порядок организации и осуществления надзорной деятельности прокуратуры

Римма Мубаракновна Махьянова

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации, Москва, Россия, mahyanova68@gmail.com

Аннотация. На основе анализа научно-практических источников, регламентирующих полномочия прокурора, в статье обоснованы: целесообразность упорядочивания действий прокуроров при организации и осуществлении надзорной деятельности, определены ее основные стадии и этапы; целесообразность совершенствования правового регулирования вопросов, связанных с проведением прокурорских проверок, реализацией их результатов; необходимость тактико-методического сопровождения в целях обеспечения верховенства законов, достижения качества и результативности надзорных мероприятий, повышения эффективности надзорной деятельности органов прокуратуры.

Ключевые слова: стадии и этапы надзорной деятельности прокуратуры; тактика надзорной деятельности; тактическое сопровождение; надзорная ситуация; полномочия прокурора.

Для цитирования: Махьянова Р.М. Порядок организации и осуществления надзорной деятельности прокуратуры // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 152—156. doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.018.

The procedure for the organization and implementation of supervisory activities of the Prosecutor's Office

Rimma M. Makhyanova

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense
of the Russian Federation, Moscow, Russia, mahyanova68@gmail.com

Abstract. Based on the analysis of scientific and practical sources regulating the powers of the prosecutor, the article substantiates: the expediency of streamlining the actions of prosecutors in the organization and implementation of supervisory activities, its main stages are determined; the expediency of improving the legal regulation of issues related to the conduct of prosecutorial inspections, the implementation of their results; the need for tactical and methodological support in order to ensure the rule of law, to achieve the quality and effectiveness of supervisory measures, to increase the effectiveness of supervisory activities of the prosecutor's office.

Keywords: stages of supervisory activity of the prosecutor's office; tactics of supervisory activity; tactical support; supervisory situation; powers of the prosecutor.

For citation: Makhyanova, R.M. (2023) The procedure for the organization and implementation of supervisory activities of the Prosecutor's Office. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 3, pp. 152—156. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.018.

Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» определены основные функции органов прокуратуры, среди которых главное место занимает надзорная¹. При ее реализации прокурорами выяв-

ляются, устраняются и предупреждаются нарушения законов, им способствующие обстоятельства; устанавливаются виновные лица и негативные последствия, наступившие в результате их незаконной деятельности.

Однако прокурорами проводятся проверки и при осуществлении иной прокурорской деятельности, не связанной с надзорной, — участие прокурора в рассмотрении дел судами, опротестова-

¹ О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472. См. ст. 1.

© Махьянова Р.М., 2023

ние судебных решений и др. (ст. 35, 36 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»).

Данная позиция поддержана учеными и практиками в научных трудах о тактике и методике прокурорских проверок².

Вместе с тем анализ научно-практической литературы по прокурорскому надзору свидетельствует об отсутствии правового регулирования процесса проводимых прокурорами проверок, что в первую очередь негативно сказывается на качестве их организации и проведения.

С одной стороны, это дает возможность каждому из прокурорских работников реализовывать свой профессиональный опыт, полученные знания, навыки и умения, а также индивидуальный творческий подход к решению задач и достижению поставленных целей, а с другой — отсутствие установленного законом порядка организации и осуществления надзорной деятельности может привести к снижению эффективности надзорной деятельности органов прокуратуры.

В соответствии с действующим законодательством прокурор, реализуя свои полномочия в процессе проведения надзорных мероприятий, обязан оценить на соответствие Конституции Российской Федерации и действующему законодательству деятельность должностных и иных лиц, подвергнутых проверке, и по совокупности имеющихся обстоятельств в конкретном периоде времени составить картину состояния законности на поднадзорном объекте и изыскать объективные доказательства, свидетельствующие об имеющихся фактах нарушений законов либо об отсутствии таковых. В случае выявления нарушений законов прокурор должен установить способствующие им причины и условия, принять целесообразные меры реагирования.

Таким образом, надзорная деятельность представляет собой комплекс взаимосвязанных и последовательных действий прокурора, совершаемых им при осуществлении прокурорского надзора, т. е. при проведении проверок, принятии мер по их результатам и контроле за выполнением требований прокурора. Здесь речь идет о конкретных *стадиях* надзорной деятельности.

Термин «надзирать» означает наблюдать с целью присмотра, проверки³. Под «деятельнос-

тью» понимаются занятия, труд⁴. «Проверить» означает удостовериться в правильности чего-нибудь, обследовать с целью надзора, контроля.

Исходя из анализа положений законодательства о прокурорском надзоре и опыта надзорной практики, надзорная деятельность органов прокуратуры нами понимается как *система упорядоченных и последовательных действий прокурора, обусловленных поставленными целями и задачами и направленных на обнаружение и устранение фактов нарушений законов, им способствующих обстоятельств в целях полного восстановления законности.*

С учетом вышеизложенного, предлагается выделить основные *стадии* надзорной деятельности, представляющие собой систему логически связанных между собой действий или комплексов действий, совершаемых прокурорами в строгой последовательности (одно за другим) при осуществлении надзорной деятельности.

Каждая из стадий надзорной деятельности содержит определенные цели и задачи, выполнение которых в конкретной надзорной ситуации требует разработки целесообразных методов и способов действий.

Необходимость использования такого методологического подхода к порядку осуществления надзорных мероприятий основана, прежде всего, на положительном опыте проведения прокурорских проверок и направлена на решение проблем, связанных с повышением эффективности надзорной деятельности органов прокуратуры, разработкой новых методов и тактических приемов.

Как нами упомянуто ранее, нормами Федерального закона № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» и правовых актов Генеральной прокуратуры Российской Федерации подробно не урегулирован порядок действий прокурорских работников в ходе организации и осуществления надзорной деятельности.

Указанный фактор зачастую приводит к несогласованности (разрозненности, нескоординированности) действий прокуроров и в значительной степени влияет на достижение надлежащего качества и результативности осуществляемых надзорных мероприятий.

Данную позицию поддерживают ученые, исследовавшие теоретические проблемы развития прокурорского надзора, целесообразности правового регулирования его сущности и содержания.

Так, некоторые ученые полагают, что каждая из стадий прокурорско-надзорной деятельности нуждается в специальном исследовании в на-

² Прокурорская проверка. Методика и тактика проведения: учебное пособие / [О.Н. Коршунова, Е.А. Бурмистрова, И.И. Головки и др.]; под общ. ред. О.Н. Коршуновой. СПб, 2017. С. 7—24.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Оникс, 2007. С. 366.

⁴ Там же. С. 160.

правлении раскрытия их содержания, совершенствования процедуры осуществления, взаимосвязи и взаимообусловленности действий участников прокурорско-надзорных правоотношений и т. п. Такое исследование позволило бы глубже познать сущность и содержание надзорного процесса в целом, приблизить его к жизненным реалиям для решения задачи обеспечения единства и укрепления законности в государстве⁵.

Другие ученые полагают, что прокурорско-надзорная деятельность должна осуществляться всесторонне, полно и объективно. Стадии прокурорско-надзорного процесса — это, прежде всего, этапы прокурорско-надзорной деятельности, а точнее, прокурорско-надзорного процесса по выявлению и устранению правонарушений, последовательно сменяющие друг друга, образующие определенный порядок, процедуру прокурорского надзора⁶.

В целях единого восприятия и понимания содержания термина «надзорная деятельность органов прокуратуры» представляется целесообразным выделять следующие основные *стадии* надзорной деятельности⁷:

- 1) проведение проверок;
- 2) принятие мер прокурорского реагирования по результатам проведенных проверок;
- 3) контроль за выполнением требований прокурора, изложенных в документах прокурорского реагирования.

Здесь следует отметить, что на каждой стадии надзорной деятельности, исходя из оценки складывающейся надзорной ситуации, прокурорам целесообразно разрабатывать *тактику* посредством *поиска* рациональных действий и (или) их алгоритма.

Необходимость поиска обуславливается возникающей проблемой, под которой нами понимается сложный вопрос, задача, требующие разрешения, исследования. Иными словами, когда возникает проблема, требующая разрешения на тактическом уровне. Поиск осуществляется в соответствии с системой разработки и реализации тактических приемов прокурора⁸. Примени-

тельно к надзорной ситуации — исследование и анализ ее условий и обстоятельств в целях поиска и принятия рационального решения.

Необходимость тактического сопровождения надзорной деятельности органов прокуратуры обусловлена потребностью разработки и принятия целесообразных решений в случае динамики обстоятельств надзорной ситуации.

В ходе реализации всех стадий надзорной деятельности прокурорские работники обязаны соблюдать требования Кодекса этики прокурорского работника⁹, принципы законности, гуманизма, гласности и справедливости и иные установленные действующим законодательством принципы деятельности органов прокуратуры.

Опыт проведения надзорных мероприятий показывает, что *основные стадии* надзорной деятельности органов прокуратуры (каждая в отдельности) содержат в себе *неотъемлемые компоненты (этапы)*, способствующие достижению качества и результативности каждой *стадии* надзорной деятельности.

Так, при принятии решения прокурором о проведении проверки в обязательном порядке осуществляется подготовка к ней, а по окончании проверки на поднадзорном объекте обсуждаются ее результаты.

Так, на стадии проведения проверок целесообразно выделить два таких неотъемлемых этапа, как:

- 1) подготовка к проверке;
- 2) разбор результатов проверки.

Указанные выше компоненты (или необходимые части первой стадии) представляют собой неотделимый от основной стадии комплекс действий.

Подготовка к проверке (первый неотъемлемый компонент первой стадии) включает в себя следующие мероприятия:

- 1) подготовка прокурора к проверке, в ходе которой прокурор:
 - изучает законодательство, относящееся к предмету проверки;
 - изучает нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность объекта проверки и его должностных лиц;

⁵ Беляев В.П. Надзорная форма государственной деятельности в России (вопросы теории). Белгород, 2001. С. 213.

⁶ Князева Е.Г. К вопросу о прокурорско-надзорном процессе // Российский следователь. 2014. № 3. С. 45—49.

⁷ Махьянова Р.М. Тактический аспект надзорной деятельности органов прокуратуры: монография. М., 2022. С. 37.

⁸ Более подробно об этом: Махьянова Р.М. Тактика надзорной деятельности органов прокуратуры: учебное пособие. М., 2023; Махьянова Р.М. Тактическое обеспечение надзорной деятельности органов прокуратуры: монография. М., 2022.

⁹ Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации: приказ Генпрокуратуры России от 17.03.2010 № 114 // Законность. 2010. № 6. См. приложение № 1 к приказу Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17.03.2010 № 114, пп. 1, 2.

- анализирует состояние законности в определенный период времени;
- 2) принятие прокурором комплекса организационных мер, способствующих достижению цели проверки и выполнению конкретных задач:
 - определение состава проверки, даты, места и способа ее проведения;
 - решение вопроса о привлечении специалистов (экспертов) и деятельность по их подготовке к проведению проверки (составление перечня вопросов для их разрешения, планирование и реализация совместных действий).

Здесь необходимо отметить, что организационно-обеспечительные меры принимаются прокурором не только на этапе подготовки проверки, но и во время проведения и реализации ее результатов (получение дополнительной информации, привлечение специалистов и координация их деятельности, совершение иных необходимых надзорных действий, направленных на достижение цели проверки, а также действия по контролю за выполнением требований прокурора, включая документы реагирования).

Вторым неотъемлемым компонентом первой стадии надзорной деятельности является этап *разбора результатов проверки*, реализация которого напрямую связана с выполнением требований прокурора, изложенных в документах реагирования.

При проведении данного мероприятия у прокурора имеется возможность на месте разрешить оставшиеся проблемные вопросы, обсудить и закрепить собранные в процессе проверки доказательства, установить возможных виновных лиц и взаимосвязь их действий (бездействия) с выявленными нарушениями законов.

Проведение указанного мероприятия способствует реализации таких принципов деятельности прокуратуры, как законность и гласность, что, в свою очередь, требует от прокуроров разработки рациональных решений о принятии мер прокурорского реагирования, которые впоследствии могли быть в том числе признаны обоснованными и в судебном порядке, в случае обжалования действий прокурора, что, к сожалению, имеет место¹⁰.

Таким образом, *разбор результатов проверки* позволяет прокурору:

- закрепить собранные в ходе проверки объективные доказательства (обсудить

полученные результаты с должностными лицами, в том числе с использованием сведений из заключений специалистов — заслушать их пояснения; при необходимости получить повторные письменные объяснения с учетом результатов проверки, иные необходимые дополнительные доказательства);

- определиться с мерами прокурорского реагирования (путем прогнозирования в зависимости от полученных результатов, ориентировать при этом поднадзорный орган на принятие конкретных мер, в том числе к виновным лицам);
- свести к минимуму обстоятельства, способствующие проведению в дальнейшем дополнительных прокурорских проверок в целях контроля за выполнением требований прокурора.

Учитывая изложенное, реализация на стадии проведения проверки двух вышеуказанных этапов (неотъемлемых компонентов) является одновременно *вспомогательной* (предназначенной в помощь) и *обеспечительной* мерой двух последующих стадий надзорной деятельности органов прокуратуры: принятие мер по результатам проведения проверок; контроль за выполнением требований прокурора, изложенных в документах прокурорского реагирования.

Вторая стадия — принятие мер по результатам проведения проверок, кроме, собственно, подготовки документов прокурорского реагирования, также имеет свои *неотъемлемые обеспечительные этапы (компоненты)* — *составление акта прокурорского реагирования; участие прокурора в рассмотрении акта прокурорского реагирования*.

Здесь следует отметить, что эффективность данной стадии надзорной деятельности во многом зависит от избранной меры прокурорского реагирования (которая должна избираться соответственно условиям конкретной сложившейся ситуации), ее качественной подготовки, а также от проявленной прокурором принципиальности и инициативности в отстаивании своей правовой позиции при рассмотрении акта реагирования.

Обстоятельства, изложенные в акте прокурорского реагирования, должны быть основаны на фактических результатах, полученных в ходе проверки. Тактическое сопровождение организации и проведения проверок способствует обеспечению результативности всех стадий надзорной деятельности, достижению эффективности отдельной проверки и надзорной деятельности в целом.

¹⁰ Решение Владикавказского гарнизонного военного суда от 17.06.2020 по делу № 2а-50/2020. URL: <http://yovs.ros.sudrf.ru> (дата обращения: 14.08.2023).

На данной стадии прокурор посредством применения мер реагирования требует: устранения всех выявленных нарушений законов, им способствующих причин и условий; привлечения к ответственности виновных лиц; возмещения (при наличии оснований) ими причиненного ущерба и предупреждения совершения в дальнейшем аналогичных противоправных деяний.

Третья стадия — контроль за выполнением требований прокурора, изложенных в документах прокурорского реагирования, является завершающей.

В качестве неотъемлемых компонентов (этапов) указанной стадии выступают следующие:

а) деловая переписка с поднадзорным органом, связанная с получением своевременной информации о выполнении требований прокурора, изложенных в документах прокурорского реагирования;

б) принятие прокурором дополнительных мер (по необходимости) о выполнении требований, изложенных в документах реагирования (при необходимости).

Таким образом, предложенный нами порядок организации и осуществления надзорной деятельности прокуратуры будет способствовать разграничению ее сущности и содержания, отграничению от иной прокурорской деятельности — аналитической, организационной, предупредительно-профилактической.

В целях совершенствования надзорной деятельности, правильного понимания ее сущности и содержания представляется целесообразным регламентировать эту деятельность в действующем законодательстве об организации и деятельности органов прокуратуры.

Список литературы

1. Беляев В.П. Надзорная форма государственной деятельности в России (вопросы теории). Белгород: Кооперативное образование, 2001. 232 с.
2. Князева Е.Г. К вопросу о прокурорско-надзорном процессе // Российский следователь. 2014. № 3. С. 45—49.
3. Махьянова Р.М. Тактика надзорной деятельности органов прокуратуры: учебное пособие. М.: Военный университет им. князя Александра Невского Минобороны России, 2023. 108 с.
4. Махьянова Р.М. Тактический аспект надзорной деятельности органов прокуратуры: моногра-

фия. М.: Военный университет им. князя Александра Невского Минобороны России, 2022. 170 с.

5. Махьянова Р.М. Тактическое обеспечение надзорной деятельности органов прокуратуры: монография. М.: Военный университет им. князя Александра Невского Минобороны России, 2022. 202 с.

6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Оникс, 2007.

7. Прокурорская проверка. Методика и тактика проведения: учебное пособие / [О.Н. Коршунова, Е.А. Бурмистрова, И.И. Головки и др.]; под общ. ред. О.Н. Коршуновой. СПб: Юридический центр, 2017. 431 с.

References

1. Belyaev, V.P. (2001) Nadzornaya forma gosudarstvennoy deyatelnosti v Rossii (voprosy teorii) [Supervisory form of state activity in Russia (issues of theory)]. Belgorod, Kooperativnoe obrazovanie, 232 p. (In Russ.).
2. Knyazeva, E.G. (2014) K voprosu o prokurorsko-nadzornom protsesse [On the issue of prosecutor-supervision process]. *Rossiyskiy sledovatel'*, no. 3, pp. 45—49. (In Russ.).
3. Makhyanova, R.M. (2023) Taktika nadzornoy deyatelnosti organov prokuratury [Tactics of supervisory activities of the prosecutor's office]. Textbook. Moscow, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of Russia, 108 p. (In Russ.).
4. Makhyanova, R.M. (2022) Takticheskiy aspekt nadzornoy deyatelnosti organov prokuratury [Tactical aspect of the supervisory activities of the prosecutor's office]. Monograph. Moscow, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of Russia, 170 p. (In Russ.).
5. Makhyanova, R.M. (2022) Takticheskoe obespechenie nadzornoy deyatelnosti organov prokuratury [Tactical support of the supervisory activity of the prosecutor's office]. Monograph. Moscow, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of Russia, 202 p. (In Russ.).
6. Ozhegov, S.I. (2007) Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Onyx. (In Russ.).
7. Korshunova, O.N. (ed.) (2017) Prokurorskaya proverka. Metodika i taktika provedeniya [Prosecutor's check. Methodology and tactics of conducting]. Saint Petersburg, Yuridicheskiy tsentr, 431 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Р.М. Махьянова — доцент 25 кафедры Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the author

R.M. Makhyanova – Associate Professor of the 25th Department of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Candidate of Law.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 157—161.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2023, no. 3, pp. 157–161.

УДК 343.137
doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.019

НИОН: 2015-0064-03/23-152
MOSURED: 77/27-009-2023-03-351

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Расширение прав на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве

Александр Владимирович Воеводин

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
Москва, Россия, 1526372009@rambler.ru

Аннотация. В статье обсуждается вопрос расширения прав подозреваемого (обвиняемого) на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, основные проблемы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, риски и нюансы такого соглашения. Автором обозначены имеющиеся пробелы действующего уголовно-процессуального законодательства, касающиеся возникновения и разъяснения прав подозреваемого (обвиняемого) на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве. Внесены предложения о дополнении уголовно-процессуального закона, в частности дополнении статей 46, 47 УПК РФ.

Ключевые слова: обвиняемый, подозреваемый, соглашение, сотрудничество, заключение, судебное разбирательство, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, право на защиту, защита, обвинение.

Научный руководитель: Ф.М. Кобзарев, профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Для цитирования: Воеводин А.В. Расширение прав на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 157—161. doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.019.

Expanding the rights to conclude a pre-trial cooperation agreement

Alexander V. Voevodin

Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation, Moscow, Russia, 1526372009@rambler.ru

Abstract. The article discusses the issue of expanding the rights of a suspect (accused) to conclude a pre-trial cooperation agreement, the main problems of concluding a pre-trial cooperation agreement, the risks and nuances of this agreement. The author identifies gaps in the current criminal procedure legislation concerning the emergence and clarification of the rights of a suspect (accused) to conclude a pre-trial cooperation agreement. The article makes proposals to supplement the criminal procedure law, in particular the addition of Articles 46, 47 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: accused, suspect, agreement, cooperation, conclusion, trial, conclusion of a pre-trial cooperation agreement, right to defense, defense, prosecution.

Scientific supervisor: F.M. Kobzarev, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.

For citation: Voevodin, A.V. (2023) Expanding the rights to conclude a pre-trial cooperation agreement. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 3, pp. 157–161. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.019.

Досудебное соглашение о сотрудничестве, согласно статье 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (да-

лее — УПК РФ), — это соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимо-

© Воеводин А.В., 2023

сти от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения¹.

Правовые нормы являются важным элементом уголовно-процессуального механизма досудебного соглашения о сотрудничестве. Данные правовые нормы описаны в главе 40.1 УПК РФ, которая содержит положения, формирующие порядок досудебного соглашения, начиная от заявления лицом ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, заканчивая мерами безопасности, которые будут применены в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение. Досудебное соглашение необходимо рассматривать в качестве дополнительного эффективного средства борьбы с преступностью, отметив специальное предназначение — повышение эффективности расследования сложных в доказывании преступлений; кроме этого, досудебное соглашение является серьезным механизмом для предупреждения преступности, в том числе организованной. Тактико-криминалистическое значение института досудебного соглашения о сотрудничестве проявляет себя в возможности интерпретации его как формы достижения компромисса между обвинением и защитой. Компромисс в данном случае является вспомогательным фактором оптимизации процесса производства предварительного расследования. Это особенно необходимо сейчас, когда развитие уголовного и уголовно-процессуального законодательства влияет на видение модели криминалистического обеспечения деятельности правоохранительных органов².

При заключении досудебного соглашения о сотрудничестве волеизъявление обвиняемого (подозреваемого) о заключении данного соглашения является исходным юридическим фактом. Этот факт запускает процессы взаимодействия участников уголовного процесса в рамках реализации досудебного соглашения о сотрудничестве.

¹ См.: Мищенко Е.В., Корнакова С.В., Мишин В.В. Обоснованность и мотивированность применения особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 2 (56). С. 45.

² Грибунов О.П. Тактика деятельности следователя при рассмотрении ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2 (48). С. 34.

В этой связи подвергнем исследованию момент, с которого подозреваемый (обвиняемый) узнает о возможности заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Рассматривая желание подозреваемого (обвиняемого) как исходное положение для заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, стоит порассуждать о соблюдении фундаментального принципа уголовного процесса — права на защиту.

Обеспечение гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве обуславливается не формальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, а наличием определенных существенных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении ему соответствующего права³.

На текущий момент УПК РФ не содержит прямой нормы, предполагающей обязанность следователя разъяснять подозреваемому (обвиняемому) право на ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в соответствии с гл. 40.1 УПК РФ.

Статьей 16 УПК РФ обязанность разъяснить обвиняемому его права и обязанности, а также обеспечить возможность реализации этих прав возлагается на лиц, обеспечивающих предварительное расследование по делу, а предусмотренные нормами уголовно-процессуального законодательства права должны быть разъяснены в объеме, определяемом процессуальным статусом лица, в отношении которого ведется производство по делу⁴.

В связи с этим в целях эффективного применения досудебного соглашения о сотрудничестве, а также соблюдения прав подозреваемого (обвиняемого) следователь обязан разъяснить ему право на подачу прокурору ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве⁵.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Костенко Н.С. Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном процессе: правовые и организационные вопросы заключения и реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013.

Инициатива заключения такого соглашения должна исходить от подозреваемого или обвиняемого. Подозреваемый (обвиняемый) вправе заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения с момента начала уголовного преследования и до уведомления об окончании предварительного следствия, участие защитника при этом обязательно. Пропуск указанного срока является основанием для отказа в заключении соглашения.

При этом согласие с обвинением не должно являться неотъемлемым условием заключения досудебного соглашения. Как элемент сотрудничества, согласие с предъявленным обвинением должно влиять лишь на выбор судом формы судебного разбирательства⁶.

В какой же момент обвиняемый может узнать о возникновении права на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве? Если буквально толковать действующий уголовно-процессуальный закон, то уголовные дела, по которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, рассматриваются в особом порядке судебного разбирательства. При этом о возможности рассмотрения дела в особом порядке судебного разбирательства обвиняемый узнаёт только при ознакомлении с материалами уголовного дела, поскольку лишь на этой стадии обвиняемый может ходатайствовать о рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства.

Однако эта стадия производства является пресекающей для сбора доказательств и возможности ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. По крайней мере, статьи 46 и 47 УПК РФ не содержат в себе данной правовой нормы.

Игнорирование органами предварительного расследования возложенной на них частью 1 статьи 11 и пунктом 2 части 5 статьи 217 УПК РФ обязанности по разъяснению обвиняемому права на ходатайство при ознакомлении с материалами уголовного дела о применении особого порядка судебного разбирательства влечет за собой нарушение права обвиняемого на защиту и, в соответствии с пунктом 5 части 1 статьи 237 УПК РФ, является основанием проведения предвари-

тельного слушания для решения вопроса о возвращении уголовного дела прокурору⁷.

Необходимо изучить вопрос о том, какие дела рассматриваются в особом порядке. По общему правилу главы 40 УПК РФ, это дела о преступлениях небольшой и средней тяжести. Однако специально введенные пункты главы 40.1 УПК РФ допускают рассмотрение дела в особом порядке судебного разбирательства, в случае если обвиняемый заключил досудебное соглашение о сотрудничестве, вне зависимости от категории преступления.

Статьи УПК РФ 46 и 47 гарантируют разъяснение подозреваемому (обвиняемому) обширного объема прав. В их числе право на участие в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй, кассационной и надзорной инстанций, а также право обжаловать приговор и иные права, так или иначе связанные с судебным рассмотрением уголовного дела и даже вынесением приговора. То есть содержащиеся в указанных нормах права подозреваемому (обвиняемому) разъясняются еще до вынесения в отношении него обвинительного приговора или иного постановления, вне зависимости от того, состоится ли данное решение или нет.

Особенности правовой сущности досудебного соглашения о сотрудничестве, являющегося по своей процессуальной сути разновидностью «сделки» с уголовно-правовой системой, требуют разработки обобщенного подхода, включающего комплекс теоретических и практических вопросов процессуального положения его участников⁸.

В этой связи полагаем, что серьезной проблемой, препятствующей соблюдению принципа законности при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, является отсутствие в статьях 46 и 47 УПК РФ права подозреваемого (обвиняемого) заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и его последствия.

Считаем необходимым закрепить рассматриваемое право на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве в процессуальном законодательстве, в частности в п. 5 ч. 4 ст. 46 и

⁶ Федосеева Е.Л. Условие, влияющее на форму судебного разбирательства и назначение наказания в досудебном соглашении // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 1. С. 6.

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.12.2006 № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Стацок Д.Н. Процессуальное положение лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2022. С. 5.

п. 12 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, где следует детально разъяснить его основные положения и правовые последствия в процессе допроса подозреваемого или обвиняемого, внося их в соответствующие бланки протоколов.

Очевидно, что если это право будет обозначено в бланке протоколов лишь лаконичной фразой о возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве без ясного указания его правовых последствий, то возникает вероятность непонимания подозреваемым (обвиняемым) очевидных преимуществ для себя при его заключении и, как следствие, потери стороной обвинения возможности раскрытия преступлений⁹; либо это может позволить подозреваемому (обвиняемому) отказаться от ранее данных показаний, сославшись на неясность или неконституционность норм, регламентирующих право на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве.

Таким образом, в данном исследовании в ходе анализа действующего законодательства были выявлены проблемы, связанные с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, а также предложены пути их решения.

Во-первых, внесение изменений в п. 5 ч. 4 ст. 46 и п. 12 ч. 4 ст. 47 УПК РФ позволит своевременно разъяснить подозреваемому (обвиняемому) право на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, правовые гарантии и последствия заявления такого ходатайства, а также обязанности по соблюдению соглашения и правовые последствия отказа в его соблюдении.

Во-вторых, заявление подозреваемым (обвиняемым) ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве на ранних стадиях уголовного судопроизводства станет дополнительным эффективным средством борьбы с преступностью, а его специальным предназначением — повышение эффективности расследования сложных в доказывании преступлений. Кроме этого, возможность ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве на ранних стадиях производства по уголовным делам будет являться серьезным механизмом для предупреждения преступности, в том числе организованной.

⁹ См.: Тисен О.Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Оренбург, 2017.

Список литературы

1. Грибунов О.П. Тактика деятельности следователя при рассмотрении ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2 (48). С. 34—36.
2. Костенко Н.С. Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном процессе: правовые и организационные вопросы заключения и реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Челябинск, 2013. 27 с.
3. Мищенко Е.В., Корнакова С.В., Мишин В.В. Обоснованность и мотивированность применения особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 2 (56). С. 44—52.
4. Стацок Д.Н. Процессуальное положение лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. Санкт-Петербург, 2022. 25 с.
5. Тисен О.Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Оренбург, 2017. 487 с.
6. Федосеева Е.Л. Условие, влияющее на форму судебного разбирательства и назначение наказания в досудебном соглашении // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 1. С. 3—6.

References

1. Gribunov, O.P. (2017) *Taktika deyatel'nosti sledovatelya pri rassmotrenii khodataystva podozrevaemogo ili obvinyaemogo o zaklyuchenii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve* [Tactics of the activity of the investigator in consideration of the petition of the suspected or accused on the pretrial cooperation agreement]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, no. 2 (48), pp. 34—36. (In Russ.).
2. Kostenko, N.S. (2013) *Dosudebnoe soglashe-nie o sotrudnichestve v ugovnom protsesse: pravovye i organizatsionnye voprosy zaklyucheniya i realizatsii* [Pre-trial agreement on cooperation in criminal proceedings: legal and organizational issues of conclusion and implementation]. Abstract of Ph. D. thesis. Chelyabinsk, 27 p. (In Russ.).

3. Mishchenko, E.V., Kornakova, S.V. & Mishin, V.V. (2021) Obosnovannost' i motivirovannost' primeneniya osobogo poryadka prinyatiya sudebnogo resheniya pri zaklyuchenii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve [Validity and motivation of the application of a special procedure for making a court decision when concluding a pre-trial cooperation agreement]. *Legal Science and Law Enforcement Practice*, no. 2 (56), pp. 44–52. (In Russ.).

4. Statsyuk, D.N. (2022) Protseessual'noe polozenie litsa, s kotorym zaklyucheno dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve [Procedural status of a person with whom a pre-trial cooperation agreement was concluded]. Abstract of Ph. D. thesis. Saint Petersburg, 25 p. (In Russ.).

5. Tisen, O.N. (2017) Teoreticheskie i prakticheskie problemy instituta dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve v rossiyskom ugolovnom sudoproizvodstve [Theoretical and practical problems of the institute of pre-trial agreement on cooperation in Russian criminal proceedings]. Doctor's degree dissertation. Orenburg, 487 p. (In Russ.).

6. Fedoseeva, E.L. (2018) Uslovie, vliyayushchee na formu sudebnogo razbiratel'stva i naznachenie nakazaniya v dosudebnom soglashenii [Condition affecting the form of trial and sentencing in a pre-trial agreement]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, no. 1, pp. 3–6. (In Russ.).

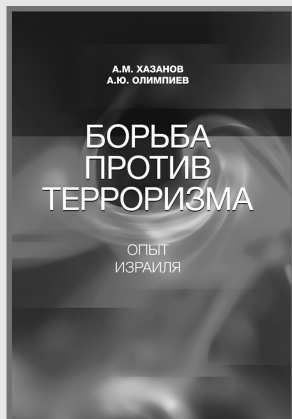
Информация об авторе

А.В. Воеводин — аспирант Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Information about the author

A.V. Voevodin – Postgraduate student of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Хазанов А.М., Олимпиаев А.Ю. **Борьба против терроризма. Опыт Израиля**: Монография. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки. 191 с.

ISBN: 978-5-238-03623-6

На основе анализа широкого круга источников и научной литературы авторы монографии предприняли попытку исследовать богатый опыт, который накопили в борьбе против терроризма спецслужбы Израиля, считающиеся одними из лучших в мире. В монографии подвергнуты серьезному анализу израильская модель контртеррористической борьбы, а также удачные и неудачные операции израильских спецслужб.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов вузов.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 162–167.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2023, no. 3, pp. 162–167.

УДК 343.98
doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.020

NIION: 2015-0064-03/23-153
MOSURED: 77/27-009-2023-03-352

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

К вопросу о возникновении криминалистики как единой системы и формы правоприменительной деятельности

Александр Александрович Смирнов

Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации
по Липецкой области, Липецк, Россия, innasmi@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы возникновения, становления и формирования криминалистики как единой системы и формы правоприменительной деятельности, опыт зарубежных стран, влияние социальных, экономических, политических факторов на этот процесс.

Ключевые слова: криминалистика, эволюция, закономерности развития, этапы, научно-технический прогресс.

Для цитирования: Смирнов А.А. К вопросу о возникновении криминалистики как единой системы и формы правоприменительной деятельности // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 162–167. doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.020.

On the emergence of criminalistics as a unified system and form of law enforcement activity

Alexander A. Smirnov

Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation
in the Lipetsk Region, Lipetsk, Russia, innasmi@mail.ru

Abstract. The article examines the issues of the emergence and formation of criminalistics as a unified system and form of law enforcement, the experience of foreign countries, the influence of social, economic, and political factors on this process.

Keywords: criminalistics, evolution, patterns of development, stages, scientific and technological progress.

For citation: Smirnov, A.A. (2023) On the emergence of criminalistics as a unified system and form of law enforcement activity. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 3, pp. 162–167. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.020.

Стремительное развитие науки и активное внедрение ее достижений в различные сферы деятельности человека требуют формирования новой парадигмы криминалистических знаний. Нельзя определить перспективы развития криминалистической науки без ее ретроспективного анализа.

В связи с чем в настоящее время в условиях стремительной трансформации научных знаний назрела потребность в теоретико-историческом анализе криминалистической науки. Во-первых, представляется целесообразным с учетом новых достижений естественных, цифровых и юриди-

ческих наук определить наиболее важные факторы, которые могут оказать серьезное влияние на последующее развитие теоретических положений криминалистики и правоприменительной деятельности правоохранительных органов по выявлению, расследованию раскрытию и профилактике преступлений. Во-вторых, необходимо рассматривать историю криминалистики как последовательный процесс смены этапов через конкретно-исторические процессы и достижения научно-технического прогресса. В-третьих, именно изучение закономерностей развития криминалистической науки позволит выявить новые аргументы в разрешении противоречий и дискуссионных вопросов, возникаю-

© Смирнов А.А., 2023

щих в процессе анализа современной криминалистической науки.

Возникновению криминалистики как сложившейся системы научных знаний и методов выявления, раскрытия и расследования преступлений предшествовал достаточно длительный период эволюции человечества, формирования государственных и правовых институтов.

Трансформация присваивающего типа хозяйства в производящее, переход к коллективным формам самоорганизации людей приводят к появлению правил поведения и запретов. Тем не менее не всегда поведение человека соответствовало установленным «нормам», порой оно носило деструктивный характер и создавало угрозу для существования общины¹. Вследствие этого возникает необходимость в разработке методов избличения, получения, фиксации информации о причастности людей к тому или иному преступному проступку.

Жизнь и деятельность людей в первобытном обществе была направлена на познание окружающего мира и борьбу за выживание. Появление первых древних государств и правовых источников изменило жизнь людей, сделало их жизнь более упорядоченной. Тем не менее нередко социальное взаимодействие завершалось совершением противоправного деяния, что требовало адекватной реакции со стороны государства посредством назначения справедливого наказания.

Появляются чиновники, которые в силу своих обязанностей должны были устанавливать обстоятельства произошедших событий, если можно так сказать — «расследовать», устанавливать виновных лиц. Эти «первые полицейские» должны были определять алгоритм действий, которые необходимо предпринимать при совершении общественно опасных деяний, что находит свое отражение в древнейших письменных источниках.

Одно из наиболее ранних описаний процесса расследования преступления и сбора доказательств содержится в папирусе Леополяда — Амхерста, который был составлен в Древнем Египте во время правления Рамзеса IX (вторая половина XII в. до н. э.). В папирусе приведены протоколы допроса восьми преступников, совершивших кражу из погребального захоронения фараона Сехемра-Шедтауи Себекемсафа II и его жены Нубхаас.

¹ См. подробнее: Антонян Ю.М., Звизжова О.Ю. Преступность в истории человечества: монография. М., 2022. С. 14.

В Древнем Египте также применялся метод криминалистического описания признаков внешности человека при розыске сбежавших от хозяина рабов. В найденных исторических источниках содержалось указание на анатомические (рост, особенности фигуры, форма лица, цвет кожи, волос и глаз) и функциональные (походка) признаки человека, а также особые приметы (шрамы, бородавки)².

В законах царя Хаммурапи (правил в Древнем Вавилоне в 1792—1750 гг. до н. э.) имелись нормы, которые регулировали порядок рассмотрения споров. В качестве доказательства, наряду с клятвами, свидетельскими показаниями, ордалиями, выступали письменные документы.

Неоценимый вклад в развитие мировой криминалистики внесли китайские ученые. В Китае уже в древности исследовались отпечатки пальцев, объемные следы и иные вещественные доказательства. В период правления династии Цинь (221—206 г. до н. э.) отпечатки пальцев и ладоней использовались сторонами, желавшими заключить договор, в качестве подписи.

Представляется необходимым также упомянуть о принятом в III в. до н. э. Циньском руководстве по расследованию уголовных преступлений. В этом документе достаточно подробно описывались действия, связанные с расследованием преступлений. Особое внимание уделялось проведению осмотра места происшествия, тактике допросов свидетелей, потерпевших, исследованию доказательств³.

Сформировавшаяся в период античности в Древней Греции и Римской империи правовая культура оказала серьезное влияние на последующее развитие многих европейских и азиатских государств. Именно на данном этапе исторического развития были приняты правовые документы, регламентирующие порядок сбора доказательств и осуществления судопроизводства. Кроме того, получают свое развитие такие науки, как астрономия, геометрия, физика, ботаника и др.

В памятнике права Древнего Рима — Законах XII таблиц (V в. до н. э.) имеются первые упоминания об обыске, а также тактических приемах его проведения. Указанным правовым актом

² Зинин А.М., Подволоцкий И.Н. Габитоскопия и портретная экспертиза: учебник / под ред. Е.Р. Россинской. М., 2022. С. 12.

³ Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: в 2 т. / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. Т. 1: Древний мир и Средние века / [сост. О.Л. Лысенко, Е.Н. Трикоз]. М., 2023. С. 129—131.

предписывалось, чтобы обыскивающий при производстве обыска «не имел никакой одежды, кроме полотняной повязки, и держал в руках чашу»⁴.

В связи с распространением христианства в западноевропейских странах уже в раннефеодальный период расследование преступлений стало приобретать черты церковно-государственных процедур. Церковные служители считали, что в ходе судебного процесса Бог посредством природных явлений поможет невиновному доказать его правоту, что именно с Божьей помощью будут найдены доказательства и будет принято справедливое судебное решение. Таким образом, в тот период все сводилось к «Божьему суду».

Сначала в западноевропейских государствах, а затем и в России в средневековый период стала зарождаться разыскная (следственная, инквизиционная) форма раскрытия и расследования преступлений, построенная на презумпции виновности обвиняемого. Инициатором расследования выступал государственный орган (церковь) или должностное лицо (священник). Процедуры производства следствия и получения доказательств были достаточно детально описаны в трактате средневековых немецких инквизиторов Якоба Шпренгера и Генриха Крамера «Молот ведьм. Руководство святой инквизиции»⁵.

А.М. Кустов, анализируя историю криминалистики, обращает внимание на то, что практика данного периода складывается в нескольких формах: во-первых, это использование своего жизненного опыта и знаний сведущих лиц; во-вторых, применение знаний естественных и технических наук; в-третьих, разработки рекомендаций, тактических приемов и средств по поиску преступников, для производства судебных действий и их правового закрепления в нормах; в-четвертых, использование помощи общественности и примитивных средств массовой информации⁶.

И.А. Возгрин рассматривает указанный выше исторический период как предысторию развития криминалистики, характеризующуюся накоплением «эмпирических знаний об установлении и изобличении лиц, совершивших преступление»⁷.

⁴ Законы XII таблиц [Электронный ресурс] // История Древнего Рима: [сайт]. URL: <http://ancientrome.ru/ius/i.htm?a=1446588975> (дата обращения: 21.08.2023).

⁵ Шпренгер Я., Крамер Г. Молот ведьм. Руководство святой инквизиции. М., 2016.

⁶ Кустов А.М. История криминалистической практики и науки (Xв. — середина XX в.): монография. М., 2019. С. 65.

⁷ Возгрин И.А. Введение в криминалистику. История, основы теории, библиография. СПб, 2003. С. 11.

Г.Н. Мухин, Д.В. Исютин-Федотков справедливо указывают на то, что «возникновение криминалистики было вызвано потребностями общества в знаниях, умениях и навыках, необходимых для раскрытия преступлений, выявления и изобличения лиц, совершивших преступления». «Многие из этих знаний, умений и навыков уже в период зарождения криминалистики имели практический характер и продолжают оставаться такими в настоящее время»⁸.

Анализ достаточно большого количества специальной литературы и архивных источников позволил сделать вывод о том, что в дореформенный период во многих странах Западной Европы и в России уже появились первые теоретические и практические знания, необходимые для организации расследования некоторых категорий преступлений. Однако следует отметить, что достижения естественных и технических наук в течение многих столетий не систематизировались, их использование в целях раскрытия и расследования преступлений носило эпизодический характер. В основном это было связано с ограниченными возможностями в обмене информацией между странами и народами, использованием уже наработанного опыта и полученных знаний других специалистов-практиков и ученых. В первую очередь методические и тактические рекомендации по расследованию преступлений использовались именно на той территории, где они были разработаны, и редко распространялись за её границы.

Трансформация производственных процессов и появление новых технологических решений в XVIII—XIX вв. (изобретение ткацких станков, парового двигателя и т. д.) приводят к увеличению производительности труда. Активно развиваются инженерные и металлургические науки, машиностроение. Научно-технический прогресс способствует высвобождению дешевой рабочей силы, зарождению и развитию капиталистических отношений.

Однако формирование новой системы производства и распределения благ сопровождалось не только технологической модернизацией, но и способствовало росту преступности.

Т.В. Диттрич, описывая обыденную жизнь англичан в викторианскую эпоху, отмечала следующее: «Строительство фабрик и заводов сделало некоторых людей очень богатыми и миллионы — очень бедными, отобрав у них возмож-

⁸ Мухин Г.Н., Исютин-Федотков Д.В. Криминалистика: современные проблемы, история и методология: научно-методическое пособие. М., 2012. С. 38.

ность кормиться своим семейным трудом. <...> Безвыходность ситуации и растущие долги приводили к тому, что женщины шли на панель, а мужчины становились преступниками». Так, в Лондоне с 1805 года до 1848 года преступность выросла в восемь раз⁹.

Российские и зарубежные авторы признают весомый вклад работы Людвиг фон Ягеманна в формирование теории криминалистической науки¹⁰. В 1838 году Л. Ягеманн, имея богатый практический опыт, опубликовал объемный труд «Руководство по судебному расследованию» (объединяющий четыре книги). Данное руководство содержало структурированную информацию как теоретического плана (принципы расследования, статус следственного судьи), так и практико-ориентированную (допрос преступника и свидетелей, техника протоколирования информации). По мнению автора, среди следственных действий допрос должен занимать центральное место. Для того чтобы он был эффективным, целесообразно осуществлять подготовку к данному следственному действию, предварительно изучив материалы уголовного дела. Однако наибольшую ценность представляли рекомендации, сформулированные данным автором на основании обобщения 344 уголовных дел, по расследованию различных категорий преступлений. Также Ягеманном отмечается необходимость использования специальных знаний и привлечения специалистов из разных областей.

Все больший практический интерес у полицейских чиновников вызывают отпечатки пальцев, поскольку нередко на месте совершения преступления такие следы оставлял преступник. Практически в один и тот же временной период несколько исследователей обращают внимание на уникальность папиллярных узоров.

Интерес к отпечаткам пальцев проявляет Генри Фолдс, который направляет письмо в журнал «Природа». В нем он описывал возможности применения этих знаний на конкретных примерах. Автором письма указывалось на возможности применения папиллярных узоров в качестве доказательства и в судебно-медицинской практике.

Фрэнсис Гальтон достаточно глубоко погружается в тему отпечатков пальцев и проводит ряд исследований. В 1885 году основывает антропо-

метрическую лабораторию, в которой собирает статистические данные о мужчинах, женщинах и детях, в том числе снимает отпечатки пальцев. В своей книге «Отпечатки пальцев» (Finger prints) Ф. Гальтон доказывает, что узор сосочковых линий не изменяется в течение всей жизни, указывает на уникальность отпечатков пальцев, а также обосновывает возможность классификации оттисков отпечатков пальцев. Следует отметить, что данная работа отличалась предметностью и практической направленностью, в связи с чем привлекла большой интерес со стороны полиции¹¹.

Консолидировать достаточно разрозненные знания в области выявления, расследования и раскрытия преступлений смог австрийский следователь Ганс Гросс, который впервые употребил и ввел в научный оборот термин «криминалистика». В своей работе «Руководство для судебных следователей» (1892 г.) он рассматривает деятельность следственных чиновников уже на качественно ином уровне¹².

Ганс Гросс поставил перед собой цель создать настольную книгу, в которой были бы собраны и обобщены в понятной для следователей форме все известные криминалистические знания, которые до тех пор можно было найти в различных разбросанных по разным странам трудах — по баллистике, фотографии и т. п. Естественно-научные знания нашли отражение в объемных главах о вещественных доказательствах, учении о тождестве, осмотре места происшествия, допросе и об отдельных видах преступлений. Труды Ганса Гросса, его учеников и последователей в дальнейшем оказали существенное влияние на развитие криминалистики практически во всех странах. Но особенно это относится к австро-германской модели криминалистики.

Таким образом, проведенный анализ специальной литературы позволил нам сделать определенные выводы и выявить некоторые закономерности формирования криминалистической науки.

Первоначально криминалистика, как обобщающая наука, в своём раннем виде появилась в странах Западной Европы и уже потом распространилась в других странах, в том числе в Российской империи.

Научно-технический прогресс позволил определить векторы развития криминалистики.

⁹ Диттрич Т.В. Повседневная жизнь викторианской Англии. М., 2007. С. 53.

¹⁰ Сокол В.Ю. Людвиг фон Ягеманн — основатель научной системы расследования преступлений и криминалистики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 2 (16). С. 62—68.

¹¹ Бастрыкин А.И. Дактилоскопия. Знаки руки. СПб, 2004. С. 82.

¹² Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М., 2002.

Так, после изобретения и внедрения в практику процесса фотографирования на базе его общих научных и практических положений возникла судебная фотография, которая впоследствии стала неотъемлемой частью криминалистической техники. Методы криминалистического исследования документов не были бы возможны без развития химии и физики. Изучение человеческой физиологии послужило основой развития криминалистического почерковедения.

Наиболее активная и эффективная научная и практическая работа по созданию комплекса технических средств, приёмов и методов, ориентированных на выявление, раскрытие, расследование и профилактику преступлений, началась во второй половине XX века.

Во Франции и Италии, а также в англосаксонских странах криминалистика развивалась в ином направлении. Объектом своего научного внимания представители этих стран избрали только техническую сторону расследования, которая рассматривалась ими как самостоятельная прикладная дисциплина.

Дальнейшее развитие англосаксонской модели криминалистики шло по пути полицейской практической дисциплины, определяемой особенностями англо-американского уголовного процесса.

Основы криминалистики в современном её виде и понимании сформировались только на рубеже XIX—XX вв., одновременно или с небольшой разницей во времени в различных странах Западной Европы.

Итак, научно-технический прогресс дал возможность развивать криминалистическое обеспечение расследования преступлений, криминалистическую науку и технику. К самому концу XIX в. и началу XX в. накопилось достаточное количество приёмов и научных методов раскрытия и расследования преступлений — пришло время для систематизации накопленного материала.

Подводя итог, можно отметить, что в настоящее время существует несколько частных мнений или теорий о времени и месте появления криминалистики как науки.

Вместе с тем существуют и иные частные теории (или мнения), утверждающие, что в ранние периоды уже была объединённая и обоснованная деятельность, схожая с криминалистикой, но с иным названием. Современная наука основывается на том, что Ганс Гросс является основателем криминалистики, поскольку он впервые ввел этот термин в своих трудах. Наряду с этим существовала деятельность по раскрытию и расследо-

ванию преступлений, которая возникла задолго до известного австрийского следователя, впоследствии профессора Ганса Гросса, сведения о которой либо безвозвратно утеряны, либо содержатся в исторических архивах.

На основании всего вышеизложенного можно сделать объективный и приемлемый для всех вывод о том, что появлению криминалистики как самостоятельной науки предшествовало практическое использование средств, применение приемов и методов сбора доказательств при раскрытии и расследовании преступлений, с момента появления таковых в жизни человеческого общества.

Таким образом, исторически криминалистика зародилась в рамках уголовного процесса и практической деятельности полицейских и судебных органов как научно-техническое и тактико-методическое направление, и окончательное ее формирование в современном виде было предопределено интенсивным развитием естественных наук и техники к началу XX в.

Следует отметить, что исследование истории возникновения и развития криминалистической науки осуществляется учеными-криминалистами исходя из нескольких оснований, которые способствовали развитию деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Большинство авторов в качестве основополагающей причины развития криминалистики рассматривают научно-технический прогресс и бурное развитие естественных наук. Другие авторы полагают, что деятельность, связанную с выявлением, расследованием и раскрытием преступлений, в ретроспективном аспекте необходимо рассматривать через процессы, которые связаны с формированием и развитием правоохранительных органов, наделенных соответствующими полномочиями. И третья группа ученых считает, что история криминалистической науки соответствует общим историческим процессам.

Современные диссертационные и монографические работы главным образом рассматривают генезис криминалистической науки в рамках более узких теоретических вопросов (отраслей криминалистической техники¹³, тактики отдельных следственных действий¹⁴, методики расследования отдельных видов преступлений¹⁵).

¹³ Самищенко С.С. Современная дактилоскопия: теория, практика и тенденции развития: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.

¹⁴ Даков С.В. Криминалистическая тактика: генезис и перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999.

¹⁵ Субботина М.В. Криминалистические проблемы расследования хищений чужого имущества: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2004. 42 с.

Список литературы

1. Антонян Ю.М., Звизжова О.Ю. Преступность в истории человечества: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 208 с.
2. Бастрькин А.И. Дактилоскопия. Знаки руки. СПб: Ореол, 2004. 360 с.
3. Возгрин И.А. Введение в криминалистику. История, основы теории, библиография. СПб: Юридический центр Пресс, 2003. 473 с.
4. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М.: ЛексЭст, 2002. 1088 с.
5. Даков С.В. Криминалистическая тактика: генезис и перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. СПб, 1999. 18 с.
6. Диттрич Т.В. Повседневная жизнь викторианской Англии. М.: Молодая гвардия, 2007. 382 с.
7. Зинин А.М., Подволоцкий И.Н. Габитоскопия и портретная экспертиза: учебник / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 288 с.
8. Кустов А.М. История криминалистической практики и науки (X в. — середина XX в.): монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 237 с.
9. Мухин Г.Н., Исютин-Федотков Д.В. Криминалистика: современные проблемы, история и методология: научно-методическое пособие. М.: Юрлитинформ, 2012. 314 с.
10. Самищенко С.С. Современная дактилоскопия: теория, практика и тенденции развития: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. М., 2003. 369 с.
11. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: в 2 т. / отв. ред. Н.А. Крашенникова. Т. 1: Древний мир и Средние века / [сост. О.Л. Лысенко, Е.Н. Трикоз]. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 816 с.
12. Шпренгер Я., Крамер Г. Молот ведьм. Руководство святой инквизиции. М.: Алисторус, 2016. 505 с.

References

1. Antonyan, Yu.M. & Zvizzhova, O.Yu. (2022) Prestupnost' v istorii chelovechestva [Crime in the history of humanity]. Monograph. Moscow, Norma, INFRA-M, 208 p. (In Russ.).

2. Bastrykin, A.I. (2004) Daktiloskopiya. Znaki ruki [Fingerprinting. Hand signs]. Saint Petersburg, Oreol, 360 p. (In Russ.).

3. Vozgrin, I.A. (2003) Vvedenie v kriminalistiku. Istoriya, osnovy teorii, bibliografiya [Introduction to criminalistics. History, fundamentals of theory, bibliography]. Saint Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press, 473 p. (In Russ.).

4. Gross, G. (2002) Rukovodstvo dlya sudebnykh sledovateley kak sistema kriminalistiki [Guide for investigators as a system of criminalistics]. Reprinted from the 1908 edition. Moscow, LeksEst, 1088 p. (In Russ.).

5. Dakov, S.V. (1999) Kriminalisticheskaya taktika: genезis i perspektivy razvitiya [Criminalistic tactics: genesis and prospects of development]. Abstract of Ph. D. thesis. Saint Petersburg, 18 p. (In Russ.).

6. Dittrich, T.V. (2007) Povsednevnyaya zhizn' viktorianskoy Anglii [Everyday life in Victorian England]. Moscow, Molodaya gvardiya, 382 p. (In Russ.).

7. Zinin, A.M. & Podvolotskiy, I.N. (2022) Gabitoskopiya i portretnaya ekspertiza [Gabitoscopy and portrait examination]. Textbook. Moscow, Norma, INFRA-M, 288 p. (In Russ.).

8. Kustov, A.M. (2019) Istoriya kriminalisticheskoy praktiki i nauki (X v. — seredina XX v.) [History of forensic practice and science (10th century — mid 20th century)]. Monograph. Moscow, Yurlitinform, 237 p. (In Russ.).

9. Mukhin, G.N. & Isyutin-Fedotkov, D.V. (2012) Kriminalistika: sovremennyye problemy, istoriya i metodologiya [Criminalistics: modern problems, history and methodology]. Moscow, Yurlitinform, 314 p. (In Russ.).

10. Samishchenko, S.S. (2003) Sovremennaya daktiloskopiya: teoriya, praktika i tendentsii razvitiya [Modern fingerprinting: theory, practice and development trends]. Doctor's degree dissertation. Moscow, 369 p. (In Russ.).

11. Krashennnikova, N.A. (ed.) (2023) Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnykh stran [Anthology on the history of state and law of foreign countries]. In 2 vols. Vol. 1. Drevniy mir i Srednie veka [The Ancient World and the Middle Ages]. Moscow, Norma, INFRA-M, 816 p. (In Russ.).

12. Sprenger, J. & Kramer, H. (2016) Molot ved'm. Rukovodstvo svyatoy inkvizitsii [Hammer of Witches. Guide of the holy inquisition]. Moscow, Alistorus, 505 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.А. Смирнов — руководитель отдела криминалистики следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Липецкой области, полковник юстиции.

Information about the author

A.A. Smirnov — Head of the Criminalistics Department of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation in the Lipetsk Region, Colonel of Justice.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 168–178.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2023, no. 3, pp. 168–178.

УДК 341.45
doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.021

НИОН: 2015-0064-03/23-154
MOSURED: 77/27-009-2023-03-353

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Понятие и правовая природа международного сотрудничества в сфере признания и исполнения приговоров (решений) судов иностранных государств

Антон Анатольевич Урусов

Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации
по городу Москве, Москва, Россия, uran@sochi.com

Аннотация. В статье раскрыто понятие международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, в борьбе с преступностью. Изучена правовая природа международного сотрудничества в сфере признания и исполнения приговоров (решений) судов иностранных государств. Определены признаки международного сотрудничества в сфере признания и исполнения приговоров (решений) судов иностранных государств.

Ключевые слова: сотрудничество, международное сотрудничество, международное сотрудничество в уголовном судопроизводстве, международное сотрудничество в борьбе с преступностью, международное полицейское сотрудничество, Интерпол, экстрадиция.

Для цитирования: Урусов А.А. Понятие и правовая природа международного сотрудничества в сфере признания и исполнения приговоров (решений) судов иностранных государств // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 168–178. doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.021.

The concept and legal nature of international cooperation in the field of recognition and enforcement of sentences (decisions) of courts of foreign states

Anton A. Urusov

Main Investigation Department of the Investigative Committee
of the Russian Federation for Moscow, Moscow, Russia, uran@sochi.com

Abstract. The article reveals the concept of international cooperation in the field of criminal justice, in the fight against crime. The author explores the legal nature and identifies signs of international cooperation in the field of recognition and enforcement of sentences (decisions) of courts of foreign states.

Keywords: cooperation, international cooperation, international cooperation in criminal proceedings, international cooperation in the fight against crime, international police cooperation, Interpol, extradition.

For citation: Urusov, A.A. (2023) The concept and legal nature of international cooperation in the field of recognition and enforcement of sentences (decisions) of courts of foreign states. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 3, pp. 168–178. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2023.41.3.021.

Прежде чем перейти к рассмотрению практических аспектов, связанных с признанием и исполнением в Российской Федерации приговоров (решений) судов иностранных государств о конфискации преступных доходов, следует обратиться к такому сложному правовому явлению, как *международное сотрудни-*

чество в сфере уголовного судопроизводства [international cooperation in criminal procedure], поскольку именно оно (явление), как представляется, является системообразующим понятием по отношению к денотату в области уголовно-процессуального взаимодействия государств.

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой под словом «сотрудни-

© Урусов А.А., 2023

чать» понимается «работать, действовать вместе, принимать участие в общем деле»¹.

На юридико-доктринальном уровне многие исследователи считают, что признание и исполнение приговоров иностранных государств на своей территории входит в структуру такого всеобъемлющего компонента, как *международное сотрудничество в борьбе с преступностью* [international cooperation in the area of combating crime].

Так, А.Б. Борисов определяет его как сотрудничество по борьбе с преступными деяниями, общественная опасность которых требует объединения усилий государств в борьбе с международными преступлениями, преступлениями международного характера и с общеуголовной преступностью, осуществляемой на договорной основе, в рамках межправительственных (к примеру, Интерпол) и неправительственных (Международная ассоциация уголовного права) международных организаций².

Однако стоит, на наш взгляд, выделить некоторые упущения приведенного определения понятия международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью. Во-первых, автор указывает исключительно на договорную основу такого взаимодействия, не выделяя в качестве правовой основы также национальное законодательство (запрашиваемого и запрашивающего государства) и принцип взаимности (международной вежливости), а во-вторых, не раскрываются основные виды международного сотрудничества в борьбе с преступностью, такие как (1) взаимодействие исключительно в уголовно-процессуальной сфере; (2) международное полицейское сотрудничество; (3) криминализация и пенализация общественно опасных деяний с точки зрения международного сообщества и др.

Весьма успешным и показательным, думается, в этом плане является понятие, сформулированное профессором А.Г. Волеводзом, который подразумевает под таким сотрудничеством основанный на нормах международного и национального права процесс по защите интересов личности, общества, государства и мирового сообще-

ства от международных, транснациональных и имеющих транснациональный характер преступлений, посягающих на отечественный правопорядок, который реализуется путем (1) принятия согласованных между странами мер по установлению наказуемости в уголовном порядке определенных общественно опасных деяний (криминализация) и унификации на этой основе уголовного законодательства; (2) пресечения готовящихся или совершенных правонарушений, в том числе и путем проведения оперативно-разыскных действий; (3) оказания международной правовой помощи в раскрытии и расследовании уголовных дел и осуществлении уголовного преследования; (4) организации деятельности международных судебных органов, связанной с расследованием международных преступлений, осуществлением международного преследования и наказанием лиц, виновных в их совершении; (5) обеспечения исполнения уголовных наказаний; (6) постпенитенциарного воздействия; а также (7) оказания профессионально-технической помощи и предупреждения преступлений³.

В этой связи представляется верным мнение многих ученых, изучающих данную проблематику, которые полагают, что международное сотрудничество в борьбе с преступностью шире по объему понятия международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства⁴, поскольку последнее является неотъемлемым элементом первого⁵. Подобная позиция на доктринальном

³ Подробнее см.: Волеводз А.Г. Правовое регулирование новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. М., 2002. С. 41.

⁴ См.: Абдуллоев П.С. Международно-правовая помощь при собирании и проверке доказательств по уголовным делам (УПК Республики Таджикистан): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 21; Цепелев В.Ф. Международное сотрудничество государств в борьбе с преступностью // Международное уголовное правосудие: современные проблемы / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М., 2009. С. 446 и др.

⁵ Об этом см.: Клевцов К.К. Досудебное производство в отношении лиц, уклоняющихся от уголовной ответственности за пределами территории Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. С. 51; Фролова М.А. Правовые и гуманитарные проблемы передачи лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения в странах СНГ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 16; Мазаева Н.Н. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства Российской Федерации в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 65 и др.

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2006. С. 75. Заметим, что в английской версии сотрудничество [cooperation] означает «сотрудничество, совместные действия и содействие» (см.: Андрианов С.Н., Берсон А.С., Никифоров А.С. Англо-русский юридический словарь: ок. 50 000 терминов. М.: АБВУУ Press, 2009. С. 121).

² См.: Борисов А.Б. Большой юридический словарь. М.: Книжный мир, 2010. С. 364—365.

уровне была сформулирована еще в советский период⁶.

Не стоит также смешивать между собой два автономных вида сотрудничества в борьбе с преступностью. Это касается в первую очередь международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства (уголовной юстиции) и международного полицейского сотрудничества [police-to-police cooperation]⁷; последнее представляет собой исключительно взаимодействие между административными органами.

Применительно к Российской Федерации такой порядок сношений устанавливается через органы, указанные в Федеральном законе от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»⁸, в рамках запросов о содействии на основании межправительственных и межведомственных соглашений, участницей которых является Российская Федерация, или через каналы Национального центрального бюро Интерпола⁹. То есть дифференциация происходит по субъектам правовой основы, порядка осуществления и получения фактических данных, а также целям (к примеру, у сотрудничества в сфере оперативно-розыскной деятельности это предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие преступлений, а также розыск имущества, добытого преступным путем, а целью взаимодействия государств в сфере признания и исполнения служит реализация уже вынесенного по уголовному делу обоснованного, законного и справедливого судебного решения).

⁶ Подробнее см.: Бастрыкин А.И. Взаимодействие советского уголовно-процессуального и международного права. Ленинград, 1986; Бородин С.В., Ляхов Е.Г. Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью. (Проблемы деятельности ООН в области предупреждения преступности и обращения с правонарушителями). М., 1983; Галенская Л.Н. Международная борьба с преступностью. М., 1972; Шумилов В.П. Международная правовая помощь по уголовным делам // Советское государство и право. 1974. № 3. С. 86—91 и др.

⁷ Иногда также встречаются термины «международное сотрудничество в сфере оперативно-розыскной деятельности» или «международное сотрудничество в сфере правоохранительной деятельности». По сути, они обозначают явления одного и того же порядка.

⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

⁹ См.: Зимин В.П., Зубов И.Н. Международное сотрудничество в области борьбы с преступностью и охраны общественного порядка: учебное пособие. М., 1993; Ивашук В.К., Громова О.Н. Основы международного сотрудничества органов внутренних дел в борьбе с преступностью: курс лекций. М., 2012.

Впрочем, в последнее время на международной арене усматривается тенденция конвергенции международного сотрудничества в области уголовной юстиции и оперативно-розыскной деятельности, поскольку во многих государствах нет разделения указанных правоохранительных направлений¹⁰.

Принимая во внимание сложившийся международный опыт и законодательство иностранных государств, можно заключить, что признание и исполнение приговоров (решений) иностранных государств на своей территории относятся исключительно к международному сотрудничеству в сфере уголовного судопроизводства, вследствие чего стоит определить его правовую природу и обозначить границы такого сложного межсистемного образования.

В общем виде раскрывает понятие международного сотрудничества в уголовном процессе профессор А.В. Гриненко. По его мнению, такое взаимодействие представляет собой совместную и согласованную деятельность разных суверенов в лице их должностных лиц и компетентных органов по оказанию правовой помощи в осуществлении уголовного преследования, судебного рассмотрения и разрешения уголовных дел, а также помощи при исполнении приговора¹¹.

Изложенное выше определение рассматриваемого нами понятия приводит читателя к нескольким вопросам. Во-первых, что выступает в качестве правовой основы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства? А во-вторых, что имел в виду автор под формулировкой «оказание помощи при исполнении приговора» — в целом помощи или все-таки исключительно при признании и исполнении зарубежных приговоров (решений)? К сожалению, на этот счет стоит только предполагать, что имел в виду автор.

Похожее определение международного сотрудничества в сфере уголовного процесса дают и дру-

¹⁰ Более подробно об этом см.: Литвишко П.А. Интеграция предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельности: иностранный и международный опыт // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 3. С. 309—319; Carter D.L. Law enforcement intelligence: a guide for state, local, and tribal law enforcement agencies. [Washington, D.C.]: U.S. Department of Justice, Office of Community Oriented Policing Services, 2004. 327 p.

¹¹ Гриненко А.В. Практика международного сотрудничества Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства // Международное уголовное право и международная юстиция. 2013. № 2. С. 3.

гие авторы. К примеру, Л.А. Лазутин, О.И. Рабцевич¹² и В.А. Михайлов¹³ дополняют такую дефиницию функциональными признаками о правовом регулировании, опуская при этом виды и различные направления межгосударственного взаимодействия в уголовно-процессуальной сфере.

В науке отечественного уголовного процесса превалирует позиция, что международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства — это регулируемая нормами международного и внутригосударственного законодательства или на основе принципа взаимности совместная и согласованная деятельность двух и более государств в лице своих должностных лиц и компетентных органов, а также международных организаций, осуществляемая путем получения и оказания правовой помощи, экстрадиции (выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора), передачи уголовного судопроизводства, а также передачи осужденных для исполнения наказаний в целях достижения назначения уголовного судопроизводства¹⁴.

При этом стоит заключить, что данное определение, несмотря на его в целом содержательность, все же имеет некоторые огрехи. В первую очередь это выражается в том, что авторы говорят только об одной форме признания и исполнения приговоров (решений) иностранных государств, а именно о передаче осужденных для исполнения наказаний, упуская из виду такую разновидность сотрудничества, как передача лиц, страдающих

психическими расстройствами, в государство, гражданами которого они являются¹⁵.

В рассматриваемом ключе рациональное зерно содержится в рассуждениях А.Г. Волеводза, который понимает под международным сотрудничеством в сфере уголовного судопроизводства осуществляемую органом дознания, следователем, прокурором и судом в соответствии с требованиями законодательства, регулирующего уголовное судопроизводство, согласованную с компетентными органами и должностными лицами иностранных государств, а также международными организациями деятельность по получению и оказанию на основании запросов помощи в досудебном производстве и судебном разбирательстве, а также в принятии других мер, необходимых для правильного разрешения уголовных дел и надлежащего исполнения приговоров (решений) судов¹⁶.

Ученый выделяет конкретные виды такого сотрудничества, а именно: (1) выдачу лиц для уголовного преследования или исполнения приговора; (2) передачу уголовного преследования (судопроизводства); (3) взаимную правовую помощь по уголовным делам и (4) исполнение приговоров и иных решений иностранных и международных уголовных судов по уголовным делам. Под последним профессор понимает передачу лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданами которого они являются, а также передачу лиц, страдающих

¹² См.: Лазутин Л.А., Рабцевич О.И. Правовая помощь и правовые отношения государств по уголовным делам: вопросы теории и практики. Екатеринбург, 2010. С. 6—7.

¹³ См., например: Михайлов В.А. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства. М., 2011. С. 5.

¹⁴ См. об этом, например: Смирнов П.А. Понятие и содержание международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства как одно из направлений международной борьбы с преступностью // Международное уголовное право и международная юстиция. 2011. № 1. С. 5; Феоктистова Е.Е. Международное сотрудничество органов предварительного расследования по уголовным делам: процессуально-правовые и криминалистические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 49; Семенов Е.А. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: понятие, формы, субъекты. Орел, 2012. С. 25; Глумин М.П. Международно-правовая помощь по уголовным делам как институт уголовно-процессуального права России: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 12 и др.

¹⁵ Подобная деятельность в Российской Федерации закреплена на уровне федерального закона. См.: Федеральный закон от 23.07.2013 № 191-ФЗ «О передаче и принятии Российской Федерацией лиц, страдающих психическими расстройствами, в отношении которых имеется решение суда о применении принудительных мер медицинского характера» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 30, ч. 1. Ст. 4024. Более подробно об этой форме сотрудничества см.: Фролова М.А., Шерба С.П. Передача лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения в странах их постоянного проживания (опыт и проблемы) // Прокурорская и следственная практика. 2005. № 1-2. С. 122—130; Фролова М.А., Шерба С.П. Межгосударственный учет лиц, страдающих психическими расстройствами, переданных для проведения принудительного лечения // Прокурорская и следственная практика. 2006. № 1-2. С. 90—97 и др.

¹⁶ Волеводз А.Г. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: понятие, признаки, источники и основные формы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 4. С. 102.

психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения и др.¹⁷

Думается, что под словом «другое» А.Г. Волеводз подразумевал, в частности, и производство по разрешению вопросов, связанных с признанием и принудительным исполнением приговоров (решений) иностранных государств в части конфискации имущества, на территории запрашиваемого государства.

Характеризуя эволюцию научных взглядов по указанной проблематике, можно отметить, что до сих пор остается нерешенным вопрос о месте взаимной правовой помощи по уголовным делам в системе международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью.

Отсутствие единого подхода на этот счет, полагаем, связано с тем, что в международных договорах, в том числе двусторонних, дается слишком расплывчатое определение взаимной правовой помощи по уголовным делам.

К примеру, в п. 2 ст. 1 Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 17.06.1999¹⁸ она определяется как любая помощь, оказываемая сторонами в связи с предупреждением, пресечением, расследованием преступлений и уголовным преследованием, а также с производством, имеющим отношение к таким уголовным делам.

Поэтому, как нам видится, и сложился научный плюрализм мнений относительно места взаимной правовой помощи в системе международного сотрудничества и неотъемлемых его компонентов.

Многие ученые в понятие правовой помощи по уголовным делам включают все виды традиционного международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, тем самым понимая ее (взаимную правовую помощь) в широком смысле¹⁹.

¹⁷ Волеводз А.Г. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: понятие, признаки, источники и основные формы. С. 103.

¹⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 47. Ст. 4635.

¹⁹ Карасева Е.В. Процессуальные аспекты международного сотрудничества органов предварительного следствия при МВД РФ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 149; Натура А.И., Пихов А.Х.-А. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: организационно-правовые основы, процессуальный порядок и формы взаимодействия. М., 2007. С. 17–18; Тамаев Р.С. Международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью (политические проблемы законодательного регулирования правовой помощи): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 38; Лазутин Л.А. Между-

Другие, наоборот, выделяют оказание взаимной правовой помощи как самостоятельный элемент международного сотрудничества в уголовно-процессуальной сфере, наряду с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, передачей судопроизводства по уголовным делам, а также признанием и исполнением приговоров (решений) иностранных государств²⁰.

Подобный плюрализм мнений вызван отсутствием единого правового регулирования вопросов международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

К примеру, сторонники широкого понимания взаимной правовой помощи по уголовным делам прибегают к Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 и ряду двусторонних соглашений, заключенных Российской Федерацией с иностранными государствами²¹, о взаимной правовой помощи по уголовным делам. По их мнению, указанные международно-правовые акты, исходя из их наиме-

народное сотрудничество и правовая помощь // Законность. 2008. № 3. С. 34–37; Бирюков П.Н. Международное уголовно-процессуальное право и правовая система Российской Федерации: теоретические проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2001. С. 19; Волженкина В.М. Оказание правовой помощи по уголовным делам в сфере международного сотрудничества. СПб, 1999. С. 34–35; Рэутт Б.В. Основные вопросы договоров о правовой помощи, заключенных между социалистическими государствами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1963. С. 10; Шумилов В.П. Международная правовая помощь по уголовным делам // Советское государство и право. 1974. № 3. С. 86 и др.

²⁰ Подробнее см.: Милинчук В.В. Взаимная правовая помощь по уголовным делам. Действующая практика и перспективы развития. М., 2001. С. 214–216; Шинкевич Д.В. Особенности доказывания по уголовным делам при оказании правовой помощи иностранными государствами: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 52; Абдрашитова Р.З. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: проблемы становления и дальнейшего развития // Право и политика. 2006. № 2. С. 103; Клевцов К.К. Досудебное производство в отношении лиц, уклоняющихся от уголовной ответственности за пределами территории Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. С. 57–58; Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России: лекции-очерки / под общ. ред. В.М. Савицкого. М., 1997. С. 271 и др.

²¹ См.: Договор между Российской Федерацией и Турцией о взаимном оказании правовой помощи по гражданским, торговым и уголовным делам от 15.12.1997 // СПС «КонсультантПлюс».

нования и предмета регулирования, определяют вопросы именно международной правовой помощи по уголовным делам, включая в ее объем, помимо традиционной помощи в производстве следственных и иных процессуальных действий, и вопросы выдачи (экстрадиции), и передачу уголовного преследования (судопроизводства), а также признание и исполнение приговоров (решений) иностранных суверенов.

Приверженцы узкого подхода к пониманию взаимной правовой помощи по уголовным делам приводят в качестве аргументов Европейскую конвенцию о выдаче от 13.12.1957, Европейскую конвенцию о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20.04.1959, Европейскую конвенцию о передаче судопроизводства по уголовным делам от 15.05.1972 и Конвенцию о передаче осужденных лиц от 21.03.1983, демонстрируя, что указанные правовые документы регламентируют в отдельности каждый вид международного сотрудничества в сфере уголовной юстиции.

Применительно к данной проблеме автор придерживается именно такой точки зрения, а именно узкого подхода к определению понятия взаимной правовой помощи по уголовным делам, соответственно, выделяя признание и исполнение приговоров (решений) иностранных государств в качестве самостоятельного (отдельного) элемента международного сотрудничества в сфере уголовного процесса, а не как неотъемлемый компонент международной правовой помощи.

В первую очередь такой вывод вытекает не только из межгосударственной предметной регуляции, но также из регламентирования на национальном уровне данных вопросов.

Итак, если обратиться к части пятой Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации — «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства», то можно обратить внимание, что законодатель умышленно, как представляется, основываясь на международных документах Совета Европы, выделил каждый вид сотрудничества в уголовно-процессуальной сфере.

Об этом наглядно свидетельствует классификация глав: (1) глава 53 «Основные положения о порядке взаимодействия судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международ-

ными организациями»²²; (2) глава 54 «Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора»; (3) глава 55 «Передача лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является»²³; (4) глава 55.1 «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с признанием и принудительным исполнением приговора, постановления суда иностранного государства в части конфискации находящихся на территории Российской Федерации доходов, полученных преступным путем».

При этом отечественный законодатель не дает легальную дефиницию международного сотрудничества в сфере признания и исполнения приговоров (решений) судов иностранных государств, что негативным образом отражается на практике и теории уголовного процесса²⁴.

В связи с этим *международное сотрудничество в сфере признания и исполнения приговоров (решений) судов иностранных государств является са-*

²² Несмотря на то, что законодатель обозначил данную главу несколько иначе, нежели в международных договорах, он все же имел в виду, исходя из ее содержания, регулирование вопросов исключительно взаимной правовой помощи по уголовным делам. По сути, данный структурный элемент уголовно-процессуального закона представляет собой гибрид, который содержит в себе регуляцию как взаимной правовой помощи по уголовным делам, так и передачи судопроизводства по уголовным делам. Думается, такой подход вызван некоторыми огрехами в юридической технике.

²³ В науке под таким направлением разумеется направление осужденного в государство (подданство) своего гражданства с целью дальнейшего исполнения приговора суда и создания более благоприятной социальной среды (сохранение социально полезных связей, возможность реализации права на родной язык, общение с родственниками). См.: Вандышев В.В. Уголовный процесс. Общая и Особенная часть: учебник для юридических вузов и факультетов. М., 2010. С. 264; Бойцов А.И. Выдача преступников. СПб, 2004. С. 385; Колибаб К.Е. Институт передачи осужденных для отбывания наказания в другие государства // Журнал российского права. 1999. № 5/6. С. 90.

²⁴ В авторском социологическом исследовании, в ходе которого были проинтервьюированы 28 следователей различных подразделений Следственного комитета Российской Федерации, 18 прокурорских работников различного уровня, а также 15 судей «субъектового» звена, были получены следующие результаты: 48 респондентов указали на необходимость закрепления легальной дефиниции указанного понятия в отечественном уголовно-процессуальном праве, а 13 респондентов отметили нецелесообразность такого закрепления.

мостоятельным видом сотрудничества в уголовно-процессуальной сфере и стоит особняком в системе международной борьбы с преступностью наравне с оказанием взаимной правовой помощи по уголовным делам.

Не следует смешивать также международное сотрудничество в сфере признания и исполнения приговора со схожим на первый взгляд явлением — взаимодействием государств в сфере розыска, ареста и возврата преступных активов, поскольку по общему правилу оно относится именно к объему правовой помощи по уголовным делам²⁵.

Под последним в доктрине разумеется акт международного сотрудничества в сфере уголовного процесса, осуществляемый в соответствии с национальным правом и международными соглашениями, состоящий в принятии на основании поручений уполномоченных государственных органов иностранных государств приемов по обнаружению (розыску) и обеспечению сохранности подлежащих конфискации денег, ценностей и имущества, полученных преступным путем и (или) принадлежащих подозреваемому (обвиняемому), доходов от преступной деятельности; их передаче другому государству для использования в уголовном процессе в качестве доказательств с последующей конфискацией в целях возмещения ущерба лицам, потерпевшим от преступлений (реституции); осуществлению конфискации на основании приговора иностранного суда или иного судебного решения²⁶.

Аналогичные выводы относятся и к понятию международного сотрудничества в сфере противодействия перемещению преступных активов в иностранные государства и их возврата в Российскую Федерацию, под которым понимается регулируемая нормами и принципами международного и национального права деятельность Российской Федерации в лице ее компетентных органов и должностных лиц по предупреждению инструментами финансового контроля перемещения за рубеж публичных и частных активов,

полученных в результате преступной деятельности, а также по вопросам их розыска, ареста, конфискации и непосредственного возврата в страну в порядке уголовного судопроизводства в целях защиты от преступных посягательств личности, общества, государства и восстановления их нарушенных прав²⁷.

Несмотря на их органическую взаимосвязь, у признания и исполнения приговоров (решений) судов иностранных государств — иная правовая основа (международные договоры и нормы национального права, к примеру в ходе розыска и ареста имущества применяется глава 53 УПК РФ и ст. 160.1 УПК РФ, а при признании и исполнении приговоров — глава 55.1 УПК РФ), а также цели: для розыска и ареста используется механизм взаимной правовой помощи, имеющий целью использование доказательств по уголовному делу или создание условий для правильного рассмотрения и разрешения уголовного дела, а для признания и исполнения приговоров (решений) — претворение в действие уже рассмотренного уголовного дела и решение ряда организационных вопросов (при передаче осужденных в государства, гражданами которого они являются, — улучшение социальных связей для осужденного, при конфискации имущества — подтверждение иностранного судебного решения и определение конечной суммы конфискации и др.).

В то же время два вида международного сотрудничества имеют органическую связь между собой, поскольку арест и розыск входят в объем правовой помощи, а уже сама конфискации и возврат активов могут рассматриваться как элемент самостоятельного сотрудничества в сфере признания и исполнения приговора. По общему правилу, направление запросов в рамках правовой помощи в целях ареста имущества, добытого преступным путем, осуществляется для задействования в дальнейшем механизма конфискации, соответственно, многие организационно-правовые аспекты уже должны учитываться на момент направления запросов об оказании взаимной правовой помощи.

В рассматриваемом ключе важным является вопрос о соотношении признания и исполнения приговоров (решений) иностранных государств как в рамках уголовного судопроизводства, так и

²⁵ См.: Волеводз А.Г. Правовые основы новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 122—123; Моторин В.В. Международное сотрудничество следователей в сфере оказания правовой помощи по уголовным делам: учебное пособие. Домодедово, 2007. С. 37.

²⁶ Волеводз А.Г. Международный розыск, арест и конфискации полученных преступным путем денежных средств и имущества (правовые основы и методика). М., 2000. С. 14.

²⁷ См.: Кунев Д.А. Противодействие перемещению преступных активов за рубеж и их возврат в Российскую Федерацию: уголовно-процессуальные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 60.

вовне (к примеру, в рамках гражданского процессуального законодательства), поскольку в следственно-судебной практике используются такие способы конфискации имущества, добытого преступным путем и находящегося за рубежом. В основном выбор способа конфискации зависит от законодательства и практики конкретного государства, с территории которого следует конфисковать имущество.

Так, выделяются следующие правовые способы возврата активов:

(1) уголовное преследование и конфискация на территории государства, после чего следует запрос об оказании взаимной правовой помощи с целью исполнения постановления в иностранном государстве;

(2) конфискация вне уголовного судопроизводства, за которой следует запрос об оказании взаимной правовой помощи или другие формы международной помощи с целью исполнения постановления в иностранном государстве;

(3) гражданские иски, включая официальную процедуру банкротства;

(4) уголовное преследование и конфискация или конфискация вне уголовного судопроизводства, осуществляемые по инициативе иностранного государства (требуется, чтобы преступление подпадало под юрисдикцию этой страны; также необходимо сотрудничество со стороны юрисдикции, пострадавшей от преступлений, связанных с коррупцией);

(5) административная конфискация²⁸.

Соответственно, можно заметить, что в международной практике большинства государств сложилось четкое разделение сотрудничества в сфере признания и исполнения приговоров (решений) иностранных государств в уголовно-процессуальной плоскости и аналогичной деятельности, реализуемой в гражданском судопроизводстве²⁹ или ином процессе (к примеру, в административном).

Очевидно, данные виды взаимодействия государств отличаются друг от друга, поскольку усматривается разная правовая регуляция (в одном случае уголовно-процессуальное законодательство и международные договоры, в другом —

гражданское и международное, следовательно, различен предмет и метод регулирования на внутригосударственном уровне), основания, условия и порядок реализации.

Стоит также выделить функциональные признаки международного сотрудничества в сфере признания и исполнения приговоров (решений) судов иностранных государств с тем, чтобы предпринять попытку определить правовую природу³⁰ данного сложного и многоструктурного правового явления.

(1) Международное сотрудничество в сфере признания и исполнения приговоров (решений) иностранных государств, являясь самостоятельным видом международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, вследствие этого относится, в силу своей природы, если брать национальный уровень правового регулирования, к институту уголовно-процессуального права, а следовательно, рассматривается в виде совокупности норм и принципов, определяющих порядок признания и исполнения приговоров (решений) суда запрашивающего государства запрашиваемым³¹.

(2) *Межсистемный характер правового регулирования* международного сотрудничества в сфере признания и исполнения приговоров (решений) иностранных государств. Как правило, это диктуется тем, что данная деятельность регламентируется как национальным (запрашиваемого и запрашивающего государства), так и международным правом (принципами, договорами и соглашениями), то есть различными правовыми системами и отраслями права.

(3) *Субъектами* международного сотрудничества в сфере признания и исполнения приговоров (решений) иностранных государств выступают государства в лице их правоохранительных органов и должностных лиц.

³⁰ На академическом уровне определение природы того или иного правового явления заключается в нахождении его места в системе права с вычленением специфических существенных признаков. (См.: Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 227.)

³¹ В теории уголовного процесса нет однозначной позиции по данному вопросу. Некоторые ученые относят передачу осужденных лиц в иностранные государства для отбывания наказания к институту экстрадиции, а не к отдельному сложному структурному образованию признания и исполнения приговоров (решений) иностранных государств как самостоятельному направлению. (См.: Решетнева Т.В. Экстрадиция полипатридов в российском уголовном судопроизводстве: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2009. С. 113.)

²⁸ Подробнее см.: Руководство по возврату активов для специалистов-практиков: пер. с англ. / Ж.-П. Брюн, Л. Грей, К. Стивенсон, К. Скотт. М., 2012. С. 24—25.

²⁹ См.: Хабриева Т.Я. Международное сотрудничество в области признания и исполнения иностранных судебных решений // Журнал российского права. 2006. № 8 (116). С. 4—6.

К примеру, Генеральная прокуратура Российской Федерации выступает компетентным органом от России в соответствии с Конвенцией о передаче лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения от 28.03.1997³². По другим направлениям международного сотрудничества в сфере признания и исполнения приговоров (решений) судов иностранных государств субъектом выступает судебная власть (главы 55 и 55.1 УПК РФ).

Отсюда вытекает важное обстоятельство: субъектами такого сотрудничества в традиционном понимании не могут выступать все участники уголовного процесса (к примеру, защитники).

(4) Международное сотрудничество в сфере признания и исполнения приговоров (решений) иностранных государств характеризуется *полной передачей запрашивающей стороной компетенции по собственному уголовному делу запрашиваемой стороне*.

(5) Такой вид международного сотрудничества имеет несколько направлений, взаимосвязанных между собой, но все же имеющих разные цели. Из них следует выделить следующие: (а) передача лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является; (б) передача лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения; (в) производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с признанием и принудительным исполнением приговора, постановления суда иностранного государства в части конфискации доходов, полученных преступным путем.

(6) Международное сотрудничество в сфере признания и исполнения приговоров (решений) иностранных государств базируется на *сложной*

³² В науке некоторые авторы не разделяют позицию законодателя относительно наделения Генеральной прокуратуры Российской Федерации полномочиями компетентного органа в сфере передачи лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения. Так, А.Г. Вениаминов пишет, что «своим решением Генеральный прокурор фактически узаконивает применение на территории РФ решения суда иностранного государства о принудительном лечении. По сути, здесь решаются вопросы исполнения приговора (постановления суда о применении к лицу принудительных мер медицинского характера), которые относятся к ведению суда». (См.: Вениаминов А.Г. Институт экстрадиции как форма международно-правового сотрудничества Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 24.)

системе принципов, а именно: (а) общеправовых (гуманизм, законность, справедливость); (б) основных (конституционные руководящие идеи); (в) отраслевых и межотраслевых (уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права); (д) специальных принципов, присущих исключительно данному институту права (взаимность, соразмерность и др.)³³.

Подводя итог проведенного исследования понятия и правовой природы взаимодействия государств в сфере признания и исполнения приговоров (решений) иностранных государств, можно прийти к ряду **выводов**.

1. Международное сотрудничество в сфере признания и исполнения приговоров (решений) иностранных государств, принятых в рамках уголовного судопроизводства, представляет собой самостоятельный вид взаимодействия государств в уголовно-процессуальной сфере, основанный на нормах международного права, национального законодательства (запрашиваемого и запрашивающего государства), а также принципе взаимности и заключающийся в совместной деятельности нескольких государств в форме передачи осужденных к лишению свободы лиц для отбывания наказания или лиц, страдающих психическими расстройствами, в государства, гражданами которого они являются, а также производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с признанием и принудительным исполнением приговоров, постановлений суда иностранного государства в части конфискации доходов, полученных преступным путем, и имеющих цель реализовать назначение уголовного судопроизводства.

2. Данный вид международного взаимодействия следует ограничивать от взаимной правовой помощи, являющейся самостоятельным видом межгосударственного сотрудничества в сфере уголовной юстиции, независимо от объема ее оказания (розыск имущества, направление запросов о наложении ареста на имущество, находящееся за рубежом, и его последующей конфискации). Подобное положение дел вытекает из различий в правовой регламентации, из различных целей, субъектов, оснований, условий и по-

³³ Подробнее о системе принципов международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства см.: Шепелева Ю.Л., Клевцов К.К. Взаимодействие органов предварительного расследования Российской Федерации с компетентными органами иностранных государств и международными организациями: учебно-методическое пособие. М., 2017. С. 41.

рядка реализации двух самостоятельных механизмов. Те же самые доводы относятся и к одному автономному институту признания и исполнения приговоров (решений) иностранных государств в рамках гражданского или иного вида производства.

3. Признаками международного сотрудничества в сфере признания и исполнения приговоров (решений) судов иностранных государств являются: институциональность (обособленность по отношению к другим видам сотрудничества); межсистемный характер правового регулирования; определенный круг субъектов; полная передача компетенции по уголовному делу; конкретность направлений деятельности, в рамках которой реализуется признание и исполнение приговоров (решений) иностранных государств; самостоятельная система принципов (общеправовые, основные, отраслевые, межотраслевые и специальные).

Список литературы

1. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1989. 287 с.
2. Бастрыкин А.И. Взаимодействие советского уголовного-процессуального и международного права. Ленинград: ЛГУ, 1986. 135 с.
3. Бородин С.В., Ляхов Е.Г. Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью. (Проблемы деятельности ООН в области предупреждения преступности и обращения с правонарушителями). М.: Международные отношения, 1983. 200 с.
4. Волеводз А.Г. Международный розыск, арест и конфискация полученных преступным путем денежных средств и имущества (правовые основы и методика) / науч. ред. А.Б. Соловьев. М.: Юрлитинформ, 2000. 475 с.
5. Волеводз А.Г. Правовое регулирование новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. М.: Юрлитинформ, 2002. 519 с.
6. Галенская Л.Н. Международная борьба с преступностью. М.: Международные отношения, 1972. 167 с.
7. Зимин В.П., Зубов И.Н. Международное сотрудничество в области борьбы с преступностью и охраны общественного порядка: учебное пособие. М.: НИИ МВД России, 1993. 158 с.
8. Иващук В.К., Громова О.Н. Основы международного сотрудничества органов внутренних дел в борьбе с преступностью: курс лекций / под

ред. В.М. Аتماжитова. М.: Академия управления МВД России, 2012. 248 с.

9. Милинчук В.В. Взаимная правовая помощь по уголовным делам. Действующая практика и перспективы развития. М.: Юрлитинформ, 2001. 347 с.
10. Моторин В.В. Международное сотрудничество следователей в сфере оказания правовой помощи по уголовным делам: учебное пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2007. 115 с.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. 938 с.
12. Руководство по возврату активов для специалистов-практиков: пер. с англ. / Ж.-П. Брюн, Л. Грей, К. Стивенсон, К. Скотт. М.: Альпина Паблишер, 2012. 356 с.
13. Семенов Е.А. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: понятие, формы, субъекты. Орел: ОрЮИ МВД России, 2012. 69 с.
14. Шепелева Ю.Л., Клевцов К.К. Взаимодействие органов предварительного расследования Российской Федерации с компетентными органами иностранных государств и международными организациями: учебно-методическое пособие / под науч. ред. В.С. Балакшина. М.: Юрлитинформ, 2017. 182 с.

References

1. Alekseev, S.S. (1989) Obshhie dozvoleniya i obshhie zaprety v sovetskom prave [General permissions and general prohibitions in Soviet law]. Moscow, Juridicheskaja literatura, 287 p. (In Russ.).
2. Bastyrykin, A.I. (1986) Vzaimodejstvie sovetskogo ugovolno-processual'nogo i mezhdunarodnogo prava [Interaction of Soviet criminal procedure and international law]. Leningrad, Leningrad State University, 135 p. (In Russ.).
3. Borodin, S.V. & Ljahov, E.G. (1983) Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v bor'be s ugovolnoj prestupnost'ju. (Problemy dejatel'nosti OON v oblasti preduprezhdenija prestupnosti i obrashhenija s pravonarushiteljami) [International cooperation in the fight against criminal crime. (Problems of UN activities in the field of crime prevention and treatment of offenders)]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 200 p. (In Russ.).
4. Volevodz, A.G. (2000) Mezhdunarodnyj rozysk, arest i konfiskacija poluchennyh prestupnym putem denezhnyh sredstv i imushhestva (pravovye osnovy i metodika) [International search, seizure and

confiscation of criminally obtained funds and property (legal basis and methodology)]. Moscow, Jurlitinform, 475 p. (In Russ.).

5. Volevodz, A.G. (2002) Pravovoe regulirovanie novyh napravlenij mezhdunarodnogo sotrudnichestva v sfere ugovolnogo processa [Legal regulation of new directions of international cooperation in the field of criminal procedure]. Moscow, Jurlitinform, 519 p. (In Russ.).

6. Galenskaja, L.N. (1972) Mezhdunarodnaja bor'ba s prestupnost'ju [International fight against crime]. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija, 167 p. (In Russ.).

7. Zimin, V.P. & Zubov, I.N. (1993) Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v oblasti bor'by s prestupnost'ju i ohrany obshhestvennogo porjadka [International cooperation in the field of combating crime and protecting public order]. Textbook. Moscow, Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 158 p. (In Russ.).

8. Ivashhuk, V.K. & Gromova, O.N. (2012) Osnovy mezhdunarodnogo sotrudnichestva organov vnutrennih del v bor'be s prestupnost'ju [Fundamentals of international cooperation of internal affairs bodies in the fight against crime]. Course of lectures. Moscow, Academy of Management of the MIA of Russia, 248 p. (In Russ.).

9. Milinchuk, V.V. (2001) Vzaimnaja pravovaja pomoshh' po ugovolnym delam. Dejstvujushhaja praktika i perspektivy razvitija [Mutual legal assistance in criminal cases. Current practice and development prospects]. Moscow, Jurlitinform, 347 p. (In Russ.).

10. Motorin, V.V. (2007) Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo sledovatelej v sfere okazanija pravovoj pomoshhi po ugovolnym delam [International cooperation of investigators in the field of legal assistance in criminal cases]. Textbook. Domodedovo, All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 115 p. (In Russ.).

11. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Ju. (2006) Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Fourth edition. Moscow, A TEMP, 938 p. (In Russ.).

12. Brun, J.-P., Gray, L., Stephenson, K. & Skott, C. (2012) Rukovodstvo po vozvratu aktivov dlja specialistov-praktikov [Asset recovery handbook: a guide for practitioners]. Moscow, Alpina Publisher, 356 p. (In Russ.).

13. Semenov, E.A. (2012) Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v sfere ugovolnogo sudoproizvodstva: ponjatie, formy, sub'ekty [International cooperation in the field of criminal proceedings: concept, forms, and subjects]. Orel, Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 69 p. (In Russ.).

14. Shepeleva, Ju.L. & Klevcov, K.K. (2017) Vzaimodejstvie organov predvaritel'nogo rassledovanija Rossijskoj Federacii s kompetentnymi organami inostrannyh gosudarstv i mezhdunarodnymi organizacijami [Interaction of the preliminary investigation bodies of the Russian Federation with the competent authorities of foreign states and international organizations]. Moscow, Jurlitinform, 182 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.А. Урусов — заместитель руководителя Хорошевского межрайонного следственного отдела следственного управления по Северо-Западному административному округу Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве, майор юстиции.

Information about the author

A.A. Urusov – Deputy Head of the Khoroshevsky Interdistrict Investigation Department of the Investigation Department for the North-Western Administrative District of the Main Investigation Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for Moscow, Major of Justice.